

АНГЛИЧАНЕ ЕДУТ ПО РОССИИ

Путевые записки
британских путешественников
XIX века

Annotation

В этой книге впервые на русском языке публикуются путевые записки трех английских путешественников XIX в.

Выдающийся математик и физик Уильям Споттисвуд (1825–1883) в 1856 г. приобрел в Казани диковинное для англичанина транспортное средство – тарантас и проехал на нем по Европейской России от Москвы до Астрахани, побывал в городах и селах, заглянул в буддийский монастырь. Несмотря на то что незадолго до этого закончилась Крымская война, в которой родина путешественника противостояла нашей стране, англичанина принимали с исключительным радушием и во всем ему помогали.

Известный эколог Джон Кромби Браун (1808–1895) несколько лет провел в России. Однажды друзья пригласили его отправиться на Урал для изучения местных лесов и горных заводов, но он предпочел совершить туда так называемое «воображаемое путешествие» и написал об этом увлекательную книгу.

Инженер и металлург Джеймс Картмелл Ридли (1844–1914) вместе с участниками Международного геологического конгресса летом 1897 г. посетил Уфимскую и Пермскую губернии и потом опубликовал записки, в которых увлекательно описал быт и нравы местного населения.

Книга предназначена для историков, этнографов, географов и краеведов.

-
- [Англичане едут по России. Путевые записки британских путешественников XIX века](#)
    -
    - [Подлинные и вымышленные приключения джентльменов в российской глубинке](#)
    - [Уильям Споттисвуд](#)
      - [Предисловие](#)
      - [Глава I](#)
      - [Глава II](#)
      - [Глава III](#)

- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Джон Браун](#)
  - [Часть I](#)
    - [Путешествие из Санкт-Петербурга в Восточную Россию](#)
    - [Как подготовиться к поездке в Восточную Россию](#)
  - [Часть II](#)
    - [Край и его население](#)
    - [Уральские горы](#)
    - [Металлургия](#)
    - [Леса](#)
    - [О кризисе горных заводов](#)
    - [Злоупотребления при лесозаготовках](#)
    - [Последний эпизод из жизни этих мест](#)
    - [Рабочие горных заводов](#)
- [Джеймс Ридли](#)
  - [В дороге](#)
  - [Москва](#)
  - [Село Батраки](#)
  - [Самара](#)
  - [Уфа, станция Аша и Миньярский завод](#)
  - [Симский завод и станция Усть-Катав](#)
  - [Станция Вязовая, Саткинский завод и станция Сулея](#)
  - [Златоуст](#)
  - [Миасский завод](#)
  - [Челябинск](#)
  - [Екатеринбург](#)
  - [Нижне-Тагильский завод](#)
  - [Нижне-Баранчинский завод и станция Кушва](#)
  - [Пермь](#)

- [Казань](#)
- [Нижний Новгород](#)
- [Санкт-Петербург](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)

- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)

- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)

- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)

- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)

- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)

- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)

- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)

- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)

- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)

- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)

- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)

- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)

- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)

- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)

- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)

- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)

- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)

- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)

- [811](#)
  - [812](#)
  - [813](#)
  - [814](#)
  - [815](#)
  - [816](#)
  - [817](#)
  - [818](#)
  - [819](#)
  - [820](#)
  - [821](#)
  - [822](#)
  - [823](#)
  - [824](#)
  - [825](#)
  - [826](#)
  - [827](#)
  - [828](#)
  - [829](#)
  - [830](#)
  - [831](#)
  - [832](#)
  - [833](#)
  - [834](#)
  - [835](#)
  - [836](#)
  - [837](#)
  - [838](#)
  - [839](#)
  - [840](#)
  - [841](#)
  - [842](#)
  - [843](#)
  - [844](#)
  - [845](#)
  - [846](#)
-

**Англичане едут по России. Путевые
записки британских путешественников
XIX века**

**Ответственный редактор академик РАН
В. А. Тишков**

Подлинные и вымышленные приключения джентльменов в русской глубинке

Девятнадцатый век – время зарождения массовых мобильностей^[1], которые стали практически всеобщими в наши дни и постоянно усложняются. В отличие от древних миграций, современные перемещения охватывали не отдельные популяции, а все человечество. Включенные в эту книгу сочинения трех британских тревелогографов^[2] – лишь небольшая часть обширного массива работ, созданных иностранцами, совершавшими поездки по России. В XIX в. темы английских тревелогов охватили весь мир, поскольку в это время географические открытия и колониальная активность приобрели небывалый размах^[3].

В публикуемых работах, представляющих собой рассказы о научно-познавательных и одновременно живописных путешествиях-обозрениях^[4] по Уралу, Россия выступает в качестве Другого, которое и для нас, читателей XXI в. – в большинстве своем представителей европейской культуры, тоже является

Другим. При этом мы смотрим на него не сами, а глазами иностранцев, которые по отношению к нам тоже являются Другими, т. е. объект рассмотрения – в данном случае локальные уральские культуры – является как бы Другим Других.

У всех авторов, чьи работы включены в настоящую книгу, присутствует полный набор сюжетов, характерных для литературы путешествий: аварии, стихийные бедствия, болезни, общение с попутчиками^[5]. Вместе с тем всякое путешествие, особенно далеко от родины, – это поездка в иной мир, напоминающий или нет свой, поэтому каждое из публикуемых сочинений обладает собственным способом визуального восприятия и осмысления России – ведь «путешествие – не специальность и не имеет строгих правил»^[6]. Ну а поездки в Россию в XIX в. для западноевропейцев вообще были настоящим приключением по причине малой популярности этого маршрута^[7]. Редкие вояжи иностранцев на восток от русских

столиц обычно заканчивались в Нижнем Новгороде, а тех, которые добирались до Урала и даже заглядывали дальше, вообще можно пересчитать по пальцам. Однако последующее развитие транспортных магистралей сделало эти маршруты для них возможными^[8]. Именно записки трех таких смельчаков и составили настоящую книгу. Но кто были эти люди?

Один из самых выдающихся математиков и физиков своего времени, Уильям Споттисвуд являлся увлеченным путешественником и посетил ряд стран, которые тогда мало интересовали вояжеров: в частности, в 1856 г. он побывал в так называемой «Восточной России»^[9], и в 1857 г. опубликовал об этом увлекательный рассказ^[10], который сейчас впервые выходит на русском языке. Ученый родился 11 января 1825 г. в Лондоне и получил математическое образование. В 1870–1872 гг. он являлся президентом Лондонского математического, а в 1878–1883 гг. – Королевского обществ, был избран почетным доктором Кембриджского, Дублинского, Эдинбургского и Оксфордского университетов. Споттисвуд опубликовал свыше ста статей, несколько книг. Он скончался 27 июня 1883 г. от брюшного тифа в своем родном городе и был похоронен в Вестминстерском аббатстве. Его смерть стала большой утратой для Великобритании.

В начале 80 – х гг. позапрошлого века воображаемую «поездку» на Урал совершил шотландский эколог и лесовод Джон Кромби Браун (1808–1895)^[11]. Россия была ему хорошо знакома – в 1833–1837 гг. он служил пастором Британо-американской конгрегационалистской церкви^[12] в Санкт-Петербурге. Позднее Браун занимался миссионерской деятельностью в Южной Африке, одновременно читал лекции по естествознанию, вернувшись в Шотландию, служил в церкви и вел научную работу. Он внес большой вклад в науку о лесе, издал ряд книг по этой теме – в частности, о лесах Финляндии и Карелии.

Позднее маршрут Брауна отчасти повторил, уже в реальности, шотландский металлург Джеймс Картмелл Ридли. Он родился 25 марта (по др. данным 31 января^[13]) 1844 г. в г. Ньюкасл-апон-Тайн на северо-восточном побережье Великобритании. Получив специальность инженера по обслуживанию паровозов, Ридли одно время работал техником на пароходе, позднее возглавлял ряд металлургических предприятий, а в 1871 г. запатентовал новую технологию производства чугуна и стали^[14]. Скончался Ридли 27 декабря 1914 г. в своем родном

городе в доме № 1 (он существует до сих пор) по ул. Бентинк-стрит. Предыстория его поездки по России такова. С 17 (29 н. ст.) по 24 августа (5 сентября) 1897 г. в Санкт-Петербурге проходила VII сессия Международного геологического конгресса, в работе которой приняли участие более семисот человек из двадцати семи стран^[15]. За месяц до этого российское правительство организовало для гостей несколько «геологических экскурсий» по стране. Ридли принял участие в Уральской^[16] и затем выпустил об этом небольшую книжечку^[17]. Его безыскусные путевые записки в жанре железнодорожного травелога^[18] – это интересный взгляд на Россию западного технократа.

К концу XIX в. Россия, во всяком случае те ее места, которые посетили три британца, уже была довольно неплохо объезжена, изучена и описана отечественными авторами. Говорить о том, что эти иностранцы открыли что-то новое, конечно же, нельзя, хотя, например, в сочинении Брауна присутствует немало занимательных историй и иных сведений, которые не представлены в литературе. Споттисвуд проплыл и проехал по довольно удаленным от Западной Европы землям, а Ридли знакомился с Россией в основном из окна железнодорожного вагона (примерно так же, только с палубы фрегата, знакомился с Японией И. А. Гончаров), но и до, и после них здесь побывали десятки исследователей. Особенно проигрывал в этом отношении Ридли – он ехал на поезде, который обычно перевозит своих пассажиров по местам, которые уже изучены^[19]. Однако ограниченность и специфичность знаний большинства европейцев о России, отразившаяся на страницах их травелогов, позволяет увидеть, каким представлял Запад социальное пространство нашей страны^[20].

Один современный историк охарактеризовал путешествие как экзистенциальный излом, ведь «переступив порог, человек выпадает из своей привычной колеи, оказывается один на один с огромным неведомым миром»^[21]. Действительно, на путешествии и рассказе о нем способ передвижения отражается не меньше, чем мотивация самой поездки, он влияет на темп и даже маршрут вояжа, тем самым сказываясь на восприятии путниками ландшафта и самих себя по отношению к нему^[22]. Все публикуемые здесь авторы обладали возможностями достаточно объективно описать страну, поскольку перемещались (Браун делал это мысленно) исключительно по густонаселенным районам: и пароходы, и поезда были тогда тем

местом, где (и это отмечают все путешественники) вступали в близкий (во всяком случае, в пространственном отношении) контакт представители различных групп населения^[23], поэтому такие поездки, – особенно, если путешественник обладал хорошей наблюдательностью, – могли дать хоть и поверхностное, но в общих чертах верное представление о стране^[24].

Авторы публикуемых в этой книге сочинений преодолевали российские просторы разными способами: Споттисвуд и Ридли – на поездах, пароходах, лодках, в конных экипажах и пешком, Браун – мысленно. Соответственно и подходы к описанию пространства были у них различными^[25]. Вернувшись к себе домой, эти авторы поделились приобретенными ими знаниями о «культуре дороги»^[26] в России и оставили для будущих любителей поглазеть на нашу страну краткие наставления^[27] о том, как организовать пространство, обнулив его аритмию^[28]. Споттисвуд, невольно следуя указаниям своего предшественника Д. Александера («Англичане, путешествующие по Европе, должны остерегаться, выказывая свои чувства по поводу тех общественных устоев, с которыми им приходится встречаться»^[29]), заранее предупреждает таких смельчаков: «Путешественник должен быть терпеливым и снисходительным – отчасти потому, чтобы случайно не оскорбить нравы и обычаи местного населения». Наученный горьким опытом, теперь он сам поучает: «Если, ямщик предложит дорогу лучше, нужно соглашаться. Бывалые путешественники знают, что в данном случае раздумывать не стоит». «Не берите с собой ящики: от ударов об их края и углы у вас образуются синяки на спине и ногах. Лучше возьмите плоские саквояжи и мягкие сумки, положите их на дно тарантаса на слой сена, поверх бросьте тонкий тюфяк и коврик, который кладут перед камином... В заднюю часть экипажа положите две или более пуховые подушки, только закажите их заранее», – цитирует одного из своих предшественников Браун, тем самым объясняя, как нужно создавать мобильную систему, объединяющую человека и вещи^[30]. Для знакомства с Москвой «не забудьте. взять с собой пару крепких башмаков», – в свою очередь наставляет Ридли^[31].

Типы пространств, осваиваемых этими тремя путешественниками в ходе своих поездок по России, были различными. Турне Споттисвуда – именно так он называет свое путешествие, на которое решился «из

любопытства и ради удовольствия»^[32] – проходило по местам, где отсутствовали железные дороги и почти не ходили пароходы, где «все оказывается проблемой: и перемена лошадей, и удовлетворение потребности в отдыхе/сне, и удовлетворение голода»^[33]. И если простой обыватель в таких обстоятельствах «не испытывает радости путешествия»^[34], то для ученого (хотя профессор Споттисвуд не ставил перед собой в этой поездке научных задач, но он же был выдающимся физиком!) это и привычно, и неизбежно, ибо ритмичность пространства, тишь да гладь только вредят исследованию, «зов неизведанного нового мира – не пугающие, а самые желанные звуки для Путешественника»^[35], «путешествие всегда включает... разные формы удовольствия и боли»^[36].

В XIX в. описания опасностей и страданий были обязательной стороной почти всякого травелога, тем самым усиливая его достоверность^[37]. «Трудность пути – постоянное и неотъемлемое свойство; *двигаться* по пути, преодолевать его уже есть подвиг, подвижничество со стороны идущего *подвижника*, путника»^[38]. Правда, Ридли избежал большинства этих проблем, ведь поезд, на котором он путешествовал, предоставлял пассажирам определенный комфорт. Еще меньше физических трудностей испытал Браун, «ездивший» по Уралу за своим письменным столом. И только на долю Споттисвуда выпали обычные для путешествующего по тогдашней России иностранца и многократно описанные в литературе мучения – в отличие от поезда и тем более виртуального перемещения, поездка на тарантасе обеспечивала максимальное взаимодействие вояжера с окружающим пространством^[39]. Ко всему прочему, английского математика постоянно пугали наличием на дорогах разбойников: «Одни советовали нам прервать путешествие, другие – ездить только днем, третьи – уделять особое внимание безопасности, четвертые просто излагали подробности недавнего происшествия...» – «дорога традиционно воспринималась как зона насилия, где всегда надо быть готовым к нападению и отпору»^[40]. Несмотря на то, что ничего подобного с путешественником не произошло (обычно рассказы о нападениях грабителей не подтверждались^[41], так как, скорее всего, часто имели фольклорную основу), он предупреждает своих будущих последователей: в России ухо нужно держать востро!

Как известно, практически всякое антропологическое (этнографическое) исследование основывается на свидетельствах информантов – носителей знаний об изучаемой культуре. Поэтому предпринятое Брауном воображаемое (интеллектуальное) полевое исследование, чем-то напоминающее написанный на основе опубликованных источников роман лично не знакомого с российским Востоком Жюль Верна «Клодиус Бомбарнак» или поэтическое собрание субъективных ощущений Блэза Сандрара о России «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» (1913 г.), сегодня может показаться оксюмороном. Однако в то время этот жанр был довольно обычен и пользовался большой популярностью: достаточно сказать, что устроенный на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. аттракцион – 45-минутная «поездка» из Москвы в Пекин на поезде, за окнами которого проплывали ландшафты, запечатленные на огромном панорамном полотне, имел оглушительный успех у публики^[42].

В воображаемом путешествии информаторами обычно становятся книги или иные источники. Но насколько объективными могут быть сведения, добытые таким способом? Французский литературовед и психолог Пьер Байяр ответил на этот вопрос довольно провокативно: «Нет никаких доказательств того, что, именно путешествуя, мы можем лучше узнать город или страну, с которыми до того были незнакомы. Наоборот, все наводит нас на противоположные мысли, в том числе и опыт многих писателей: бесспорно, лучший способ рассуждать о далеких краях – делать это, не выходя из дома». Порой описания земель, где авторы никогда не бывали, «оказываются куда реалистичней, чем тексты писателей, которые сочли своим долгом отправиться в эти места лично»^[43].

Хронотоп повествования Брауна многомерен и существенно отличается от воображаемой поездки по России, которую в XVIII в. «совершил», в частности, француз П.-Ш. Левек^[44]. У обычного путешественника событийный ряд имеет прямое линейное построение, обусловленное необходимостью рассказывать о перемещениях повествователя «и событиях, с ним происходящих, в хронологическом порядке. Повествователь в этом жанре не имеет права переходить из будущего в прошлое и наоборот, произвольно менять порядок событий. Он „обязан“ вести читателя за собой строго по маршруту»^[45]. Но Браун

последовательно описывает свой «маршрут» только в начале, а по «достижении» уральских предгорий его «поездка» становится нелинейной.

Воображаемое путешествие наглядно подтверждает вывод Эйнштейна о локальности времени, его привязанности к конкретной системе наблюдения и измерения. Странствуя по России в годы, когда основным средством передвижения по ней был не поезд, а пароход и гужевой транспорт, ментальный исследователь Урала Браун передвигается в пространстве быстрее современных авиалайнеров и космических кораблей. Он делает это с помощью мысли, а железнодорожными рельсами и руслами судоходных рек ему служат книги, рассказы друзей, информаторов и бывших сослуживцев (псевдоинклюзивное включение их в действие является у него элементом авторской экспрессии^[46]), причем не только периода «поездки» – у брикольера (а Браун, несомненно, является таковым) все идет в дело^[47]. Кстати, благодаря использованию одновременно нескольких литературных жанров (повествования, воспоминаний, анекдотов, преданий, публицистики, нон-фикшн, эпистолярных вставок и т. д.), что, по мнению исследователей, является обязательным для текстов путешествий^[48], травелог воображаемого путешественника приближается к художественному произведению. Впрочем, большинство таких сочинений в XIX в. были не только научными, но и литературными конструкциями^[49].

Применяя метод «передоверенного путешествия», т. е. выстраивая свои «воспоминания» на основе чужих круизов^[50], шотландский лесовод «перемещается» по Уралу не из одного географического пункта в другой, а присутствует сразу во всех (ср. принцип квантовой суперпозиции), и в его книге одновременно наличествуют образы биографического, исторического, космического, календарного и суточного времени. Пространство как таковое в этерналистском по сути сочинении Брауна исчезает, оно обнуляется, и пространственно-временной континуум разрушается^[51]. В реальности такое невозможно^[52]. Брауна мало интересует сам путь и переживание расстояния – их у него нет. Его, как и реальных путешественников новейшего времени, больше заботит не сам маршрут, а отдельные точки на нем, места остановок, где можно произвести исследования^[53]. «Неполноценность» сконструированного Брауном пространства^[54]

способствовала субъективности его суждений, и это не связано со спецификой воображаемого путешествия (такое может случиться и с реальным вояжером-разиней): просто автор использовал достаточно узкий круг источников.

У воображаемого путешествия Брауна имеется тот же набор элементов, что и у реальной поездки. Вояжер присутствует в своем сочинении, у него есть реализаторы маршрута: корректирующие путь перевозчики, проводники/экскурсоводы (письма его друзей и записки предшественников – путеводителей как таковых тогда не было^[55]), функцией которых является интерпретация локального текста, исполняющие роль случайного фактора в реализации экспедиционной программы друга-«попутчики» (многочисленные рассказчики), и, наконец, автохтоны (местные информанты) – творцы и хранители локальных мифов^[56].

Ридли и Споттисвуд не имели того бэкграунда, которым обладал Браун, – ранее они не бывали в России. Ридли посетил царскую империю в годы, когда ее территория стремительно покрывалась сетью железных дорог, обладавших несомненным преимуществом перед паромом и тарантасом в отношении скорости передвижения. Однако общение автора с местными жителями в силу обстоятельств происходило в основном в рамках его профессиональных интересов (правда, технических аспектов в своих записках он не касается^[57]), поэтому собеседниками англичанина чаще всего выступали инженеры, геологи, естествоиспытатели и чиновники. Наблюдения Ридли над бытом остального населения России – очень поверхностные и мимолетные, они, как правило, сделаны из окна поезда (уже и так сжимавшего пространство и устранившего из него значительные фрагменты^[58]), с палубы парохода или с дрожек. Вне своей профессиональной среды автор книги более или менее подробно рассказывает только о той категории россиян, с которой ему пришлось непосредственно и постоянно общаться в течение трех месяцев, проведенных в поездке, – кучерах^[59].

Кстати, турне Ридли и Споттисвуда методом «галопом по Европам» – вовсе не проявление их легкомыслия, а восходящая, в частности, к Ф. Бэкону британская концепция путешествий по незнакомым странам. Знаменитый английский философ наставлял потенциального вояжера следующим образом (и, судя по всему,

публикуемые в настоящей книге авторы строго придерживались этих указаний): «Пусть не медлит подолгу в одном городе, а уделяет каждому столько внимания, сколько тот заслуживает (но не чересчур много), и, даже находясь в одном городе, пусть переезжает с квартиры на квартиру в разных его концах: это отличный способ заводить знакомства. Пусть не ищет общества соотечественников и столуется там, где есть хорошее общество из числа местных жителей. При переездах же с одного места на другое пусть добывает рекомендательные письма к тамошним знатым особам, дабы заручиться содействием в том, что он захочет узнать или осмотреть. Таким путем он сможет с большой пользой сократить срок своего путешествия. Что касается знакомств, которых надлежит искать в путешествиях, то наиболее полезны знакомства с секретарями и чиновниками при посланниках, ибо таким образом, путешествуя по одной стране, можно получить сведения о многих. Пусть также посещает всякого рода именитых людей, прославленных за рубежами их родины, дабы убедиться, насколько заслужена их слава»^[60].

Воспринимая Россию как Другое, авторы публикуемых в настоящей книге произведений постоянно – напрямую или косвенно – сравнивают ее со Своим^[61], ведь травелог – «это всегда личный сюжет, диалог авторского "я" или героя с местом, с городом, со своим прошлым, со своим настоящим, со своей историей, культурой. Это не только хронология поездки, но и рефлексия и переживания увиденного»^[62]. Споттисвуд и Ридли снисходительно оценивают российское социальное пространство, не слишком применяя к нему собственные представления о подлинной Цивилизации – они просто его наблюдают и относительно беспристрастно описывают. Но если эти два автора стремились попасть в российский Хаос^[63] (впрочем, Ридли к нему едва успел прикоснуться), чтобы его изучить, то Браун как истинный британский интеллектual, для которого «любое „иное“, особое, непохожее не просто рассматривается по отношению к норме, т. е. соответствующему британскому образцу, как несовпадение с ней, недоразвитость, отклонение, ошибка»^[64], старался это не-пространство ментально колонизировать, преодолеть путем преобразования в Цивилизацию, в Космос, запустить негэнтропию, т. е. вести дела честно, добиваться разоблачения и наказания взяточников, казнокрадов, нерадивых работников и лентяев. Его заботит не только состояние

лесоводства в России^[65], но и экология ее «души» — он ведь был христианский миссионер! Разумеется, все его усилия в этом направлении оказались тщетными, демиурга из шотландского Дон Кихота не получилось, русский Хаос так и не превратился у него в английский Порядок. В своей книге автор приводит множество примеров того, как его соотечественники в условиях российской действительности сами архайзировались, варваризировались и, приняв существовавшие правила игры (вплоть до использования практик крепостного права), в итоге проиграли в противостоянии Хаосу, будучи не в силах сопротивляться энтропии, постоянно выделяемой российским обществом^[66]. Так что если с экзогенным влиянием на технологическое развитие, в частности, уральской индустрии дело обстояло относительно неплохо^[67], то социальные, культурные и ментальные изменения в стране происходили гораздо медленнее.

Характеристика Российской империи, которую представили своим читателям эти три путешественника, существенно отличалась от представлений, утвердившихся в Западной Европе задолго до XIX в. В массовом сознании западноевропейцев Россия часто выступала как гомогенная культурная общность, а ее природно-географические особенности целиком укладывались в характеристику климатических условий Сибири, описываемых топофобными пейоративами. Считается, что такое представление о нашей стране сложилось в эпоху Просвещения^[68], при этом французские, английские и немецкие академические публикации, утверждавшие обратное, видимо, оставались уделом довольно узкой части общества, ибо властителями дум образованной западной публики были сочинения маркиза де Кюстина и его последователей. Для опровержения этих географических стереотипов все три публикуемых путешественника постоянно обращаются к географии. В частности, Урал у них, как и в синхронных русских травелогах, характеризуется триединством горы, леса и реки с особым выделением горных заводов^[69]: с одной стороны, активное использование знакомых западноевропейскому читателю символов^[70] снижало в его глазах степень алогичности и враждебности российских пространств, а с другой — демонстрировало, что эти земли вовсе не безлюдны и в какой-то мере уже цивилизованы. Споттисвуд, Браун и Ридли решительно разрушали бытовавшие на Западе суждения о России как исключительно холодной и мрачной (а в политическом

отношении деспотичной) стране^[71], убеждая публику, что на самом деле империя царей состоит из множества природно-географических зон, природная среда и климат которых не так уж и сильно отличаются от британских.

Следует заметить, что в текстах Споттисвуда и Ридли (у Брауна по понятным причинам – реже), как и у многих других европейских путешественников, присутствует не только тщательная фиксация всех отрезков маршрута (это было очень важно для правильного определения своего местоположения, поскольку в России того времени дорога как один из важнейших параметров этого находилась вне культуры^[72], практически отсутствовала в привычном для европейца виде^[73]), но и точная (у Ридли – вплоть до минуты) хронология нахождения в узловых точках пространства^[74]. Разумеется, это было не случайно – у большей части населения нашей страны «время разумелось цикличным, растяжимым, процессуальным. Крестьяне придерживаются официального времени в рамках календаря, когда выходят из своего микромира во внешний для них. Но и в разносторонних контактах с ним, когда дело заходило о событийной стороне жизни, крестьяне опять погружались в „свое“ время, как бы встроенное внутрь официального, государственного»^[75]. На Урале простые люди зачастую определяли время суток по тени от палочки, вставленной в середину доски^[76].

Огромные расстояния, дефицит или фактически отсутствие европейской хронологической системы таили в себе опасность почти полного растворения европейца в чужом для него мире, несли угрозу «одичания». Поэтому постоянное напоминание о времени и температуре воздуха в привычной нам метрологии разграничивает у авторов космологический и исторический способы описания, является одним из важнейших маркеров цивилизации, служит защитой собственной идентичности, ограждает путешественника от деевропеизации в условиях иной культурной среды, предотвращает угрозу возврата в собственное далекое прошлое, ведь «путешествия в пространстве – это и перемещения во времени»^[77]. Поскольку в мифопоэтическом мире путешествия не действуют законы физики, прибытие вояжера туда, где присутствуют традиционные культуры, позволяет ему опровергнуть гипотезу С. Хокинга о защищенности хронологии, математически не допускающую перемещения в прошлое,

и оказаться во вселенной К. Гёделя, в которой такая миграция возможна. Менее последовательно авторы придерживаются единообразия в обозначении расстояний: в своих текстах они используют как английские ярды и мили (а также метрические километры), так и русские версты, – известно, что Порядок и Хаос, цивилизация и варварство обычно находятся в динамическом единстве.

Несмотря на то, что большинство западноевропейских исследований XIX в. носят крайне этноцентрический характер, в которых незападные народы почти неизменно находятся на низких уровнях в иерархии культурного развития^[78], а начиная с середины века в их классификации все больше проникал расизм^[79], у Споттисвуда, Брауна и даже изучавшего Россию в основном из окна железнодорожного вагона Ридли наша страна показана как сложная в культурном, социальном и географическом отношениях территория. Это достигалось ими с помощью создания на страницах своих сочинений «сложноподчиненного синтаксиса природного и культурного пространства и многомерной системы ориентиров»^[80]. Такая репрезентация России выглядела в тогдашней Англии весьма необычно, являлась маргинальной^[81] и не оказала решающего воздействия на образ нашей страны, сложившийся к тому времени в обыденном сознании англичан, – отчасти потому, что проигрывала стереотипам, господствовавшим в более массовой литературе^[82].

Споттисвуд путешествовал по царской империи вскоре после окончания Крымской войны 1853–1856 гг., в которой Великобритания являлась противником России, но русофобские настроения, доминировавшие в то время в английском общественном мнении и прессе, совершенно не сказались на записках этого искателя приключений: он сразу предупреждает читателя, что не будет касаться вопросов политики, потому что «за столь короткое время объективно оценить политическое и общественное устройство России и ее экономику невозможно», и его «как простого путешественника прежде всего интересовали... особенно малоизвестные места». Что ж, британская политика по отношению к России всегда отличалась прагматизмом, и сотрудничество двух стран имело место даже в периоды их военного противостояния^[83], о чем также упоминает Споттисвуд.

Браун, изобретая свою Россию, опирался на публикации, рассказы (зачастую субъективные) друзей и обобщал в рамках тогдашнего западного дискурса собственный опыт, полученный вне Урала (на основе «посещения» которого делал широкие выводы): известно, что «на построение травелога большое влияние оказывают и предшествующие путешествия по тем же самым местам. Последующие травелоги наследуют ту систему авторской ритмизации природного и первично окультуренного пространства, которую предприняли в своих травелогах путешественники-авторитеты, и кажутся (а часто и являются) пересказом и литературной обработкой предшествующих. В результате, в общественном сознании формируется определенный образ пространства, ритмические и аритмические признаки которого могут быть довольно далеки от реальной действительности»^[84]. На примере Урала, которого он никогда не видел, Браун сделал попытку охарактеризовать российскую цивилизацию в целом. Отдельные антироссийские коннотации в его книге, очевидно, были вызваны внешнеполитическими факторами^[85], но при этом не приобретают у автора патологических форм. И все же в созданном им образе России пропорции и расстояния в сравнении с реальностью искажены, из него изъяты целые пласты (преимущественно, положительные) – напомним, что «травелог далеко не всегда адекватно отражает реальное пространство путешествия, в особенности его природные и первичные культурные ритмы и аритмию»^[86].

По-своему стремясь достичь достоверности при описании чужой культуры, Браун намеренно концентрирует внимание на негативных сторонах русской жизни^[87], зачастую делая на их основе широкие обобщения, а при рассказе о тех или иных бытовых явлениях часто прибегает к экспрессивным номинациям, в чем-то напоминая Кюстина, знаменитое сочинение которого он не мог не знать. «Взгляд путешественника – всегда взгляд чужака, который способен увидеть то, что слишком привычно для аборигенов и потому не замечается ими самими. С другой стороны, он свободнее в своих оценках (хотя, разумеется, свобода оценок не означает беспристрастности) и может позволить себе быть нелицеприятным. Поэтому образ внимательного и вдумчивого путешественника является весьма подходящей маской для критически настроенного автора»^[88]. Для того, чтобы Продукт (итоговый отчет) Путешествия был востребован своим обществом и

отвечал на его физические и метафизические запросы, он должен быть создан на языке Своей культуры^[89], поэтому Браун не выходит за рамки многовековой традиции восприятия нашей страны на Западе как азиатского царства варваров, несущего угрозу Цивилизации. Кстати, этим объясняется и то, что все три публикуемых нами автора в той или иной мере подспудно ощущали определенную потенциальную опасность, исходящую от империи царей. К тому же на аксиологии книги Брауна сказался вектор его «путешествия». Все реальные европейские путешественники попадали из Цивилизации в Дикость и Варварство с запада, ведь до появления современных средств сообщения до отдаленных мест приходилось добираться через «цивилизованные» территории. Напротив, воображаемый путешественник может начать свой путь откуда угодно и совершать в пространстве произвольные перемещения, поэтому, в отличие от Споттисвуда и Ридли, шотландский лесовод в основном «двигался» из Хаоса в Цивилизацию.

Через несколько лет после «путешествия» Брауна наступила, как сказали бы сегодня, «разрядка», и в конце XIX в. англичане видели в русских не извечных врагов, а «народ, только находящийся на пути к цивилизации, ибо, несмотря на величайшие произведения науки и культуры, созданные просвещенной верхушкой общества, большинство населения было неграмотно и находилось во власти многочисленных предрассудков»^[90]. Считается, что чем сложнее система (а родная цивилизация трех путешественников была одной из самых сложных в мире), тем она более открыта для приема материи, энергии и информации^[91]. В путешествиях западноевропейцы учились и приобретали новые знания, становились, как считалось, более добродетельными, и в конечном счете восстанавливали единство человечества, утраченное после вавилонского разделения^[92].

«Российский опыт социокультурного развития, – отмечает уральский историк Е. В. Алексеева, – вызывал большой интерес у западных специалистов, представлялся заслуживающим внимания и привлекательным для представителей европейской культуры»^[93]. Встретив в России исключительно теплое к себе отношение, Ридли постарался ответить взаимностью, увидев в образе жизни русских прежде всего положительные моменты, а кое-что даже посчитав нужным перенять. В этой связи стоит заметить, что одной из функций

записок о путешествии является стремление «изменить [собственный] социум, помочь ему совершить акт самотранценденции, избавиться от каких-то стереотипов, стать духовно богаче, пропитать его кодами и смыслами других культур или метафизических миров»^[94] (ср. в этой связи замечание А. Камю, что «путешествие как самая великая наука и серьезная наука помогает нам вновь обрести себя»^[95]).

В отличие от Ридли, Браун и Споттисвуд прибегают к историческим экскурсам, ведь исторические, географические и языковые особенности региона будущей поездки обычно учитываются при составлении маршрута путешествия^[96]. А обращение к этнографии и юмору («анекдотами полны в обязательном порядке все травелоги иностранцев (быть в варварской России и не увидеть ничего замечательно смешного просто невозможно)»^[97]) позволяет авторам преодолеть пресловутую скуку отдельных фрагментов российского ландшафта и усиливает его пространственное восприятие (у Брауна этнографические наблюдения используются еще и для весьма субъективных политических обобщений).

Важное место в сочинениях всех трех авторов занимает экзотика. Споттисвуд, Браун и Ридли стараются растолковать читателю «душу России» посредством описаний необъятных просторов страны, золотых куполов ее церквей, березовых рощ, сурового климата, плохих дорог, красных рубах крестьян, необычных видов транспорта, дружелюбно людей, а также нищеты и различных человеческих пороков, якобы отличающих русских. Как и, в принципе, все путешественники, публикуемые в настоящей книге авторы, используя ограниченный круг источников, создавали свой субъективный, обобщенный образ России, который лег в основу восприятия нашей страны на Западе. Для этого они не ограничивались собственными полевыми материалами, а широко привлекали географические, политические, исторические и лингвистические сведения (вдобавок Споттисвуд и Браун использовали рассказы своих предшественников).

Для всех трех путешественников характерно уважительное отношение к нашей стране. С большой любовью, а часто и с сочувствием они пишут о России и ее населении, нередко пытаясь переубедить себя и вызвать положительные эмоции и интерес у читателя даже при описании того, что внутренне не могут принять или понять, – поволжских и уральских пейзажей, которые кажутся им

скучными и однообразными (впрочем, об унылости ландшафта России писали очень многие западные путешественники^[98]), особенностей характеров отдельных социальных и этнических групп и т. д., а для снятия потенциально негативного восприятия того или иного явления зачастую прибегают, как уже говорилось, к иронии и юмору. Все три публикуемых сейчас английских путешественника, наряду с некоторыми другими своими соотечественниками (в частности, с упомянутым выше Д. Александером), стояли у истоков деконструкции английского и, шире, западноевропейского мифа о «дикости», «варварстве» и вообще «неправильности» России^[99], деконструкции, которая в полной мере началась только на рубеже XIX–XX в. и не завершена до сих пор^[100].

В русском переводе книги Споттисвуда снято приложение, состоящее из статистико-экономических сведений, не представляющих интереса для современного читателя. В английском оригинале книга Брауна называется «Лесное хозяйство в горнозаводских районах Урала, что в Восточной России», но такого рода информации в ней немного, к тому же автор часто выходит довольно далеко за рамки своей темы, поэтому при подготовке русского издания было предложено более точное название его работы и значительно сокращен текст. Сочинение Ридли печатается целиком. Все постраничные примечания принадлежат автору вступительной статьи. Иллюстрации, помещенные в книге – авторские (у Споттисвуда – его собственные акварели, у Ридли – фотографии).

И. В. Кучумов,
кандидат исторических наук

Уильям Споттисвуд
Путешествие на тарантасе по
Восточной России осенью 1856 года

Предисловие

Несмотря на то, что места, доступные для посещения в летнее время, с точки зрения географии изучены хорошо, они все еще таят в себе немало интересного, которое может обнаружить любитель после того, как первопроходцы и научные миссии завершат свою работу. Ни один уголок земли нельзя считать полностью изученным, пока его не опишет целый ряд людей, побывавших в нем в разное время и при различных обстоятельствах: это могут быть частные лица, посланцы правительства и пассажиры, чьи наблюдения ограничиваются мимолетными впечатлениями и повседневной дорожной рутинной, а также более широкий круг странствующих.

За исключением самоотверженного вояжа Олифанта^[101] вдоль Волги, Восточную Россию обследовали почти исключительно ученые экспедиции Гумбольдта^[102], Мурчисона^[103], Оммер де Гелль^[104], Гёбеля^[105] и ряд более ранних исследователей. Их поездки носили научный характер, поэтому позволю себе предположить, что кому-то захочется совершить простое турне по этим землям. Почему турне? Да потому что его может осуществить всякий, кому не жалко потратить на это три месяца и провести несколько бессонных ночей. Поскольку в ходе поездки со мной не случилось никаких происшествий или невероятных приключений, эти записки могут показаться широкому читателю скучными, но, возможно, будут полезны тем, кто захочет повторить мой маршрут. Я отнюдь не хочу сказать, что мне не доставало храбрости и решимости, просто задержка в пути – это самая большая неприятность, которая только может выпасть на долю ограниченного во времени туриста.

Для будущих путешественников сообщаю, что я отправился в Санкт-Петербург через Берлин и Варшаву, выбрав почтовый тракт вместо поездки по морю, – с одной стороны, чтобы увидеть всю совокупность территории, которую планировал посетить, а с другой – чтобы набраться опыта езды на русских перекладных еще до того, как окажусь там, куда редко попадают мои соотечественники. Из Санкт-Петербурга я отправился поездом в Москву, откуда и начну свой рассказ. Даты и время моего прибытия в ключевые пункты маршрута и пребывания в них я стараюсь указывать достаточно точно, чтобы

читатель мог представить, как мы передвигались, однако подробные сведения о расходах, расстояниях и ночлеге можно получить из «Путеводителя по России»^[106], чье новое издание, надеюсь, со временем выйдет^[107]. Замечу еще, что у нас на руках были обычные паспорта, выдаваемые полицией во всех губернских столицах.

Моим единственным спутником в этой поездке был Джеймс Лозерон (в книге он обозначен инициалом Л.), человек очень ответственный и деловой. В основном благодаря его неутомимой энергии и энтузиазму мы за короткое время преодолели огромное расстояние.

За исключением шестой и десятой глав, в основе книги лежат мои беглые путевые заметки. Встреченные нами народности описаны по моим личным наблюдениям и работам ведущих исследователей, в частности, публикациям и устным рассказам профессора Макса Мюллера^[108]. Что касается сообщения о посещении буддийского храма, то я не стал сухо излагать калмыцкую религию и теологию, а попытался заговорить языком буддийского паломника, при этом ничего не придумывая и заимствуя обороты речи из буддистских сочинений, обычаев, обрядов и нынешнего мировоззрения приверженцев этой религии.

В написании имен собственных я нередко нарушаю нормы, чтобы, не претендуя на научное открытие, передавать звуки русского языка как можно точнее – например, букву «ж» я обозначаю буквосочетанием «zh», а не «j», ибо с точки зрения языка русская буква «ж» имеет такое же отношение к «z», как «sh» к «s» и фонетически она ближе к английскому звуку [ʒ], чем к французскому [ʒi] и уж совершенно не похожа на наш [dʒeɪ]^[109]. В остальных случаях – когда, в частности, звук конечного согласного заменяется следующей за ним непронизносимой гласной, возникали трудности, но я все же полагаю, что эти буквы вполне можно произносить по-английски – за исключением v в окончаниях – ov, которое выговаривается ближе к [ef], поэтому в данном случае я пишу v вместо привычных нам f или ff, ибо русское «в» – это и есть наша буква v (я сохранил ff на конце лишь в случае с фамилией Saposhnikoff, потому что этот джентльмен подписывается на латинице именно так^[110]).

Я сознательно не касаюсь политических вопросов, потому что не это было моей целью ни во время поездки, ни сейчас: меня как

простого путешественника прежде всего интересовали земли, по которым мы проезжали, особенно малоизвестные места. Действительно, за столь короткое время объективно оценить политическое и общественное устройство России и ее экономику невозможно, можно лишь подивиться почти неисчерпаемым природным богатствам этой страны – лесам, черноземным полям, лугам и удивительным водным артериям, связанным друг с другом короткими протоками. Столь же поразительны обусловленные большими расстояниями между селениями и фактическим отсутствием отдельно стоящих построек слабые социальные и хозяйственные связи ее сельского населения. И, наконец, низкий культурный уровень русского народа, его очевидная неспособность усваивать все лучшее и новое, своеобразие религиозных представлений и множество других особенностей страны и ее институтов приводят к тому, что в России западная культура лишь едва прикрывает восточное варварство подобно меховой шубе, наспех наброшенной на окоченевшего и беспомощного путника, который, однако, в один прекрасный момент пробудится и станет похожим на остальной западный мир.

Глава I

Отъезд из Москвы. – Владимир. – Прибытие в Нижний. – С высоты Нижегородского кремля. – Ярмарка. – Пароход. – Пассажиры. – Макарьев. – Староверы. – Пристань. – Прибытие в Казань.

Колокола московских «сорока сороков»^[111] церковей извещали о том, что армейские части, стоявшие лагерем у города, и разношерстная толпа людей, прибывших со всех концов империи, приветствуют нового царя^[112]. Иноземные экипажи, туземные дрожки и казачьи курьеры мчались по улицам, и, казалось, целиком были поглощены этим великим событием. Когда я в последний раз бросил взгляд с кремлевского вала, солнце уже перевалило за Воробьевы горы, с которых этот город лицезрел Наполеон^[113], и приближалось к горизонту. В вечернем свете позолоченные и разноцветные купола церковей приобрели еще более насыщенный окрас.

Я не сразу отправился в путь, а решил, как и хотел, дожждаться 3 сентября рассвета. К тому же пришлось долго объяснять полицейским чинам, что нам нужно получить разрешение на выезд из Москвы до окончания коронации, и что времени на сборы и загрузку дилижанса у нас мало. В Нижний Новгород дважды в неделю ходит почтовая карета, а в остальные дни – дилижанс: первая преодолевает этот путь за 36 часов, а второй – за пару суток. Нам выпало отправиться на дилижансе, но, дав кучерам деньги «на водку», т. е. на выпивку, мы сумели доехать до пункта назначения за 41 час. Большую помощь в подготовке нашего турне нам оказал управляющий почтовыми каретами, немец по национальности мистер Рейнбот, умственная одаренность и учтивость которого хорошо известны всем москвичам^[114]. Наши экипажи были довольно тяжелые, но крепкие и надежные, а их колеса вызывали восхищение всякого, кто имел опыт езды в довольно шаткой повозке из Варшавы в Петербург в качестве правительственного курьера. Новое шоссе было превосходным, и салон дилижанса для нас, взявших с собой много провизии, находился вне всяких похвал.

Местность между Москвой и Нижним холмистая и большей частью покрыта сосновыми и березовыми лесами, землепашеством

здесь занимаются главным образом на возвышенностях по причине заболоченности низин. В пути мы встретили лишь несколько великолепных деревьев, ибо пространство по обеим сторонам дороги всегда стараются держать открытым, чтобы устранить всякую опасность для проезжающих. Уничтожение лесов давно вызывает тревогу. Бесспорно, что вблизи судоходных рек потребляется огромное количество строительной древесины, а в Петербургской и Московской губерниях с каждым годом все сложнее бывает достать дрова. Но пока леса покрывают треть всей Европейской России, по-видимому, беспокоиться особо не стоит, к тому же потребность страны в древесине, а также побудительные мотивы и возможности для ее расточительства в последнее время снизились в результате активной разработки торфяников в Московской губернии и других частях империи, открытия залежей угля на Урале и антрацита на Донбассе. Как известно, дефицит обычно приводит к более экономному хозяйствованию. Использовать торф в качестве топлива выгоднее — говорят, его 2 куб. фута заменяют 3 куб. фута дров.

Единственным крупным городом между Москвой и Нижним Новгородом оказывается Владимир, некогда являвшийся столицей владимирских князей, которые долго и успешно боролись со своими восточными соседями — татарами. Сейчас он знаменит своими вишневыми садами^[115]. Мы прибыли туда на следующий день после отъезда из Москвы и, перекусив в экипаже, отправились гулять по городу, пока наш ямщик обедал. Владимир красиво расположен в широкой зеленой долине Клязьмы, впадающей в Оку. Несмотря на погожий день и радующее глаз изобилие церковных куполов, мне не терпелось ехать дальше, поэтому я с тоской поглядывал на дорогу, тянущуюся по восточному холму в направлении Нижнего.

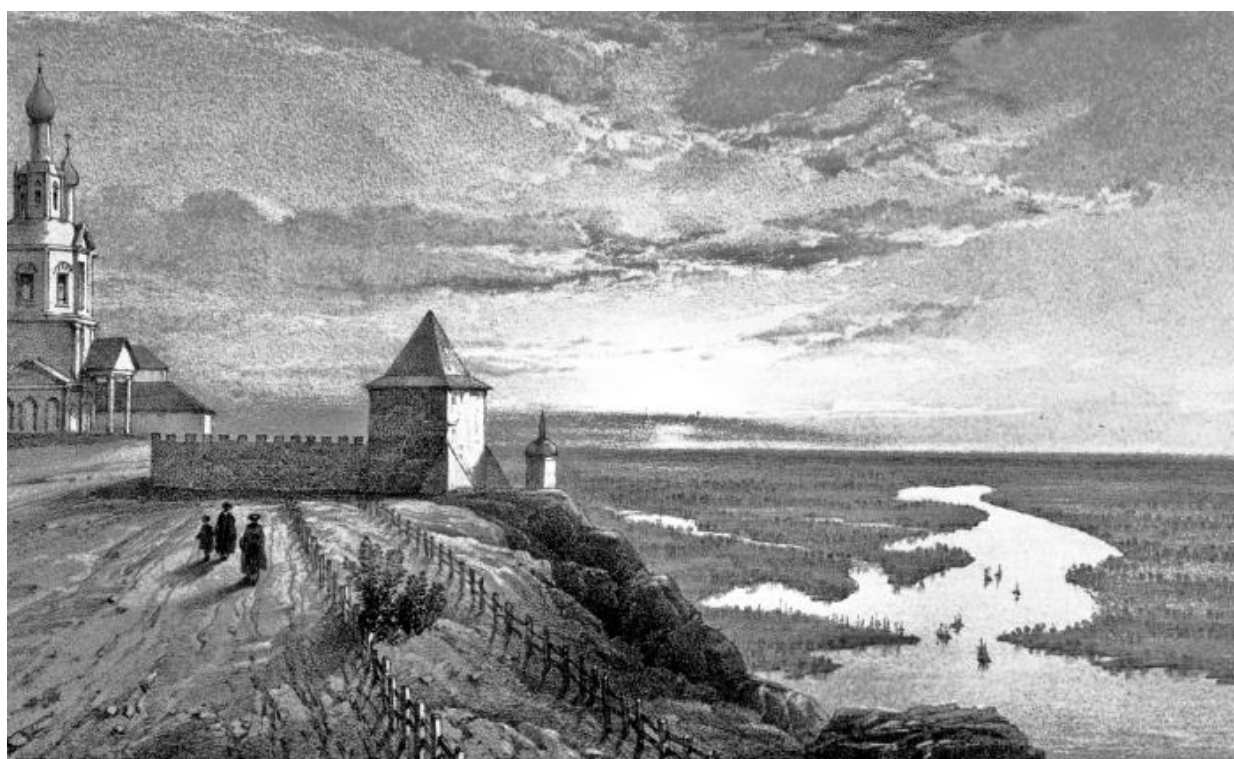
На следующее утро мы прибыли в Нижегородскую губернию. Казалось, что дороге, деревьям и длинным вереницам повозок — по двадцать, пятьдесят и даже по сотне сразу, везущих с ярмарки азиатские товары, — не будет конца, как вдруг с очередной возвышенности и поредевшего леса показалась Волга. Нижний (Нижний Новгород) расположен на склонах высокого мыса в месте слияния Оки и Волги. Замечено, что правый берег почти всех русских рек высокий, а левый — низкий. Так в основном обстоит дело и на той части Волги, где я побывал. Кроме того, Ока издалека видна с равнин юго-западнее нее,

она огибает уходящие в голубую даль холмы до места, где стоит Нижний. Дорога, которая уже несколько часов была совершенно прямой, свернула налево, когда мы приблизились к этому месту, открыв нам вид на деревянный городок, в котором проходит ярмарка, и на небольшой лес мачт, тянувшийся вдоль рек за ней. Ярмарка расположена в низине между двумя реками у их слияния, и в августе и отчасти в сентябре это, вероятно, очень людное, если не одно из самых оживленных мест в мире, а в остальное время оно пусто. Застроена ярмарка строго регулярно: у всех улиц имеются названия, дома пронумерованы. В центре расположено большое каменное здание, в котором находятся резиденция губернатора, полиция, почта и прочие учреждения^[116], а на окраине имеются русская церковь^[117] и мечеть^[118]. На территории ярмарки находится множество кафе, где, кстати, подают не кофе, а чай, и лучший в Нижнем ресторан. В ярмарочном городке под мощеными улицами проложены канализационные трубы – говорят, что их общая протяженность весьма велика. За порядком здесь следит особый казачий полк^[119].

В Нижний нужно въезжать со стороны ярмарки, поэтому мы очутились на какой-то ухабистой улице с лавками, набитыми сибирскими товарами и снующими грузными, неторопливыми мужиками. Наш тарантас на несколько минут остановился у почтовой станции, и прохожие забросали меня вопросами, на которые я не успевал отвечать, а потом с грохотом поехал по плавающему мосту через Оку^[120] до «гостиницы» (так русские называют отель), расположенной сразу на другом берегу реки^[121]. Видимо, сервис в ней со времен Олифанта значительно улучшился. Правда, нам пришлось самим подмести комнату, отказаться от матрацев и добиться значительного снижения платы за проживание.

Из моего окна открывался прекрасный вид на мост с его бесконечным потоком телег, дрожек и людей, двигавшихся на ярмарку и обратно, и на любопытное скопище речных судов – от огромных восточных астраханских барж до маленьких каноэ, которые курсируют по реке, когда мост разводят для пропуска больших челнов. Отель очень удобно расположен – менее чем в пяти минутах езды от центра ярмарки. На противоположной от моста стороне картина совершенно иная. Через загородные леса можно попасть на вершину холма, с которого открывается великолепный вид. Нижний, подобно Москве,

Казани и другим русским городам обладает собственным кремлем, и прогулка по его валу – одно из самых приятных занятий, какие только можно себе представить. На западе виднеются медленно текущие навстречу друг другу две реки и прямое, пересекающее лес Московское шоссе, а потом все теряется за горизонтом. Ниже нас раскинулся деревянный город, погруженный в облако пыли, которая в дни ярмарки окутывает его весь день. Реку заполняли медленно плывшие с обвисшими в штиль парусами суда, туда-сюда снующие парходики – одни сами по себе, а другие с длинными рядами барж, которые искривлялись, когда буксиры бросали якорь напротив города. Едва различимые песни моряков приятно ласкали слух. Река текла на восток, и на следующий день мы надеялись последовать за ней.

Вид с Нижнего Новгорода

В ярмарочном городке насчитывается примерно две с половиной тысячи лавок и чуть ли не двести тысяч человек, но, кажется, это число всех его посетителей. Однако изобилие здесь того, что может представлять интерес для путешественника, а именно европейских и азиатских товаров, не подлежит сомнению. Больше всего изумляют уральские железо и медь, китайский чай – как дорогих сортов, так и

кирпичный, привезенный бухарскими купцами индийский и китайский хлопок, сибирские меха и разнообразная продукция закавказских губерний. Поскольку здесь не принято рекламировать свой товар и даже рассказывать о нем, приходится заходить в лавки и перебирать там все подряд: я, например, обшарил примерно шестьдесят-семьдесят лавок и в итоге стал обладателем сибирского ковра, жестяного фонаря, двух накидок из черной бухарской овчины, или, как их называют, карагасов, чая и трех карикатур на военную тематику. Все это я отослал на родину через англичанина, которого неоднократно встречал на пути сюда и уговорил приехать в Нижний, правда, не смог убедить его поехать со мной дальше.

Наше пребывание в Нижнем совпало с завершением ярмарки, и об этом возвестил спуск флага с ее офиса^[122]. Процессия священнослужителей в торжественных одеяниях с хоругвями и прочими священными атрибутами шла по улицам, чтобы помолиться благополучному завершению мероприятия и за всех его участников, и удачи ему в будущем – у русских это составляет большинство молитв. Приближение процессии православные встретили, сняв головные уборы и кланяясь, а несколько фигур восточного типа изгибом губ и покачиванием голов, облаченных в тюрбаны, демонстрировали гордую магометанскую надменность. Многие лавки уже закрылись, но после официального окончания торгов купцы со своими товарами оставались в городе еще две с лишним недели.

Я очень благодарен мистеру Гранту^[123], англичанину, который возглавлял Волжское пароходство^[124]. Он не только обратил мое внимание на многие товары, которые без него я бы, вероятно, упустил из виду, но и помог решить ряд формальностей. Путешествуя по России, иностранец, наряду с множеством других мелких забот, обязан получать новый паспорт в столице каждой губернии, по которой проезжает. Конечно, это правило строго не соблюдается, и обычно паспорт выдают для проезда сразу по нескольким губерниям – так, в год нашего турне в Петербурге этот документ предоставляли либо до Москвы, либо до Нижнего (в нем я получил его до Перми), в главном городе Оренбургской губернии Уфе^[125] – до Астрахани, а там – уж до самой Варшавы. Правда, в этом мне всегда помогали добрые люди.

После тяжелого ярмарочного дня мы отправились в превосходный ресторан, где блюда, мало отличавшиеся от привычных нам, вина, часть

из которых, кажется, были бордоскими и рейнскими, и обладающий чувством юмора мистер Грант заставили меня на время забыть, что я нахожусь в России. И только за полночь, когда выбритых официантов в белых фартуках сменили бородатые трактирщики в длинных кафтанах, вместо красного вина на столах появился чай, а взамен маршей военного оркестра на нас обрушились чудовищные гнусавые звуки группы цыган, я спустился с небес на землю.

Мне посчастливилось найти пассажирский пароход, который на второй день моего пребывания в Нижнем отправлялся в Казань. Судно принадлежало компании «Самолет»^[126], но мистер Грант был так любезен, что представил меня капитану, служившему прежде в Волжском пароходстве. Этот отменный офицер, голландец по происхождению, был исключительно учтив и отлично знал фарватер. Мы должны были отчалить в девять часов утра, но нам намекнули, что лучше подняться на борт на пару часов раньше, иначе все свободные места займут возвращающиеся с ярмарки.

Поэтому мы покинули отель в пять часов утра 7 сентября, и так как мост был открыт для пропуска барж, то переправились через реку в маленькой лодке, сопровождаемые криками толпы, которую сдерживал казак с длинным кнутом. Пристань находится за ярмаркой, и берег, на котором она стоит, весной заливают вода, поэтому торговцам приходится ежегодно сносить и заново строить свои лавки. Обычно это место бывает довольно безлюдно, но в дни ярмарки здесь не менее шумно, хотя и не столь оживленно, чем на пристани у Тауэра^[127].

Когда мы вошли на борт парохода, палуба уже была заполнена разношерстной толпой людей – русскими почти со всех восточных губерний, татарами из Казани, немцами из-под Саратова, персами и армянами из Астрахани, бухарцами и бухарскими евреями из Оренбурга, были и люди, направлявшиеся в Ташкент. Я думаю, что многочисленность иностранцев на нижегородской ярмарке несколько преувеличена, ведь обычно азиатские купцы далеко не ездят. В Кяхте ведется бартерная торговля с китайцами, в Оренбурге – с бухарскими и хивинскими, а в Троицке – с ташкентскими и кокандскими купцами. Многие из них осели в крупных торговых центрах – в частности, в Нижнем – и, в большинстве своем являются российскими подданными.

Однако на борту было достаточно людей, чтобы не скучать во время двухдневной поездки в Казань. Если на палубе толпилось

множество богатых негоциантов (успешных в бизнесе сразу можно определить по их большим животам) в пестрых платьях, то в каюту набилось еще больше совсем уж богатых лиц в гораздо более роскошной одежде. Не ожидая ничего хорошего от предстоящей ночи, я, найдя свободный уголок, бросил туда свои пальто и плед и уже хотел было устроиться на палубе, но капитан, несмотря на мое сопротивление, уговорил меня перебраться к нему в каюту. Не только одежда и внешний вид, но и багаж моих попутчиков выглядели необычно. Всевозможные коробки и ящики – от гробов до корпусов повозок – деревянные, из коры, покрытые мишурой и фольгой, а то и с рисунками всей китайской флоры. Среди этих тюков, узлов и мешков мой английский чемодан выглядел совершенно неестественно.

Так как все пассажиры прибыли на пароход за час до отправления, мы вовремя подняли якорь, и сразу после девяти часов утра Нижний стал уходить вдаль, а звон его колоколов постепенно затихал. Плавание по Волге – дело хлопотное в силу ее широты и мелководности. Вдобавок, песчаные отмели постоянно меняют свое расположение, поэтому всякая лодия на следующий год становится бесполезной – ее заменяет регулярная практика судовождения. Капитан нашего судна, казалось, чувствовал себя на этой реке как у себя дома – он знал каждый ее поворот и изгиб, каждый ярд извилистого русла, знал, где существует опасность сесть на мель. К тому же он почти все время проводил на капитанском мостике. Какова здесь навигация, свидетельствует тот факт, что пароходу приходится идти по реке не прямо, а зигзагами, в результате чего путь от Нижнего до Казани увеличивается примерно наполовину.

Днем я пребывал на кожухе гребного колеса, куда пригласил узкий круг друзей, главными из которых были русский фабрикант из Марасов (примерно в ста двадцати верстах к юго-востоку от Казани)^[128], мой спутник Л. и капитан Лан^[129] из Казани. С этого места можно было обозревать палубу и всю округу. Самое важное действие разворачивалось прямо под нами – там за столом люди весь день пили чай. Пополнение запасов топлива сейчас организовано лучше, чем во времена Олифанта: заранее подготовленные лодки быстро доставляют дрова на судно. Стук чурбаков по палубе, несомненно, разбудил спящих в каюте торговцев, а самым любопытным пассажирам пришлось смешно подпрыгивать, когда дрова выгружали на палубу. Минут через

десять огромная гора древесины завалила проход, но большую ее часть вскоре убрали вниз, а остальное сразу пошло в дело.

Погода по-прежнему стояла прекрасная, и пейзаж радовал глаз. Невысокие горы на правом берегу были покрыты соснами, у Макарьева^[130] – дубами, изредка перемежающимися вязами и липами с уже заметными приметами осени. Левый берег реки здесь ровный, с длинными желтыми песчаными отмелями у самой кромки, за которыми тянутся луга и леса.

Макарьев, расположенный примерно в ста верстах от Нижнего на левом берегу реки, – это первый встреченный нами в пути «град» (город). Он довольно древний, а его старинный монастырь настолько нависает над рекой, что его подпирают сваи^[131]. Большая ярмарка существует здесь с 1524 г., когда царь Василий Иванович^[132] запретил русским купцам торговать в Казани. Как и многие другие светские институты, ярмарку прибрала к рукам русская церковь и стала проводить ее в стоявшем здесь монастыре. После уничтожившего его в 1817 г. пожара она была перенесена на нынешнее место. С одним селом, расположенном выше Макарьева, связана недавняя история обретения крепостным мужиком огромного богатства – иногда такое случается. Этот человек нажил примерно пять миллионов рублей, но, как мне рассказали, принадлежал грузинскому князю, который при жизни отказывался отпускать его на волю – это сделал его наследник, и теперь упомянутый мужик владеет самым большим домом в Нижнем.

Чуть ниже находилось селение староверов. Это одна из многих сект, существующих в России. Правда, о ней мало что известно по причине подозрительного отношения к староверам со стороны православных властей, из-за чего они не афишируют свои догматы. Староверы всегда обладали большим влиянием, причем настолько, что Петр Великий стал их преследовать и обложил двойным налогом, который, однако, через несколько лет отменили. Со времен Екатерины II власти безуспешно пытаются примирить староверов с православной церковью. Их религиозные установки основаны на Библии и по сути являются иудаистскими, староверы отвергают все новое, причем даже в одежде. Согласно их вере, нельзя бриться и стричь волосы – вслед за Тертуллианом они полагают, что в противном случае происходит обезображивание головы и лица, которые Господь дал человеку^[133]. Они не употребляют табака и картофеля, считая первый воплощением

Сатаны, а второй – плотью предателя Иуды и одновременно запретным плодом Эдемского сада. Староверы часто конфликтовали с властями, так как принимали в свою среду священников, преданных анафеме в официальной церкви, делали их своими руководителями и поручали им рукополагать собственных священнослужителей. Все это вызывало серьезную озабоченность властей, и в 1838 г. их четыре училища были разогнаны с помощью военной силы, а ученики сосланы в Сибирь^[134]. Главные институты староверов находятся, видимо, на востоке, в малонаселенных и глухих частях страны – таких, как Саратовская и Оренбургская губернии, а также Сибирь. Старообрядчество весьма распространено среди торговцев и фабрикантов, гораздо реже – у дворян и крестьян.

Мы бросили якорь поздно ночью где-то вблизи Козьмодемьянска, но незадолго до этого холодный речной туман загнал меня вниз, в мое уютное пристанище – каюту капитана, где я вечером занимался написанием писем и чтением старых номеров «Галиньяни»^[135], узнавая европейские новости, которые уже некоторое время не получал.

Утром, в полдень и на закате кожух другого гребного колеса с разрешения капитана заполняли магометане, чтобы совершать свои молитвы. Для нас, европейцев, они звучали непривычно и грубо, но мы понимали, что, пав ниц в сторону Мекки и с благоговением повторяя слова, которыми уже тысячу лет на значительной части Старого Света почитают среди океана многобожия Единого, Живого, Истинного^[136] Бога, эти люди стремились услышать слова Аллаха и вдохнуть в себя его дух.

На рассвете меня разбудил топот татарских деревянных башмаков над моей головой. Совершив привычный утренний туалет, который позднее свелся у меня к минимуму, я вновь уселся на колесном кожухе и принялся за бодрящий чай, которого на пароходе, кажется, было столько же, сколько в Волге воды.

В Чебоксарах мы в последний раз запаслись дровами. Отсюда до Казани пароход обычно идет семь часов, но сейчас из-за обилия пассажиров он плелся дольше. На второй день пейзаж стал красивее – горы приняли более правильные формы, а лес приобрел разнообразие. Ниже Чебоксар растут обширные дубовые леса. Стройных сосен вдоль реки почти нет, потому что лучшие из них рубят и отправляют на

судоверфи в Петербург, а то и в Архангельск. Река полна диких уток, а левобережье славится своими медведями.

Последние двенадцать-пятнадцать верст до Казани Волга течет прямо, и в конце пути из воды постепенно поднимается город. Хотя стояла хорошая погода и мы плыли по столь прекрасной реке, как Волга, двое суток, проведенные на пароходе, сильно утомили меня, и все же тяжело было расставаться с почтенным старым бухарцем, который не сразу простил меня за то, что я рисовал, как он пьет чай, с хитрыми татарами, которые отчасти стали соучастниками моего поступка, с застенчивым ташкентским парнем, за которым я, хохоча, гонялся по палубе с альбомом в руках, но особенно с нашим капитаном-голландцем, с которым мы попрощались крепким английским рукопожатием.

Старик – бухарец

Около пяти часов вечера 8 сентября пароход причалил к берегу в пяти верстах от Казани. Город выглядел изумительно, когда мы ехали по проложенной по лугу между ним и рекой неровной дороге. Даже в сравнении с Нижним он был довольно красив, а его своеобразное расположение и вроде бы старинная татарская башня^[137] придавали ему особое очарование. Крепко вцепившись в мчавшиеся дрожки, чтобы не вывалиться, я провожал взглядом Волгу и одновременно украдкой присматривал за телегой, в которой узкоглазый татарин вез наш багаж. Мы остановились в гостинице Рязанова^[138] с ее двустворчатыми дверями, псевдо-дамасскими занавесками, диванами во французском стиле и карточным столом. Но для нормального проживания нужно не только это, а беспомощный слуга лишь непрерывно кланялся и пялился на нас. С величайшим трудом, после долгих уговоров, угроз, упреков и призывов нам удалось получить у него тазик и два полотенца. В дальнейшем мы научились обходиться без вещей, которые на Западе служат для поддержания комфорта, здоровья и опрятности, но тогда, в Казани, решили провести *experimentum crucis*^[139], чтобы узнать, какой сервис может предоставить путешественнику русская гостиница.

Сначала мы отправились в дом мануфактурщика, который готовился выехать «за город», в Марасу. Он был очень любезен и велел двум своим слугам сопровождать нас, когда мы пойдем покупать «тарантас», т. е. дорожный экипаж. Потом мы пошли по длинным прямым улицам^[140], протянувшимся через весь город, и, удивившись после оживленных Москвы и Нижнего его тишине и отсутствию прохожих, уселись на кремлевском валу. Облака уже заволакивали небо, но луна, почти полная, продолжала сопротивляться темноте, а рассыпанные внизу огни города делали Казань более живой, чем днем. Сидя в потемках, да еще и на валу Казанского кремля, следовало бы молчать, но то ли ночь, то ли вид старинной татарской башни и общее впечатление от города развязали мне язык, и я как-то сам собой стал рассказывать своим спутникам о древней истории, болгарях, финских, славянских и индогерманских миграциях, причем мое красноречие явно превосходило мои познания в этих вопросах.

Глава II

Казань. – Тарантас. – Сибирский тракт. – Русские ямщики. – Дороги. – Грозящие опасности. – Сибирская каторга. – Пермь.

Как известно, Казань раньше была столицей татарского ханства, обычно называемого Казанским царством. Основал ее примерно в середине XIII в. почти в двенадцати верстах от нынешнего города Батый или один из его сыновей. Старый город был сожжен в 1391 г. великим князем Василием Дмитриевичем^[141], а сорок лет спустя здесь поселился хан Золотой Орды, изгнанный из своих владений^[142]. С тех пор на этих землях не было покоя, и после полуторавековых войн, предательств и кровопролитий Казань была взята Иваном Васильевичем^[143] и окончательно вошла в состав России, а татары стали жить в отдельном квартале в нижней части города близ небольшого оз. Кабан. В ходе гражданской войны в 1774 г. Казань была сожжена, но затем восстановлена Екатериной II.

Говорят, что в Казанской губернии насчитывается 230 тыс. татар, а в самой Казани их примерно 13 тыс., или треть всех горожан. Приблизительно две-три тысячи татар – крещеные. Татарское население преимущественно занято выделыванием кож и мыловарением. Хорошее магометанское образование татары стремятся получать в Каргале – селе, находящемся в двенадцати верстах к северу от Оренбурга^[144], или в Бухаре.

Казань, между прочим, славится производством экипажей^[145]. Спрос на них довольно высок, так как отсюда идет самый лучший почтовый путь на восток. Прокладка железной дороги между Петербургом и Москвой, нового шоссе до Нижнего и организация пароходного сообщения по Волге связали столицу страны с восточными губерниями и Сибирью через Казань, упразднив прежний маршрут через Кострому и Вятку.

По России обычно ездят на так называемом «тарантасе» – четырехколесной повозке с напоминающим каюту баркаса корпусом, только без дверей, однако в моем случае он скорее походил на широкую, усеченную с носа и кормы лодку с низкими бортами. У него

имеется кожаная откидная занавеска, а впереди находятся каретный ящик, на котором могут разместиться один пассажир и ямщик. Если вы раньше никогда не имели дела с тарантасом, то удивитесь, узнав, что сидеть в нем нужно на собственном багаже, но благодаря этому он всегда будет у вас на виду, а не где-то сзади. У этого транспортного средства отсутствуют рессоры: его кузов покоится на соединяющих переднюю и заднюю оси длинных деревянных жердях. Их пружинистые колебания, которые русские называют весьма крепким словом, настолько непохожи на работу стальных рессор, что мы сначала даже не заметили их сходства^[146]. Можно было выбрать либо прочный, либо легкий тарантас, однако, проехав на хрупком экипаже от Варшавы до Петербурга, я предпочел первый вариант и после обычных в таких случаях торга и итогового рукопожатия купил сию геркулесову повозку за 170 руб.^[147] Конечно, облегченная конструкция тоже неплоха, она вполне пригодна для этих северных мест и еще удобнее на юге, но нам предстоял долгий путь, и часто ремонтировать экипаж было бы накладно. Кроме того, надежный вариант его лучше подходит для уральских дорог.

Пока Л. складывал провизию и делал остальные приготовления к нашему отъезду, я отправился навестить капитана Лана, чья милая женушка совсем не ожидала столь скорого возвращения мужа – леди хотела устроить ему маленький сюрприз, поменяв обои и побелку в доме, но не успела завершить это до приезда супруга. Несмотря на дождь, капитан уговорил меня проехаться с ним по татарскому кварталу города^[148], чтобы посмотреть на мечети, лавки, где торгуют кониной, и особняк богатого татарина. Интерьер последнего состоял из причудливого смешения восточной и французской обстановки: в гостиных стояли столы и стулья, в спальнях – богато расцвеченные диваны и горы подушек, а печи имели форму храмов Мекки. Хозяин дома попросил, чтобы я написал ему свое имя и адрес, но сам не смог прочесть ни одной английской буквы и так и не понял, откуда я приехал.

В Казани также жили преподаватель английского языка и политэконом-фритредер^[149].

Вернувшись в гостиницу, я узнал, что у нас все готово к отъезду. Мы запаслись большим количеством провизии: хлебом, сыром (чеширский в Казани тоже продается), холодными цыплятами,

шоколадным печеньем, чаем, сахаром, вином, коньяком и т. д., ибо в дороге можно будет раздобыть лишь немного скверного ржаного хлеба.

Около шести часов вечера 9 сентября мы покинули Казань. Шел холодный дождь, какой обычно бывает в Англии в ноябре, наш экипаж ехал по довольно сносному по русским меркам Большому Сибирскому тракту. Представьте себе прорубленную в лесу великолепную широкую просеку примерно в 70–80 ярдов шириной. В середине ее находится собственно дорога, так называемый Большой тракт, – полоса земли шириной примерно 30 ярдов, существующая в том виде, как заблагорассудится ей и погоде – твердой или мягкой, ухабистой или ровной. Кое-где в ней виднеется узкая, изъезженная колея, петляющая мимо кочек, впадин, камней и трясин и обозначающая путь для водителя. По обе стороны дороги имеется открытое пространство, предназначенное для того, чтобы путешественник заранее успел увидеть своего врага, будь то человек или зверь. Везде, где есть открытая местность, и даже лесные просеки, по обеим сторонам тракта посажена двойная линия берез. Довольно высокие, они даже на ухабистой дороге радуют глаз и резко контрастируют с сибирской сосной (*Pinus Picea*) и елью (*Abies*). За этими деревьями едва различимы очертания куполов и шпилей русских церквей. Мосты состоят из уложенных поперек балок бревен, которые едва обтесаны и не выровнены, поэтому проезжающий по ним экипаж сильно трясет. До Малмыжа^[150], расположенного в 138 верстах к северо-востоку от Казани, тянутся возделанные поля, а потом дорога идет через обширные вятские леса – самые красивые и замечательные на всем этом пути.

Организация пассажирских перевозок на Большом Сибирском тракте за исключением шоссейных дорог – самая лучшая в России: лошадей и возничих здесь много, и они бойкие. Ямщик старается как можно быстрее доставить своего клиента до следующей почтовой станции, и делает это от души, поскольку состоит на государственной службе и поэтому уверен в завтрашнем дне. Он сутками находится в пути, в хорошую погоду или в ненастье. Чтобы не заснуть, возничие поют по ночам, они разговаривали со своими лошадьми, называя каждую по имени, когда в бурю мы мчались через лес или степь, кутаясь в свои меха, и молча сидели на корточках в укромном уголке тарантаса, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться. Не раз, когда ветер и

снег покрывали лошадей и кучера чем-то вроде ледяного панциря, ямщики, прибыв в конечный пункт, смеялись над этим от души, словно дети. Этих людей часто унижают путешественники, которым претят их глупость, упрямство, мошенничество и безрассудство, но, признаюсь, что из почти трех сотен, а то и более ямщиков, с которыми мне пришлось иметь дело в России, было не более полдюжины тех, которыми я был недоволен. Путешественнику не стоит требовать от них ни ума, а тем более утонченных манер – качеств, которые можно приобрести только в цивилизованных и образованных странах, но они прекрасно знают свое дело, охотно берут «на чай» и «на водку», однако на службе всегда бывают трезвыми. За все время мне повстречались лишь два пьяных в стельку ямщика, но даже с ними я добрался до ближайшего пункта без происшествий. Когда им одалживаешь в ненастье перчатки или какую-нибудь накидку, их лица словно озаряются снизошедшим благословением, но они никогда не присваивают эти вещи себе, хотя в России воруют на каждом шагу.

К сожалению, в пути ямщики совершенно не заботятся ни о ваших костях, ни повозке. Тронувшись с места, они сразу же переходят на кентер^[151], который может быстро превратиться в галоп. Колеса начинают жужжать и, если дорога ровная, то езда будет легкой, однако, за исключением степей, трасса чаще всего состоит из ухабов и грязи. Вскоре на пути появляются маленькие речушки с хлипкими мостиками. Передние колеса стучат по бревнам, ваши ноги совершают маленькое «voyage autour de la voiture»^[152], мелкая кладь с провизией скачет, и когда на мостик въезжают задние колеса, начинают стучать уже ваши зубы, конечности становятся неуправляемыми, сердцебиение учащается, а голова бьется о потолок повозки.

Перед выездом из Казани нам сообщили о нескольких недавних нападениях на чиновников с целью грабежа и поведали о множестве иных подобных историй. Надо сказать, что пока мы ехали на восток, нас только этим и пугали, и лишь на обратном пути, в Рязани, эти рассказы прекратились. Одни советовали нам прервать путешествие, другие – передвигаться исключительно днем, третьи – держать при себе оружие, четвертые просто излагали подробности того, как едва сумел спастись кучер, кого-то зарезали и т. д., словно это могло нам помочь! Однако за все время нашего путешествия мы ни разу не попали в такие истории, поэтому желающие повторить наш опыт могут не опасаться,

но все же должны держать ухо востро! При нас всегда были револьверы, и мы всячески давали знать, что они не только заряжены, но и находятся в опытных руках. Для тренировки и ради забавы мы палили во встречавшихся на пути, особенно вблизи селений, многочисленных ворон и сорок, но обычно наши пули летели мимо. Однако всякий раз, когда нам выпадала удача, ямщик благодарил своего святого или Пророка – в зависимости от того, был он христианином или магометанином, – что англичанин не попал в него. Молва о нашей удали неслась впереди нас, обрастая всяческими фантазиями, но была ли от этого нам польза? Безусловно, все штатские пассажиры в России имеют при себе оружие, но эти тяжелые дробовики, ржавые сабли и старинные пистолеты вряд ли спасут в трудную минуту.

Несмотря на тряску, которая сначала казалась невыносимой, езда по этим лесам представляла собой невероятное зрелище – темные вершины сосен четко выделялись на фоне неба и сутками неслись за нами бесконечным кортежем. Было холодно и мрачно, ведь эта дорога шла в Сибирь. Солнце не показывалось уже пару дней, но по ночам луна иногда пробивалась из облаков, демонстрируя величие тьмы. Временами наш прерывистый сон – а мы спали по очереди, и первое время больше дремали, – прерывали багровые отблески и яркие вспышки над деревьями, словно наш тарантас мчался по центрам английской металлургии или вблизи озера и жерла Аверны^[153]: это полыхали лесные пожары. Вскоре наступило серое промозглое утро и показалась длинная вереница оборванцев, бредущих вдоль двойного ряда берез туда же, куда ехали мы. Понимая, кто это, мы все же с трудом верили, что являемся свидетелями этого печального, странного и, казалось бы, исчезнувшего явления. Подъехав к почтовой станции, мы обнаружили рядом с ней обнесенное частоколом здание, в котором эта толпа недолго отдыхала и принимала подавание от сочувствующих. Согласно официальным данным, ежегодно десять тысяч человек следуют по этому пути, и четверть их находит на нем свое последнее упокоевание, так и не дойдя до цели.

Нерчинские рудники Восточной Сибири находятся в 4472 верстах от Москвы, и туда до сих пор ссылают особо опасных преступников^[154]. И хотя каторжный режим сейчас значительно смягчился, все же восемь часов добычи серебра под землей – это тяжелая кара. Однако не всех ссылают так далеко, заставляя

испытывать ужасные страдания: все зависит от тяжести приговора. Человека могут сослать в Западную Сибирь или даже в два раза дальше ее – в Восточную, его путь может отклоняться на север и юг примерно на 20°, доходя до 44° северной широты. Южные районы Тобольской и Томской губерний мало подходят для земледелия, но часть вновь образованной Семипалатинской области^[155], расположенной южнее и восточнее оз. Балхаш, уже называют Сибирской Италией^[156]. Осужденные идут в Сибирь исключительно пешком и зачастую в непогоду. Казенные пересыльные пункты, где они питаются и спят, располагаются в пятнадцати-двадцати верстах друг от друга, и кормят в них только щами, поэтому соседние крестьяне приносят осужденным еду.

Нам хотелось узнать не только об этих местах, но и о тех, что находятся дальше. Однажды мы повстречали купца, который тоже направлялся в Екатеринбург, в другой раз – человека, ехавшего в Тобольск и оттуда в Кяхту, куда, по его словам, он, если найдет лошадей, попадет через двадцать дней. Еще в одном населенном пункте мы разговорились с только что прибывшим с Амура чиновником. Он опоздал в Москву на коронацию, очень об этом переживал и расспрашивал нас обо всех подробностях торжества. Бедняга! За пять месяцев пути он весь замаялся, к тому же в Тобольске подхватил лихорадку. По его рассказам, крайне утомительной была поездка по Маньчжурии: ехать пришлось на северных оленях, но так как в тех местах нет почтовых станций, то можно было преодолевать лишь тридцать-сорок верст в день и через два-три дня давать животным суточный отдых. Дневная жара и ночной холод часто были невероятными.

Третье утро после нашего отъезда из Казани, 12 сентября, выдалось восхитительным и безоблачным, но холодным. Сочные осенние краски делали лес пестрым, а атмосфера напоминала погожую рань конца октября. С возвышенности перед почтовой станцией Култаево^[157] нам открылась изумительной красоты и обильно покрытая нивами долина Камы. Вдали маячила Пермь. Несмотря на солнечную погоду, пейзаж имел откровенно северный вид: это проявлялось в поселениях, окруженных крепким деревянным частоколом и снабженных воротами для защиты людей и скота от волков и медведей, крепких избах из грубо обработанных бревен, маленьких окнах и

дверях. То же самое мы увидели и в Перми, куда прибыли в половине двенадцатого утра, миновав ворота, столбы которых были увенчаны башенками, обшитыми ослепительно сверкающим на солнце железом, словно лавка жестянщика^[158]. Как и во всех русских городах, пермские улицы широкие и перпендикулярные. Некоторое число роскошных зданий, и вот уже показалась окраина, отделенная от леса пустым пространством, особенно в северной, прибрежной части города. В Перми имеется несколько довольно своеобразных зданий, фасады которых обращены к Каме – это, в частности, почтовая контора и весьма респектабельный отель^[159]. Небольшая тропинка вела вниз по неровному, поросшему травой берегу, на вершине которого виднелось скопище деревенских телег с сибирскими товарами, а у подножья – несколько небольших суденышек, снующих между причалом и стоящим на якоре пароходом. Если по суше до Перми можно добраться за три дня, то водным путем – за две-три недели, и то, если еще повезет. За рекой до самой тундры и Северного Ледовитого океана простирается дремучий лес.

Я прибыл в Пермь в совершенно разбитом состоянии: трое суток, проведенных в тарантасе, самая ужасная из всех известных мне дорог, мчавшиеся почти без отдыха резвые почтовые лошади, холод и сырость не прошли даром. К счастью, отель находился при почтовой станции. Это было очень уютное и хорошо обставленное, обращенное фасадом к реке здание с укромным двориком-садом, который в лучах солнца казался довольно теплым и создавал ощущение, что мы находимся гораздо южнее этих мест. Особняк принадлежал англичанину, ранее унаследовавшему гостиницу Говардов в Москве^[160]. Несколько лет назад он построил в Перми этот отель, но потом тут сменился губернатор, а враги. Короче говоря, в результате интриг бизнесмену пришлось бросить свое дело и готовиться к отъезду. Едва узнав, что у него поселился англичанин, этот бедняга сразу же прибежал ко мне – я был для него первым лучом света за все время, проведенное в здешнем темном царстве.

Чтобы отбыть в Оренбургскую губернию, нужно было поменять паспорта. На это требовались сутки, и я, восстанавливая силы, кипел от возмущения этой бюрократической волокитой. В самом теплом и тихом номере проживали два молодых чиновника. Незадолго до нашего приезда у дороги за городом поселились шестеро медведей, поэтому

этим людям пришлось несколько дней провести в отеле. Когда звери ушли, они продолжили свой путь, и я смог переселиться в их номер.

Переоформив свои документы, мы во второй половине следующего дня выехали из Перми^[161], и вскоре на смену городским огням пришло сияние звезд, а суete почтовой станции – шум гулявшего по лесу ветра.

Глава III

Первая встреча с Уралом. – Горный перевал. – Екатеринбург. – Горные заводы. – Производство оружия. – Монетный двор. – Азиатская сторона Урала. – Златоуст. – Заводы. – Сатка.

- Вишь, барин – Уральские горы!
- Пошел к черту, отстань!
- Sehen Sie nicht die Ural Gebirge am Horizont?
- Ich sehe die Sonne, wie in das Heimathsland, von die Nebeln hinaufgehen. Lassen Sie mich noch traumen.
- Mais, Monsieur, apres avoir parcouru toute la Russie pour voir les Urals, ne vaut-il pas la peine de les regarder?
- Mais, done est-ce qu'ils s'en iront?
- Well, Sir, shall I just give them a salute with my three remaining barrels?^[162]

То ли этот призыв, произнесенный по-английски, то ли перспектива выстрела из револьвера вблизи его уха произвели такой эффект, сказать, пожалуй, трудно, но несомненно, что в этот момент спящий проснулся и медленно приходя в себя, увидел далеко на востоке голубые очертания Урала.

Урал впервые возникает на почтовой станции Ачитская^[163], примерно на полпути между Пермью и Екатеринбургом, а с почтовой станции Бисерская^[164], можно сказать, начинаются его окраинные хребты. Леса в этих местах не такие густые, как на Вятке, и при приближении к горам на смену соснам обычно приходят березы. Между Бисерской и Клёновской^[165] имеются живописные долины, напоминающие шотландские. В дни, когда мы их пересекали, они были восхитительно красивы в силу своей осенней расцветки. Поверхность земли здесь волнообразная до самого начала перевала – по этой причине мы периодически упускали из виду главный хребет и не верили, что доберемся до него. Вокруг селений лес обычно частично вырубает под пастбища и луга, сохраняя его отдельные участки – почти как в английском парке. Дорога была отвратительна. У подножия главного хребта она пересекает Чусовую – небольшую, но имеющую важное значение реку. Два ее ответвления текут по обеим отрогам

Урала, на которых расположены медные Гумёшевские рудники^[166], — примерно в сорока милях южнее Билимбаевского завода^[167], где указанную реку пересекает Сибирский тракт. Обогнув западный склон Урала в северном направлении почти на полтора градуса широты, Чусовая поворачивает на запад и впадает в Каму в двенадцати-пятнадцати милях выше Перми. Эта река судоходна — по крайней мере, весной, — почти от самого своего истока, и поэтому активно используется для перевозки больших объемов продукции этого чрезвычайно богатого района. В селении Билимбаевского завода находятся огромные чугунолитейные предприятия семьи Строгановых. Еще через десяток верст дорога пересекает небольшой приток Чусовой — последнюю реку европейской части страны^[168]. Пройдя чуть южнее горы Березовой^[169] (в тех местах, по-видимому, имеются две горы с таким названием, вторая расположена к западу от почтовой станции Киргишанская^[170]) и по склону горы Волчиха^[171], которая поднимается на высоту 1100–1200 футов над перевалом, дорога спускается вниз. На расстоянии примерно тридцати одной версты от Билимбаевского завода и в двадцати трех верстах от Екатеринбурга, немного западнее д. Решеты^[172], она пересекает Малую Решетку, приток Исети — первой реки в азиатской части России. Исеть впадает в Тобол у Ялуторовска^[173] на пути в Омск, Иртыш — у Тобольска и Обь на полпути между этим городом и Берёзовым^[174], откуда воды, собираемые с Урала, Киргизской степи^[175], Алатау и Алтайских гор, попадают в Северный Ледовитый океан. Немного южнее этой дороги реки Чусовая и Исеть сближаются до четырех верст друг от друга, что породило мысль соединить их каналом, т. е. объединить водные коммуникации Каспийского моря и Северного Ледовитого океана, однако этот проект не был осуществлен^[176].

Путешественник всегда рад хорошей погоде, но есть места, которые выглядят прилично и в плохую — так, по крайней мере, я утешал себя, когда ясный день нашего отъезда из Перми сменился на не суливший ничего хорошего пасмурный. Облака, которые утром нависали на востоке у кромки горизонта и сливались с первыми очертаниями Урала, теперь покрыли все небо и стремительно неслись мимо, подгоняемые ветром, короткие порывы которого обрушивались на нас в горных низинах. Уже смеркалось, когда мы въехали в густой лес, и ямщик, зорко смотревший по сторонам, вскоре указал нам на

двух волков, которые крались по полю недалеко от дороги. Они будут представлять угрозу только через несколько месяцев, а сейчас, не испытывая голода, вели себя мирно, лишь усиливая впечатления от пейзажа. Волки и медведи опасны скорее ранней весной, чем зимой, поскольку их потенциальная добыча выходит на луга при первых ростках травы и сразу попадает в лапы этих хищников.

Около полуночи мы добрались до Билимбаевского завода, но в пять часов утра вновь двинулись в путь. Вокруг все было довольно банально, но мы были в приподнятом настроении, ведь впервые в жизни пересекали последнюю речушку Европы, а, спускаясь по восточному склону Урала, тоже в первый раз испили азиатской воды.

Русские города крайне однообразны. Высокие церкви на фоне обычных домов, их количество, купола, причудливые, хотя и одинаковой формы шпили издаലെка выглядят восхитительно, но стоит заехать в город, попадаешь на широкие унылые улицы и большие безлюдные площади, в облака пыли, увязаешь в лежащей повсюду грязи и в итоге разочаровываешься. Однако Екатеринбург стоит на горах, занимает большую площадь и перемежается деревьями, а небольшое озеро вклинивается почти в самый его центр. Множество заводов, извергающих из своих печей черный дым, а также паровые и водяные источники энергии придают этому месту, находящемуся на краю света, но ставшему доступным благодаря ужасной дороге, необычный вид.

Вид Екатеринбурга

Нас поселили у итальянца по имени Фрати, который жил здесь уже почти четверть века и содержал уютную гостиницу. Этот прекрасный, добродушный человек особенно благоволил к тем, кто владел его родным языком, поэтому угостил нас редким в России продуктом – хорошим кофе^[177].

Я заранее запасся несколькими рекомендательными письмами к местным чиновникам, что облегчило мне пребывание в этом городе, а помог мне в этом один англичанин – знаменитый путешественник по Сибири, который мог сутками рассказывать о своем посещении Екатеринбурга^[178].

В городе имеется несколько казенных фабрик. Первая, на которой мы побывали, осуществляла резку и шлифовку камней и мрамора^[179]. Впрочем, функционировала она так себе: механизмы находились в ремонте, а персонал был небольшим. Нам показали почти законченный прекрасный яшмовый канделябр, правда, вполне заурядный. Штат фабричной администрации был полностью укомплектован, как будто предприятие работало в полную силу. Жалованье рабочих здесь крайне низкое и выдается частично деньгами (2–4 руб. ассигнациями, т. е. чуть

больше 2–4 шиллингов в месяц), а частью хлебом, однако они подрабатывают камнерезным делом у себя дома и нередко изготавливают на продажу редкостной красоты изделия из камня, а также бусы, ожерелья, браслеты, украшения камина, стола и т. д. Мы купили у них малахитовые и иные каменные безделушки по вполне приемлемой цене.

Среди минералов, образцы которых встречались нам в Екатеринбурге, были прозрачно–голубоватые и совершенно прозрачные, словно возникшие из чистейшей воды, топазы, а также коричневые, или дымчатые кварцы, желтые бериллы, пурпурные аметисты, горный хрусталь, «сибирские алмазы»^[180], разновидности яшмы, порфир и малахит. Сюда привозят для обработки камни с Алтая и даже из Нерчинска, а иногда здесь можно купить лазуриты из далеких Бадахшана и с юга Бухарского ханства.

Кроме гранильной фабрики мы побывали на производстве оружия и станков, а также на Монетном дворе^[181], где во множестве чеканят медные деньги, но они низкого качества. Ворота Монетного двора охраняют солдаты. Это вооруженные до зубов, но вполне обычные люди следят, чтобы не пропала ни одна копейка, однако мелкие кражи рабочими все же случаются. На предприятии имеется музей монетного дела, экспонаты которого свидетельствуют о постепенной девальвации монеты, особенно за последние шесть лет.

К Монетному двору примыкает Механическая фабрика^[182], которой управляет англичанин^[183]. Все ее токарные, фрезерные и прочие станки – английского производства, за исключением одной-двух деталей, которые были недавно изготовлены здесь по английским же чертежам. На верхнем этаже этого небольшого здания находится фабрика по производству ручного огнестрельного оружия. До начала последней войны^[184] ее управителем тоже был англичанин^[185], но сейчас его сменил немец. На фабрике используется бельгийское оборудование.

Так как в Нижнем я расстался с последним путешественником-англичанином, у меня возникло желание прогуляться с соотечественником по этим предприятиям, поболтать с ним на родном языке, сравнить его жизнь в Сибири^[186] с тем, чего он может добиться на родине, а главное – полистать иллюстрированные номера «Дейли ньюз»^[187], которые хранились у него дома. Мне показалось, что

управитель Механической фабрики был недоволен своим теперешним положением и с пессимизмом смотрел в будущее, хотя предприятие предоставило ему отопливаемый дом и ежегодное жалованье в 350 фунтов стерлингов, которое недавно увеличили^[188], – видимо, власти высоко его ценили^[189].

Кроме казенных, в Екатеринбурге есть частные заводы. Одна из механических фабрик принадлежит англичанину мистеру Тету^[190], который, к сожалению, отсутствовал в Екатеринбурге во время моего пребывания в нем, поэтому нас приняла его гостеприимная жена-немка. Большой токарный станок, недавно изготовленный на этом предприятии, в настоящее время задействован на верфи в Астрахани.

Находясь в Екатеринбурге, я имел удовольствие познакомиться с генеральным инспектором уральских заводов генералом Одинцовым^[191], полковниками Строльманом^[192] и Вейценбрейером^[193], с доктором Тиме^[194], а также с директорами нескольких промышленных казенных предприятий города.

Общаясь с ними, я пожалел о краткости своего пребывания в Екатеринбурге, – настолько меня здесь хорошо принимали, так что будущие путешественники, имейте это в виду, если окажетесь в этих краях! Доктор Тиме, несмотря на все его заверения в обратном, понимает английский язык.

Продукция екатеринбургских заводов находит потребителей далеко отсюда. Как уже говорилось, по воде она доставляется с западных отрогов Урала на Волгу, а оттуда – по всей Европейской России. Из Екатеринбурга и Златоуста оружие поставляется народностям и пограничным войскам Сибири. На этих же заводах производятся паровые машины и даже железные пароходы, которые потом ходят по рекам, внутренним морям и озерам Азиатской России. Месторождения руды и каменного угля (правда, он низкого качества, но в изобилии имеется уголь древесный) находятся рядом, поэтому чтобы горнопромышленные и промышленные районы Урала стали полезными не только для России, но и для мировой торговли, нужны лишь капитал и источники энергии. Основные месторождения железа находятся в Нижне-Исетском заводе^[195], что примерно в десяти верстах южнее Екатеринбурга, и в Каменском заводе^[196], а это в девяноста верстах восточнее его у р. Исеть. Медь для чеканки добывают в горах вблизи Богословского завода^[197], а также в окрестностях Перми: первое из

этих месторождений, безусловно, наиболее богатое и, говорят, дает в три раза больше руды, чем второе.

В настоящее время золото добывается примерно в двадцати местах на землях, которые простираются примерно от 52° до 60° северной широты в основном на восточной стороне Урала: где-то с большой прибылью, а где-то с малой. За открытие его перспективных месторождений предусмотрено вознаграждение. Когда залежи истощаются, промывочные механизмы – а промывание породы является основным способом золотодобычи – демонтируют и перевозят на новое место.

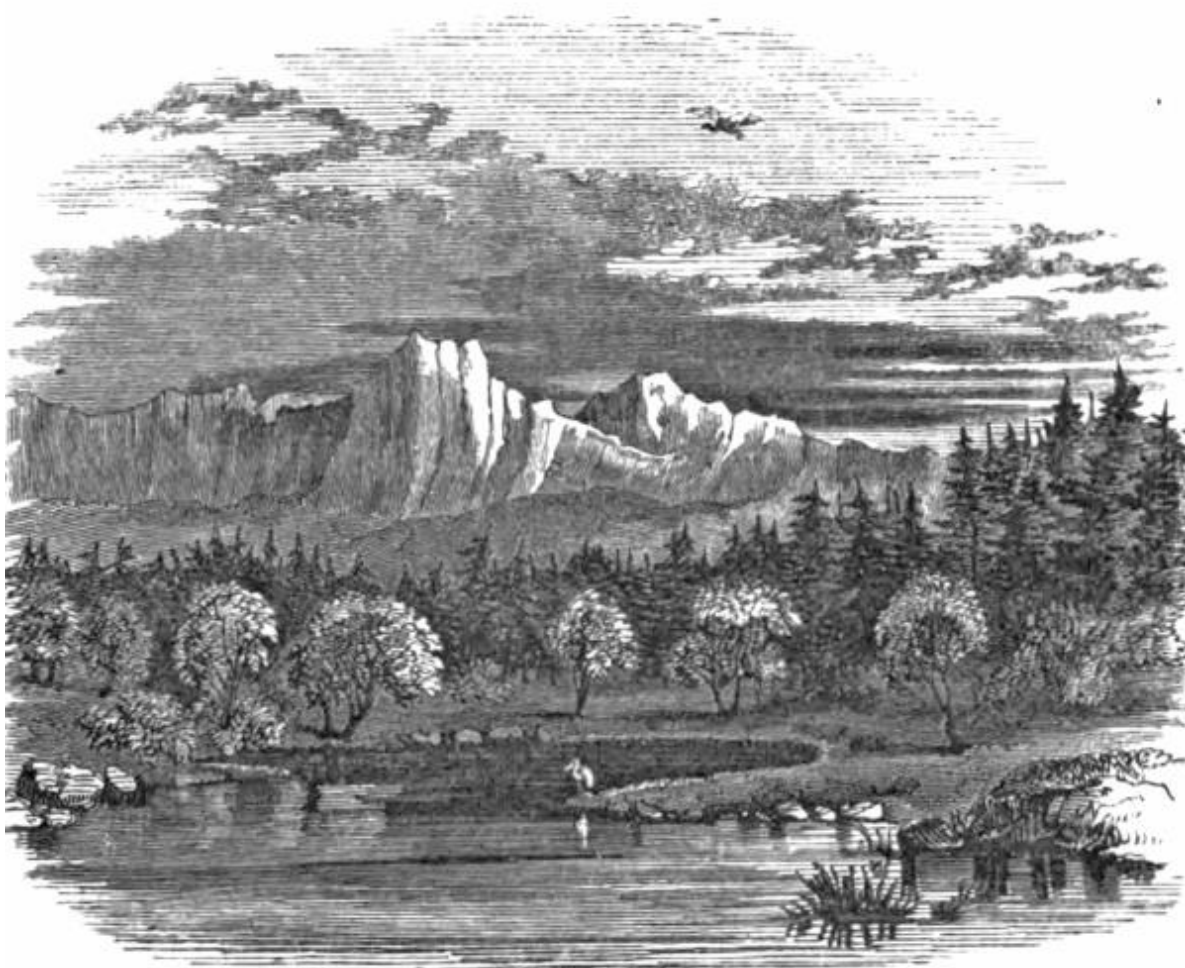
Об изобилии в этих местах всевозможных минералов можно судить по их перечню в приложении к книге сэра Р. Мурчисона «Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского»^[198].

Мы выехали из Екатеринбурга 17 сентября около пяти часов вечера и отправились по проселочной дороге («Grand Chemin Praticable» – «большая проезжая дорога» русских почтовых карт) в Златоуст. Обслуживаются эти маршруты гораздо хуже, чем казенные почтовые трассы: на их станциях бывает непросто добыть лошадей, у пассажиров нет подорожной, чтобы в случае чего ее можно было предъявить, нет там и книг жалоб, а потому некуда заносить свои претензии. Но так как эти дороги обычно проходят по красивейшим и интереснейшим местам, то ими иногда стоит пользоваться. К тому же, не познав их, нельзя понять Россию.

Наш тарантас быстро мчался на юг, что после долгих холодных дней было особенно приятно – не только по причине смены географической широты, но и потому, что теперь солнце светило нам в лицо, а не в спину, тем самым отчасти спасая нас от пронизывающего северного ветра. Мы впервые позволили себе открыть кузов повозки, чтобы насладиться его лучами. Восточные отроги гор выглядели потрясающе, примитивное земледелие и крестьяне, собирающие урожай, разительно отличали эти места от уральского Бирмингема^[199]. Вдоль дороги тянулись длинные извилистые озера, по берегам которых стояли окруженные березняком деревни, за которыми лежал главный горный хребет. Его склоны были покрыты соснами, а некоторые самые высокие гребни в виде голых зубчатых кварцевых скал пронзали небо.

Крупнейшие здешние озера – это Силач, Иртяш, Увильды и Аргази^[200], причем первые два образуют фактически единый длинный и извилистый водоем^[201]. Дорога шла между еще двух озер – Миассово^[202] и Тургояк^[203], но так как мы проезжали мимо них ночью, я не смог их увидеть. Расстояния между почтовыми станциями были большими, но лошади быстро мчали нас по ровному, плотному дерну. Конечно, ясный день, прекрасные лошади, хорошая дорога, солнце, озера, леса и горы – это отменно, но мы больше находились под впечатлением от того, что несемся по Азии. У нас только рассветало, а в Европе еще стояла ночь, в Палестине, Египте и Сирийской пустыне она подходила к концу, восточная оконечность Аравийского полуострова, возможно, только готовилась встретить солнце, и лишь на зубчатых стенах Герата^[204] отражались первые отблески его лучей. И все же города, люди и ландшафты Урала не имели такого восточного облика, как в Оренбурге или Астрахани, расположенных в почти пятистах милях западнее.

Озеро Силач и восточные отроги Уральских гор

Повернув назад и направившись в сторону гор, мы примерно через пять дней вновь оказались в Европе. В горной местности вблизи Миасского завода дороги стали неровными, поэтому путь до Златоуста оказался долгим, трасса была крутой и ужасной, так что, несмотря на сияние луны, только в три часа ночи 20 сентября наш тарантас прибыл на место. Огненные отблески златоустовских домен были совершенно не похожи ни на лунный свет, ни на здешние яркие закаты. Попав в мир железа, мы решили, что уже никогда не увидим золотого заката и серебристой ночи.

Мы остановились у убогого домишки, который нам заранее порекомендовали, и постучались в дверь, хотя, конечно, это было не единственное пристанище для гостей Златоуста. Обшарпанный и представлявший собой обычную русскую избу постоялый двор

содержали добродушный старичок-немец по фамилии Гааз, его жена и белокурая дочь. Они не могли предоставить нам должного комфорта, но мы уже привыкли к этому. Мисс Гааз и Л., которого она покорила своими длинными, свободно ниспадающими локонами, приготовили на завтрак превосходный кофе, после чего мой спутник стал присматривать за ремонтом тарантаса, а я отправился на оружейную фабрику.

Окрестности Златоуста – это самая живописная часть Урала^[205]. Немного южнее этого селения находятся одни из самых высоких здешних вершин. Гора Ирмель^[206], которая видна отовсюду, возвышается на 5075 футов, а находящаяся южнее ее гора Яман^[207] – на 5400 футов, и, думаю, выше уже на Урале ничего нет. В этих местах Уральские горы состоят из трех фактически параллельных цепей: восточная, изобилующая гранитом, порфиром и многими полезными ископаемыми, – Ильменские горы^[208]; центральная, лежащая между Миасским заводом и Златоустом, носит название Уральской^[209], а западная, самая высокая из них, – это горы Уреньга^[210]. Границей этой области, которая в ряде мест несколько необычно смещена, является невысокая гряда. Река Ай, текущая на север вдоль длинной и глубокой долины между Уреньгой и Уральским хребтом, поворачивает на запад у Златоуста и потом впадает в приток Камы – р. Уфу. Хотя Златоуст расположен в низине р. Ай и плотно окружен горами, он находится примерно на высоте 1200 футов над уровнем моря; здесь свежий горный воздух, но не такой холодный, как обычно бывает в горах.

Златоустовский и Миасский заводы были основаны в прошлом веке вслед за Екатеринбургом, при этом в Златоустовском производили железо, а в Миасском – медь. Название «Златоуст» означает «Золотые уста», «Золотой рот» и, оказывается, возникло еще до открытия в этих местах (точнее, в Миасском заводе) месторождений золота. Изначально эти земли, как и почти весь Южный Урал, принадлежали башкирам, но постепенно оказались в руках русских. Узнав о здешних богатствах, сюда хлынули частные дельцы, которые за бесценок скупили эти земли у башкир, фактически не имевших представления об их стоимости и не обладавших опытом в таких сделках. Новые землевладельцы зачастую становились сказочно богатыми. Так, земли Соймоновского завода^[211] были приобретены в начале нынешнего столетия за менее чем 50 фунтов стерлингов, хотя ежегодный доход от этого предприятия в

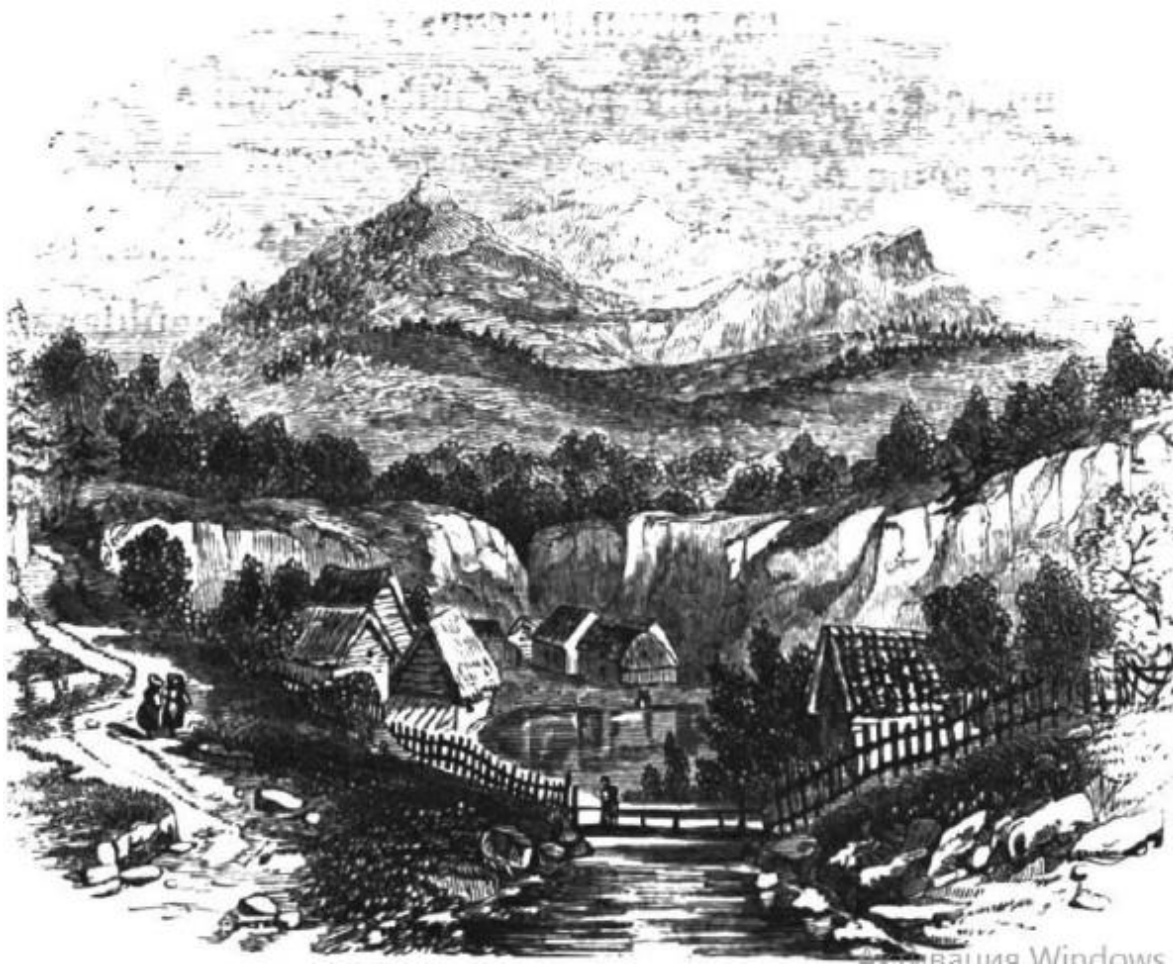
восемьдесят раз больше этой суммы. В итоге власти категорически запретили покупать у башкир землю, но в ответ на это возникло множество акционерных золотодобывающих компаний, обычно состоящих из государственных служащих, которые стали брать

башкирские земли в аренду. Как правило, арендная плата сама по себе небольшая, но поскольку для аренды требуется согласие всех собственников земли, то на взятки неговорчивым или хитрым башкирским вождям уходят значительные суммы.

Большинство построек в Златоусте деревянные, но многие административные здания, заводские цеха и дома управителей возведены из камня. Основу города составляет Арсенал, или оружейная фабрика-склад, производящая большое количество холодного оружия^[212]. Если, как уже говорилось, Екатеринбург знаменит своим огнестрельным оружием, то Златоуст – саблями, штыками и кирасами, и здесь якобы ежегодно выпускают до тридцати тысяч различных видов клинков, в основном длинные кавалерийские («башкирские») сабли для казаков и иррегулярной пограничной кавалерии. Более дорогие их варианты – с дамасской и фигурной позолотой и гравировкой – предназначены офицерам и экспортируются в Азию, кинжалы и ножи поставляются в армию, а также используются в качестве наград. В Златоусте, как и в Екатеринбурге, имеется немало немцев-ремесленников^[213], но я не смог найти ни одного своего соотечественника. На всех здешних фабриках используются английские слесарные инструменты.

Оружейные мастерские, которые, конечно, напряженно работали во время последней войны^[214], в дни моего пребывания в Златоусте функционировали в обычном режиме, многие рабочие были задействованы на модернизации других предприятий.

Некоторые изумительной красоты изделия местных мастеров – в частности, инкрустированные стальные клинки – можно приобрести прямо у них. Из здешнего камня изготавливают прочные и красивые рукояти, а вот золото для отделки хотя и местное, но привозится издалека – добывать его может только казна, а не частные лица. Если бы у нас были при себе лишние английские соверены^[215], то мы могли бы выгодно продать их ремесленникам, чтобы они переплавили их и использовали для отделки своих изделий.

Вид Златоуста

Мы выехали из Златоуста 22 сентября в девять часов утра и когда поднялись по крутой неровной дороге на склон горы Уреньга, перед нами открылся великолепный вид на долину р. Ай. Расцветка ее была очень насыщенной, а на макушках самых высоких гор лежал снег. Прибыв в Саткинский завод^[216], я отправился к его управителю капитану Темникову^[217], чтобы передать ему письмо от доктора Тиме. Мистер Темников жил недалеко от пруда^[218] в восхитительном загородном особняке^[219]. За завтраком жена хозяина^[220] переводила его речь на французский, но в осмотре завода и заводского поселка она не участвовала, однако благодаря доброжелательности и сообразительности мистера Темникова трудностей с пониманием друг друга у нас не было. Руду добывают недалеко отсюда, и отдельные ее

сорта содержат до 60 % металла. Механизмы дляковки и проката здесь такие же, как в Златоусте.

Глава IV

У башкир. – Горные дороги и почта. – Уфа. – Наш проводник. – Английская леди. –хлопоты с паспортами. – Меры предосторожности против разбойников. – Путь через Стерлитамак в Оренбург.

Из Саткинского завода в Уфу ведут два пути: длинный и извилистый главный почтовый тракт^[221] и идущая по горам проселочная дорога, которая короче его на четверть. Не желая совершать большой крюк, мы, вопреки советам, предпочли именно ее^[222]. Оба этих пути расходятся примерно в двенадцати верстах от завода^[223]. Подъехав к этой развилке, наш ямщик остановил экипаж и начал расхваливать преимущества тракта, но так как мы стояли на своем, он стал стращать нас опасностями просеки: «Она же проходит по башкирским землям (у русских Урала все башкирское пользуется дурной славой. – *Авт.*), сама по себе ужасна, люди там дикие, а в горах стоят казачьи пикеты!»

Не знаю, должно ли было последнее замечание предостеречь или успокоить нас, но твердо решив ехать по горам, мы свернули с тракта налево и помчались по дерну. У нас были отличная упряжка лошадей и опытный ямщик. Преодолев за чуть более часа восемнадцать верст по местности, сопровождающейся зарослями леса, мы прибыли к башкирскому селению^[224]. Уже смеркалось, но нас сразу окружила толпа дикого вида людей с непривычными монгольскими лицами и в колоритных одеждах. Численность их в темноте определить было невозможно, но, казалось, что посмотреть на нас пришла вся деревня^[225]. Они что-то лопотали на своем языке, и мало кто из них мог вымолвить хотя бы слово по-русски, но мы были к этому готовы, и уже не могли повернуть назад, даже если бы захотели. Приготовив пистолеты, мы вскочили в тарантас и помчались дальше. К счастью, в дороге обошлось без происшествий, и в целом башкиры нам очень понравились – равно как и не лучшим образом отзывавшиеся о них их соседи. Башкиры-мужчины обычно носят длинную рубаху или халат, поверх которого надевают куртку, а на голове у них вышитая шапочка,

богатые предпочитают яркие бухарские одежды из шелка и хлопка. Их дома гораздо чище, чем у русских. Висевшие на стенах комнат официальные распоряжения и документы, репродукции, изображавшие главную мечеть Бухары, а также виды Петербурга и Москвы, постоянно напоминали нам, что это инородцы.

На нашем пути мосты отсутствовали, поэтому мелкие речки приходилось переходить вброд, а через большие переправляться, и это было довольно опасно. По выезду из Саткинского завода около двух часов ночи меня разбудил грохот нашей повозки. Оказалось, что мы прибыли к берегу Юрюзани. Здесь наш ямщик распряг одну лошадь, верхом на ней въехал в воду, после чего неуверенно заявил, что реку можно будет перейти вброд. Мы же, как обычно, крикнули ему: «Пайдем-пшел». Однако возникший, преклонив колени на траву и отбив земной поклон, стал молить Бога о безопасности и успехе первыми строками Корана – «Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал, не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших»^[226].

На русских почтовых картах нанесены четыре вида дорог: главные почтовые, губернские, уездные и большие проезжие. На первых трех используются подорожные и существует регулярная смена лошадей, а вот проезжие дороги обслуживаются крестьянами. Поскольку всякий в России, будь то богатый или бедный, не ходит пешком, а ездит, лошади имеются у всех крестьян, и любой крепостной может в случае необходимости сделаться ямщиком. Поэтому всегда есть возможность поехать в экипаже почти в любом направлении. Конечно, иногда – во время уборочной, в хлебных и промышленных районах, в сезон перевозки грузов найти свободных лошадей бывает трудно.

На этой дороге нам часто приходилось подолгу задерживаться на почтовых станциях, и вовсе не по причине обычных отговорок их смотрителей: просто лошади паслись на лугах или в лесах, и их нужно было отлавливать. Наше прибытие в деревни приводило к остановке всяких работ – если, конечно, они вообще велись, и весь народ собирался вокруг нас. Затем, немного посоветовавшись, двое или трое молодых и энергичных мужчин уносились верхом на маленьких лошадаках и вскоре возвращались с небольшим табуном. После этого следовал спор о том, сколько лошадей следует запрячь в наш тарантас. Тройка, т. е. три лошади в ряд – обычная в России практика, но если

дорога плохая, а ехать нужно быстро, то запрягают четыре-пять животных. Четвертую лошадь прикрепляют в ряд с тройкой при помощи куска дерева, который в России может вырезать из леса и привязать к расщепленной жерди за считанные минуты всякий. Но ямщик, привыкший управлять тройкой, не всегда способен заставить четвертую лошадь скакать согласованно с остальными, поэтому ее добавление дает небольшой эффект. В случае пятерки лошадей две дополнительные запрягают впереди, и ими управляет второй ямщик. Местные жители обычно старались дать нам восьмерку лошадей, ведь наш тарантас был большой, поэтому нас воспринимали как важных персон. Л., который в этих местах никогда не был, утверждал, что хорошо знает их и возможности лошадей если не по личному опыту, то каким-то иным образом. И хотя с самого начала было ясно, чем закончится дискуссия, я до поры до времени хранил молчание, а затем охлаждал пыл спорящих, в приказном порядке принимая компромиссное решение в пользу пяти лошадей: дороги в этих местах были непростые, крутые и каменистые, а лошади весьма маленькие, поэтому иного выхода не было.

На Симском заводе, пока мы ожидали завтрак, к нам явился полицмейстер и попросил наши паспорта. Сделав вид, что тщательно изучает их, он, потешив свое самолюбие, в итоге вернул нам документы. Позднее в Уфе я узнал, что чиновник принял меня за «управителя», едущего в Оренбург. В патристическом угаре он написал своему другу гневное письмо, пожаловавшись, что начальником сделали англичанина, а не русского. Благодаря подобным слухам ко мне иногда относились с недоверием, но чаще всего протягивали руку помощи. Конечно, приходилось долго объяснять, что я езу по России из любопытства и ради удовольствия. Обычно меня подробно расспрашивали:

– Вы вроде бы англичанин?

– Да.

– Откуда приехали?

Называю.

– А куда держите путь?

Сообщаю.

– Что будете там делать?

– Ничего.

- Тогда зачем Вам туда нужно?
- Просто так, посмотреть.
- Но с какой целью?
- Ради интереса.
- Но там же нет ничего стоящего! – и т. д.

...После гор, выглядевших во время ливня довольно уныло, дорога свернула в лес, который привел нас в удивительной красоты ложбину^[227]. По ее обеим сторонам тянулись красиво сложенные друг за другом горы, густо поросшие соснами, а посередине протекала каменистая речка^[228]. Вот если бы скалы и вода ограничивались горами или руслом реки! Но, как назло, они постоянно пересекали нам путь, и в том, что наш тарантас не развалился, была заслуга его конструктора. В моих записях об этом участке маршрута говорится, что, если в следующий раз ящик предложит дорогу получше, нужно соглашаться, – бывалые путешественники об этом знают.

Из ущелья дорога пошла на запад по покрытым кустарником горам, но еще до заката они закончились. Из серого полумрака тарантас вынырнул в преисполненный сиянием вечер, характерный для Денби^[229]. Теперь мы ехали по самым западным отрогам Урала и с тоской оглядывались назад, провожая каждый уходящий за горизонт склон.

Мы добрались до почтовой станции Нижние Лемезы^[230] уже после захода солнца, и поскольку следующий этап нашего маршрута предстоял быть долгим и проходить по горам, решили здесь переночевать. Станция представляла собой одинокую бревенчатую избу с парой комнат: правая для проезжающих, а левая – для семьи. Обе комнаты больше напоминали конюшню. Мы сидели в углу, и свет нашего фонаря выхватывал из темноты замшелые стыки бревенчатых стен и два маленьких отверстия вместо окон. Однако крышу и остальные части нашего пристанища мы не видели и не захотели увидеть. Был воскресный вечер, и только я начал засыпать, полный тех противоречивых чувств и мыслей, которыми путешественник предпочитает не делиться, как из-за стены слышалось пение. Это был восхитительный псалом в великолепном исполнении главы семьи. Стена едва заглушала его. Я вошел в комнату, откуда доносилась музыка. Это было большое, квадратное помещение, увенчанное крышей. Оно освещалось несколькими лучинами, подвешенными на

маленьких цепочках, свисавших с одной из стропил. Могучий рембрандтовский свет падал на мужчину, его жену – по-матерински добрую старушку, которая в своей грубоватой манере немного заботилась о нас, и на пять-шесть мальчиков и девочек, сидевших на полу и деревянных скамьях. На родителях были обычные овчины, одежда детей – скорее узкой, чем просторной. Я хотел попросить их исполнить еще один псалом, но вынужден был покинуть помещение по причине его спертого воздуха.

Примерно в половине четвертого ночи при свете луны и звезд мы снова отправились в путь по одному из самых трудных участков нашего маршрута^[231]. Дорога пересекала большую гору и была крутой, неровной, периодически сопровождалась трясинами, нас окружали заросли дуба, березы, вяза и ольхи, ветви которых часто были увиты диким виноградом. В дальнейшем, вплоть до почтовой станции Касимовой^[232], дорога стала ровнее, но почва оставалась вязкой. Проехав тысячу миль по соснякам, мы оказались на лесной равнине, и вскоре наш тарантас выехал на возвышенность со множеством деревень и обширными нивами. Найти лошадей было сложно – шла уборочная. Мы прибыли в Уфу за полночь 24 сентября и вскоре оказались в лучшей, как позже выяснилось, городской гостинице: во всяком случае, в ней было тепло. Выпив чая и заперев двери с помощью гвоздей и веревки, мы растянулись на скамьях и погрузились в сон.

На следующее утро, совершая перед завтраком прогулку, мы обнаружили, что все в городе обсуждают наш приезд. Кроме того, сюда только что пришло официальное сообщение о состоявшейся коронации, и в Уфе был объявлен трехдневный праздник. Это позволило людям прийти поглазеть на незнакомцев – во всяком случае, уфимцы вряд ли утруждали себя занятиями хозяйством, так что стоило мне только выйти из гостиницы, как меня окружала толпа. В ответ на мою просьбу подыскать переводчика и помочь с оформлением паспортов мне представили приземистого щеголеватого старичка с пожелтевшим лицом. На нем был синий сюртук с медным значком, узорчатый атласный жилет и черные брюки, а в руке он держал трость. Дедушка оказался поляком и был готов помочь во всем, но едва речь зашла о губернаторе и полиции, сразу же заявил, что не хочет с ними знаться^[233]. Однако он привел своего соотечественника – солдата, который не имел ничего против властей и взялся наставить нас на путь

истинный. Он служил в польском полку, который был расквартирован в Уфе подобно тому, как в Варшаве стоят армейские части, состоящие из уроженцев восточной части империи^[234]. К сожалению, днем этот мужичок дорвался до бутылки со спиртом, который мы купили здесь на пробу (но он оказался слишком крепким и больше походил на отраву!), и, приняв лишку, принялся без умолку молоть всякую бессмыслицу. В городе продолжались коронационные торжества, все государственные учреждения были закрыты, и нам с довольно ехидной ухмылкой сообщили, что это продлится еще пару дней.

Уфа стоит на высоком мысу, образованном слиянием рек Белая и Уфа. Значительная часть города расположена на холме^[235] и застроена заурядными широкими прямоугольными улицами и большими площадями^[236], но его предместья тянутся на юг по двум-трем оврагам до самой реки и очень удачно сочетаются с лесом, который пока еще не вырублен полностью. На горе^[237] располагается монастырь, обращенный в сторону запада^[238], а с природного уступа видны прекрасные долины Демы и Белой. Несколько рядов деревянных домов посреди большой площади, на которой находится гостиница, образуют рынок^[239]. Мы прошли почти по всем лавкам, но не нашли в них ничего, достойного внимания. Все основные продукты питания, посуда, стекло, одежда и т. д., завозятся в Уфу из Московской и более южных губерний. За сморщенный и непритязательного вида лимон просят полтинник, т. е. примерно 1 шиллинг и 7½ пенни.

Вид Уфы

Для Уфы у меня не было рекомендательных писем, но днем Л. повстречал русскую леди, с которой мы познакомились по пути в Нижний и получили тогда от нее советы, что нужно делать, если вдруг заедем в ее родную Уфу. И вот теперь она пригласила к себе домой меня и несколько своих друзей, чтобы познакомить их с «англичанином», так что мне пришлось провести ужасно скучный вечер в кругу почти трех десятков уфимцев, слушая сквозь завесу табачного дыма их разговоры, смысла которых я не понимал в силу незнания языка. Но самыми забавными и весьма полезными для нас оказались врач-голландец Бертран и его жена-англичанка. Наше знакомство произошло следующим образом. На второй день пребывания в Уфе, когда мы отдыхали после обеда, в наш номер отеля пожаловал невысокий седовласый джентльмен с острым взором и совершенно нерусской внешностью. После обмена обычными в таких случаях фразами он сообщил, что пришел по просьбе своей жены, которая узнала о приезде в город англичанина. За полтора десятка лет, проведенных в Уфе, их пару раз ошибочно извещали, что в городе проездом находятся англичане, поэтому сейчас доктор уже не верил в это, но жена заявила ему, что иначе сама пойдет искать этих приезжих. Так что в дни нашего пребывания в Уфе двери их дома были для нас

всегда открыты, а мистер Бертран помогал нам во всем. Я ничем не мог отблагодарить супругов за их радушие и поддержку, но надеюсь, что леди была довольна уже тем, что смогла пообщаться со своим соотечественником.

Если вам приходилось получать в России губернский паспорт, то вы знаете, каково это делать в праздничные дни. Вызвать в пустой офис его сотрудников можно только пообещав некий «презент». Правда, оформлением документа занимаются несколько контор. Сначала старый паспорт нужно сдать в полицию, та передаст его в канцелярию гражданского губернатора, потом надобно самому выяснить местонахождение сданного пропуска, послать кого-нибудь купить гербовую бумагу (поскольку в офисе этот предмет не держат), затем найти человека и уговорить его ее заполнить, после чего скрепить множеством подписей, причем губернаторской – в последнюю очередь. Но этот процесс можно ускорить, если поручить его другу, вхожему во властные кабинеты, ибо в этой стране все построено на личных связях. Благодаря помощи уфимского голландца губернатор^[240] сразу же дал ход нашему делу, а когда оно пару раз где-то застревало, вмешивался лично. Но кроме паспорта нужно раздобыть подорожную (ордер на лошадей)^[241]. Ее выдают после того, как будут готовы остальные документы, и выписывают строго для конкретной дороги и указанного в паспорте маршрута. Поэтому, если вы сможете оформить все бумаги за один день, считайте, что совершили великий подвиг.

За день до моего отъезда миссис Бертран устроила прием, на котором и блюда, и компания были по возможности английскими: нашу страну представляли сама хозяйка, еще одна английская леди, вышедшая замуж за русского и проживавшая в Уфе, я, а также ростбиф^[242] и сливовый пудинг^[243], который к удивлению остальных гостей был полит горящим бренди^[244]. Разговор, естественно, зашел о нашем дальнейшем пути. Как обычно, нас наперебой стали пугать грозящими опасностями: мол, нам обязательно перережут горло, мы столкнемся со множеством неприятностей и найдем в этих местах свою погибель. Бертраны рассказали, что не раз подвергались разбойничьим нападениям на дороге, по которой нам предстояло ехать, однако мы решили, что если они остались живы, то и нас пронесет. Поняв, что нас не переубедить, супруги посоветовали нам запастись большой коробкой табака и разделочной вилкой: повстречав разбойника, один из нас

должен бросить ему в глаза табак, а второй тем временем воткнет в лицо душегуба вилку. С тоской поглядывая на сей огромный столовый прибор, который торчал передо мной в куске говядины, я, с трудом сдерживая смех, от души поаплодировал доктору. Супруги Бертран были в восторге от своего совета, но тут все испортил Л., поинтересовавшийся, почему в этом случае нельзя просто воспользоваться револьверами? О, что тут началось! Нам пришлось выслушать длинную лекцию доктора о том, что в России запрещено убивать лиходея-одиначку, а если их будет двое, то нужно попытаться уговорить их разойтись с миром и т. д. Все принялись бурно обсуждать этот закон, и хорошо, что я не понимал по-русски. Вечером нас ждали иллюминация и представление в театре, куда мы, к искренней радости публики, конечно, пошли^[245]. На прощание миссис Бертран передала мне письмо для своего живущего в Лондоне брата, одновременно посетовав на его судьбу.

На следующее утро в шесть часов мы выехали из Уфы^[246] и поехали мимо холмистых нив. Сенокос и уборка зерновых и гороха были в разгаре. После переправы через Белую нам открылся изумительный вид на город^[247]. На вершине покрытой зеленой травой горы, которая спускается к реке^[248], за исключением тех мест, где в силу своей крутизны она состоит из скал, виднелись монастырь и казармы, справа было несколько небольших оврагов с деревьями, домами и церквями^[249], а ближе к нам располагался широкий луг, частично очищенный от леса, за которым вдоль реки тянулись густые заросли ивы и прочей растительности^[250]. Погода стояла прекрасная, а дорога была превосходной. Слева, за Белой, часто показывались отроги Урала и одинокие горные вершины. Сначала Белая течет между горами Иремель и Яман – двумя высочайшими точками Уральского хребта, затем, пройдя на юг почти полтора градуса широты, сворачивает на запад, а потом через такое же расстояние – на север, далее на северо-запад и в итоге впадает в Каму. Однако Белая мелководна и даже вблизи Уфы доступна только для небольших суденышек. Уральские реки отличаются продольным направлением течения, а некоторые, выйдя из гор, полностью меняют свое течение – я уже приводил в качестве примера этого Чусовую. Почти все западные реки впадают в Каму.

Хотя Стерлитамак^[251] и Сакмарский городок^[252] обозначены на карте прописными буквами, между Уфой и Оренбургом нет ни одного

крупного населенного пункта. Некоторые селения, встречавшиеся на пути, были очень велики, но состояли лишь из изб и церкви. Леса заканчиваются чуть южнее Стерлитамака, и избы, стоящие в открытой степи, являются печальными свидетелями нехватки в этих местах древесины: вместо используемых на севере бревен, а также в качестве крыши здесь применяют хворост (там, где его можно добыть) и речной камыш, который плетут и обмазывают глиной – вся эта конструкция существует до полного уничтожения ее ветрами и дождями.

Местность, поначалу холмистая и покрытая лесом, постепенно становится ровной, леса редуют, а на последнем отрезке пути до Оренбурга она делается волнообразной и напрочь лишается растительности. В те дни башкиры уже завершили свои примитивные сельскохозяйственные работы и крупными партиями с нагруженными скарбом телегами возвращались с летних стоянок в зимние жилища. По степи носились большие – до четырехсот голов! – табуны их лошадей.

К вечеру мы увидели Оренбург. Солнце садилось за узкую голубую полосу гор Общего Сырта справа от нас. Последние отроги Урала все еще тянулись по левую сторону, а впереди на небольшой возвышенности возникли очертания города-крепости с церквями и возвышающимися над стенами общественными зданиями. Оренбург имеет ярко выраженный восточный облик.

Глава V

Оренбург. – Стоимость пребывания в отеле. – Азиатская торговля. – Сообщение с Центральной Азией. – Дороги в Астрахань. – Долина р. Самары. – Одежда населения. – Крестьянские дети. – Случай с непутевым ящиком. – Самара. – Николаевск. – Через Волгу.

Оренбург – резиденция военного главы одноименной губернии – был основан в ходе строительства «Оренбургской линии» (границы) в 1735 г., глава которой сначала находился в Орской крепости^[253]. Найдя это место неудобным, ставку в 1740 г. перенесли в Красногорск^[254] – примерно на сто двадцать миль западнее, а в 1743 г. определили на нынешнее место. Оренбург расположен на правом берегу р. Урал, которая считается границей Европы и Азии. У города эта река изменила свое русло и ныне между двумя ее протоками раскинулась большая роща из лип, черных и серебристых тополей и т. д.^[255] Здешние деревья красивые и хорошо растут, так что в жару приятно прогуливаться в их тени. Пешеходный мост, начинающийся прямо от губернаторского дворца^[256], пересекает реку^[257]. Собственно город занимает примерно одну квадратную версту и окружен крепостными стенами^[258], вне которых расположен большой пригород с рынком, складами и лавками, причем его улицы организованы типично по-русски: прямые ряды деревянных домов, стоящих, как и везде, напротив друг друга, резко обрываются в степи. По сути, Оренбург напоминает игрушечный макет военного городка.

Сразу за рощей^[259] реку пересекает обычный плавучий мост^[260], а в двух верстах от него расположен большой караван-сарай^[261] для приема многочисленных караванов, прибывающих сюда с юга и востока. Все его пространство окружено стеной^[262], которая образует огромную площадь, на которой располагаются навесы, склады, магазины, церковь^[263] и мечеть^[264]. Здесь уплачивают пошлины, и на все товары ставится печать российской таможни. Попасть на площадь можно через два входа – один предназначен для европейцев, второй – для азиатов^[265].

К услугам путешественника в Оренбурге имеется удобный отель, который, кстати, нельзя перепутать с другим – он расположен на главной улице^[266], является единственным в городе, и если застать там хозяина, то можно рассчитывать на хорошее обслуживание. Проживание здесь недешевое, но вполне божеское, если не слишком шикарно^[267]. Если вам захочется вина, то за его бутылку в отеле придется выложить 15 шиллингов, а за нераспечатанную – в два раза больше. А вместо того, чтобы тратить каждый раз 18 пенни за те несколько кусочков сахара, которые вам будут подавать к самовару, лучше, подобно нам, сразу купить в соседней лавке целую голову этого продукта, – она пригодится и в дороге. Но прежде всего англичанину надолго запомнится жесткая железная кровать.

Дома в Англии все эти замечания кажутся пустяком, но в поездке они приобретают чрезвычайную важность. Даже в большой экспедиции не всегда удастся обеспечить должный комфорт. Переутомление или легкое недомогание может привести к апатии, и тогда путешественник упустит что-то интересное. Известно, что нехватка или отсутствие в рационе мясной пищи влияют на умственные способности и настроение – я и сам замечал, что это иногда отражалось на моих записях. Но невероятный разбой цен в Восточной России не ограничивается отелями. Если некто раздобудет сотню лимонов и продаст их в Уфе или оренбургский бакалейщик сократит свои расходы на сахар, которым он по утрам и вечерам потчует за самоваром полдюжины путников, чтобы прослыть щедрым, то они могли бы целый год содержать свои экипажи, лошадей и кучеров.

Вид с крепостных валов Оренбурга на киргизские степи

В Оренбурге мы познакомились с мудрым и учтивым мистером Курвоазье, швейцарцем, который преподавал французский и немецкий языки в военном училище^[268], но вскоре должен был остаться не у дел, так как оно переходило с преподавания европейских языков на восточные – арабский, персидский и татарский.

Караваны прибывают в Оренбург из Бухары, Ташкента, Коканда, а иногда из Хивы. Обитатели степи на левом берегу Урала – киргизцы^[269], некоторых из них всегда можно увидеть поблизости; время от времени здесь появляются узбеки из южных мест, граничащих с Персией. Русскую торговлю с Азией можно условно сгруппировать по следующим направлениям: Китай, Персия, киргизские степи, Азиатская Турция, Бухара, Хива, Коканд и другие страны. Правда, распределена она неравномерно. Общий объем азиатского импорта за четырехлетие, завершившееся в 1853 г., согласно официальным данным, составил примерно 2,4 млн, а экспорта – 1,6 млн фунтов стерлингов. На Китай при этом приходилась половина, на Персию – чуть более одной шестой, на киргизские степи – одна седьмая, и на все остальные страны тоже не более одной седьмой общего объема поставленных в Россию товаров. Больше всего из Китая завозят чай, из Персии, Азиатской Турции, Бухары, Ташкента и Хивы – хлопок и шелк, причем как сырье, так и готовую продукцию, а из киргизских степей – крупный рогатый скот и овец. Россия экспортирует в Китай шерстяные и хлопчатобумажные изделия, а также другие товары примерно в объеме импорта, в Персию – железо и кавказский шелк (его же она поставляет в азиатскую Турцию), в остальные страны – хлопчатобумажный товар, а в киргизские степи – зерно и выделанные шкуры. За десятилетие, завершившееся в 1853 г., русские, согласно официальным данным, увеличили экспорт в азиатскую Турцию втрое, а в киргизские степи – на три четверти.

Однако эти сведения будут практически бесполезными, если путешественник захочет что-нибудь из этого купить, ведь, несмотря на то, что в 1849–1853 гг. из Хивы в Россию было завезено товаров на сумму 214 300 серебряных рублей, в Оренбург они не попали, зато там было много бухарских товаров и поменьше кокандских – скорее всего, потому что продукция поступала главным образом в Петропавловск^[270] и Троицк^[271]. Среди самых удивительных вещей следует упомянуть пестрые длинные и широкие бухарские халаты из шелка и хлопка.

Узоры на одних представляют собой простые полосы, а на других – зигзагообразные ряды разнообразных оттенков, напоминающие разряды молнии. В изобилии продавались шапки, сапоги, носовые платки и ковры. А еще оренбургские казачки вяжут прекрасные шерстяные платки наподобие тех, которые делают на Шетландских островах^[272]. Из верблюжьей шерсти в степях изготавливают практичный камлот^[273]. Я купил киргизский молитвенный коврик с изумительными узорами и расцветкой.

От границы Российской империи в Бухару ведут два главных тракта, которые начинаются, соответственно, в Оренбурге и Троицке. Они проложены почти параллельно р. Сырдарье (древний Яксарт) на расстоянии 150–200 миль друг от друга. Ответвляющаяся от Орской крепости дорога пересекает Оренбургский тракт примерно на полпути между Оренбургом и северным заливом Аральского моря. Начавшись в Оренбурге, дорога идет на восток от соляных копей Илецкой Защиты^[274] вдоль Илека к его истоку. Пройдя Мугоджарские горы, разделяющие долины Илека и Иргиза, она выходит на Орский тракт у русской Орской крепости, после чего направляется в форт Карабутацкий^[275]. Если до этого дорога является довольно легкой и умеренно влажной, то за Орской крепостью она больше напоминает пустыню со множеством маленьких и преимущественно соленых озер. Примерно между фортом Карабутацким и Каспийским морем находится еще одна русская почтовая станция – укрепление Уральское^[276], откуда на восток уходит дорога, пересекающая тракт Троицк-Бухара в укреплении Оренбургском^[277]. Достигнув моря, она поворачивает к укреплению Аральскому^[278], что примерно в сорока милях от устья Сырдарьи, и затем почти 300 миль, если считать по прямой (фактически 400 миль), идет вдоль ее правого берега до форта Перовский^[279] – ближайшей к истоку этой реки русской почтовой станции. Оренбургский и Троицкий тракты соединяются на севере дорогой между укреплениями Уральским и Оренбургским, а на юге – дорогой между укреплением Аральским и фортом Перовский.

Пароходы ходят по Сырдарье до форта Перовский и, кажется, при малой загрузке доходят даже до Коканда, что за тысячу миль от устья этой реки. Европейцам мало известно об ее русле за фортом Перовский, но, как бы то ни было, эта река, бесспорно, является главной транспортной артерией Центральной Азии. Амударья, которая течет по

горам Болор-Таг в Бадахшане, и, пройдя примерно сорок миль к северу от Балха, в семидесяти километрах юго – западнее Бухары впадает в южный залив Аральского моря, по большей части является судоходной, однако география этих мест пока еще изучена недостаточно. Аральское море, судя по его размерам, позволяет осуществлять речное судоходство в сторону юга и востока подобно тому, как Каспий – на север и запад. Зная о границах древнего Арало-Каспийского моря^[280], было бы интересно выяснить, похожи ли берега Сырдарьи и Амударьи на волжские между Нижним и Царицыным. Поскольку наш маршрут проходил по другим местам, замечу лишь, что для поездки к Аральскому морю и по киргизским степям необходимо получить паспорт у оренбургского военного губернатора и заранее запастись всем необходимым, ибо тамошнее малочисленное население крайне бедное, поэтому за Уралом на его помощь рассчитывать нельзя.

Летом из Оренбурга в Астрахань можно попасть либо через Самару вдоль правобережья Волги, либо по правому берегу р. Урал через Уральск в Гурьев, а оттуда по Каспию на пароходе. Он ходит летом дважды в месяц до 15 (27) сентября. Между Гурьевом и Астраханью нет почтового сообщения, но при хорошей погоде эти примерно 240 миль можно преодолеть за десять-четырнадцать дней в экипаже, наняв лошадей и знакомого с этими местами ямщика. Обо всем этом нам рассказали в Астрахани, потому что в Оренбурге мы смогли узнать лишь то, что Гурьев – крайне убогое и тоскливое место. Эти земли хорошо знает оренбургский почтмейстер, но, к сожалению, его советами нам воспользоваться не удалось – в те дни он был в отъезде. Самарский тракт во многих отношениях представляет больший интерес, так как проходит через основополагающие районы Поволжья и немецкие колонии между Саратовом и Царицыным. После долгого обсуждения мы выбрали его и выехали из Оренбурга 27 сентября между четырьмя и пятью часами вечера.

Предстоял довольно скучный путь протяженностью 1 100 верст. Только мы тронулись, начался ливень, а наш ямщик эти места не знал и, кроме того, не обладал должным опытом, так что вскоре мы увязли в грязи, пытаясь заехать на размытый берег. В таких случаях русские лошади бывают практически бесполезны. Когда одна из них пытается начать двигаться, остальные продолжают стоять. Сдвинуть упряжку с места может только опытный ямщик с зычным голосом, но наш

Иегу^[281] был совсем не таким, и неизвестно, сколько бы мы еще простояли на месте, если бы встречный крестьянин не посоветовал нам распрячь лошадей и не помог вылезти из грязи. Никаких разбойников мы не встретили, и пока медленно тащились по грязи и меняли лошадей на почти безлюдных почтовых станциях, наступило утро. Степь покрыл густой туман, вокруг была сплошная распутица. На почтовой станции Татищева^[282], что в шестидесяти одной версте от Оренбурга, дорога, покинув р. Урал и Гурьевский тракт и перейдя через горы Общий Сырт, направляется в долину р. Самары. Эта река появляется несколько правее того места, где трасса пересекает горы, и, неся свои воды на северо-запад, впадает в Волгу чуть ниже г. Самара.

Постепенно на смену лесам пришли грязь и камыши. В Новосергиевской^[283], третьей почтовой станции после нашего отъезда с р. Урал, для строительства используют обожженные на солнце кирпичи. Некоторые здешние селения очень крупные – например, то, что было после упомянутой станции, растянулось аж на три с половиной версты и представляло собой скучное зрелище^[284]. Любопытным было лишь сооружение наподобие виселицы с тремя колоколами, стоявшее перед обычной избой, являвшейся сельской церковью. По правобережью тянулись холмы, которые с остальным пейзажем образовывали степной ландшафт с великолепными лугами, на которых паслось множество крупного рогатого скота, овец и лошадей, причем табун последних достигал примерно четырехсот голов, и за ним присматривал, кажется, всего один казак.

Бузулук^[285] совершенно не интересен для путешественника, за исключением того, что находится в двухстах верстах от Оренбурга. Там, где дорога переходит на левобережье Самары, у подножия крутых и поросших лесом берегов стоят живописно расположившиеся водяные мельницы. Лохматые и бородатые, посыпанные мукой неотесанные мужчины глазели из окон, как наши лошади карабкались по грязному склону в сторону Борска^[286]. Судя по их одежде, они довольствовались малым. Но то были мельники, остальные же носили обычные овчины, сапоги и шляпы. Однако женский костюм иногда был оригинален, и даже в самых нищих селениях этой глуши мог составить конкуренцию самой Италии. Бело-коричневую грубую рубаху дополняет богатая темно-красная накидка, а яркий головной платок оживляет это одноцветное платье.

Но в жизни русского крестьянина есть период, когда он не носит все эти рубахи, накидки и овчины, а одежда человека напоминает мумию, только, в отличие от египетской, это начало, а не конец его пребывания на земле: младенцев всегда пеленают и туго закатывают в бинты, чтобы их можно было быстро и легко убрать. Войдя в одну из русских изб, восхищенный путешественник решит, что попал в какое-то языческое племя, поклоняющееся идолам и божествам домашнего очага, представляющим из себя обрубки с тщательно вырезанными лицами. Он с любопытством смотрит на одного из них, лежащего на полке, на второго, подвешенного на крюк в стене, на третьего, перекинутого через одну из главных балок крыши и раскачиваемого матерью с помощью привязанной к ее ноге веревки. «Да ведь это дети!» – восклицает путешественник с чувством, словно наступил на камень, а он оказался жабой. «А чем еще это может быть?» – отвечает ему мать. Узнав так много за столь короткое время, любознательный путешественник интересуется пристрастиями этих существ, но его несколько останавливает крайняя грязь младенцев, поэтому он спрашивает у родительницы, когда их моют. «Мыть? – кричит перепуганная мать. – Мыть? Я должна его мыть? Он же тогда умрет!» Обескураженный как увиденным, так и ответом хозяйки, путник переключает внимание на старших детей. После освобождения от этих уз ребенка сразу начинают воспитывать, причем сугубо в практическом ключе. Он или она, ибо по полу их не разделяют, одетые только в грубые рваные рубахи, борются за жизнь, барахтаясь в песке или грязи перед избой. Выжив в таких условиях, они переходят к новому испытанию – встрече с тощей длинноногой свиньей, которая рыщет по двору в поисках съестного. Относясь к задиристости своего упитанного и подчас неуклюжего спутника как к должному и поэтому не держа на него зла, ребенок начинает подражать упорному усердию, с которым свинья тащит в пасть все подряд, за исключением совсем уж несъедобного. Когда ребенок научится чуть-чуть отличать плохое от хорошего – по крайней мере, в пище, – его допускают к семейной трапезе, которая состоит из ржаного хлеба и «щей» (так русские называют капустный суп). Одновременно он получает старую овчину. Изнанка или ее остатки у этого длинного кожаного мешка кишит насекомыми, а рукава почти касаются земли. Высокие, огромного размера рваные сапоги постоянно путаются в полах его верхней

одежды, которая волочится во все стороны. Все это продолжается до тех пор, пока ребенок не станет самостоятельным – тогда его образование закончится, и он начнет жить как все люди.

По выезду из Борска с холмов правого берега реки открывался обширный вид на долину. Ветер быстро высушил поверхность, отчего дорога стала лучше той, по которой мы ехали из Оренбурга, но вечером начался дождь и ее снова размывало. От Бобровки^[287] до Алексеевки^[288] – предпоследней почтовой станции перед Самарой – нас вез плохой ямщик, что было редким явлением. Когда мы меняли лошадей в первом из упомянутых селений, то стали привычно спорить о том, сколько их взять. Я в этом не участвовал, однако Л. решительно потребовал, чтобы нам дали тройку, но, когда ямщик занял свое место, почтмейстер шепнул ему ехать помедленнее, и это случайно услышал мой спутник. Перебранка стихла и примерно через полчаса, убаюканный качкой ехавшего по распутице тарантаса, я заснул. Неожиданно раздался выстрел из пистолета. Я мгновенно проснулся, выхватил свой револьвер и приготовился отстреливаться, но несмотря на прозвучавшее несколько раз слово «разбойник», ни криков, ни драки не было – вместо этого тихо скулил ямщик. Оказалось, что Л., устав подгонять заспанного, упрямого мужика, выстрелил из пистолета, надеясь взбодрить лошадей и одновременно припугнуть возницу – пуля прошла в каких-то трех дюймах от его уха. Если бы у ямщика была бы хоть капля мужества, он бы не обратил на это внимания, но ему показалось, будто стреляли в него, и он сейчас умрет. На все наши заверения, что ему еще жить да жить, что стреляли не в него, иначе этот верзила, к тому же сидевший рядом, был бы сражен наповал, он совершенно не реагировал и повернул лошадей обратно в Алексеевку. Тут я настолько рассвирепел, что готов был даже как следует взгреть его, чтобы заставить ехать дальше. Вернувшись на почтовую станцию, мы подняли нашего недоброжелателя – почтмейстера с постели (говорить «с кровати» в России не имеет смысла). Расстроенный, он с крайне мрачным выражением лица выслушал наш рассказ. «Старый», или владелец лошадей^[289], скупился на них, чтобы иметь побольше клиентов, а потому кипятился пуще всех, пригрозив пожаловаться на нас в Самару. Дело стало принимать плохой оборот: из-за этого пустякового инцидента власти могли взять нас на заметку и досрочно прервать нашу поездку. Тогда мы развели почтмейстера и «старого» по

разным комнатам, а ямщика вообще выставили во двор, после чего дав им «на водку» частично деньгами, а частично натурой, уладили конфликт, выехали в Самару и вскоре об этом эпизоде забыли. В городе мы оказались около полудня 30 сентября.

Подъезжая к Самаре, мы увидели знакомый волжский пейзаж. После всего встреченного нами по выезде из Екатеринбурга, Самара выглядела вполне цивилизованно. В отличие от большинства поволжских городов, она находится на левом берегу реки, и, хотя не столь живописна по причине этого, с нее открывается вид на горы напротив и на ущелье, мимо которого река течет выше. Город расположен на изумительной излучине Волги в самой восточной ее точке и служит как бы портом для Оренбургского края. В нем имеется несколько больших кирпичных домов, другие еще только строятся, рядом находятся крупные села, а почва здесь – почти сплошь чернозем. Крестьяне первые четыре года засевают поля зерновыми, а последующие шесть лет – травяными культурами. Навоз в качестве удобрения они не используют, применяя его только в качестве топлива, которого здесь мало. Это вообще одно из самых процветающих мест в Поволжье. Как и вблизи всех соседних сел и большинства городов, на окраине Самары располагаются ветряные мельницы – это значит, что мы попали в одну из крупнейших хлебных житниц империи. Ветряные мельницы тут всяческих размеров, у них по три-шесть, а то и по семь крыльев различной длины, и расположены они хаотично. Все это наводит на мысль, что здесь не придают никакого значения всяческим регламентам, и путешественник не может понять, как это власти терпят столь явное неуважение к писанным нормам и такое непослушание. Рядом с мельницами располагается множество амбаров – огромных деревянных строений, стоящих рядами и улицами и образующих фактически хлебный квартал. Левый берег, как уже говорилось, – низкий, и весной его затопляет далеко вокруг. Низменности вдоль него в те дни превращаются в судоходные реки, впадающие в Волгу, но летом они опять высыхают, оставляя посреди крестьянских полей и лугов огромные разошедшиеся баржи. Это воистину хлебная житница, но довольно необычная.

После Самары главный почтовый тракт огибает Симбирск, а оттуда, то приближаясь, то удаляясь, идет по правому берегу Волги к ее устью. Имеется, однако, и дорога с восточной стороны – она делает

большой крюк через Николаевск и соединяется с рекой у Балаково^[290] выше Волгска^[291]. Мы выбрали именно этот путь. Отсюда Самару было видно еще долго и казалось, что нам никогда не наскучит смотреть на ее белые постройки. Первой нашей остановкой была Воскресенка^[292] – прелестное селцо с ивами и прочими деревьями, которому почтовая станция придавала почти английский вид. Оно принадлежит русским миллионерам Новосильцевым, владеющим двадцатью тысячами крепостных^[293]. Соседнее с. Каменный Брод^[294] населено мордвой – финской народностью, о которой я расскажу отдельно.

* * *

За Волгой обычно находятся степи с редкими засеянными полями на возвышенностях. Местность эта холмистая, но без значительных поднятий. Там, где землю подвергают обработке, она вся пересечена проселочными дорогами и водотоками. Небольших размеров, они тем не менее существенно мешали нашей езде, и, несмотря на все преимущества этого пути, мы вспоминали о землях башкир. Сельскохозяйственное использование степей делает их непригодными для поездок.

По-видимому, с тех пор, как барон Гакстгаузен в 1843 г. побывал в этих местах^[295], здесь стало гораздо больше возделываемых земель. Население появилось тут недавно и было переведено из Калужской, Воронежской, Курской и Тульской губерний. Говорят, что в 1816–1834 гг. оно ежегодно увеличивалось на три процента – переселенцам всячески помогали, но их высокая на первых порах смертность, а также перемена климата и сельскохозяйственных культур таковы, что доставят моральные и материальные страдания гораздо более выносливому люду, чем русские.

Главным городом этих мест является Николаевск – так он обозначен на современных картах в честь покойного императора, который придал этому населенному пункту статус города, а первоначально назывался Мечетная^[296]. К сожалению, русские любят переименовывать местности, которые присоединяют, тем самым нарушая историческую преемственность, разрывая представляющие интерес звенья истории языка и способствуя появлению

повторяющихся названий: так, в Оренбургской губернии сейчас имеются три Троицка, несколько Архангельских, Златоустов и т. д. В связи с тем, что азиатская граница России в наши дни приблизилась к малоизвестным, но являвшимся свидетелями древних миграций и, несомненно, хранящих остатки древней культуры областям, необходимо сохранить все имеющее историческую ценность. Бывает еще, что названия объектов, указанные на русских картах, отличаются от тех, которые используют местные жители.

Николаевск – город весьма убогий. На его почтовой станции крайне мало лошадей, а в немногочисленных лавках практически шаром покати. Более бесполезных людей, чем здешние почтмейстер и лавочники, я нигде не видел. Неким джентльмену и леди, направлявшимся в Оренбург и прибывшим вслед за нами в полдень, пришлось заночевать в городе, и они с трудом смогли раздобыть для себя немного черного хлеба и молока. После определенных хлопот нам удалось получить у одного крестьянина упряжку лошадей.

Дорога огибала излучины р. Иргиз, впадающей в Волгу почти напротив Волгска. Бесчисленные мелкие овраги с крутыми склонами, склизкие от недавних дождей, тянулись к реке. Их нужно было переезжать, а так как колеса по грязи скользили, то ямщику приходилось лавировать между Сциллой и Харибдой центробежной силы, если он слишком резко натягивал одно из поводьев, и съезжать с дороги, уступая место другим, когда ехал слишком медленно. Поэтому, видимо, не зря на следующей почтовой станции Берёзовой^[297] нам до рассвета не давали лошадей. Для будущих путешественников замечу, что сложность дороги в Уфу и то, что нам предстояло ехать по ней ночью, были единственным случаем, когда мы не решились немедленно отправиться в путь. Решив остаться в Николаевске до утра, мы развлекались тем, что играли с собакой, которую купили у нашего ямщика для охраны тарантаса ночью на станциях. В поездки по России полезно брать выдрессированного далматина или просто хорошего терьера, который будет лаять при приближении чужака к вашему имуществу, только пес не должен быть слишком большим – вдруг его придется нести на руках!

Когда на рассвете мы снова двинулись в путь, дождь лил как из ведра, и дорога была скользкой. Одна из наших передних лошадей поскользнулась и вместе с кучером упала в глубокую черную жижу, но,

как выяснилось, это было для них не впервые. Вплоть до Кормяжки^[298], последней почтовой станции перед Балаково, у нас было немало подобных неприятностей. Мы добрались до Балаково в час дня и были рады снова лицезреть нашу старую подругу Волгу. Но если бы мы не вернулись в цивилизацию, то вскоре достигли бы рубежа, который отчасти влиял на ее развитие последние полтора столетия^[299].

Из Балаково в Саратов ведут две дороги: одна – большой почтовый тракт по правому берегу, а вторая – по левому. Так как последняя проходит вблизи Волги, а первая через Волгск и горную местность вдали от реки, мы, решив ехать по тракту, переправились через реку в Балаково на шестивесельной лодке, у которой гребные и носовые весла располагались параллельно, как на старинных многовесельных судах в Итоне^[300]. Гребцы энергично работали веслами и подошли точно к причалу. С тоской в сердце мы покинули левый берег Волги с его огромными кучами бахчевых, колоритными лодками, плетущими сети и рогожи крестьянами, к которым уже не вернемся.

Глава VI

О некоторых народностях, населяющих Восточную Россию.

Иностранца, впервые оказавшегося в российской глубинке, особенно потрясает количество инородцев, до сих пор живущих в разных частях страны. Российскую империю обычно представляют в виде необъятной и в то же время однородной территории, на которой проживает более шестидесяти миллионов русских, имеющих общее происхождение, один язык и одинаковую веру исключительно одного течения, поэтому путешественник бывает весьма удивлен, столкнувшись не только с большим разнообразием народов и религий на востоке этой страны, но и с тем, что население губерний, через которые он впервые проезжает, направляясь в Петербург, вообще не является славянским. Отправившись по почтовому тракту из Варшавы, он проедет примерно шестьсот верст или больше половины этого расстояния по землям латышей – народа, родственного славянам, но лишь в том смысле, что они входили в единый союз с ними под предводительством венедов – одной из главных ветвей большой арийской, или индогерманской, семьи. Ежели он поедет через Кенигсберг и Ригу, то, миновав земли латышей, попадет к эстонцам – совершенно не индогерманскому, а финскому народу. Ну а если ему захочется совершить морское путешествие по Балтике и Финскому заливу до Кронштадта, то на южном берегу его ожидает встреча с латышами и эстонцами, а севернее, вблизи побережья, – собственно финнами с их многочисленными поселениями, изначально находившимися в Швеции^[301].

Из Петербурга менее чем за сутки странник доберется до Москвы, а еще за 36–40 часов – до Нижнего Новгорода, где снова обнаружит наличие инородцев. За два дня плавания из Нижнего вниз по Волге он может и не увидеть по берегам множество финских и татарских селений, потому что эти народности предпочитают селиться в удаленных от реки местах. Если же он продолжит свое путешествие, то будет постоянно встречать их на своем пути, а у Самары сильно удивится небольшому числу калмыков, которых не ожидал обнаружить вплоть до Царицына. Едва эти народности скроются за горизонтом, как

между Волгском и Сарептой^[302] обнаружатся немецкие колонии. Подобную смесь национальностей путешественник встретит, если двинется из Казани по Сибирскому тракту. Короче говоря, за пределами западного берега Оки и Дона на пути будут постоянно попадаться инородцы.

Впрочем, все это интересно в основном лишь с этнологической точки зрения, ибо даже на исконно русских землях инородческих областей много, но они небольшие по размерам. Исключение составляют лишь Финляндия и прилегающие к ней северные и восточные районы с малочисленным, редким и преимущественно кочевым населением. Благодаря почтовым трактам, гражданским и военным губернским городам, казачьим линиям и пограничным крепостям власти контролируют ключевые области и коммуникации империи как с военной, так и с торговой точки зрения.

Территория, занимаемая славянским населением России, за исключением Царства Польского, – по своим очертаниям напоминает параллелограмм, северная сторона которого образует прямую линию, соединяющую Санкт-Петербург и Казань, восточная – это Волга до Царицына и низовьев Дона, южная – Азовское и Черное моря, а западная – западная окраина империи, за исключением, правда, Литвы и Эстонии. Понятно, что эти границы на самом деле приблизительные, ибо западнее Волги проживает множество малочисленных народностей – татарских и финских – в то время как собственно русские уже давно в большом количестве расселились на востоке – особенно на Урале и по главным торговым путям Сибири.

Население, занимающее эту часть страны, состоит из великороссов, малороссов и белоруссов, которые проживают приблизительно между диагональю, пересекающей этот параллелограмм с севера-запада на юго – восток, и той частью диагонали, соединяющей север – восток и юг– запад, которая лежит между юго-восточным углом и противоположной диагональю. Великороссы занимают северо-восточную половину часть этого пространства, малороссы – южную, а белоруссы – западную.

Согласно Максу Мюллеру^[303], указанные народы расселены следующим образом: великороссы населяют Московскую, Петербургскую, Новгородскую, Вологодскую, Псковскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую,

Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Пензенскую, Симбирскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую, Саратовскую губернии и область донских казаков. Большая часть Вятской, Пермской и Казанской, а также горнозаводские уезды Оренбургской губерний также заселены великороссами. Малороссы проживают в Полтавской, Харьковской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, частично Екатеринославской, Воронежской, Херсонской, Таврической губерний, занимают земли черноморских казаков и Бессарабию, а также часть Польши и Венгрии. Могилевская и Минская губернии полностью состоят из белоруссов, они же населяют большую часть Витебской, Гродненской, а также часть Виленской и Белостокской губерний.

Выше шестидесятой параллели проживает преимущественно финская группа населения, которая подразделяется на чудскую, пермскую, болгарскую и угорскую подгруппы. Начиная с северо-западного угла параллелограмма и далее здесь обитают лопари^[304] и собственно финны, Финляндии. Наряду с эстонцами, живущими на противоположной, или южной, стороне Финского залива, они составляют чудскую подгруппу финской группы. Протянувшись от Финляндии на восток, череда финских народностей отчасти прерывается областью, заселенной, насколько вообще можно говорить в данном случае о заселении, великороссами, которая простирается на север между Онежским озером и Северной Двиной вплоть до Белого моря. Очевидное объяснение этому заключается в хозяйственных связях Архангельска с менее суровыми районами этой местности, находящимися южнее шестидесятой параллели. Восточнее находятся земли пермской подгруппы финнов, состоящей из зырян, пермяков и вотяков^[305]. Территория расселения зырян простирается от правобережья Двины до Мезени на юго-восток, т. е. вглубь страны. На севере они граничат с водоразделом бассейнов Белого и Каспийского морей, а на юге отдельные их группы заселяют Каму и ее приток Вятку – территорию, лежащую почти на меридиане Казани, там, где Волга, текущая на восток, поворачивает на юг. Здесь финские народности проживают на пять градусов южнее по сравнению с теми, которые обитают западнее этого меридиана. Пермяки населяют долину Камы почти до самого ее слияния с Белой, а вотяки – восточную часть течения Вятки до ее слияния с Камой. Еще восточнее, на Северном

Урале вплоть до Тобола и Иртыша, жительствовавшие вогулы, а еще дальше, вверх по Оби до Томска, – обские остяки. Вместе с венграми, которые в наши дни живут невероятно далеко от своих собратьев, они составляют угорскую подгруппу финнов. Восточнее остяков финские народности уже не встречаются. Совокупность финских народностей, занимающую территорию от Двины до Томска, иногда называют уральскими народами. Правда, следует заметить, что земли вотяков, пермяков и вогулов, расположенные на территории Вятской, Пермской и Тобольской губерний, усеяны русскими городами и селами. Развернувшись к Волге, можно встретить множество отдельных групп как финских, так и татарских народностей. Первые состоят из болгарской подгруппы, а именно черемисов^[306], чувашей и мордвы, но чуваша настолько сильно смешались с татарами, что их иногда причисляют к последним.

Северной границей расселения мордвы и черемисов является высокогорная область, почти полностью окруженная Ветлугой – рекой, впадающей в Волгу у Козьмодемьянска между Василем^[307] и Чебоксарами. Эти земли находятся слева от дороги, ведущей из Козьмодемьянска в Вятку. Чуваша, мордва и черемисы, отделенные друг от друга небольшими пространствами, занимают оба берега Волги от Нижнего до Казани, а черемисы еще живут ниже Симбирска по берегам реки, носящей их название^[308]. И, наконец, мордва встречается как восточнее, так и западнее Пензы^[309].

Термин «татары», как уже говорилось, несмотря на то, что изначально обозначал союз монгольских племен, во времена Чингисхана и его преемников распространился на все народы, находившиеся под их властью, и полностью перешел от монгольского к другому, немонгольскому, элементу их империи. Племена, которые с тех пор стали называться татарскими, иначе называют тюркскими или турецкими, потому что турецкий язык у них преобладает, поэтому в настоящей главе термин «татары» будет употребляться именно в этом значении.

Монгольская империя, которая вплоть до конца XIII в. занимала территорию от Балтики до Тихого океана, а отчасти от Индийского до Северного Ледовитого океана, в итоге распалась под спудом своих размеров. На ее руинах образовались несколько независимых царств, из которых Кипчакское занимало всю Южную Россию, доходя на востоке

до р. Эмбы. Населявшие его народности хотя и не были свободны от примеси монгольской крови или монгольских колонистов, являются представителями западного варианта татарской составляющей этой древней империи. Они и будут в основном предметом нашего разговора. Правители Кипчакского царства известны как ханы Золотой Орды. После двухвекового существования это государство распалось на три ханства – Казанское, Астраханское и Крымское. Два первых не просуществовали и ста лет, а второе, несмотря на непростую судьбу, дожило до конца прошлого столетия. Основными составляющими татарской группы народностей в восточной части России являются казанские татары, башкиры и киргизцы. У первых имеются свои селения в Рязанской, Пензенской, Симбирской, Саратовской и Казанской губерниях, а также в Нижнем Поволжье. Башкиры населяют Южный Урал и, по сути, являются аборигенами^[310] северной части Оренбургской губернии. Киргизцы кочуют по обширным степям между Волгой и Иртышем и состоят из трех основных народностей, или орд: Малой, занимающей территорию между Волгой и Уралом, Средней – между Уралом и Сара-Су, и Старшей, чьи земли простираются от Сара-Су до Иртыша. Здесь же следует упомянуть ногаев, часть которых занимает левобережье Верхней Ахтубы, а остальные – равнины Кумы и Кубани вблизи их основного месторасположения – Крыма.

Наконец, монголы представлены в этих местах элитами, или калмыками^[311], три народности которых стоят лагерем в каспийских степях. Хошеутам^[312] выделен район на левобережье Волги между ногаями и киргизцами, земли на правобережье вплоть до Маныча^[313] почти поровну разделены между дербетами и торгоутами^[314], которые граничат, соответственно, с областью донских казаков и морем^[315].

К югу от них находится большая группа кавказских народностей. Поскольку ничего подобного ей в мире нет, она заслуживает отдельного рассмотрения. Территориальное размещение славянского, финского, самоедского, татарского и монгольского населения Европейской России до сих пор подробно не изучено.

Территория обитания огромной финской группы, ныне проживающей в самых северных частях России, некогда простиралась на западе до рубежей Германии, а на юге – до побережья Черного моря. Это население уже давно вытеснено со своих богатых пастбищ и благодатных кочевий славянской миграцией, которая случилась

позднее, но тоже в далекие времена. Их обособленный образ жизни даже там, где они соседствуют с поселениями своих хозяев и преемников, а также то, что они проживают вне цивилизации в дремучих северных лесах, не позволяют хотя бы приблизительно оценить характер изменения их численности. Однако следует признать, что на практике кочевые народности всегда уступают оседлому населению. И все же, имея перед глазами примеры оседлого образа жизни остатков прежних кочевников – таких, как проживающие к западу от Волги черемисы, чуваш и мордва, вряд ли стоит ожидать их вымирания в будущем подобно североамериканским индейцам. В целом русские власти, обычно не отличающиеся мягкостью, в данном случае проявляют большую терпимость и сдержанность – они не только не изгоняют инородцев и не захватывают их земли, но, напротив, закрепляют за ними их древние владения.

Относительно собственно финнов я ограничусь цитированием фрагмента из сочинения Макса Мюллера, в котором дана подробная характеристика современного состояния этого древнего народа: «Собственно финны, или, как они сами себя называют, суомалайнен ("болотные жители"), проживают в финских провинциях (ранее принадлежавших Швеции, но в 1809 г. присоединенных к России), а также отчасти в Архангельской и Олонецкой губерниях. Их численность составляет 1 521 515 чел. Россия управляет финнами довольно мягко, и их страна, хотя и является более заболоченной, чем метрополия, ежегодно приносит прибыль. Финны – самый развитый народ из всех финских, и, за исключением мадьяр, единственный из них, которых можно отнести к цивилизованным и цивилизующимся народам мира. Их литература, но, прежде всего, фольклор, свидетельствуют о наличии у них высокой культуры в так называемые мифические времена, и доказывают, что раньше они обитали в местах, более благоприятных для расцвета поэзии, чем сейчас. Эти песни до сих пор бытуют среди простого народа в устном виде и сохраняют все признаки правильного размера и древнего языка. В последнее время у финнов, несмотря на русское доминирование, наблюдается расцвет национального духа, и появившиеся благодаря этому труды Шёгрена, Лённрота, Кастрена и Келлгрена^[316] дали поистине удивительные результаты. От стариков была записана эпическая поэма, сравнимая по объему, цельности и великолепию с «Илиадой»^[317]7, заставив на

мгновение забыть все то, что всегда считалось у нас прекрасным. Конечно, финны – не греки, а Вяйнямёйнен^[318] – не Гомер, но финский поэт настолько удачно использовал краски родной природы и изобразил окружающую его действительность, что «Калевала» обрела не меньше достоинств, чем «Илиада», и может претендовать на место пятого национального эпоса всемирного значения наряду с ионийскими поэмами, «Махабхаратой», «Шахнаме» и «Песней о Нибелунгах»^[319]. Нынешняя цивилизация Финляндии, ее школы и университеты (Гельсингфорсский^[320]), литература и форма управления – это больше германская культура. Но финские черты проявляются и у нынешнего народа. В его литературе печаль смирения нарушается необузданным неистовством, а созерцательность практически стала национальной особенностью»^[321].

В первую очередь среди финских народностей следует упомянуть черемисов, которые живут вблизи, но чаще в некотором удалении от Волги. Этим они отличаются от русских, которые обычно селятся по берегам рек. Черемисы строят свои селения как попало, у них нет прямых улиц, как в русских деревнях. Черемисы, пожалуй, несколько ниже ростом своих соседей, крепкие и смуглые, а их женщины безобразные. Они крайне нелюдимы, и мало кто из них говорит по-русски. Считается, что их язык похож на финский, но с сильной примесью слов явно семитского происхождения^[322], основная часть которых носит более или менее религиозный характер, ведь черемисы долгое время находились под властью казанских татар, что повлияло на их культуру и язык. После падения Казани эта народность долго сопротивлялась русским, и даже сегодня она, подчинившись им, никоим образом не смешивается со своими новыми хозяевами. Спокойные и безобидные, имеющие простое, но действенное самоуправление, они дают своим хозяевам мало поводов для вмешательства в свои дела. Справедливости ради надо сказать, что русские власти мало докучают им. У всякого черемисского селения есть свой каштан, или староста, имеющий несколько помощников, называемых асбары^[323]. Полномочия каштана передаются по наследству, но его преемник должен быть одобрен народом.

Вынужденные вести оседлый, а не кочевой образ жизни, но, однако, не вступая ни с кем в контакты и не занимаясь торговлей, которая обычно покрывает издержки от утраты независимости, они

сохранили многие пережитки своих древних привычек. Так, брак у них совершается как на Востоке – путем покупки жены, сенокос и сбор урожая мир (т. е. община), если он состоит более чем из одного селения, осуществляет сообща, а потом делит между всеми поровну. Черемисы настолько коллективистский народ, что вне мира сами не торгуют, а сделки с чужеземцами совершает от имени общины каштан. Общинную землю никак не огораживают – она считается общей и называется «керемет». Этим же словом (которое, по-видимому, является семитским и напоминает древнееврейское слово, обозначающее запретные для злых духов места^[324], а также хорошо известный арабский термин «гарем»^[325]) обозначают места языческих жертвоприношений в священных рощах. Все они, даже крещеные, ежегодно приносят жертвы под древними священными деревьями и совершают другие языческие обряды. Имя их Бога – Юмо^[326], что, безусловно, очень похоже на финского Юмала^[327]. Злой дух у них называется Шайтан, это слово семитское и, несомненно, было заимствовано ими у магометанских соседей – татар. Название одного из их главных праздников – Юмон Байран – который отмечается в день летнего солнцестояния, также явно магометанского происхождения. Говорят, что черемисов насчитывается 155 тыс. душ, но этим сведениям доверять не стоит, ибо размер налогообложения инородцев зависит от их численности, поэтому они всячески уклоняются от переписей.

Чувашей, как уже было сказано, причисляют то к татарским, то к финским народностям. Они меньше черемисов ростом, а их вера вроде бы похожа на черемисскую, но поскольку они тоже ведут примерно такой же скрытный образ жизни, то может быть это и не совсем верно. Все чуваша, кроме примерно двух тысяч человек, православные, но, кажется, носят кресты просто так, ибо до сих пор продолжают практиковать языческие обряды. Первый визит новобрачная наносит жрецу, подносит ему ковш с пивом, на дно которого кладут монеты, после чего он ее благословляет. Их Бога зовут Тура^[328], но из этого нельзя сделать никакого вывода, поскольку взятое само по себе, это слово можно связать как с еврейским словом Тора («Закон»)^[329], как и со скандинавским богом Тором^[330]. А вот их обряд жертвоприношения белого коня настолько оригинален, что заставляет вспомнить ведийскую ашвамедху^[331], т. е. жертвоприношение лошади у

индийских брахманов^[332]. Говорят, что численность чувашей составляет примерно 183 тыс. человек.

Вера мордвы в основном та же, что и у родственных этой народности черемисов и чувашей. Праздник весны у них один из самых главных, и у них тоже есть свои кереметы, или места для жертвоприношений. Главные особенности этой народности, отличающие ее от остальных булгар, заключаются в том, что мордовские обряды проще, и мордва больше других финских народностей склонна перенимать русские нравы и обычаи.

Зырян описывают как малорослых, но хорошо сложенных, белокурых, как все финские народности, и с живыми глазами. Их добропорядочность и честность легендарны. Подобно жителям Шетландских островов, они никогда не запирают свои дома на засовы и не ставят решетки, а гостеприимство развито у них настолько, что, говорят, в их языке отсутствует слово «прощай». Зыряне пахут землю исключительно для своих нужд – территория их проживания и климат таковы, что не позволяют большего, но на обильных травой лугах, орошаемых извилистыми реками, пасутся большие стада их скота. Однако основное занятие у них – охота.

Хотя остяки живут на самой дальней границе теперешнего ареала финно-угров, следует немного сказать и о них, ведь они во многом являются одним из типов кочевников севера Сибири. Остяки невысокого роста и вполне приятной наружности. Волосы у них обычно темные, но бывают светлыми и рыжими. Почти все они кочевники и существуют за счет своих оленьих стад или рыбной ловли. Несмотря на все, летом в местах их обитания достаточно тепло, чтобы заставить оленей покинуть леса, где они прячутся зимой от ветров и холодного воздуха, идущего с берегов Северного Ледовитого океана. Летом на его побережье остяки добывают рыбу, которую с большой выгодой для себя обменивают на хлеб, алкоголь и прочие атрибуты цивилизации у русских торговцев из Берёзова и южнее, а те ее солят. Осенний улов в реках продают замороженным. Однако основой существования остяков все же является оленеводство. Оленина идет в пищу, ее вместе с молоком и шкурами продают, а сами эти животные являются в здешних местах валютой: так, богатые отдают за невесту 50-100, а бедные – 20–25 оленей. Девочка-остячка считается обузой для семьи, поэтому, продав ее замуж, отец может возместить затраты на

содержание и воспитание дочери. Многоженство у них не запрещено, но практикуется редко, ведь содержать несколько жен накладно. Дома жена не только выполняет всю грязную работу, но и считается нечистой, прикосновение к которой требует очищения дымом. Более того, ее тяготы начинаются с детства, о чем свидетельствует Кастрен. Однажды он спросил у остяка, сколько времени тот женат и получил ответ: «Я не могу вспомнить год, но это было давно». Ученый удивился: «Неужели ты не знаешь, сколько лет прошло с тех пор, как ты взял себе жену?» На что остяк объяснил: «Да не брал я ее, а когда мне исполнилось шесть лет, отец купил маленькую девочку, вот с тех пор я и живу с ней».

У остяков есть интересный и хороший обычай создавать своеобразный союз из нескольких неродственных семей, которые обязаны помогать друг другу. Несмотря на то, что остяки чаще всего бедны, они не жадные и всегда готовы помочь, но не из чувства сострадания, а у них так принято. Все споры между союзами семей разрешаются вождем и старейшинами – русские власти дали им право назначать любые наказания, кроме смертных приговоров.

У остяков имеются как семейные, так и общие для всех идолы. Их религия является разновидностью шаманизма. Кроме благодетельного лесного бога Менква, злого духа воды Куля, божественного медведя и т. д. у них есть верховное божество Торум, которое обитает на небесах, насылает гром и грозу^[333]. Ему не молятся, но он управляет миром. У остяков крайне мало религиозных празднеств, поскольку зимой морозы не способствуют сборам людей, а коротким летом для этого слишком мало времени. Но раз в год, летом, в прелестную тихую ночь они собираются вместе на свои грубые богослужения и танцы либо у священного одинокого кедра, либо далеко в безлюдной тундре, где священное место обозначает камень, лежащий на возвышении.

Башкиры – полукочевники. Зимой они живут в стационарных жилищах – от самых грубых лачуг до изб, похожих на дома русских, поселившихся на их землях. Лачуги, пожалуй, столь же примечательны своим дымом и грязью, как и хорошие избы – своей чистотой. В последних есть ванны для совершения магометанских омовений, а стены иногда бывают украшены изображениями минарета^[334] Мири Араб^[335] или построенного на выделенные Екатериной II средства медресе Эрназар Элчи^[336] (оба эти сооружения находятся в Бухаре).

Летом башкиры устраивают лагерь в степи. Они питаются бараниной, которую нарезают мелкими кусочками и варят в густом супе, заправленном мукой, а пьют кумыс (скисшее кобылье молоко). Часть башкир живет оседло и демонстрирует цивилизованные манеры, питаясь, в частности, хлебом и говядиной.

Об их ранней истории известно мало. Якут, автор арабского словаря^[337], сообщает о них: «Башгурд – это область, расположенная между Константинополем и Булгарией. Ахмед бен Фадлан Бен эль-Аббас бен Рашид бен Хаммад^[338] был послан халифом Муктедир-Биллаги^[339] к царю славян (то есть волжским булгарам), принявшему ислам вместе со своим народом, чтобы преподнести ему подарки и наставить его в магометанской вере. Он отправился из Багдада в месяц сафар 309 г.^[340], и по возвращении рассказал обо всем, что видел. "Мы прошли, – говорит он, – через страну одного турецкого народа, называющего себя башгурд. Нам пришлось принять всевозможные меры предосторожности, ибо они – самые порочные и в то же время самые дерзкие и кровожадные из всех турок. Если кто-нибудь из них нападает на врага, он отрезает ему голову и уносит ее с собой, оставляя тело. Они бреют бороды и едят кровососущих насекомых, которых находят в складках своего платья.

Некоторые из них верят в существование двенадцати божеств, а именно: зимы, лета, дождя, ветра, деревьев, людей и животных, воды, ночи, дня, смерти, жизни и земли, но они также верят, что на небесах обитает божество, превосходящее всех остальных. Это божество советуется с другими и получает их мнения по тем вопросам, за которые они отвечают"».

К этому рассказу Якут добавляет: «Я встретил в городе Халеб^[341] много людей, которые называли себя башгурдами, у них были очень красные лица и волосы, и они пришли изучать науку священного права по Абу-Ханифе^[342]. Один из них, которого я расспрашивал о его стране, сообщил: "Наша страна находится за Константинополем, в королевстве франков^[343], называемых венграми. У нас, верных магометанскому закону, около тридцати поселений в этом королевстве, и каждое из них сравнимо с городом. Как бы то ни было, их (венгров) король не разрешает нам строить стены вокруг наших поселений, боясь нашего возможного неповиновения. Находясь среди стран, населенных христианами, мы имеем к северу от нас страну славян, к югу – страну

Папы Римского, к западу – Андалус (Испания), к востоку – страну греков, а именно Константинополь, и подвластные ей земли. Наши одежда и язык такие же, как у этих франков. Мы воюем вместе с ними и выходим на поле боя против их врагов, если они не правоверные". Затем, я спросил, как они стали магометанами в стране неверных, на что он ответил, что слышал, что в давнее время семь магометан пришли из Булгарии в его страну и, поселившись в ней, нежными словами убедили его предков принять магометанскую веру... Я спросил его, почему они бреют бороду, как франки, и он сказал мне, что это делают те, у кого есть военный чин. Кроме того, я спросил, каково расстояние от Халеба до его страны, и он сказал мне, что Константинополь находится в двух с половиной месяцах пути от Халеба, и что его собственная страна находится на таком же расстоянии от Константинополя» (*Frohn C. M. De Baschkiris, quae memoriae prodita sunt ab Ibn-Foszlano et Jakuta // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. 1822. T. 8. P. 627–628*).

Башкиры считают, что происходят от ногайских татар, прежде населявших Булгарию, а в конце XII в. по своей воле переселились на Урал. После взятия Казани они стали подданными русских, которые построили Уфу, чтобы защищать башкир от киргиз-казаков^[344]. Постепенно башкиры настолько усилились на своей новой родине, что со второй половины XVII и почти до середины XVIII в. не давали покоя своим хозяевам, однако благодаря построенным на этих землях крепостям башкир удалось усмирить, и с тех пор большое влияние на их образ жизни оказывает присутствие русских рудокопов и заводчиков, а также переход к оседлости.

Последняя подгруппа татарской группы, на которую мы обратим внимание, – это киргизцы. Самые первые известные нам достоверные сведения о них принадлежат русским, которые встретили одно из самых восточных этих племен – так называемых черных киргизцев, или бурутов^[345], – между Енисеем и Обью, когда завоевали эту территорию в начале XVII в. (1606–1630 гг.). Отсюда эти племена были вытеснены на юго-запад своими соседями на земли, расположенные между верховьями Сырдарьи, оз. Балхаш и китайской границей в сторону Кашгара^[346], где и проживают до сих пор. Что послужило причиной этого – неизвестно, но так как в настоящее время верховья Оби заняты остяками, то можно предположить, что продвижение русских могло

привести к давлению с запада, а завоеватели, вероятно, благоволили больше к финнам, чем к татарам, чтобы расположить к себе как можно больше племен, находившихся в своем тылу. Ранее другое племя той же подгруппы – киргиз– казаки, или, как они себя называют, казаки^[347], известные также под именем западных киргизцев, – жили в прикаспийских степях. Уход бурутов позволил им занять степи Татарии в ныне почти безлюдной области между р. Иртыш и оз. Балхаш, а на востоке вплоть до оз. Ала-Куль^[348] и Алтайских гор. Поселившись здесь, западные киргизцы, или казаки, отстаивали их, несмотря на продолжавшуюся все предшествующее столетие войну со своими северными соседями башкирами, а позднее – с Кокандом и Бухарой, несмотря на вторжения китайцев, с западной границей которых эти киргизцы граничат. Границы их обитания довольно хорошо известны. На востоке это направление примерно от норд-норд-оста к зюйд-зюйд-весту через оз. Ала-Куль по верховьям р. Или до Иртыша, на севере – по Иртышу до Омска, оттуда по линии, идущей на запад вдоль военной границы через Петропавловск до Звериноголовской^[349], затем в направлении на зюйд-вест до Орска, на северо-западе и западе – по р. Урал и Каспию до Эмбы или плато Устюрт до Аральского моря, а на юге – по рекам Сырдарья, Чу и Или. Последние две реки берут свое начало на Тянь-Шане и впадают в западные части, соответственно, озер Кабанкулак^[350] и Балхаш.

Эти киргизцы всегда делились на три Орды: Старшую, занимавшую территорию с востока до верховьев реки Сары-Су, Среднюю, простиравшуюся оттуда до долготы Орска, и Младшую, доходившую до западных границ их земель. Как возникло это разделение – неизвестно, но это вполне могло произойти еще до распада монголо-татарской империи, в которую они входили, и сохранилось в силу соперничества варварских племен и, следовательно, невозможностью соединиться им в единое целое^[351].

Кроме вышеназванных киргизских племен есть так называемая Внутренняя Орда. Она занимает левобережье Волги ниже Царицына и состоит из части населения Младшей Орды: в 1805 г. порядка десяти тысяч семей приняли предложение русского правительства переселиться из Зауралья в степи, ставшие безлюдными после ухода отсюда калмыков в 1771 г.

Киргизцы – люди выносливые и сильные, большинство из тех, кого я встречал, были крепкого телосложения и с мощными конечностями. У всех них крупное, невозмутимое и с пронзительным взглядом лицо. Одеты с ног до головы в толстые дорожные тулупы, на маленьких выносливых лошадках или великолепных азиатских верблюдах, они казались мне самыми дикими, самыми свободолюбивыми людьми из всех виденных мной. Рассказы об их былых набегах, о которых до сих пор помнят в Оренбурге, а также записки Аббота^[352] о его поездке из Хивы на Каспий и свидетельства других путешественников полностью подтверждают наличие у этого народа диких нравов. Хотя Паллас уверяет, что они не убивают своих врагов, а только берут в плен, известно, что потом киргизцы обращают их в рабство, так что в выводе этого ученого о доброте этого народа можно усомниться. Корыстные и склонные к проявлениям жестокости, они могут погружаться в себя и даже грустить. Поздние вечера киргизцы проводят не как арабы, которые любят рассказывать длинные истории у костра, а в одиночку молчаливо слушают звуки реки или задумчиво смотрят на луну. Девушки поют о том, что их «кожа белее снега, а щеки краснее крови заколотого барана, их волосы темнее, чем ветви дерева на склоне горы, закопченные костром прежней стоянки, а брови чернее и тоньше росчерков пера муллы в шатре султана». Влюбленный поведает, что его леди, «единственная дочь своего отца, днем всегда при своем родителе, а ночами гуляет наедине со своим возлюбленным под луной». Однако, несмотря на всю поэтичность их песен, они нередко основаны на реальности, поэтому, узнав об этом, европеец может испытать разочарование. О том, что далеко не всякий гость с Запада поддается чарам восточных красавиц, свидетельствует следующее замечание Аббота:

«Вблизи женщины напоминают пионы (в других местах своего сочинения он сравнивает их щеки со свеклой и сырой говядиной. – У. С.); рожи у них ярко красные, а черты их крайне грубые. Фигурами они напоминают медведиц, а их платье – это мухоморы, вырванные бурей»^[353].

Et ex uno disce omnes^[354].

Киргизцы – фанатичные и даже суровые магометане, однако, подобно некоторым окраинным арабам Африканской пустыни^[355], не строго придерживаются ритуалов и омовений, дозволенных Пророком,

пренебрегают молитвами и крайне невежественны в догматах веры. У них широко распространены колдуны и прорицатели, которые гадают по крови и внутренностям лошадей и других жертвенных животных. Но в целом отношение киргизцев к религии весьма поверхностное — хуже, чем у несчастных народностей тундры.

Все киргизцы, за исключением бурутов, являются подданными России.

На этом закончим наш краткий и несовершенный обзор народностей, населяющих Восточную Россию, и рекомендуем читателю, желающему получить более подробные сведения, обратиться к посвященным этому предмету сочинениям.

Глава VII

Балаково. – Волгск. – Саратов. – Немецкие колонисты. – Долина Иловли. – Камышин. – Ночная поездка по степи. – Дубовка. – Царицын. – Кавказские князья. – Семья черкесов. – Сарепта. – Черный Яр. – Мираж. – Енотаевск. – Песчаная пустыня. – Очертания Астрахани.

Надо признать, что, хотя пейзажи Поволжья довольно однообразны, они настолько красивы, и река до такой степени величественно огибает покрытые лесами горы и мысы, выступающие как на берегах Норт-Девона^[356], что от них невозможно оторвать глаз. Выше по течению вид примерно такой же, как вблизи Самары, ниже он более открытый, а в конце прекрасного плеса вдаль возникает Архангельское^[357]. Дорога при выезде из Балаково идет по низине на небольшом расстоянии от реки и густо покрыта дубняком. Петляя по нему, дорога с равнин, замечательных все тем же коичнево-золотистым лесом, постепенно приблизилась к высокому кряжу, откуда мы в одночасье по крутому склону спустились к Волгску. Сгущались сумерки, и среди смутных очертаний домов замерцали огни города. Сияние редких звезд, пробивавшееся сквозь облака, озаряло широкое русло реки, по которой сновали туда-сюда лодки рыбаков, и свет фонарей их напоминал огни святого Эльма. Почтовая станция Волгска была самой ухоженной и лучшей из всех, что мы встречали на этом шоссе, а ее хозяин и его жена – невероятно любезными. Если бы я обладал способностью видеть будущее, то наверняка бы предположил некую мистическую связь этого обстоятельства с гостеприимным приемом нас в Астрахани, которая – но тогда я этого не знал! – фактически принадлежит мистеру Сапожникоффу^[358]. Но как бы то ни было, нужно признать, что его щедрость и энтузиазм позволили превратить этот город в привлекательный даже для проезжающих. Мистер Сапожникофф много сделал для Астрахани, и, кроме всего прочего, недавно построил в ней на свои средства церковь.

Фонари на экипажах обычно используются только на шоссе, поэтому ямщики страдают не от темноты, а от этого искусственного света. Когда мы выехали из Волгска, луна не показывалась, было

пасмурно и так темно, что вознице пришлось воспользоваться нашим маленьким ручным фонарем. Встретив на пути шаткий мостик или резкий поворот, он спешивался и, держа в руке этот фонарь, вел упряжку под уздцы. Наш ямщик был не из трусливых и почти все время гнал лошадей рысью, так что мы достаточно быстро проскочили этот участок пути. К счастью, дождя не было, хотя гремел гром. На следующей почтовой станции, Ключи^[359], почтмейстер тянул с предоставлением нам лошадей, но мы настояли на этом. Так как наш ямщик не имел опыта ночной езды, мы предпочли взять более опытного. Замечу, что путешественники в это время зачастую могут рассчитывать на лучшую упряжку и возничего, а сам факт прибытия на станцию ночью, когда большинство людей спит, восхищает почтмейстеров. Утром мы наткнулись на экипаж, в котором в Астрахань ехали два человека, но, заблудившись в темноте в горах, они были вынуждены распрячь своих лошадей и заночевать прямо на дороге.

Следующим вечером, 4 октября, мы оказались почти в таком же положении, поскольку на последнем перегоне перед Саратовом ночь наступила раньше наших ожиданий, поэтому, сделав пару резких и не вполне понятных разворотов на месте, ямщик шепотом признался, что сбился с пути. И тут вновь пригодился наш фонарь, ибо, несмотря на плохие мосты и скверную дорогу, наш возница, оказавшийся ненамного лучше предыдущего, смог найти дорогу. Маленькая свечка в фонаре быстро сгорела и нас окутала крошечная тьма. Но в этот миг как раз зажглись звезды, и через пару часов, уже в полночь, мы уплетали превосходную еду в качестве единственных постояльцев большого русского отеля в Саратове.

Он, как и большинство городов Нижнего Поволжья, некогда был пограничной заставой, но сейчас стал средоточием земледелия и торговли. Столетие назад здесь по обоим берегам реки была неводеланная степь, и первопоселенцы на восточной стороне жили в постоянном страхе перед набегами башкир и киргизцев. Эти народности, как и калмыки до своего ухода в 1771 г., не просто грабили и уничтожали имущество, а при любой возможности похищали местное население для продажи в качестве рабов в Центральную Азию.

Немецкие колонии, основанные на Волге Екатериной II для заселения этих мест и поощрения колонизации восточных окраин

империи, простираются от Саратова до Сарепты, что ниже Царицына. Вероятно, во многом благодаря немцам здесь производят хлопчатобумажные ткани, плавят железо, строят мельницы для зерна, выращиваемого в окрестностях и доставляемого потом на Каспий и Азов. Удивительно, но колонисты практически не смешиваются с русскими, сохраняют свой язык, обычаи и привычки. Русские тоже такие, но ни знаменитая аккуратность немцев, ни их смекалка и домовитость, по-видимому, русским не передались. Немцы считаются колонистами, а их поселения – колониями, ибо они здесь чужие среди чужих и всегда помнят о своей родине.

Закупка провизии, свечей, шведских спичек, бумаги, бечевки, гвоздей и т. д. – ибо в дороге этого не найдешь – заняла все утро, но уже между двенадцатью и тринадцатью часами 5 октября мы отправились в путь, надеясь, что доберемся до Астрахани довольно быстро. Кстати, шведские спички в России являются контрабандой^[360] – нет, их не трудно раздобыть, но они продаются не в лавках, а старухами, которые неплохо зарабатывают на этом.

Из Сарепты дорога отворачивает от реки и поднимается на крутой холм, откуда открывается прекрасный вид на город, а затем на бескрайнюю степь. Трасса была хорошая, и мы не думали о пронизывающем холодном ветре и унылых почтовых станциях, но скверный устьзалихинский^[361] ямщик не успел преодолеть этот отрезок пути до рассвета. Здешние ямщики, как правило, немцы, и, слушая их разговоры на немецком, мы чувствовали себя почти как дома, однако нашим возникшим недоставало русской отваги и решительности. Вдобавок, 6 октября прошел дождь, сразу превративший отличную дорогу в нечто ужасное.

Конечно, лесоматериалы легко доставляют сюда из более северных районов, и перевозка их по суше, пожалуй, дешевле, чем в других местах, за исключением тех, где имеется желез-подорожное сообщение, но даже стоящие у реки селения выстроены из тесаного бруса и досок и совершенно не походят на бревенчатые вятские и пермские. Степь начинается после Усть-Грязнухи^[362].

Дорога, покинув берега Волги в Саратове, не возвращается к ним до самого Камышина, и, хотя на этом отрезке не отклоняется далеко от них, входит в акваторию Дона, но не пересекает его. Примерно в пятнадцати милях южнее Усть-Залихи, т. е. где-то на полпути между

Саратовом и Камышином, она тянется вдоль р. Иловли – реки, которая течет параллельно Волге на протяжении двух градусов широты и отделена от нее лишь возвышенностями, как раз и образующими высокий правый берег.

Иловля – невзрачная речушка с песчаным взгорьем примерно в сорок футов высотой. По левому берегу ее шла вязкая и скользкая, утопавшая в грязи дорога, а по правому стелился туман, который, по-видимому, решил не показывать нам лишнего. Нет ничего более безрадостного или, вернее, заслуживающего трех тысяч миль езды, чем дорога до Камышина. Представьте себе человека после десяти суток пути, который, немного отдохнув на деревянной скамье в Саратове, во второй половине дня, в ливень, прибыл в эту «Долину несчастий»^[363]. Здание почтовой станции и нужник примерно в пятидесяти ярдах позади нее – первое представляло собой грубо изготовленный сруб, а второй был сколочен из тонких досок – были единственными в этих местах творениями рук человеческих. За ними находилась река, отличавшаяся длинной полосой ивняка, торчавшего из илистого дна, – самым ужасным из возможных покровов, когда-либо создававшихся драпировщиком или оформителем.

Но сколько веревочке не виться. Вечером мы вновь воспрянули духом, увидев нашу старую подругу Волгу и Камышин с его привлекательными очертаниями и очаровательным расположением. Но если снаружи город был мало похож на поволжские селения, то внутри являлся их полной копией. Получив 25 коп., станционный смотритель перестал уговаривать нас переночевать и выделил лучшего ямщика. Мы не были слишком суеверными, иначе б, испытав за две предыдущих ночи, что значит сбиться с пути, не стали искушать судьбу в третий раз, однако примерно в два часа ночи меня разбудил разговор между Л. и ямщиком.

Л.: Ты чего ползаешь? Потерял кнут?

Ямщик (почти опустившись на четвереньки): Нет, я ищу дорогу.

Л.: Ну и ну! Возьми фонарь и быстро топай вперед, справа или слева найдешь кювет – вот тебе и дорога!

Ямщик: Но мы же сейчас не на ней.

Л.: Так вернись на нее!

Ямщик: Как я это сделаю? Уже пятнадцать верст, как мы сошли с нее – я хотел по степи срезать путь. Где-то справа должна быть река,

минут через десять – деревня, а уж от нее до станции всего-то три версты.

С этими словами наш ямщик, держа в руке фонарь, скрылся в тумане. Он хорошо знал эти места, хотя вокруг стояла кромешная тьма, а фонарь не мог пробить плотную мглу. Вскоре мы подъехали к реке и через некоторое время оказались у деревни. Оставалось лишь заставить лошадей подняться по ведущему к почтовой станции склону.

С грехом пополам вскипятив в самоваре воду и разбудив при этом храпевших в комнате двух русских, мы около четырех часов ночи 7 октября продолжили путь. Проехав несколько сот ярдов и сменив одну лошадь и кучера, мы по грязи сквозь туман добрались до Короваинской. В это время мгла рассеялась и перед нами вновь предстала прекрасная Волга. Почтовая станция Корова-инская находится на возвышенности. К стоящему на берегу реки селению с похожим названием^[364] нужно спускаться по лесной ложине, степь за которой покрыта множеством холмов. От следующей станции, Балыклейской^[365], дорога идет по открытому всем ветрам высокому и идеально ровному плоскогорью, являющемуся водоразделом притоков Волги и Дона. А вот станция Пролейская^[366] находится недалеко от главного тракта в небольшой котловине, которая, кажется, отчасти защищает это место от ветра. Возвышенность продолжается после следующей почтовой станции, Западной^[367], и заканчивается у Дубовки^[368]. По пути к этому городу мы пересекли пару небольших долин, в которых прятались прелестные деревушки с милыми деревьями вдоль тихих речек, сверкавших посреди песчаника в лучах полуденного солнца.

Серый туман последних дней сменился одним из самых восхитительных закатов, которые я когда-либо видел к северу от Атласских гор^[369]. По небу, словно морская пена, ползли легкие, пушистые облака, отливавшие на солнце множеством оттенков. Над широкой заволжской степью ярко-розовая кромка небес столь плавно переходила в серую, что горизонт представлял собой не резкую границу между землей и небом, а широкую размытую полосу. Яркий свет полумесяца облегчал ночную езду галопом. Раздвижные деревянные повозки, состоявшие из ствола сосны, лежавшего между колесными парами, тащились по дороге или стояли на ночлеге, – в этом случае их волю были освобождены от ярма, а крестьяне жались у своих костров,

что-то непрерывно лопоча и прерывая свои рассказы возгласами «О, Аллах!» словно дело было в Сахаре.

На следующей почтовой станции^[370] мы немного задержались, меняя лошадей, но едва утренний туман сошел с холмов, показался спуск к Царицыну. Город стоит на величественной излучине Волги, в месте, где ее русло почти под прямым углом поворачивает с юго-запада на юго-восток. С севера и запада Царицын прекрасно защищен холмами, он расположен по обеим сторонам реки, которая впадает в Волгу^[371]. В этих местах воздух теплее, чем по соседству. В августе прошлого года большой пожар (обычное явление в России) уничтожил почти половину города^[372]. Царицын — не лучшее место для путешествующих в экипажах, ибо на его почтовой станции всегда мало лошадей, хотя здесь сходятся четыре дороги: из Саратова, по которой мы прибыли в Царицын; в Астрахань, по которой нам предстояло ехать; в Новохопёрск^[373] и Москву, по которой мы возвращались, и, наконец, та, которая идет в Новочеркасск и к Азовскому морю. С лошадьми действительно было туго, тем более что накануне на станцию прибыли двое кавказских князей, возвращавшихся из Москвы в Дербент с коронации. Для их огромного дилижанса и двух тарантасов свиты нужно было полтора десятка лошадей, но они не теряли надежды их найти. Заинтересовавшись моим револьвером, князья сразу предложили за него 200 руб.^[374], т. е. примерно 13 гиней, однако я объяснил им, что он у меня единственный.

Л. сразу же занялся поиском лошадей, в ходе которого познакомился с немцем-аптекарем — единственным здешним врачом. Этот человек попытался добыть для нас упряжку у крестьян, но те, полагая, что у князей кошельки потуже, не соглашались. В это время в Царицыне свирепствовала холера^[375], но аптекарь не знал, как ее лечить. Среди его пациентов был живший на окраине города черкес^[376], жена которого страдала этим недугом. Страстно любивший ее муж, видя мучения супруги, буквально сходил с ума от горя, а его мольбы дать спасительное лекарство ставили бедного аптекаря в тупик. *Omne ignotum pro mirifico*^[377], а в Царицыне англичан практически раньше не бывало. Поэтому, спросив меня, что в данном случае нужно делать, и узнав, что я везу с собой соответствующие снадобья, он попросил осмотреть больную, но сам под разными предлогами ехать к ней наотрез отказался. Чтобы побыстрее спровадить нас из города, он

сумел найти пару лошадок. С ними наш тарантас едва бы смог проехать по ложбинам между Царицыным и Сарептой, но выхода не было, и мы отправились в путь, оставив дербентских князей дожидаться пятнадцати лошадей.

Сначала мы заехали к упомянутому черкесу, чей дом находился недалеко от дороги. Бедняга встретил меня как давнего друга. Его жена лежала посреди комнаты на тюфяке с богато расшитым покрывалом. Возможно, еще пару дней назад она была неотразима, но и сейчас все еще сохраняла характерную для черкешенок красоту. Ее длинные черные волосы лежали на подушке, взгляд больших темных глаз, утративших блеск, все еще оставался нежным, а греческий профиль и тонкие черты лица, осунувшиеся и лишившиеся румянца, стали чуточку угловатыми и неестественно бледными. У нее была последняя стадия азиатской холеры^[378], и даже опытный врач уже не смог бы ей помочь. Посидев около нее час, я оставил ее мужу несколько лекарств, рассказав, как ими пользоваться^[379], и покинул этот дом. Черкешенка скончалась на следующий день, и ее муж сразу запил, – я узнал об этом на обратном пути. Какой трагический конец!

Мы отбыли из Царицына около пяти часов вечера и, преодолев пару лесных лощин с их бурными речушками, сначала поехали по низине между высоким правым берегом Волги и самой рекой, а потом миновали Сарепту. Была уже ночь, поэтому город мы смогли увидеть, когда днем возвращались обратно. Царицын находится в начале, а Сарепта – в конце излучины Волги. Эта последняя немецкая колония перед Астраханью была основана в 1769 г. моравами с целью крещения калмыков^[380]. Ближайший русский город находился в восьмидесяти милях отсюда, и когда в 1771 г. калмыки двинулись в Китай, Сарепта едва устояла, но если бы их правобережные племена объединились с левобережными, то колонии было несдобровать.

Однако судьба Сарепты была несчастной. В 1773 г. ее и округу разорил казак Пугачев^[381], спасаясь от которого колонисты бежали в Астрахань. В 1812 г. в городе случился пожар^[382], а незадолго до этого в Москве сгорели склады с сарептскими товарами^[383]. В 1823 г. новый пожар уничтожил почти всю колонию, но еще более ужасным было обмеление Сарпы. Впадающая в Волгу ниже города, эта река некогда была весьма полноводной и позволяла своим многочисленным мельницам получать неплохую прибыль, однако постоянная нехватка

воды привела к тому, что к 1800 г. они были заброшены. Несмотря на это, упрямые колонисты не уходят отсюда, хотя лучшие времена Сарепты, кажется, уже прошли. Немцы все еще производят некоторое количество шелковых и хлопчатобумажных изделий, содержат чулочные и кожевенные фабрики, выращивают табак и индиго. Сарептская горчица пользуется в России таким же спросом, как в Англии даремская^[384], только последняя более острая на вкус. Сарептские товары продаются в Астрахани в особой лавке, где можно приобрести всевозможную одежду и разнообразные полезные и изящные вещи. Сарепта – город сугубо немецкий, в нем нет ничего русского, его дома отличаются чистотой, расположены удобно и естественно, среди деревьев, аллей и садов, чего мы не встречали уже сотни миль. Хотя сама по себе Сарепта довольно заунывна, ее облик производит на путешественника, привыкшего к российскому однообразию, неизгладимое впечатление. Усилия моравских миссионеров особых результатов не принесли, и только полвека спустя им с трудом удалось обратить в христианство несколько калмыцких семей, что вызвало протест русского духовенства, а позднее было разрешено крестить калмыков только в православную веру.

Первые две-три почтовые станции после Сарепты представляют собой простые избушки в степи^[385]. Ночью 9 октября, когда мы проезжали мимо них, поднялся сильный северный ветер. Утром он прекратился, но холод не ушел, однако я, несмотря на возражения Л., приоткрыл занавеску тарантаса, чтобы насладиться одним из самых великолепных восходов солнца, который только можно представить. Наша дорога пролегла недалеко от Волги, горизонт выглядел ровным и четким, словно мы плыли по морю. Десятого октября мы позавтракали в Вязовке^[386]. Следующей почтовой станцией была Старицкая^[387] – расположенное в ложбине колоритное селение. Его избы покрыты соломой, обвязанной дранкой. Я был настолько очарован обликом этого населенного пункта, что даже записал в своем дневнике: «Перед каждым домом здесь имеется маленький палисадник, огороженный плетнем, внутри которого растут три деревца. Как это приятно!» Но увы! Когда на обратном пути мы подъехали поближе, оказалось, что в «палисадники с плетнем» насыпают землю и навоз, чтобы зимой в домах было тепло, поэтому они представляли собой огромные кучи мусора, наваленного на стены изб как можно выше.

Облик следующего после Старицкой Черного Яра^[388] сочетался расположенными в нем комендантским домом, казармами, небольшими укреплениями и т. д. так же, как пушка при охоте на тигра или бейсбольный костюм с пантганом^[389] на Лимингтонских болотах^[390]. Когда мы отправились вниз по неровной тропинке на короткую прогулку за город, селение быстро скрылось из виду. Грузенные зерном баржи и рыбацкие лодки, несколько грубых хижин и калмыцкая кибитка, изобилие в реке дичи – вот и все местные достопримечательности. На изумительные пейзажи, тихие бухты и мысы Волги, острова и заросли ивняка, близлежащие киргизские пастбища, дикие лебеди, размеренные движения людей, лодок и течения реки можно было смотреть бесконечно долго, превратившись в по-восточному равнодушного ко времени и окружающему миру созерцателя, но тут раздался звонкий голос Л.: «Лошади готовы!»

Путешественник должен быть терпеливым и снисходительным – отчасти потому, чтобы невзначай не оскорбить нравы и обычаи местного населения. Приведу один пример. Мы ехали по выжженной солнцем песчаной местности, и наша собака утоляла жажду в речках и лужах. Однако перед отъездом из Черного Яра Л. попросил конюха-калмыка принести ей воды. Тот появился с миской в руках, из которой питался сам, причем это была его единственная посуда, но узнав, что из нее будут поить собаку, резким движением выхватил чашку из рук Л. и тем самым спас сосуд от осквернения нечистым зверем. Добродетельный христианин, Л. застыл в изумлении и недоумении – он, вероятно, забыл, что мы находимся среди язычников, но и наш Тузик тоже не понял этого поступка калмыка.

В этих степях часто возникают миражи. Однажды один такой объект висел в воздухе с раннего утра до трех часов пополудни. Превращение населенного пункта в реальность часто выглядит очень забавно. Мы стали свидетелями этого в Черном Яре. Земля впереди медленно начала приподниматься, затем показалась петлявшая по степи дорога, а по ней нескончаемой вереницей потянулись верстовые столбы и знаки для обозначения заснеженного пути. На возвышенности, как водится, виднелось словно настоящее озеро, а на его берегах стояла столица сказочного царства. Церкви, дворцы, сады и рощи с высокими и грациозно изогнутыми деревьями, причудливые башенки и минареты как бы по мановению волшебной палочки меняли свои формы и,

подобно калейдоскопу, создавали все новые комбинации. Увы! В итоге дворцы превратились в склады, храмы – в амбары, а высокие покачивающиеся деревья и затейливые шпили – в крылья загородных ветряных мельниц.

Утром 10 октября мы миновали Енотаевск^[391]. Он и Черный Яр^[392] – единственные города между Сарептой и Астраханью. В Енотаевске мы купили у немца – булочника белый хлеб. В большинстве русских городов имеются такие немцы-пекари. Обычно мы брали с собой мало провизии, поэтому всегда удивлялись, как за один-два дня съедали столько хлеба и сухарей. Оказывается, в трудной поездке, особенно в ненастье или в холод, человек постоянно ест, а хлеб не нужно готовить, да и полноценной пищей он не считается.

Надо сказать, что Енотаевск – самый мрачный и безжизненный из всех прежде виденных мной городов^[393]. Расположенный в самом начале пустыни Сыпучие пески, он как бы наполовину занесен ими и кажется безлюдным. Его почтовая станция выглядела заброшенной, в ней не было даже смотрителя. Такое я видел в России впервые, за ним послали, но не смогли найти. «Старый» организовал нам лошадей. Л., на время превратившись в хозяина станции, отметил в конторской книге нашу подорожную^[394], а пестрая толпа диковатого вида калмыков и русских стояла рядом и тупо смотрела на нас – такого тоже раньше не бывало.

Около двух часов ночи мы прибыли в Замьяновскую^[395], третью почтовую станцию от Енотаевска, и долго ожидали смену лошадей. Это было странное и глухое место – во всяком случае, таким оно предстало нам при свете луны. Селение состоит из нескольких дворов и почтовой станции, расположенной на расстоянии ружейного выстрела от реки. Как и все населенные пункты после Енотаевска, Замьяновская полузасыпана песком. Одну из ее трех комнат занимал смотритель, во второй спал на своем багаже торговец с Кавказа, в третьей, освещенной подвешенным к потолку факелом, ящики словно обезьяны уплетали арбуз. Чтобы развеять скуку, я спустился к реке, но, побродив по вязкому песку и вдоволь наспотыкавшись в темноте о камни и кочки, был вынужден укрыться от пронизывающего ветра внутри нашего потрепанного тарантаса.

Проигнорировав множество увещаний и призывов, мы в семь часов утра потащились по глубокому вязкому песку. Время от времени

нависающий над рекой песчаный обрыв обнажал у своего подножия слегка приподнятый над водой выступ, по которому могут проехать два экипажа. Это место по причине его влажной поверхности и, следовательно, отчасти твердого песчаного покрытия, используется в качестве дороги, хотя она иногда сужалась до ширины одной повозки и нередко была настолько покатой, что нам приходилось спешиваться и удерживать тарантас руками. Бывало, что нанесенный ветром с утеса сухой песок полностью преграждал путь, и тогда мы вынуждены были съезжать непосредственно в реку. Ее дно на правобережье было мелким, но довольно вязким и неровным, так что тарантас в любой момент мог перевернуться.

Сутками мы ползли по этой безлюдной местности, через щели в кузов проникали то дождь, то песок, но однажды тучи рассеялись, открыв взору белые башни Астрахани.

Глава VIII

Устья Волги. – Западное побережье Каспийского моря. – Подъезжаем к Астрахани. – Паром. – Астраханские улицы. – Гостеприимный мистер Сапожникофф. – Спасский монастырь. – Изобилие национальностей. – Кремль и кафедральный собор. – Армянская церковь. – Чудотворная икона. – Индийский базар. – Брахманская Всенощная.

Астрахань стоит на левом берегу главного русла Волги, на одном из многочисленных островов^[396], образованных двумя речушками и обрывами, которые вместе составляют огромную дельту этой реки. Последние триста пятьдесят верст русло Волги превращается в совокупность протоков общей шириной тридцать верст. Сама Волга почти всегда занимает крайнее правое, или юго-западное, местоположение, а с ее левой стороны, т. е. на северо-западе, течет р. Ахтуба. Обе они почти триста верст, вплоть до впадения в море, несут свои воды параллельно друг другу, но в итоге расходятся, образуя дельту. При этом Волга течет от Астрахани почти прямо на юг, а Ахтуба практически столь же прямо на восток, поворачивая туда примерно в двадцати пяти верстах выше Красного Яра. Основание дельты имеет длину сто пятьдесят, а высоту – шестьдесят верст, поэтому ее площадь составляет не менее двух тысяч квадратных миль, а с учетом всех протоков между островами количество устьев, обозначенных на лучших русских картах, доходит до пятидесяти. По обеим сторонам Волги на сотни верст вдаль простираются бескрайние степи: на юге они достигают предгорий Кавказа, а на востоке уходят далеко за Урал – в Центральную Азию^[397]. В одних местах они представляют собой песчаные пустыни, в других – солончаки, изредка покрытые озерами, вокруг которых отсутствует всякая растительность, зелень заменена белым слоем соленого рассола, а деревья – миражами. Но имеются и исключения в виде пресных водоемов – например, Узени^[398] в Киргизской и Сарпа^[399] в Калмыцкой степях, где в летний зной, когда пересыхают мелкие речушки, собираются со своими стадами кочевые племена.

Берег Каспийского моря, в частности, северо – западный, – низкий и пологий. От почтовой станции Гайдукская^[400] до Гурьева^[401] он окаймлен бесчисленным множеством маленьких песчаных островков, которые под действием ветра и бурь постоянно перемещаются. И хотя южнее устья Кумы их не так много, эта особенность каспийского побережья сохраняется вплоть до восточных отрогов Кавказа, которые упираются в море вблизи Таргу^[402]. Присутствующие в соседних степях, а также по другую сторону Каспия песок, соль и окаменелости позволяют предположить существование здесь в доисторические времена огромного Арало-Каспийского моря. Поскольку его западным берегом являлось именно правобережье этой реки, данная гипотеза объясняет необычное возвышение правого берега Волги над левым между Нижним Новгородом и Сарептой. Впрочем, все это не имеет прямого отношения к целям нашей поездки.

По мере нашего приближения внешний вид Астрахани становился все краше. Город расположен между двумя высокими мысами за большой излучиной Волги. На холме справа^[403] находится село с церковью^[404]. Съехав с этого холма с противоположной стороны, мы вновь потеряли Астрахань из виду и оказались среди жилищ полуоседлых калмыков. Одетые в причудливые яркие костюмы и с почти монгольскими чертами лица, особенно носами и глазами, они сновали к реке и обратно, таская воду.

Еще один небольшой холм^[405], на котором мы решали проблему неустойчивого равновесия и лишь по чистой случайности сумели избежать попадания твердого тела в воду, – и вот наши мучения почти закончились, а цель нашего долгого странствия в основном достигнута. Мы спустились на небольшую равнину, уже не песчаную, а аллювиальную. Ее пересекала речка^[406], вдоль русла которой тянулась ярко-зеленая полоса свежей, нежной травы, какой мы не видели много дней. Возможно, в другой раз на нее не стоило бы обращать внимание, но сейчас это зрелище в силу своего внезапного появления и прелести вызвало у нас оторопь. Немного впереди стояла маленькая приземистая деревушка^[407], а на противоположном берегу в конце извилистого русла Волги высились прекрасные очертания долгожданной «Звезды пустыни» – именно так величают Астрахань на Востоке, и западные путешественники тоже могут воспользоваться этой метафорой.

За деревушкой, не доезжая переправы, мы проследовали через большие, окруженные частоколом поля, на которых были собраны все крупные и часть мелких товаров, привезенных с нижегородской ярмарки. В одном дворе стояли экипажи, в другом – тюки с хлопком, в третьем – посуда, в четвертом – скобяные изделия и т. д. Уготованные для Закавказья, вероятно, отправятся морем в Баку, а оттуда по почтовому тракту в Тифлис, а предназначенные для Северного Кавказа будут уложены в многочисленные, стоящие рядами справа от дороги повозки. Люди азиатской внешности занимались упаковкой и размещением, смолением и охраной, т. е. своими обычными делами. Повозки поедут по унылой, размытой дождями песчаной дороге в Кизляр, а оттуда по горам в Моздок и Владикавказ, или, если помешают горцы и боевые действия^[408], в Дербент и Баку.

В одном месте стояла партия телег, лошади были распряжены, а готовые к выезду возницы поедали дыни. Этим людям было все равно, куда и когда ехать – на Кавказ, Урал, Черное или Балтийское моря. Рядом с ними сидели несколько персов в высоких черных шапочках из овечьей кожи и в длинных одеждах и невозмутимо наблюдали, как полдюжины калмыков грузили тюки в повозку. В другом месте к берегу пришвартовалась маленькая лодка, и из нее к стоящей здесь же повозке вышла бойкая русская бабенка, которая сразу начала орать и что-то приказывать двум изможденного вида азиатам непонятно какого племени. Она везла в соседнюю деревню корзинку с яйцами, ящичек с посудой и несколько легких берестяных сумочек, но для того, чтобы погрузить все это в повозку, потребовалось двое мужчин. В итоге посуда с грохотом вывалилась из лыкового короба, и лишь отчаянным усилием удалось спасти от той же участи яйца. Чем все это закончилось, я не знаю, потому что в этот момент крестьянку скрыло облако пыли.

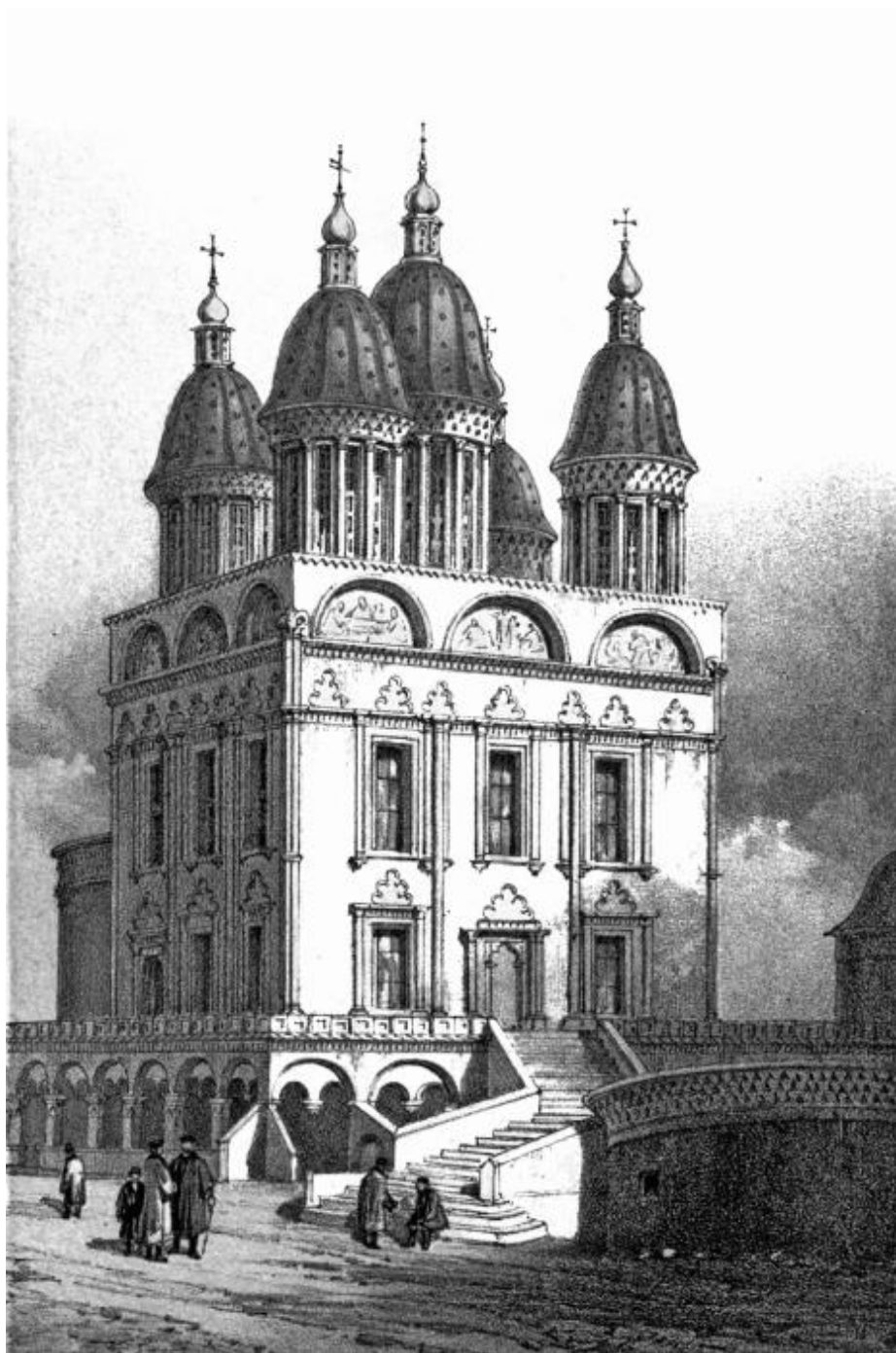
Недалеко от нас стоял казачий пикет, у дверей маленькой грубой хибарки точила лясы пара мужчин, их лошади стояли под навесом соломенной крыши, защищавшей их от ветра и дождя. Впереди нас к себе домой в степь возвращались группа калмыков и несколько киргизцев в тяжелых овчинах и свободно ниспадавших на спины колпаках. Они гнали небольшой табун лошадей и жеребят – довольно неказистых на вид, но таких же сильных и выносливых, как их хозяева:

большую часть этих животных они продали здесь несколько дней назад.

Мы на миг оторопели от этой причудливой смеси национальностей, обычаев и столь же удивительного ландшафта, хотя понимали, где находимся, и что ближайший пункт, откуда можно отбыть на родину, расположен почти в двух тысячах миль отсюда. С другой стороны, здесь начиналась идущая вдоль моря дорога в фантастически красивые и величественные, но малоизвестные путешественникам места, являвшиеся свидетелями множества исторических событий и объектами территориальных претензий^[409]. Здесь до сих пор сохраняются остатки древних языков и диалектов и, подобно последним облачкам утреннего тумана, увенчивающим вершины этих гор, фрагменты старинных нравов, обычаев и религий.

Местность плавно поднималась вверх, открывая нам вид на Астрахань, и постепенно перед нами представляли большие здания, оттенявшие убогие, но живописные постройки у воды, лодки и остров у противоположного берега^[410]. Очертания и общий вид города очень красивы. В центре его стоит собор – многоэтажный, квадратный, белого цвета и настолько высокий и удачно расположенный, что можно забыть про его невзрачную архитектуру^[411]. Расположение дверных проемов, окна и средники, причудливые изгибы и плотный, но простой орнамент изготовлены так тщательно, а росписи сводов установлены столько затейливо, что монотонность расцветки и безжизненность поверхности уходят на второй план, в то время как пять зеленых куполов с золотыми звездами придают ему тот своеобразный полуазиатский вид, на котором редко останавливается взор. Справа от собора находятся кремлевские церкви, казармы и прочее, а также окружающая их зубчатая стена. Еще дальше расположены порт, Адмиралтейство, верфь и множество стоящих на якоре судов. Слева несколько длинных рядов казарм и складов увенчаны скоплением куполов и шпилей. Окраины же города теряются в густой роще.

Собор Успения Пресвятой Богородицы

Было уже далеко за полдень, когда наш проворный ямщик-калмык привез нас к пристани напротив города, но сильный ветер не позволял переправить тарантас через Волгу. Тогда мы приказали этому мужичку — нас привлекли в нем не столько честные глаза, сколько габариты и свирепая внешность — отвезти нас обратно и по прибытию начали

разгружать экипаж. Я уже хотел было воспользоваться обычным паромом, но тут меня окликнул Л., который сумел убедить одного портового служащего, что будет сообразнее нашему статусу и почетно для Астрахани, если мы торжественно переправимся на его 12-весельном катере. Чиновник согласился с этим, и его гребцы быстро переправили нас через реку, ширина которой в этом месте превышает две тысячи ярдов, выгрузили свой большой багаж, после чего на двух дрожках отправились в город по песку, гонимому сильным ветром по улицам. За нами бежала пестрая толпа, которая привычно засыпала нас вопросами на каждой остановке.

Здания на главной улице деревянные и почти исключительно состоят из каретных мастерских и лавок по продаже кузнечных, столярных изделий и тележных колес. Сады и дворы ограждают длинные дощатые ширмы зеленого и желтого цветов с белыми или красными широкими полосами^[412]. Имеются ворота, украшенные крупной деревянной резьбой, изображающей что-то напоминающее розу, подсолнечник и солнечный диск одновременно, но краска на них поблекла, а зной, песок и сырость придали городу старинный облик. Торговые лавки здесь низкие, обычно с маленькой дверцей, на улицах нет фонарей, поэтому кузница, костер и даже свеча или факел в сумерках смотрятся ярко и красочно. В Астрахани множество двух- и трехэтажных кирпичных домов^[413], а шум от множества людей, телег, дрожек и дровяных телег напоминает наши фабричные города.

Мистер Сапожникофф, знаменитый каспийский икорный король, главный астраханский купец и городской голова, ожидая, что я приеду до его возвращения из Москвы с коронации, порекомендовал мне местный отель^[414]. Но раньше нас в Астрахань прибыл пароход, пассажиры которого заняли не только этот отель, но и во все остальные места для проживания гостей города. Смеркалось, и мне пришлось направиться к моему знакомому. Сапожникофф всегда питался в ресторане, но по рекомендации своего дворецкого изменил своей привычке ради нас. Радужно встреченные хозяином в его доме^[415], мы сидели у него за столом и пили самый лучший в мире чай. Нам, нашим слугам и тарантасу выделили отдельные помещения, а своему повару-французу Сапожникофф приказал готовить для нас все, что мы захотим. Посреди его дома возвышается деревянная башня с галереей, откуда я любовался округой.

Все шесть дней своего пребывания в Астрахани я был на попечении моего хозяина. Впервые за две недели у меня была нормальная постель, и меня возили туда, куда я захочу, для чего выделили возничего и дрожки, коих у моего хозяина, по-видимому, было множество. «Он хорошо знает город, – похвалил Сапожникофф своего кучера, – поэтому ездите только с ним, а лошадей не жалейте, ведь у меня их четыре десятка».

Благодаря разнообразию архитектуры Астрахань нравится всем, кто попадает в нее в ходе путешествия по России. Выехав из дома моего хозяина к собору, олицетворяющему центр города, мы миновали типично русские деревянные дома с огороженными дощатыми частоколами палисадниками и прибыли к мосту^[416], пересекающему один из волжских рукавов^[417]. Справа от него виднелась изобиловавшая судами Волга, скопление их толстых мачт напоминало густой лес. По левую сторону моста тянулся длинный, неровный ряд всевозможных изб, перемежающийся множеством церквей с сияющими на солнце позолоченными шпилями.

За мостом находятся несколько довольно больших, но безликих кирпичных оштукатуренных домов. В них располагаются лавки, в которых в основном продаются бечевки, канаты, посуда и прочее^[418]. Но на углу имеется особая лавка, где торгуют совершенно необходимыми для русских церковными свечами всевозможных размеров – лилипутскими и бробдинггескими^[419], тонкими и толстыми, большинство которых изящно покрыты позолотой. Слева сквозь распахнутые ворота виднелся огромный и несуразный деревянный особняк с многочисленными, занимающими почти весь двор конторами и пристройками, крыльцами и наружными лестницами, галереями и балюстрадами. Он, вероятно, потребовал больших расходов на строительство и вряд ли удобен для проживания, но зато является просторным и необычным внешне. Чуть дальше стояла большая и вполне заурядная арка из кирпича, снабженная чем-то вроде крытого входа на кладбище, которая скорее раздражает, чем вызывает интерес, – это был вход в Спасский монастырь^[420].

Сама старая церковь и монашеская обитель расположены наискосок к воротам и сходятся в обращенном к ним углу. Монахи живут в жалкой постройке с деревянной аркадой и балконом на фасаде – бессмысленными, но придающими зданию восточный облик и

приятными взору атрибутами. Церковь представляет собой покрытое штукатуркой массивное и богато украшенное лепниной кирпичное здание. Его стены всюду пронизывают арочные проходы, кое-где имеются боковые двери, окна прорублены на различной высоте, а непонятно для чего сделанные галереи придают этому хаотичному нагромождению оригинальность.

Спасо-Преображенский монастырь в Астрахани

Однако штукатурка осыпается, кирпичная кладка разрушается, по стенам ползут заметные трещины. Бородатые священники в пурпурных рясах и с ниспадающими на плечи длинными волосами плавно скользили по двору по своим делам и поднимались по маленькой узкой лестнице, сидя на которой, я делал свои заметки. Чуть дальше мы наткнулись на еще одну церковь, возможно, не такую старую, но примерно того же стиля, возвышающуюся на противоположной стороне улицы. Миновав ее, мы попали в сарептский торговый склад. В нем опрятные лавочники предлагали перчатки, пальто, шляпы, карандаши, чернила, шкатулки, настольные украшения и множество других предметов, которые вряд ли найдешь в этих местах. Однако мы

сразу поняли, что находимся в России, а не в Германии – нас (кроме меня, некурящего) сразу стали уговаривать купить или обменяться папиросами. Недалеко отсюда находятся изобилующие шелками, шальями, коврами и курительными трубками персидские лавки. Нехотя вставая с диванов, женоподобные персы с томными глазами усиленно расхваливали великолепные предметы, невзирая на то, будете ли вы покупать их или нет.

По дороге к собору мы миновали дом губернатора^[421], стоящий на углу большой площади^[422]. У этого довольно привлекательного здания весьма простой облик, имеются лепнина, балконы и ставни – несмотря на холодный и ветреный день, это свидетельствовало, что в городе часто бывает жарко. Иностранцы, посещающие отдаленные русские губернии, обязаны представляться губернатору, но мы, недостаточно владевшие русским языком, были вынуждены на время отложить свой визит, так как Его Превосходительство говорил только на нем, а его единственный адъютант, владевший французским, в тот день отсутствовал. Но позже губернатор^[423] все же принял нас и провел с нами исключительно содержательную, насколько это возможно, беседу, при этом не задавая лишних вопросов, ничего не комментируя и совершенно не касаясь политики, а все второстепенное отфильтровывал переводчик. Глава края распорядился показать нам Арсенал и верфь и немедленно выдать паспорт до Варшавы.

Мимо упомянутой площади прямо к воротам Кремля^[424] идет довольно длинная улица, как бы астраханская Риджент– стрит^[425], частично состоящая из капитальных домов, лавок и аркад, принадлежащих мистеру Сапожникоффу^[426]. Такого скопления разных народностей, как здесь, я не видел даже в Гибралтаре и Алжире: величавые персы и бойкие русские кадеты, суетливые европейские и азиатские торговцы, непонятно какие татары, немецкие лавочники, грузные бухарцы и полудюжина молодых офицеров... Тут же можно встретить линейных солдат^[427] – одних в шлемах, других в овчинных шапках с красными и золотыми полосатыми коронами, снующих на своих проворных лошаденках казаков с покачивающимися копьями и развевающимися позади крыльями^[428], бесшумно семенящих вкрадчивого армянина и хитрого вида еврея. То же самое и с языками – задаешь вопрос по-французски, а тебе отвечают по-немецки, обращаешься к человеку по-немецки, а он говорит с тобой по-русски,

вставляешь реплику на русском и получаешь тираду по-персидски, тут еще к тебе протискивается некто и начинает тараторить по-татарски, после чего в разговор вмешиваются носители калмыцкого и киргизского языков. Неожиданно над твоим ухом раздаются ужасные фырканы, кашли, вздохи и чихания – отличительные признаки черкесского говора, и ты уже в отчаянии бежишь прочь от этого вавилонского столпотворения^[429].

От кремлевских ворот по склону холма^[430] налево вниз, в сторону Каспийского моря идет обычная крутая и ухабистая улица^[431]. На одной ее стороне стоят несколько довольно аккуратных домов, на другой находится базар – расположенные позади обветшалой аркады маленькие, убогие, восточного типа лавки. В Кремль ведут ворота, рядом с которыми вздымается высокая колокольня^[432], которая даже выше собора, стоящего несколько впереди нее слева. Его возвели во второй половине XVII в. Лестничная клетка и каменная кладка у основания собора массивны и велики. Пять его зеленых куполов увенчаны золотыми звездами. С расположенных наверху лестницы и галереи, опоясывающих здание снаружи, открывается прекрасный вид на город и его округу. За собором находятся покои епископа и духовенства, позади них, как с одной стороны, так и спереди, – казармы, а справа – церковь. Все это окружено зубчатой стеной с приподнятой галереей для стрелков.

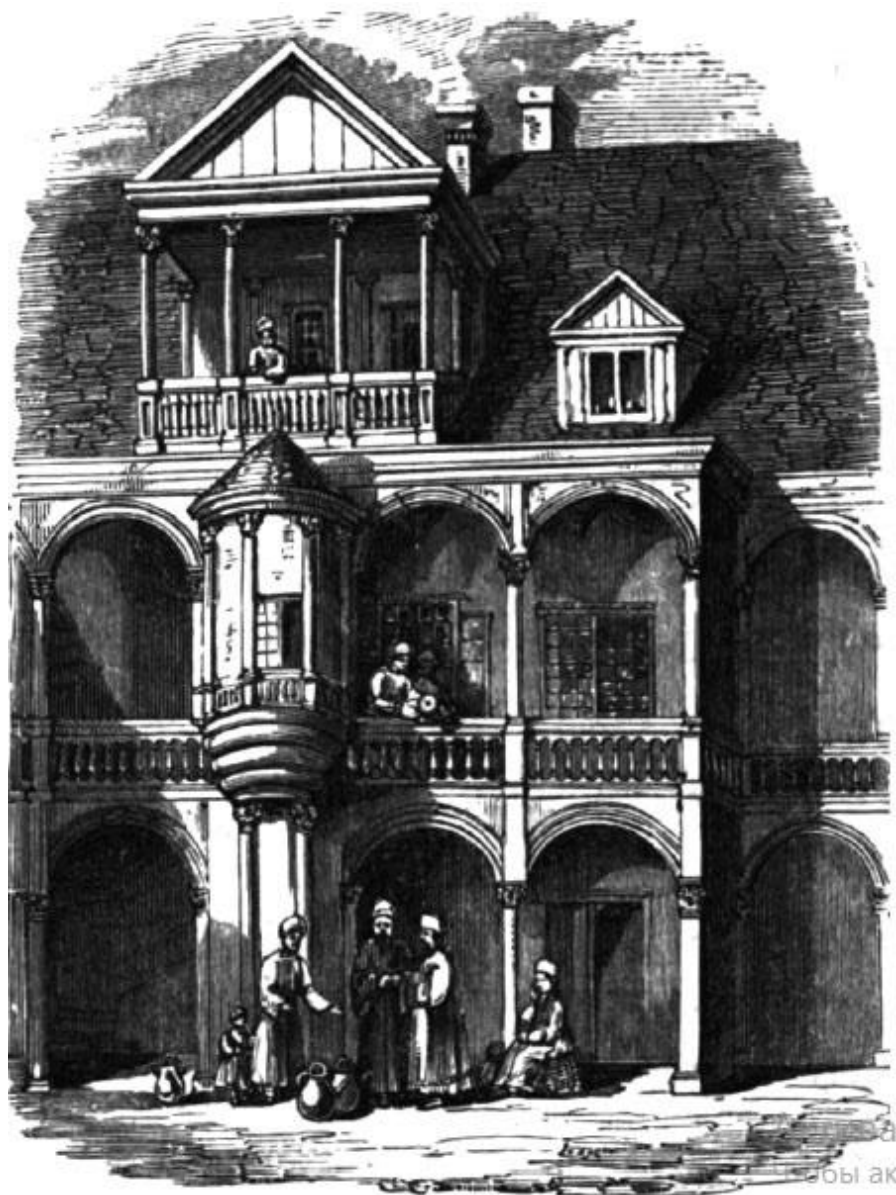

Вид на Астраханский кремль

Нам также посоветовали посетить армянскую церковь и объяснили, как туда добраться, но стоявшие у входа в нее люди направили нас в маленькую часовенку слева^[433]. Там мы очутились среди немецкой паствы, чему были чрезвычайно озадачены. Торжественный, но естественный голос священника совершенно не походил на низкий бас русских служителей. И орган, и пение псалмов звучали (если эти два слова можно совместить) непривычно, но знакомо.

Сама армянская церковь представляет собой большое каменное здание^[434] с роскошным интерьером и картиной кисти Рубенса, что составляет гордость Астрахани^[435]. Здесь три двери: одна в центре, напротив главного алтаря, предназначена для женщин, другая – для мужчин. Паства ее большая, и группа стоящих в середине людей в белых одеяниях и вуалях производила потрясающее впечатление. Нужно было быть внимательным, чтобы не повторить ошибку Гёбеля, воспользовавшегося женской дверью^[436], иначе может не поздоровится.

Еще одной достопримечательностью Астрахани является пользующаяся величайшим почтением икона Божьей Матери чуть ли не кисти самого евангелиста Луки^[437]. Она находится в церкви, расположенной неподалеку от дома мистера Сапожникоффа^[438]. Несомненно, невозможно подтвердить подлинность этого образа на основании художественных критериев, ведь возраст, благовония и грязь сделали его практически невидимым. Однако какова бы ни была ценность этой иконы как произведения искусства, всякие сомнения относительно нее сразу же отпадают, едва узнаешь, что ее четырежды похищали дикие степняки, но всякий раз она сама возвращалась обратно. Интерьер этой церкви не производит впечатления: ее стены, как и у большинства таких русских зданий, украшены множеством убогих изображений святых. Однако в ней можно увидеть прекрасный старинный индийский ковер, несколько массивных серебряных дверей иконостаса и канделябры, подаренные Сапожникоффами, а также разнообразные церковные облачения и утварь – кресты, митры, кубки, книги и ризы самого различного производства – от греческих до персидских и даже индийских.

Индийский базар в Астрахани

Повернув от собора налево и миновав площадь по улице с ее противоположной стороны^[439], мы увидели за воротами старинное здание индийского базара^[440]. Оно занимает большой двор, по его четырем сторонам тянутся аркада и верхняя галерея из старого, рассохшегося, почерневшего от времени и отделанного изящным, но простым орнаментом дерева. На всем протяжении высокую крышу и нижние части здания прерывают большие фронтоны с открытыми галереями и балюстрадами. Сквозь арки виднеются низкие дверные проемы и решетчатые окна лавок, где ведут свои дела последние

остатки некогда процветающего братства индусских торговцев. В одной из комнат устроена пагода^[441], в которую через два маленьких окошка едва проникает свет. Что касается самого этого ритуала, то я изложу его по Гёбелю и Оммер де Гелль: «Стены ее были расписаны грубыми изображениями их богов. На расстоянии около трех футов от двери низкая ступенька вела в восточного типа помещение, устланное коврами. Справа в углу находился маленький храм, напоминающий маленький кукольный домик. На столе, покрытом и увешанном шелком, стоял на четырех красных стойках балдахин, а под ним на неких террасоподобных возвышениях располагались маленькие идолы из меди, олова и серебра, одни из них были украшены золотом и жемчугом, другие облачены в богатые одежды. Многие из них были безобразными, но имелись и три фигурки высотой восемь дюймов, которые напоминали детские куклы. К потолку комнаты, рядом с маленьким храмом, были прикреплены два колокола, в которые звонили во время обряда. В других частях помещения находилась всякая домашняя утварь, а у двери стоял мешок с мукой. В целом пагода не отличалась чистотой. На грязном подоконнике была установлена негасимая лампа – наполненный жиром свинцовый сосуд на ножке. Мы прибыли несколько раньше назначенного времени. Несколько индийцев спали прямо на земле в проходах и не обратили внимания на наше появление. Однако один из них, увидев нас, встал и произнес длинную речь, сопровождая ее бурной жестикуляцией и постоянно указывая на заходящее солнце. Он пытался объяснить нам, что богослужение вот – вот начнется. Это был высокий худой человек с редкой бородкой и темно-коричневой кожей болезненного вида, а на носу у него была нарисована оранжевая полоска.

Окна комнаты, в которую он нас привел, выходили на запад, и двое жрецов как раз готовили маленький храм к проведению церемонии. Один из них внимательно следил за солнцем. Жрецы были одеты в длинные коричневые мантии и шарф, концы которого спереди касались земли. Их загорелые, словно сошедшие с древних картин лица были увенчаны белыми муслиновыми тюрбанами с большими складками. Их предводитель был поглощен молитвами меньше остальных, постоянно улыбался нам и опахивал себя огромным персидским веером.

Об исчезновении солнца возвестил резкий звук раковины, после чего один из священников зажег несколько свечей и поставил их перед

образом в часовне. Другой, вымыв причудливой формы сосуды, наполнил их водой для омовений и с величайшим почтением простерся перед ними ниц. Вставленный в стену большой серый камень, казалось, был главным предметом их поклонения. Как нам объяснили, душа знаменитого святого, устав от мира и людей, удалилась в эту таинственную оболочку – следовательно, эта искупительная жертва священна для индусов, и один ее вид якобы способен творить чудеса.

Совершив в полной тишине поклоны, главный жрец зажег благовония, и вскоре комната наполнилась клубами дыма, сквозь которые ее обстановка стала расплывчатой и наполнилась тайной. Резкий аромат в сочетании с жарой и необычностью происходящего так подействовал на нас, что вскоре мы перестали отличать реальность от волшебства, и в этом стали походить на наших жрецов. Когда они по сигналу прекратили бить в полной тишине поклоны, два священника преклонили колени перед священным камнем и начали медленно молиться, издавая гортанные звуки. Третий жрец стоял со скрещенными на груди руками в нескольких шагах от часовни и время от времени дул в резкий свисток. Четвертый, вооруженный раковиной, возвышался на оттоманке, присоединяя свой голос к звукам, которые его спутники издавали все громче и громче. Вскоре их глаза засверкали, мускулы напряглись, зазвучала раковина, главный жрец стал бить в колокол. Поднялся страшный шум, все пришло в дикое движение словно все присутствующие сошли с ума. Это продолжалось примерно десять минут, после чего ведущий взял горсть похожих на ноготки желтых цветов, окунул их в воду Ганга и вручил по одному всем. Затем он замесил в руках кусочек теста, придав ему определенную форму и воткнул в него семь маленьких свечек, помахал им по сторонам перед часовней, а потом, повернувшись к нам, повторил все опять. Наконец он взял маленькую белую раковину, лежавшую на священных камнях, наполнил ее священной водой Ганга и истово окропил ею нас. Так закончилась сцена, столь же трудно поддающаяся описанию, как и индийский базар в Астрахани»^[442].

Глава IX

Предприятие моего хозяина. – Посещение рыбных промыслов. – У калмыков. – История этой народности.

Для Сапожникоффа характерно непринужденное обхождение со своими партнерами: он принимал их в своей гостиной, болтал и курил с ними, а они вели себя с ним на равных. Фактический хозяин Астрахани обладает невероятными способностями. В свои тридцать лет он возглавляет огромную компанию, свободно владеет русским, французским, немецким, итальянским, английским, а также персидским и другими восточными языками, может общаться с рыбаками по-калмыцки, является автором нескольких ценнейших трудов по истории и археологии России^[443]. Это человек исключительной честности, прямоты и решительности, за что пользуется уважением у астраханцев. Во время большого паводка весной 1856 г., грозившего величайшими бедствиями этому городу, он фактически его, предприняв за свой счет ряд быстрых и решительных мер – в частности, построил больницу, аптеку и школы. Его жена служит ему верным помощником в добрых делах.

Во время нашего пребывания в Астрахани Сапожникофф отмечал свои именины. Согласно обычаю, он пригласил на обед всех, кого смог. Двор заполнили до полусотни экипажей его друзей. В два часа дня за стол сели три десятка человек, причем леди (их, кстати, было немного) устроились в его конце.

После пира Сапожникофф повез меня на загородный пикник. Мы ехали в дрожках, запряженных тройкой, которая состояла из чистокровного русского рысака в центре, одной чистокровной английской лошади, а породу третьей я не знал. Такой скорости езды, смелости и мастерства возницы, мир, вероятно, не видел со времен Олимпийских игр. Эта поездка совершенно отличалось от того, как мы ехали три тысячи верст на русских курьерских лошадях по шоссе или на диких башкирских упряжках по степи.

Способ запряжки тройки в России исключительно колоритный, но вполне обычный. Коренника ставят между оглоблями, дугообразное ярмо располагают почти в двух футах над его шеей, к нему обычно

прицепляют колокольчик, который весело звенит при каждом шаге лошади. Пристяжных крепят гужами и вагами, у этих лошадей отсутствуют хомуты, и ни у кого в тройке нет шор. У возницы имеется пара поводьев, одно из которых крепится к левой узде коренника и левой пристяжной лошади, а другое – к правой узде коренника и правому пристяжному, поэтому, когда он их натягивает, головы пристяжных поворачиваются наружу. К тому же русские погонщики, как мне показалось, обычно держат поводья натянутыми, поэтому головы присяжных всегда несколько повернуты наружу. Великолепным лошадям моего хозяина не терпелось пуститься в путь: как только их подогнали к крыльцу, мы быстро запрыгнули в дрожки, иначе подачу тройки пришлось бы повторить. Появления этой упряжки в Астрахани всегда ждут, и когда становится известным время ее старта, посмотреть на это собирается толпа. На максимальной скорости – а коренник всегда бежит рысью – эта тройка преодолевает за час почти двадцать пять верст. Я полагаю, что временами мы мчались примерно с такой скоростью.

Несмотря на наличие нескольких столов с выпивкой, пикник был так себе: солдаты травили байки и много пили, простой же люд употреблял спиртное умеренно, поскольку гражданская служба в России не столь почетна, как военная.

Затем мы провели день в одном из рыболовных хозяйств мистера Сапожникоффа, расположенном примерно в двадцати пяти-тридцати верстах ниже Астрахани на одном из небольших протоков Волги. Выехав в девять часов утра, мы отправились на пристань, где нас ожидали лодка и дюжина гребцов-калмыков в красных куртках, свободных синих штанах, поверх которых, как обычно, были натянуты большие сапоги, черных бархатных шапочках с желтыми матерчатыми макушками и черными кисточками.

Пока на борт загружали огромный запас провизии, мы посетили владельца пристани в его уютном деревянном домике, но, поскольку ранее позавтракали, отказались по принятому здесь обычаю выпить у него либо большой стакан горячего чая, либо внушительную дозу крепчайшего спиртного напитка. Услышав крики «Готово!», все стали кланяться и креститься перед образом в углу комнаты, молясь за удачную экспедицию, а затем пошли к воде, но в последний момент двое калмыков бросились на берег за какой-то забытой вещью. Вскоре

еще один-два калмыка кинулись за ними, чтобы помочь им сесть в лодку или просто по причине всеобщего возбуждения. Рядом на дощатом причале несколько женщин стирали белье, но, к чести калмыков, они не столкнули мешавшую им женщину в воду, а сами прыгнули в нее.

Через несколько минут вся наша компания, закутавшись в шубы, т. е. большой меховой плащ, лежала на груди подушек под навесом, с которого, раскачиваясь вместе с лодкой, свисал крошечный образок. Нас подхватил попутный ветер, и мы понеслись вниз по течению со скоростью 15 верст/час. Вскоре гребцы вынули весла из воды и, выкурив свои трубки, одни легли спать, а другие начали травить всякие байки. Мы плыли мимо причалов и причудливых барж с высокими носами и кормами, смотревшими на нас своими нарисованными глазами, мимо порта и парохода, стоящего на якоре, вдоль низкого ровного берега, и через пару часов прибыли на место. Наша лодка пришвартовалась у лестницы, ведущей к большому деревянному дому, где нас ждал обед. Этот одноэтажный особняк состоял из нескольких комнат, а кухня и вспомогательные помещения располагались в его задней части. Первоначально здание построили для приема императора Александра I, который давно намеревался посетить Астрахань^[444], и, помимо прочего, осмотреть здешние рыбные промыслы. Однако этот визит не состоялся, хотя астраханцы очень его желали – я думаю, они надеялись, что приезд государя вернет их городу былую славу.

Рыбные промыслы Нижнего Поволжья и Западного Прикаспия в основном принадлежат казне и арендуются у нее частными лицами, крупнейшим из которых является мистер Сапожникофф. Главными объектами промысла являются белуга (большой осетр), осетр обыкновенный, севрюга, кумжа, сом, карп и тюлень. За исключением тюленя, на которого охотятся, когда захотят, рыбу ловят трижды в год: в первый раз – с начала зимы до паводка, т. е. с марта по май, потом – когда вода спадет и рыба уходит с нереста в море, т. е. примерно в июле, а в третий раз – с сентября по ноябрь, когда она прячется в глубоких местах.

Хозяйство^[445], в котором мы побывали, называется Учуги^[446], и находится оно на одном из небольших протоков^[447]. Поперек реки установлен частокол, а чуть ниже по течению на поплавах плавают множество лесок с крючками и наживкой. По сигналу люди бросаются

с берега в лодки, на каждой из которых мужчина сидит один, либо с мальчиком, и через минуту они уже снимают с крючков улов. Одну его часть помещают в заводь, откуда рыбу вынимают по мере необходимости, другую относят к деревянному зданию недалеко от реки, где рыб разделяют, вынимают из них молоки, которые, промыв водой и поместив в мешки, превращают в икру, воздушные пузыри пускают на желатин, а остальное бросают в чаны с солью. Соленая рыба – существенная статья дохода, однако зимой лучшие экземпляры выловленных рыб сразу замораживают и отправляют в Москву, Петербург и в другие места. Холодная белуга на завтрак – это, конечно, самый большой деликатес, который мне когда-либо приходилось пробовать. В отличие от красной черноморской и азовской, черная каспийская икра пользуется большим спросом: если цена первых составляет за пуд от 80 коп. до 1 руб. 71 коп., то добываемой на Каспии – от 8 до 11 руб. 86 коп. (примерно 36 английских фунтов стерлингов). В небольшом количестве икру заготавливают также в Прибалтике.

Так как овцу в тот момент раздобыть было негде, мы подарили калмыкам козу. Они сразу же закололи ее, разделали и стали напряженно ждать, когда из нее приготовят еду. При этом они облизывали губы и скалили зубы наподобие диких зверей. В итоге мясо было сварено, разрезано на маленькие кусочки и съедено.

Перед отъездом мы посетили калмыцкую кибитку, т. е. войлочную палатку, – круглое жилище с вертикальными стенами высотой четыре-пять футов, переходящими в конус. Верх их открытый и служит дымоходом и окном, а вся конструкция держится на деревянном каркасе. Когда я вошел внутрь, там была только ее хозяйка, которая слегка опешила моему внезапному приходу, а когда я достал свой альбом и начал ее рисовать, пришла в неопишуемый ужас. Она вскочила, заметалась по жилищу, знаками требуя от меня прекратить рисование, а потом так зарыдала, что мне пришлось уйти. Потом, отыскав ее мужа, я показал ему портрет одного из своих друзей, и тогда он успокоил жену. Его поддержали два-три наших гребца, которые явно гордились своей внешностью. Получив несколько копеек, детишки перешли на мою сторону и сообщая мы решили, что все, кто поместится в кибитке, будут запечатлены на бумаге. Однако калмычка продолжала дрожать от страха и хотела убежать, но вход в кибитку был перекрыт ее соплеменниками. Тогда она отвернулась от меня и прикрыла лицо

овчиной, но в итоге любопытство взяло в ней верх и, стоя ко мне боком, женщина стала искоса бросать на меня робкие и укоризненные взгляды. Остальные же по очереди протискивались в кибитку, думая, что я рисую каждого отдельно, как будто я был не человек, а фотографический аппарат. Дети путались между синими штанами и высокими черными сапогами взрослых. В итоге в моем альбоме появились наспех нарисованный сапог одного, несколько штрихов, обозначающих штаны второго и куртку третьего человека, а набросок головы обобщенно изображал полудюжину натурщиков. За три-четыре часа, проведенных нами у рыбаков, мы все так сдружились, что, по крайней мере, при отъезде испытали тоску, понимая, что вряд ли когда-нибудь сюда вернемся.

В калмыцкой кибитке

Вечером мы сели в лодку, однако теперь ветер был встречный. Некоторое время калмыки отважно налегали на весла, но, в итоге, видимо, устав от столь однообразного занятия, побросали весла и с криками прыгнули в воду, а один из них держал конец буксирного троса. Уже через минуту, сняв сапоги и максимально закатав штанины, их босоногая компания карабкалась вверх по грязному обрыву. На

нашем пути встречались перекааты и отмели, для их преодоления длины троса обычно не хватало, и тогда калмыки прямо в одежде резво ныряли в воду. В дюжине верст от дома нас встречал в своем экипаже Сапожникофф, что избавило нашу кампанию преодолевать остаток пути по воде против ветра и течения.

Так как калмыки практически стали для нас друзьями, то сейчас, пожалуй, самое время вкратце поведать об их истории. Подобно тому как арийские народы, видимо, начали двигаться с Гиндукуша^[448], так и Алтай с Алатау, вероятно, являются местом происхождения монголов. В свою очередь у них, как и у татарских народов, сложно назвать что-то исторически значимое до того, когда все они были в определенной степени объединены благодаря усилиям и инициативе Чингисхана. Правда, считается, что до него существовали два враждебных друг другу крупных союза монгольских племен, но сведений о них ненамного больше, чем о временах первозданного хаоса. Распад гигантской азиатской империи в XIII в. привел к возрождению прежних междоусобиц, которые дополнились усобицами и дроблениями, характерными для всех варварских племен, когда их численность в силу определенных причин увеличивается. Не вдаваясь в подробности, замечу, что тогда монголы вновь раскололись надвое: восточная их часть, т. е. собственно монголы, покорились китайцам, а западная, дурбэн-ойраты^[449], образовала в Центральной Азии четыре самостоятельные народности, из которых нас будут интересовать только элюты, или калмыки. Согласно их преданиям, они издавна обитали в Восточном Тибете и чуть южнее огромной пустыни Гоби вблизи Кукунора, или Голубого озера^[450]. В настоящее время элюты проживают на восемь-десять градусов севернее этой долготы и западнее ее.

Об истории этих азиатских племен в период между монгольским завоеванием Руси в XIII в. и покорением русскими части территории Монголии в XVII в.^[451] почти ничего неизвестно. За это время элюты разделились на хошутов, дербетов, джунгаров и торгутов^[452]. Хошоуты до, а дербеты и джунгары в начале XVII в. в основном были заняты либо внутренними распрями, либо боролись с вторжениями китайцев. Находились ли их земли первоначально южнее Гоби или нет, в лучшие времена они в основном проживали севернее нее, а их вожди обитали на берегах Или. Эти народы подчинили, в частности, восточных

киргизцев, с южными окраинами земель которых граничили в дни, когда последние под влиянием внешних обстоятельств были вынуждены переселиться южнее. Давление восточных соседей и северян, ободренных их бедствиями, вынудило калмыков уйти на запад, в результате чего в 1630 г. около пятидесяти тысяч их семей оказались в степях Поволжья. Неизвестно, к какому племени или племенам принадлежали первые калмыцкие колонисты, но за короткое время их численность увеличилась еще на десять тысяч семей. В течение ста сорока лет, пока этот неугомонный народ оставался в этих местах, они были то врагами, то союзниками своих номинальных хозяев. Грабительские набеги в западном направлении, нападения на Астрахань, разгром ногайских татар, рейды к подножьям Кавказа, помощь Петру Великому в его персидском походе (в данном случае они скорее были союзниками, чем подданными) заставляли Российскую империю усомниться в необходимости приобретения этого народа. В то время калмыки еще поддерживали связи с прежней родиной и, вероятно, задумываясь о возможности возвращения туда, или надеясь, что китайский император либо примет их обратно, либо станет их монархом в Поволжье, отправили в Поднебесную подарки, которые были там с благодарностью приняты. А в 1712–1715 гг. к хану калмыков Аюке^[453] прибыло посольство из Пекина для обсуждения целесообразности поддержания отношений этого народа с Китаем втайне от русских.

В январе 1771 г., подтверждая крепость калмыцко-китайских отношений, не менее семидесяти тысяч калмыцких семейств внезапно покинули Поволжье и после восьми месяцев лишений, в том числе войну и голод^[454], вернулись в Поднебесную империю^[455]. По своему размаху, смелости и реализации это можно сравнить только с исходом евреев три тысячи лет назад. В результате Россия лишилась более полумиллиона своих подданных, а степи между Волгой и Уралом вновь обезлюдели.

К яркому описанию тех событий, сделанному Де Квинси^[456], добавить нечего, но я приведу рассказ китайского императора Цяньлуна^[457] о прибытии этого гигантского каравана: «Те, кто после восстания, с тревогой размышляя о преступлении, которое они еще не искупили, но за которое – и это им прекрасно известно – они рано или поздно будут наказаны, просят позволения вернуться в подданство, –

это люди, которые подчиняются из-за страха, они теряют свободу вынужденно. Те, кто, имея возможность стать подданными или нет, приходят и становятся ими по своей воле, даже когда от них этого не требуют, – эти люди теряют свободу потому что это им нравится, они – подданные, добровольно отдавшие себя тому, кого избрали своим повелителем.

Все те, кто ныне составляют народность торгутов, не испугавшись опасностей долгого и трудного похода, преисполненные единственным желанием обеспечить для себя лучшую жизнь и более счастливую участь, покинули далекие от нас места, мужественно прошли путь более чем в десять тысяч ли и по своей воле оказались среди множества моих подданных. Они подчинились мне не из-за страха, а добровольно.

Торгуты – это ветвь элютов. Четыре ветви ранее составляли единый народ джунгары. Непонятно, откуда они взялись, тем более ничего определенного об этом не известно. Когда эти четыре ветви разделились, каждая образовала отдельную народность. Часть элютов, оказавшаяся сильнее, постепенно подчинила себе остальных и продолжала, вплоть до времен Канси^[458], владеть ими насильно. Тогда элутами правил Цэван Рабдан^[459], а торгутами – Аюка. Между этими вождями не было согласия, они соперничали, и Аюка, слабейший из них, опасался, что проиграет. Поэтому он решил освободиться от ига элютов, но не смог этого сделать. Тогда он тайно бежал со своими соратниками к русским, которые поселили его на земле Эчил^[460].

Мой дед Шэнь Цзу^[461], пожелав узнать об истинных причинах ухода Аюки, послал к нему мандарина Тулишэня^[462] и других, чтобы гарантировать Аюке защиту в случае, если он пожелает вернуться на свою прежнюю родину. Тулишэнь обратился к русским за разрешением проехать через их страну и получил его, но так как они не сообщили место проживания калмыков, ему потребовалось три года и несколько месяцев, чтобы исполнить свою миссию и вернуться в Китай.

Ханом у торгутов сейчас является Убаши^[463], правнук Аюки. Русские постоянно требовали, чтобы его воины служили в их армии, забрали у него в заложники сына и, будучи другого вероисповедания, никак не воспринимали лам – торгутских священников, поэтому Убаши и его народ в итоге решили избавиться от гнета, который с каждым днем становился все более невыносимым.

На тайном совещании они решили уйти от русских и поселиться в тех местах вблизи Китая, где исповедуют религию Фо^[464].

В начале одиннадцатой луны прошлого года они начали свой поход с женщинами, детьми и имуществом, пересекли страну хасакэ^[465], прошли мимо оз. Балхаш Нор^[466], затем через соседние пустыни, и к концу шестой луны этого года, преодолев за восемь месяцев более десяти тысяч ли, прибыли к границам Шарапэна^[467], что недалеко от р. Или.

Придя сюда, торгуты нашли себе жилье, пищу и все удобства, а их главные люди, которые должны были лично явиться ко мне и засвидетельствовать свое почтение, были доставлены с честью и за наш счет прямыми почтовыми трактами в мою резиденцию. Я поговорил с ними, мы вместе поохотились, а когда дни, отведенные для этого отдыха, закончились, они отправились в мои покои в Жэхэ^[468]»^[469].

Можно сказать, что на этом история калмыков завершилась. Управление оставшимися в России племенами император Павел^[470] в 1800 г. поручил суверенному хану, но это было недолго, а потом этим стал заниматься русско– калмыцкий совет, который заседает в Астрахани по сей день^[471].

Вряд ли стоит описывать здесь характер и внешний вид калмыков. Их раскосые узкие глаза, редкие черные брови, волосы цвета смолы и огромные уши хорошо известны. Обычно они невысокого роста, и среди них редко встречаются уроды или болезненные. Нам очень хотелось пожить у этих общительных, веселых и добродушных людей. Их кибитки, т. е. войлочные палатки в виде конуса, оказались достаточно чистыми и поменьше размером, чем у башкир. У калмыков грешно мыть посуду водой – ее вытирают тыльной стороной ладони. В ходу у них кирпичный чай – крупные чайные листья растирают с овечьей кровью, сушат, а потом варят в воде, добавляя молоко, масло и соль. Также калмыки делают некое подобие спиртного из кобыльего или иного молока.

Их брачные церемонии весьма любопытны. Оммер де Гелль описывает их следующим образом: «Сначала договариваются о количестве лошадей, верблюдов и денег, которые жених должен заплатить отцу невесты. После этого молодой человек отправляется верхом в сопровождении главных вельмож своего улуса за невестой. Ее семья оказывает притворное сопротивление, но все же жениху с

громкими криками и салютом удастся увезти свою суженную на богато убранной лошади. Когда гости прибывают на место, где будет находиться кибитка новой пары, там уже стоит подставка для большого котла. Жених и невеста преклоняют колени на ковре и получают благословение своих жрецов, затем встают и, повернувшись к солнцу, начинают громко молиться четырем стихиям. В этот момент лошадь, привезшую невесту, распрягают и отпускают на волю – ее нужно поймать и удержать. Цель этого обряда, который практикуется только у зажиточных, состоит в том, чтобы показать невесте, что отныне она принадлежит мужу и должна забыть о возвращении к родителям. Свадьба завершается возведением кибитки. До этого невеста остается под покрывалом, а потом муж, сняв с нее покров, за руку ведет ее в их новое жилище. Следует

(ум. 1803), которая была ликвидирована после его смерти. Позднее высшим местным органом управления калмыками являлась Комиссия калмыцких дел – коллегиальная организация, которую возглавлял астраханский губернатор, в 1835 г. был создан Совет управления калмыцким народом, а затем им стал управлять Отдел для калмыцкого народа в Астраханской палате государственных имуществ. упомянуть еще один интересный ритуал, который встречается на свадьбах у богачей. Невеста выбирает для себя подружку, которая участвует в ее похищении, и когда они появляются на месте будущей кибитки, нареченная бросает мужчинам свой платок – тот, кто его поймает, обязан жениться на подружке невесты. В течение года после свадьбы жена не выходит из кибитки и встречает гостей, в том числе своих родителей, только у входа. После завершения этого срока она может делать все, что ей заблагорассудится».

Калмычки обладают немислимой для, в частности, магометанских стран свободой и независимостью, правда, не безграничной, о чем свидетельствует фрагмент одной из их любимых басен.

Однажды птицы собрались на совет, чтобы обсудить вопрос о женитьбе их хана. Но один из членов совета опоздал и от него потребовали объяснить причину этого. Сославшись на долгую дорогу, он сказал, что по пути узнал о трех вещах. Во-первых, ночей больше, чем дней, ибо облака и туманы превращают промежутки времени, которые должны быть днями, в ночи. Во-вторых, мертвых больше, чем живых, потому что спящие тоже мертвы. А, в-третьих, женщин больше,

чем мужчин, потому что мужья, которые подчиняются своим женам, — это фактически женщины^[472]. Если вдумчивый европеец спросит у философа-калмыка, как он объяснит такую алогичность материального и духовного миров, тот раскроет свою ладонь и скажет: «Одни пальцы длиннее, а другие короче».

Глава X

Посещение буддийского храма.

В «двадцать первом двойном цикле» с рождения блаженной памяти «ныне ушедшего в блаженную и вечную нирвану» Будды^[473], «в год Зайца», «в год пребывания в Созвездии долголетия, под конец летнего покоя», в «месяц Собаки», «утром второго постного дня этого месяца» паломник с «Рубинового острова Дальнего Запада» прибыл на «остров Четырех гор и Четырех рек», «где тридцать шесть девственных духов покоятся на звездах священных источников»^[474].

Изучив «Четыре благородные истины», «Сутру Белого лотоса Благого закона» и «Подробное описание игр»^[475], он перестал быть безнадежно невежественным, но и не превратился в знатока этого вероучения, хотя принадлежал к тем, кто способен уяснить божественные догматы. Ибо, как говорит Великий Учитель^[476], «когда сидящий на берегу водоема смотрит на растущие в нем кувшинки, он одни видит под водой, вторые – на ее поверхности, а третьи вообще над ней. Так и тех, которые безнадежно погрязли в заблуждении, я не могу спасти путем искупления, те, кто познали истину, не нуждаются в моем учении, но те, которые колеблются и не определились, постигнут истину, если я буду их учить, а иначе они погибнут».

Паломник пришел сюда, побуждаемый желанием глубже познать три хранилища истины – изречения Просвет – ленного, благочиние и метафизику, а также, если удастся, поприсутствовать на одном из трех ежегодных великих празднеств. Но Цаган Сар (праздник возвращения весны) и Урюс Сар (летний праздник благословения вод) давно прошли, а Зул Сар (праздник лампы) должен был наступить через две луны.

Итак, между полднем и вечерними молитвами переправившись через Волгу у Астрахани в лодке с десятком правоверных гребцов, он выехал в степь. Широкая река вскоре превратилась в тонкую серебряную ниточку, а затем вообще исчезла из виду. Затем за горизонтом скрылась последняя макушка православного храма, так что человек, выглянув из повозки и посмотрев вдаль, не увидел никаких следов города, хотя было еще светло. Он помчался по сухому бурому

дерну и через час оказался на берегу безмятежного озера. По другую его сторону находился небольшой улус, или селение из юрт, со своим хурулом (жреческий стан)^[477]. По прибытии паломника встретил священнослужитель в желтой рубахе, поверх которой была надета длинная красная туника с капюшоном. Неторопливо и с благоговением гость последовал за своим проводником, который привел его в храм, где после почти трехмесячного путешествия путник впервые в жизни оказался на знаменитом буддийском молении.

В глубине стоял алтарь, а нем подставка с восемью нишами, в которых находились бурханы – фигурки самого Шакьямуни или какого-то последующего будды^[478]. Перед алтарем был установлен стол со всевозможными священными предметами из серебра и чашечками с подношениями верующих – хлебом, маслом и солью, но так как этих даров было много, то сбоку воздвигли дополнительный алтарь и еще один стол. На нем были свечи – подобно тому, как солнце, луна и звезды освещают землю, которая является местом зарождения и сосредоточия жизни, так и свет должен гореть в месте, где происходит избавление от порока и находится вход в нирвану. По обе стороны от алтарей висели роскошные шелковые хоругви с изображениями сотворения мира, просветления чело – века и его очищения. Это было живописное повествование о том, как из великого океана духи воздуха, существовавшие вечно, создали вселенную, как из океана сначала поднялись огненные облака, которые, собравшись, пролились вниз дождем, чьи капли были размером с колесо колесницы, образовав вселенское море, как могучий ветер подул на поверхность вод и разогнал облака, а из молочно-белой пены возникли все живые существа, как ветры пронеслись через мироздание и, вновь объединились в верхнем мире, чтобы подняться на мистическую гору Меру^[479], уходящую в голубое небо и в глубокие пещеры мрачного, поросшего водорослями океанского дна, как четыре грани этого столпа сделаны соответственно из серебра, сапфира, золота и рубина, и солнечные лучи отражаются от них последовательно на рассвете, утром, в полдень и вечером, а какие там еще есть горы и из чего они сделаны, неизвестно, ибо они отвращены от земли, а когда солнце скрывается за упомянутой горой, наступает ночь.

Рядом с этими хоругвями справа от бурханов в их нишах стояла подставка со священными книгами, в которых говорилось, как

соблюдать заповеди Будды и не допускать грехов, а также о вранье шестидесяти двух иных религий. Одна книга была о медицине, другая излагала спор между буддийским священником и брахманом, в результате которого последний стал буддистом, шестнадцать наставлений о цветах, семнадцать о глупцах и четырнадцать о мудрецах, и многое другое. Справа от алтаря сидел багша, или первенствующий священник. Самый старший по возрасту священнослужитель у прикаспийских калмыков считается ламой, ибо со времени года Тигра последнего цикла^[480], когда Убаши ушел отсюда, русские запретили всякие связи с настоящим ламой в тибетской Лхасе^[481].

Рядом с ним сидел с рогом гэлонг^[482], или сельский пастор, напротив них еще два гэлонга – один с колокольчиками, а другой с духовой трубой. Рядом с ними с барабанами два гецула^[483], или дьякона, и певчий, а позади главного жреца сидели два манджи^[484], или музыканта, с медными трубами длиной около семи футов. Первосвященник был одет в пышное парчовое шелковое платье, подол которого расшит золотым цветочным узором на красном фоне, а накидка – таким же узором, но на синей основе, рукава были оранжево-желтые. На нем был головной убор с изображениями божеств, в центре которого возвышался венец из шаров. У остальных были красные одеяния с желтыми туниками и капюшонами.

Багша

И вот началась служба. Вначале первенствующий жрец шепотом пропел «Ом мани падме хум»^[485]. Чтобы объяснить значение этой фразы, нужно написать горы томов, поэтому лишь скажем, что первое слово спасает произносящего его от смертельной опасности, а последнее – от адских мук. Затем все жрецы стали петь их, а барабаны, трубы, цимбалы и колокольчики зазвучали в гармонии с певцами. После этого были прочитаны молитвы, которые должны заглушать раскаты грома и отгонять молнии, исцелять всевозможные болезни и обеспечивать покой душам умерших.

Вслед за тем паломник стал задавать вопросы первенствующему жрецу и получил общее представление о буддизме, однако его спутник, погруженный во тьму невежества и погрязший во грехе, стал задавать Учителю множество глупых вопросов:

– Кто создал этот мир?

– Никто.

– Но кто же его создал?

– Он не был никем создан, а возник сам по себе.

– А что вы думаете о первых мужчине и женщине, от которых произошли все люди?

– У нас нет такого понятия, как первые мужчина и женщина. Мы происходим от умерших, которые переселились в этот мир в век истины.

– А как же грех пришел в наш мир?

– Благодаря жадности, алчности, гневу и испорченному нраву человека.

– Но разве дьявол или какой-нибудь другой могущественный бес не является причиной греха?

– Ни в коем случае.

– А как у вас наказывается грех?

– С учетом его последствий.

– И Высшая Сущность не вмешивается, чтобы остановить грешника или покарать его?

– Нет. Непутевый образ жизни приводит к появлению другой жизни, где непутевая печень может обрести лучшую новую жизнь, а грязная жизнь и грязная печень очищаются.

– Значит, люди живут не ради того, чтобы в итоге попасть в рай или ад?

– Нет. Вы, христиане, сразу посылаете свои неочищенные от скверны души в обитель непорочных и думаете, что там они вмиг избавятся от грехов. Но ведь даже котел невозможно отмыть моментально.

– Так разве тогда нет того места, где души получают возмездие или обретут блаженство?

– Да, говорят, что для наказания есть одно место среди туманов Соленого океана, куда очень трудно попасть и откуда нет возврата. Но наши мудрецы никогда не говорили о нем, и сами мы не задумываемся

над этим — отчасти потому, что, думая о плохом, можно в итоге возжелать его, а отчасти потому, что мысли о нирване полезнее.

— А что такое нирвана?

— Нирвана — это итоговое состояние души, избавление от греха, освобождение от всяческих переживаний и изменений. Это слово происходит от «нир» («отрицание») и «ва» («дуновение»). Т. е. нирвана означает спокойствие и невозмутимость, или покой и неподвижное состояние ветра, который выдохся и затих.

— Но вы хуже брахманов, ибо у них есть вселенский дух, разум и свет, в которые окунается чистая душа. Они, по крайней мере, признают Бога, с которым она в итоге сливается. Вы же, напротив, с нетерпением ожидаете негации^[486] и пустоты как единственного способа избавления от грехов, единственной цели для человеческого разума.

— Да, христианин, может быть это и так. Но ведь в нашем тревожном, хлопотном и несчастном мире, где стезя правдоискателя и покровителя добра терниста, где целей можно достигнуть лишь долгим и тяжким трудом, где дурные намерения и средства часто превалируют над благими, потому что они более доступны, должно смениться много поколений, прежде чем мир станет лучше, должно свершиться множество рождений и жизней, прежде чем человек достигнет совершенства. И должен ли в ожидании этого огонь негасимый, который горит вдали, быть затуманен или скрыт мглой, или же лучше размышлять о том, как преодолеть трудности, чем о том, когда все они завершатся?

— О, буддист, я вижу, тобой движет злость. Прими мою религию, и тогда ты увидишь ошибочность своего учения.

— Христианин! Ты, без сомнения, сведущ в своей религии, но я тоже задам тебе вопрос. Разве Турция не является великой державой?

— Конечно, является.

— И англичане должны помогать ей?

— Это показали недавние события.

— Однако турки исповедуют чуждую вам религию, которая возникла поздно и не так широко распространена, чем христианская?

— Да, верно.

— Так вот, предположим, пришел к вашему архиепископу мулла и предложил ему перейти в ислам, а ваш владыка согласился. Как вы это

воспримите?

– Мы решим, что он либо спятил, либо пьян, либо просто дурак.
После этого калмык вопросов не задавал.

Глава XI

Отъезд из Астрахани. – Земли донских казаков. – Новохоперск. – Тамбов. – Плодородие земли. – Чернозем. – Ряжск. – Рязань. – Опять в Москве. – Царь – колокол. – Прибытие в Варшаву.

В час ночи 16 октября мы сели на паром и, переправившись через реку, навсегда попрощались с людьми нашего хозяина, которые пришли нас провожать. День был ясный, и город выглядел так же прекрасно, как и тогда, когда мы впервые увидели его и даже лучше. βῆ δ' ἄκέων παρὰ θῖνα^[487].

На некоторых почтовых станциях не хватало лошадей – обстоятельство, которое весьма портит нервы путешественника, когда он направляется домой. Лебяжинская^[488], следующая после Астрахани станция^[489], была непохожа ни на одну из виденных нами. Ее начальник содержал свое хозяйство в идеальном порядке. По утрам почва покрывалась легким снежком, ночью были заморозки, а днем если уж не тепло, то во всяком случае солнечно. 18 октября в два часа дня мы вновь прибыли в Царицын, где узнали о кончине упомянутой выше черкешенки. Найти лошадей было все так же непросто, но нам удалось сделать это быстро, и, не теряя времени, мы сразу отправились в путь. Московский тракт идет вверх по крутому склону, с которого мы с тоской в последний раз взглянули на Волгу. Здесь она, делая небольшой крюк, огибает огромную впадину ниже города, отступая на некоторое расстояние от возвышенности справа и ивовыми рощами и длинными песчаными отмелями слева, и уходит вдаль между солончаков и песчаных степей к Каспийскому морю.

Незадолго до прибытия в Грачевскую^[490] мы заехали на земли донских казаков. Это были самые унылые за все время нашего путешествия по России места. Мои черновые заметки о них пестрят фразами «бескрайняя волнистая степь», «весь день одна степь», «скучаем по Волге», «вспоминаем калмыков», «почтовые станции очень грязные и убогие» (после больших и приличных остановочных пунктов Астраханской губернии это было весьма неприятно). Вдобавок люди уже утеплили свои дома перед зимой, отчего характерный запах в

них, описанный мистером Расселом^[491], превратился в тошнотворный, «который бывает при валянии шерсти», и чуть ли не опасен для здоровья европейца. На протяжении четырехсот верст от Царицына до Новохопёрска городов нет, нет вообще ничего, кроме нескольких крайне жалких деревенок. Здесь, к сожалению, – по крайней мере, так мне показалось, имеется жиденькие деревца, из которых, скрепив их стволы глиной и травой, строят жилища. Широкая полоса земли вдоль левобережья Дона и Хопра (река, текущая мимо Новохопёрска в Дон), по которой мы ехали, была песчаной и безлюдной. Хопер и Дон разделяют страну донских казаков на две непохожие друг на друга части. Восточная хотя и не такая песчаная, как упомянутый выше тракт вдоль реки, безжизненна и тосклива. Она простирается на юг в направлении Кавказа до Маныча и сочетает в себе топкие почвы Нижнего Поволжья и солончаки с прикаспийскими песчаными степями. Это, однако, прекрасное место для разведения лошадей, поэтому вдоль Хопра и Медведицы (которая находится восточнее его и течет почти параллельно Илове и Волге) находятся несколько именитых конезаводов. Западная часть земель донского казачества настолько плодородна, насколько восточная бесплодна, и состоит из возвышенностей, которые пересекаются множеством рек и богаты знаменитым черноземом.

Через шесть суток после отъезда из Астрахани мы достигли Новохопёрска, после чего местность менее дикой, чем ранее. Действительно, граница Воронежской и Тамбовской губерний показалась мне местом, откуда начинается цивилизация. Имея иное происхождение, другие нравы и обычаи, а также противоположные интересы, донские казаки со времен распада Татарской империи в XIII в. и до окончательного уничтожения их самобытности при царе Павле постоянно держали Россию в напряжении. Кажется, общество донских казаков напоминало демократию – они не признавали ни знатности, ни чинов, их атаман (начальник) по окончании своего пятилетнего срока пребывания в должности вновь становился простым человеком, а командующий войском в одном походе мог служить рядовым в другом. Но если должности у казаков были временными, то потерять честь можно было навсегда – например, поступить на службу к царям. Екатерина II уничтожила эти порядки. Правда, ее указ, вводивший регулярные звания и привилегии для тех, кто согласится

служить в русской армии, привел к крупному восстанию, которое было быстро подавлено. Однако на протяжении прошлого столетия казаки сохраняли относительную свободу, что привлекало к ним всякого рода беглых. Поэтому император Павел нанес двойной и окончательный удар по казачьей демократии: во-первых, беглых сделали крепостными тех, кто их приютил^[492], а во-вторых, всем состоявшим на царской службе пожаловали дворянство^[493]. Чтобы не допустить протестов против новых порядков, власти отправили казаков-военнослужащих в таможенные и карантинные станции на западе и на пограничные линии от Кавказа до киргизских степей и Сибири. Все казаки мужского пола должны прослужить двадцать лет за пределами своей родины или четверть века на родине, однако этот срок правительство часто продлевает. Эти и множество других сведений, оставшихся за рамками нашего рассказа, объясняют те характерные особенности, которые удивляют всякого попавшего к донским казакам.

Дорогу, проходящую по их землям и по территории Тамбовской губернии, с обеих сторон обозначают большие кучи камней высотой четыре-шесть футов, которые видны издали — они размечают огромную волнообразную степь, на поверхности которой зачастую нет никаких иных следов человеческой деятельности. Время от времени мы въезжали в полосу кустарника, который никогда не расчищался, хотя императорскую дорогу сквозь него «проложили» лет тридцать назад. При спуске с холмов нас забавляла ловкость, с которой наш ямщик опрокидывал загораживавшие путь повозки. Ехали мы очень быстро и часто встречали телеги со спящими возницами, которые не успевали посторониться, когда их будили звон колокольчиков нашей упряжки и крики ямщика. В таких случаях он старался задеть оглоблей нашего тарантаса заднюю часть чужой телеги — если она была порожней, то через мгновение уже лежала на боку. Все это он делал столь ловко, что, распекая его, мы, несмотря на все усилия, не могли удержаться от смеха, тем самым существенно уменьшая действенность порицания. Следует сказать, что таким способом мы не перевернули ни одной груженой телеги, а что касается порожних, то поставить их вновь на колеса было сущим пустяком.

Утренний снежок сменился поземкой, и, хотя зима еще не наступила, было холодно. Вечерами дорога покрывалась снегом, становясь все хуже и хуже, а так как, как нам сказали, между Тамбовом

и Рязанью она вообще станет жуткой, мы решили поторопиться. С конца осени и до установления снежного покрова путешествие превращается в настоящую пытку. Прекрасное шоссе существует только между Рязанью и Москвой и далее идет до Варшавы.

Несмотря на плохие дороги, лошадей нам давали хороших, а почтовые станции, в основном построенные недавно, были превосходны. Ясным морозным утром примерно в шесть часов 24 октября мы прибыли в Тамбов, чья почтовая станция, находившаяся на базарной площади, на удивление оказалась невообразимо грязной^[494]. Выкрашенные в яркие цвета деревянные дома главной улицы города^[495] имеют довольно необычную форму и напоминают чайные павильоны. Третья часть Тамбовской губернии покрыта черноземом, и в лучшие годы она производит зерна больше необходимого ей. Население Тамбова составляет с десяток тысяч человек^[496].

Поскольку окрестности города накануне жатвы выглядят совершенно иначе, чем в дни нашего пребывания, то я процитирую письмо моего друга, посетившего эти места в лучшее время года: «Желательно, чтобы вы побывали в этих местах в тот же сезон, что и я, т. е. до сбора урожая, – это было бы весьма интересно вашим читателям. Проведя в пути ночь, вы сразу представите, какое впечатление произвело на мой северный разум открытие на рассвете занавесок кибитки – во все стороны до горизонта простирался огромный океан зрелой пшеницы, но особенно поражало полное отсутствие лесов. А когда солнце поднялось повыше и подул легкий ветерок, вы, будучи художником, можете вообразить себе великолепие красок, когда его лучи почти горизонтально падают на колышущуюся ниву. Я остановился у одного знакомого в нескольких верстах от Тамбова, а потом мы отправились на маленьких эриваньских лошадаках^[497] через огромные поля пшеницы. «И куда вам столько зерна?» – опросил я. «Ну, – ответил мой приятель, – часть съедят мыши и жуки, часть крестьяне оставят себе, причем в основном перегонят в водку, а остальное продадут на соседних рынках, если, конечно, смогут оплатить перевозку». Мужик лежал на спине, грея на солнце свое пузо, а рядом валялась его лопата. Мне захотелось узнать, на какую глубину залегает здешняя плодородная мелкозернистая почва и что находится под ней. Я начал было копать, но под тамбовским солнцем это занятие оказалось довольно изнурительным, к тому же стоявший рядом с

фуражкой в руке мужик смотрел на меня как на сумасшедшего, которому потакает мой друг, а его хозяин. Поэтому я вручил ему лопату и гривенник (4 пенни), и он принялся за работу, но углубившись фута на четыре, остановился – для продолжения нужно было расширять яму. Почва представляла собой сплошной чернозем без камней, во всяком случае таких, которыми можно было отогнать бродячего пса. Я наивно спросил у своего друга о системе севооборота, чем очень удивил его. Он сказал, что один год выращивает пшеницу, на второй вспахивает землю плугом, практически не имеющим железных деталей, и вновь засеивает ее пшеницей – так здесь делали всегда. «Но разве землю не оставляют под паром?» – удивился я. «Да-да, – было сказано мне, – иногда урожая бывает столь много, что его невозможно выгодно продать, поэтому на следующий год засеивают поле поменьше, а остальное зарастает травой». Между Рязанью и Тамбовом я все же обнаружил песок, лежащий под слоем чернозема, но так и не понял, был ли это нижний слой почвы, или же, как в другом случае, – глинозем».

Дорогу, которая до сих пор была твердой и относительно ровной, дальше размыл дождь, и нам пришлось изрядно помучиться, добираясь до Рязани. Даже имея в упряжке пятерку лошадей, ямщики были вынуждены часто съезжать на пашню или срезать путь. Но хуже всего, пожалуй, были мосты с их гнилыми бревнами и прорехами, где лошади в любой момент могли сломать себе ноги. Если бы, пропуская на мосту встречное транспортное средство, мы сошли с накатанной колеи, то обязательно попали бы в беду. Я нигде не встречал столько грязи и ветхости и очень рад, что начал поездку не отсюда, иначе бы заранее разочаровался в предстоящем длительном турне.

Красивая аллея, высаженная вдоль тракта, ведет к подножию холма, на котором стоит Рязск^[498]. Мы с трудом карабкались по крутой и каменистой дороге. С высоты виднелись равнина, дорога и длинная извилистая аллея нежных, поникших берез, прекрасных раньше и безобразных сейчас. Мы обогнали правительственного курьера и множество простых пассажиров. «*Dulce mari e magno*»^[499]. Ночью похолодало, и дорожная слякоть замерзла. Утром нам пришлось пару часов дожидаться подачи лошадей, и за это время грязь, налипшая на колеса тарантаса, застыла настолько, что ее пришлось сбивать топором. Потом пошел снег, и около шести часов на девятый вечер после отъезда

из Астрахани мы завершили последний этап нашего маршрута и остановились в Рязани в отеле рядом с почтовой станцией.

Рязань, главный город одноименной губернии, насчитывает тысяч девять-десять жителей^[500] и расположен на холме, возвышающемся над р. Трубеж, впадающей в Оку чуть ниже города. В Рязани отсутствуют крупная торговля и мануфактуры, зато в ней находится резиденция архиепископа. При въезде в город перед глазами возникает увенчанный пятью зелеными куполами изумительный собор кубической формы из красного кирпича^[501], но он начисто лишен орнамента, за исключением затейливой лепнины и витых пилястр на двух рядах его окон^[502], да и в интерьере этого древнего храма можно отметить лишь наличие богато украшенный резьбой и позолотой огромный иконостас^[503]. С галереи собора и из соседнего особняка архиепископа^[504] открывается обширный вид на долину Оки. По этой реке ведется активная торговля с Волгой, о которой мне в сентябре написал один мой друг: «Сейчас на ней множество барж, которые везут товары с Нижегородской ярмарки. Одну такую, загруженную более чем 480 т железа, тянут тридцать две лошади. Стоимость доставки ее груза из Нижнего в Коломну составляет 480 руб. (75 фунтов стерлингов). Осадка этих судов достигает примерно восемнадцать дюймов, они плоскодонные, с очень длинными кормилами и румпелями, у них имеется два прикрепленных к мачте буксировочных каната. В ноябре дожди повышают уровень Оки, а весной из-за паводка вода поднимается на двадцать-тридцать футов и превращает округу Рязани в огромное озеро, сообщение между городом и соседними селениями в это время осуществляется на лодках. Вода спадает в апреле, после чего в этих местах, где всего несколько недель назад была река, на сочных лугах пасется скот. По этой причине земля здесь в основном используется для выпаса, потому что осенние наводнения не позволяют ее засеивать».

Облик рязанского отеля, европейская одежда официантов, чистые скатерти, восхитительная и разнообразная посуда, а главное то, что отныне нам предстояло ехать по настоящему шоссе, создавали ощущение, что мы находимся в Англии. Плотно поужинав, в девять часов вечера наш тарантас отправился в путь. Ямщик, неплохо получив «на водку», помчал нас по великолепной дороге, совершенно отличавшейся от той, по которой мы ехали последние два дня. Мы оставляли позади себя все экипажи. Было уже морозно, валил густой

снег, плотные хлопья которого ветер гнал по земле. Я давно уже так не мерз, но холод только бодрил. Проехав без отдыха десять суток, мы, промчавшись по неровной мостовой, 26 октября, вскоре после наступления сумерек, остановились у дверей нашего московского жилища.

На другой день, пока наш экипаж ремонтировали, я навестил нескольких старых друзей и вновь побывал на кремлевском валу. Москва сильно изменилась с тех пор, как я покинул ее в сентябре: пышная церемония коронации закончилась, Двор покинул древнюю столицу, блистательные европейские посольства и колоритные азиатские посланники уехали. Но город по-прежнему был прекрасен, и, кажется, стал еще краше – снег лежал на крышах и устилал улицы, по которым во весь опор куда-то мчались маленькие сани с извозчиками в характерных зимних одеждах. Ветер дул сильно, стояло ненастье, и с вала было видно, как где-то вдаль идет снег.

Мы остались в Москве на день, поэтому у меня появилась возможность вновь посетить ее достопамятные места, но так как большинство их достаточно ярко и подробно описаны моими предшественниками и присутствовавшими на коронации газетчиками, то я приведу лишь малоизвестные факты о Царь-колоколе. О них мне поведал один мой друг, которого я уже имел честь цитировать. Вот что он сообщил: «Этот колокол был поднят с цокольного этажа колокольни Ивана Великого, перед которой он сейчас стоит. Об этом написано славянскими буквами на табличке перед ним: "Колокол сей вылит в 1733 году^[505] повелением государыни императрицы Анны Иоанновны, пребывав в земле сто и три года и волею благочестивейшаго государя императора Николая I поставлен лета 1836, августа в 4-й день".

Он двадцать футов в высоту и двадцать два фута и восемь дюймов диаметром, а весит восемь тысяч пудов (288 тыс. фунтов). Самая толстая часть его губы имеет толщину двадцать четыре дюйма, и отколовшийся от нее огромный осколок помещен рядом. У этого колокола весьма хорошие пропорции, он богато украшен, его увенчивают шар и крест. Сейчас он превращен в часовню. На его внешней стороне – барельефы с изображением Алексея Михайловича и императрицы Анны в полный рост с двумя следующими надписями: "Блаженные и вечнодостойные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великая и Малая и Белая

России Самодержца повелением, в первособорной церкви Пресвятые Богородицы честного и славного Её Успения, слит был великий колокол, восемь тысяч пуд меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, с Рождества же по плоти Бога Слова 1654; из меди сего благовестит начали в лето мироздания 7176, Христова же Рождества 1668 и благовестил до лета мироздания 7208, Рождества же Господня 1704 года, в которое месяца июня 19-го дня, от великого в Кремле бывшего пожара, поврежден; до 7239 лета от начала мира и Христа, в мир Рождества, прибыв безгласен".

Вторая же надпись такова:

"Благочестивейшей и Самодержавнейшей Великоя Государыни Императрицы Анны Иоановны, Самодержицы всея России повелением во славу Бога в Троице славимого в честь Пресвятой Богоматери, в первособорной церкви славного Её Успения, отлит колокол из меди преднего восьми тысяч пуд, от создания мира в 7242, от рождества же во плоти Бога Слова 1734, благополучного ее величества царствование в четвертое лето".

Я точно знаю, что этот колокол никогда не звонил и даже не подвешивался, и что кусок откололся от него либо по причине ошибки при отливке, либо из-за позднейшего пожара^[506]. Оба его барельефа не закончены, за исключением верхней части, остальное же осталось в виде беспорядочного и бессодержательного наброска. Надписи и орнаменты также не подвергались очистке резцом, ибо их углубления все еще частично заполнены металлом и песком. На внешней поверхности колокола имеются трещины, они не сквозные, не сколоты и не повреждены на концах, и у него отсутствуют всякие следы языка. Таким образом, я делаю вывод, что он был поврежден либо в результате неравномерного охлаждения столь большой массы металла, либо пострадал от пожара уже после того, как был изготовлен. То, что он никогда не висел, свидетельствует обнаруженная под ним железная решетка, на которой когда-то стояла его форма для отливки, а сам колокол был найден в яме, в которой отливался».

Вкратце расскажу о завершении нашей поездки. До Варшавы пришлось добираться шестеро суток, потому что сначала мы ехали по гололеду и снегу, отказавшись поставить тарантас на сани, ибо через пару дней трасса приобрела привычный вид. Новое шоссе, идущее почти до самого Брест-Литовска на польской границе^[507], не совпадает

с дорогой, по которой в Россию шел Наполеон^[508]. Заболоченные верховья Днепра и польские равнины не представляли для нас никакого интереса, да и покрытая густым туманом местность не возбуждала любопытства.

При пересечении русско-польской границы звон колокольчиков русских упряжек сменился гудками почтовых рожков^[509], как было в начале нашего пути в Петербург. Мы преодолели шесть тысяч миль с тех пор как слышали эти звуки! На деревьях еще висели отдельные листочки, что после совершенно безжизненной русской зимы отчасти напоминало западную осень.

Третьего ноября мы прибыли в Варшаву и на следующий день окончательно расстались с тарантасом, который почти два месяца служил нам домом и возил по северным лесам, горным уральским дорогам, калмыцким степям и землям донских казаков, а потом возвратил в край железных дорог. А через три дня мы сошли на землю Англии.

Джон Браун
Горнозаводской Урал

Часть I

До Урала

Путешествие из Санкт-Петербурга в Восточную Россию

Когда летом 1882 г. я вернулся в столицу Российской империи из поездки на озера Сайма в Финляндии и Онежское в Олонецкой губернии России, мой друг, являвшийся одним из старейшин санкт-петербургской общины Британо-американской конгрегационалистской церкви, в которой я одно время замещал находившегося на отдыхе в Англии пастора, предложил поехать вместе с ним в граничащую с Уральскими горами Уфимскую губернию, где у него проживал близкий родственник, чтобы посетить эти места, а при случае побывать в Оренбурге и немного заехать в Сибирь. Оттуда я мог бы отправиться в Шотландию, тем более что в это время другой церковный пастор компенсировал мне расходы, которые я понес в ходе своих поездок на вышеупомянутые озера. Меня очень тронуло стремление этих людей способствовать моим изысканиям, однако, тщательно все взвесив, я с болью в сердце отказался от этого путешествия и уехал в Шотландию.

Мне было известно состояние лесного дела на Урале, хотя я никогда там не был. Ныне покойный третий член нашей конгрегации являлся по профессии инженером, но долго прожив в тех местах, приобрел обширные познания об эксплуатации тамошних лесов и предоставил мне свои отличающиеся наблюдательностью пространные заметки.

Одному очень уважаемому мной русскому дворянину^[510] принадлежали крупные рудники и обширные лесные угодья в Уфимской губернии. Решив управлять лесами на научной основе, он стал следовать моим советам и обязал своих приказчиков собирать для меня необходимые сведения. Путь моих друзей лежал из Санкт-Петербурга в Москву, затем по Волге в Нижний Новгород, потом по Каме, а оттуда – к месту назначения. От шпиля Адмиралтейства расходятся веером три проспекта протяженностью несколько миль^[511]. Слева начинается самый великолепный из них, а точнее единственный, который так можно охарактеризовать, – это Невский проспект, в силу

ряда причин считающийся самой прекрасной улицей Европы. В конце его находится Московский железнодорожный вокзал, куда от Александровского сада можно добраться на конке. Едва она трогается, пассажиры трижды осеняют себя крестным знамением, чтобы избежать в пути происшествий и повторяют это, проезжая мимо Казанского собора и всякого другого храма. Совсем иное видишь при отправлении поезда с Финляндского и даже Варшавского вокзалов. Значительную часть населения Финляндии составляют протестанты, поэтому летом большинство пассажиров вагонов первого и второго классов – это евреи или немцы, направляющиеся на свои летние дачи или возвращающиеся с них. По Петербурго-Варшавской железной дороге можно попасть не только в Польшу, но и в страны Западной Европы. С Московского же вокзала люди (в основном русские) едут по России. Когда при отправлении поезда они начинают креститься, некоторые смущенно опускают глаза, но я с пониманием отношусь к этому обычаю.

Как только поезд трогается, кондуктор и два его помощника начинают проверять билеты. Вагоны в России похожи на американские – в них два входа и проход, обычно имеется ватерклозет для пассажиров, сцепка покрыта мостиком для перехода из одного вагона в другой, причем проводники периодически курсируют через весь состав, тем самым ободряя робких пассажиров, чего так не хватает нашим железным дорогам. Железнодорожники в России носят униформу. На Николаевской железной дороге^[512] она состоит из черной шерстяной шляпы, застегивающегося на шее сюртука, вокруг талии малинового пояса с длинными кистями, синих штанов и до блеска начищенных высоких сапог.

Говорят, что когда инженеры представили императору Николаю I^[513] чертеж железной дороги, соединяющей обе столицы, он взял карандаш и по линейке прочертил прямую линию из одной точки в другую, сказав: «Быть по сему!» Так ее и построили – как решил монарх, а не профессионалы. Хотя с военной точки зрения император, вероятно, был прав: магистраль проходит на некотором удалении от крупных городов, но пресекает стоящую на Волге Тверь с ее 23 тыс. человек населения, где можно пересест на пароход и далее ехать с еще большим комфортом. Но поскольку поезд идет быстрее, большинство едущих на восток и юг добираются на нем до Нижнего Новгорода и уже там садятся на пароход. Местность между Санкт-Петербургом и

Волгой ровная и представляет собой бескрайние нивы. Железная дорога проходит по Валдайской возвышенности мимо впадающей в Белое море Северной Двины и Волхова – истока Волги. Мой брат, до появления железных дорог путешествовавший из Санкт-Петербурга в Москву на дилижансе, как-то вечером попросил кучера разбудить его у Валдайских холмов. «Валдайских? – удивился мужик. – Так мы же вчера их проехали!» Так и пассажир поезда может не заметить никаких изменений за окном. Другая железнодорожная магистраль соединяет Москву с Нижним Новгородом, который следует отличать от Новгорода Великого, древней столицы Руси.

Нижний Новгород стоит при слиянии Оки и Волги на пересечении путей, по которым товары доставляются во все концы страны: из Санкт-Петербурга на восток, а из Одессы и Астрахани – на север и в другие места. Нижегородская ежегодная ярмарка считается одним из чудес света. Она проводится за городом между железнодорожным вокзалом и р. Ока. С соседнего крутого холма можно увидеть всю округу. Преподобный Джеймс Кристи^[514] в своей книге «Русские и их страна, или Увеселительная поездка по стране царя» пишет: «В двух милях от почтовой станции находится, слияние великих рек, которые связывают всю Российскую империю сетью водного сообщения. Через Оку проложен понтонный мост, соединяющий город с ярмаркой, и всегда заполненный разношерстным людом. По реке плывут десятки пароходов и баржи необычных конструкций, некоторые из них грузоподъемностью более восьмисот тонн^[515]. В настоящее время конечными пунктами для большинства этих судов являются Москва и отдаленные места России, куда они перевозят товары с Востока, а спускающиеся по реке везут на ярмарку западные товары для восточных рынков. Перпендикулярно к устью Оки течет могучая Волга. Эта русская Миссисипи – весьма оживленная в период работы ярмарки магистраль. Даже сейчас, летом, ее русло очень широкое и увеличивается по мере продвижения, радуя глаз, но весной, когда тает снег и идут дожди, она выходит из берегов, затопляя тысячи кв. км в нескольких губерниях, а когда войдет в берега, то оставляет на лето озерки, где таятся лихорадка и малярия, вселяя ужас в едущих на восток и являясь сущим бедствием для живущих на ее побережье крестьянах. Эта величественная река после Нижнего Новгорода еще четырнадцать сотен миль течет в сторону Каспийского моря. В

настоящее время она буквально забита баржами и пароходами, причем последних бывает более шестисот. Баржи из Астрахани, Каспия и Казани плывут по сибирским рекам и величавой Каме, везя грузы с холодного Севера и Урала к стопам европейских купцов, приехавших в Нижний Новгород. Эти оживленные реки сами являются незабываемым зрелищем, но оно не сравнимо с ярмаркой, куда мы направляемся. Перейдя реку по понтонному мосту, мы сразу же окунаемся в облако пыли. Дело в том, что после официального завершения ярмарки все лавки и склады закрываются на замки, торговцы немедленно разъезжаются, а местные жители возвращаются со своим скарбом в город, оставляя ярмарочный городок во власти крыс, мышей и единичных полицейских. Что происходит с крысами и мышами позднее, т. е. весной, я не знаю, ибо тогда молчаливые и плохо одетые сторожа вынуждены оставить свои посты, ибо когда Ока и Волга выходят из берегов, территорию ярмарки заливают грязная вода глубиной не менее полутора десятков футов. Летний зной и наличие многотысячных толп людей приводят к образованию облаков пыли, которая поднимается и повисает в воздухе, попадая в дыхательные пути и оседая на одежде западных гостей, так что даже друзья потом не могут узнать их и встречают их со словами: "Вы будто потомки мельника с речки Ди^[516]!"

В конце понтонного моста находится биржа – убогое, но большое деревянное здание, в стенах которого ежедневно тысячи коммерсантов заключают миллионные сделки. Сразу за ней начинаются торговые ряды. Широкий и глубокий канал в форме подковы отделяет расположенные в непосредственной близости от дома губернатора ряды лавок от более удаленных, защищая ярмарку от пожара^[517]. В ярмарке принимают участие представители многих национальностей: чуть-чуть англичан, множество немцев, обилие русских, что вполне закономерно, тысячи татар в причудливо расшитых сапогах и тюбетейках (большинство из них являются слугами и носильщиками, но на самом деле рубят дрова и возят воду для ярмарки), удивительно смиренные черкесы, и смуглые, с высокими шляпами армяне, эти евреи Востока, чьи пояса всегда набиты банкнотами и векселями. Я видел там только одного уроженца Синима^[518].

Потребуется целый день, чтобы обойти все торговые ряды и получить объективное представление о ярмарке, что я и делал, пока

мои ноги не отказались мне повиноваться. Там были лавки с бесчисленными ларями чая, главного напитка русских. Управитель Рикард^[519] сообщил мне, что для крестьян своих оренбургских владений он иногда закупает здесь чай и сахар на более чем шестнадцать тысяч рублей. На ярмарке продаются настолько великолепные меха, что если бы английские дамы приехали сюда со своими мужьями, то смели бы этот товар с прилавков за какую-то четверть часа. Имеются лавки со сверкающими самоварами – русскими приспособлениями для приготовления чая, в основном производимыми в тульских мастерских на берегах Оки. В китайских лавках выставлены восхитительные изделия из керамики и стекла. Зайдя в одну из них, я выбрал несколько небольших и красивых безделушек, и, доставая кошелек, чтобы расплатиться, спросил у продавца, где они были сделаны. Он ответил, что в Англии. «В Англии?! – удивился я. – Так стоит ли ехать в лес со своими дровами?» Я сообщил ему, что сам родом оттуда и поэтому не стану покупать его товар. В ответ он только улыбнулся. Саквояжные лавки были заполнены разноцветными баулами с блестящими металлическими оковками. Всякий крестьянин, будь то мужик или баба, стремится приобрести эту вещь, куда можно положить мелкие ценные вещи, и еще останется место. Лавки, где продают сухофрукты, бумагу, ткани, хлопок и лен, столько этих товаров, что их хватит обеспечить всю Россию и Восток. Здесь сбываются сотни тонн сушеного осетра, стерляди и прочей рыбы, а также икра – весьма специфический на вкус продукт. На земле лежат груды точильных камней для многочисленных ветряных мельниц России, вид которых навсегда заставляет забыть об их ньюкаслских аналогах. Вдоль Волги миль на шесть тянутся горы лучшего в мире сибирского железа. Мы не обошли и десятой части ярмарки, когда, предельно измученные, вынуждены были прекратить это, чтобы скорым поездом ночью вернуться в Москву.

Говорят, что за восемь недель ярмарку посещают полмиллиона торговцев, и, видимо, это правда. Эта цифра получена на основании количества потребляемого хлеба, ибо правительство заставляет пекарей каждое утро отчитываться о проданной ими выпечке. Товарооборот ярмарки превышает шестнадцать миллионов фунтов стерлингов. Часто покупатели приобретают столько товара, что берут ради этого кредит на год-два. Крупные торговцы обычно оплачивают на ярмарке товары,

приобретенные в прошлом году. Считается, что развитие железных дорог приведет к уменьшению ее значения, но, очевидно, что произойдет это не скоро.

Куриль на ярмарке строго запрещено, и всякий нарушитель этого будет сразу задержан казаком или полицейским и оштрафован на пятьдесят рублей: большинство торговых лавок здесь деревянные и возгорание одной из них может охватить пламенем всю ярмарку. Забыв об этом, я однажды с папиросой в руке вышел из ресторана, но, получив замечание от полицейского, быстренько выбросил ее в канал, не задумываясь, насколько это прилично. Здесь множество пожарных башен, и пожарники в любой момент готовы броситься тушить огонь. Поскольку большинство русских курит, торговцы спускаются по круглым башням, ведущим в канализационные коллекторы, и там удовлетворяют свое желание. Санитарные условия на ярмарке прекрасные: безукоризненная система каменной канализации дважды в день промывается речной водой»^[520].

Большинство посетителей ярмарки отмечают, что на ярмарке царят ложь, подлость, пороки и пьянство.

Когда я жил в России, ярмарочные лавки были деревянными и функционировали только во время сезона торговли. В 1837 г. несколько моих друзей отправили туда Библию и свыше пятидесяти тысяч брошюр, которые удалось продать или обменять на товары. Часть купленных книг позднее была перепродана на других ярмарках и тем самым распространилась по всей империи. Вероятно, и сейчас бизнес ведут так же. Один мой друг взял в аренду лавку, чтобы продавать религиозную литературу. Он хорошо знал особенности торговли в России и сносно владел русским языком. Если покупатель предлагал частично расплатиться за тысячу книг носовыми платками, он соглашался. Следующему покупателю наш продавец предлагал книги и носовые платки, прося оплатить половину партии карманных платков и пятьсот книг наличными, а остальную часть сандалом. Третьему он предлагал книги, носовые платки и сандал. В итоге продавец реализовал все книги и приобрел новый товар, чтобы выгодно продать его в Санкт-Петербурге и за рубежом. В ходе этих операций через его руки, кроме носовых платков, сандала и множества других вещей, прошли лошади, пух и птичьи перья.

В России не следует обменивать свой товар на неликвидный и ничего не покупать втридорога. Далеко не все сделки приносят прибыль, однако нашей целью было не это, а распространение книг. Мы знали, что потом их будут перепродавать втридорога, но с этим ничего не поделаешь, однако следует помнить, что чем дороже товар, тем покупатель больше его ценит.

Из Нижнего Новгорода путь продолжается на пароходе по Волге – невообразимо широкой реке с быстрым течением. Через сутки после отправления из Нижнего, как сокращенно называют этот город, судно, преодолев 254 мили, прибывает в Казань. Обратный путь занимает гораздо больше времени. Маршрут обслуживают пароходы того же типа, что бороздят реки Соединенных Штатов Америки, и суда, построенные по образцу европейских морских кораблей, поэтому пассажиры, которые представляют все слои общества, чувствуют себя весьма комфортно. Плата за проезд невысока, а на каждой остановке местные торговцы предлагают различные блюда, холодную жареную дичь, вареные яйца, рыбные пироги, хлеб и выпечку.

И вновь я прибегну к помощи образного пера мистера Кристи, описавшего свой путь из Нижнего Новгорода: «Плывя на пароходе по Волге, мы могли рассмотреть часть наших попутчиков. Сидя на закате на верхней палубе, упиваясь замечательным видом реки и ее берегов, три татарина – а татары являются магометанами – взобрались на один из кожухов гребного колеса, и, разложив на нем свои коврики, приступили к вечерней молитве. Один из них был старик, другой – средних лет мужчина, а третий – юноша. Старик выглядел суровым – он искренне верил в своего Бога. Во взгляде татарина среднего возраста сквозило равнодушие, он воспринимал молитву как само собой разумеющееся действие, шустрый же юноша получал при этом искреннее удовлетворение. Как приятно было смотреть на этого благообразного отрока! Обратившись лицом к Мекке, они совершали низкие поклоны, потом встали на колени и стали читать молитвы. Временами они касались ковриков лбами. Так продолжалось четверть часа, затем, проведя обеими ладонями от лба до подбородка, они встали, сложили коврики и растворились среди пассажиров. На рассвете они повторили этот обряд. Если хотя бы сотая часть христиан относилась к религии с таким же рвением, то это было бы полезно как для них самих, так и для христианства в целом. Упомянутые татары

были маленькой торговой артелью и возвращались с ярмарки на свой Восток. Был там еще один торговец, тоже татарин, прилично, если не сказать богато, одетый. Он приехал из Сибири и на ярмарке торговал мехами. Продажи шли успешно, но соболей покупали плохо, ибо всех интересовал мех серебристой белки. На борту было много простых русских крестьян, одетых в длинную овечью шкуру шерстью вовнутрь. Такое одеяние вызывает у всех улыбку, но лично я отношусь к нему положительно. Если бы бедные, а часто и плохо одетые английские рабочие в отдельных местах нашей страны встретили бы русского крестьянина в его простой фуражке, высоких сапогах и в пальто, то приняли бы его за джентльмена! Поэтому если однажды мне придется жить в России зимой, и я не смогу приобрести меховую одежду, то без раздумий выберу овчину, несмотря на всю ее странность, и не прогадаю.

Вы, конечно, хотите узнать, что написано на лицах русских крестьян? Мы всегда стараемся видеть в человеке хорошее. Когда греческий скульптор выезжал за границу, чтобы подыскать для себя модель, он искал прекрасное, а не пороки, и часто обнаруживал красу в глазе, рте или носе довольно заурядного лица. В отличие от грека, современный критик (и путешественник) – но не я! – обычно ищет какие-то изъяны. При всей невзрачности и грубости лицо русского крестьянина отличает спокойствие и кротость – качества, прекрасные сами по себе, но которые несомненно усилятся, когда его потомки станут культурнее. Эти молчаливые мужи с вкрадчивым голосом иногда могут срываться на гнев подобно всякому человеку.

На пароходе с нами плыли несколько солдат, направлявшихся в какой-то отдаленный гарнизон. Они везли с собой множество тюков с маркировкой Красного Креста^[521]. Бедняги! Они были плохо одеты и, видимо, дурно питались. Если бы они получали мясо, как наши военные, то не были бы такими замухрышками. Мы разговорились с двумя из них. Оказалось, что на другой работе им платили по десять копеек в день – почти в два раза больше, чем сейчас. Я подарил одному из них серебряную монету, от чего он сильно расчувствовался. Управитель Рикард спросил у этого солдата, что он на нее купит. «О, – воскликнул солдат, – в первую очередь щи и несколько стаканов чая». Другому служивому мы дали с полдюжины яблок. Он принял их с распростертыми объятиями, вытащил из своего вещмешка кусок

черного хлеба, посолил его, сел, трижды перекрестился и начал привычную для всякого непритязательного человека трапезу. Поев, он снова перекрестился.

Русские крестьяне стараются строго придерживаться этих умильных ритуалов. Обычно полдюжины работников собираются на барже или на берегу вокруг огромного черного железного котла со щами, небольшим кусочком мяса или рыбой, крестятся, а потом торжественно принимаются есть это, заедая большими кусками ржаного хлеба. Начинает трапезу бригадир, вслед за ним по очереди начинают хлебать суп остальные. Опустошив котел и дочиста обглодав рыбные кости, все встают, осеняют себя крестным знамением и вскоре принимаются за работу. На остановках пароходы загружают дровами для котлов. Этим занимаются исключительно женщины. На пристанях в изобилии продаются всевозможные яства и напитки, в том числе так называемый «квас» – забродившая на черном хлебе вода. Крестьяне предлагают пассажирам различные товары, вареных кур, уток, рыбу (в соленом виде ее употребляют все русские, при этом не страдая расстройством желудка), орехи, чудесный белый и черный хлеб, корнишоны^[522], огурцы и молоко (его я несколько раз покупал в бутылке из-под шампанского всего за десять копеек)^[523].

Во время весеннего паводка река выходит из берегов, но с середины лета и осенью она мелеет, и порой пароход может сесть на мель.

Говорят, что Волга – самая протяженная и вторая после Дуная по водности река Европы^[524]. Как уже было сказано, она начинается на Валдайской возвышенности в оз. Селигер в 57° с. ш. и 53°10' в. д., на 550 футах над уровнем моря, и с многочисленными излучинами течет преимущественно на восток до самой Казани. Протяженность ее составляет 2,7 тыс. миль, а площадь водного бассейна – четыреста тысяч квадратных миль. Огромное русло Волги ровное, поэтому она судоходна сразу после Твери, а в мае – июне становится полноводнее, облегчая навигацию.

Ее основные притоки – Тверца, Молога, Сестра, Созь, Ока, Сура, Казанка, Кама, Сок и Самара. За исключением Камы все они бесполезны для перевозки грузов. Кама же, чья протяженность составляет примерно тысячу миль, начинается на ответвлении Уральских гор вблизи с. Кулига в Вятской губернии, затем течет на

северо-восток, юго-запад и запад через эту и Пермскую губернии, отделяя их от Оренбуржья. На территории Казанской губернии она впадает в Волгу. Большой частью Кама судоходна для малотоннажных судов грузоподъемностью сто пятьдесят пудов (6 тыс. русских, или 5,4 тыс. английских фунтов). В августе уровень воды в ней достигает минимума: в Перми он бывает на 23 фута 4 дюйма ниже, чем весной.

Основными левобережными притоками Камы являются Вишера, Чусовая, Белая и Ик, а на правобережье – Обва, Иж, Вятка и Мый. Вода в Белой мутная, белесого оттенка. Она начинается северо-восточнее Верхнеуральска в Оренбургской губернии, в Уральских горах, и через 650 миль впадает в Волгу, миновав города Стерлитамак и Уфа. Исток р. Уфы тоже находится в Уральских горах. Преодолев горные хребты и плодородные нивы, она через 350 миль у одноименного города впадает в р. Белая. Это был следующий этап предполагаемого маршрута моих друзей. В г. Уфе, административном центре Уфимской губернии, проживает десять тысяч человек^[525]. Царь Иван Васильевич построил Уфу в 1573 г.^[526] для сбора дани с башкир и защиты этих земель от вторжения киргизцев^[527]. Считается, что в древности на этом месте находился большой татарский город – резиденция ногайских ханов. Территория Уфы пересечена многочисленными ручьями и оврагами. Когда-то она была крепостью, но со временем ее укрепления пришли в упадок.

Родственники моих друзей проживали в Богоявленском и Верхоторском заводах^[528], расположенных в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Когда компания подъезжала к Уфе, один из ее участников написал мне с борта парохода: «Раньше мы жалели, что Вы не с нами, но теперь денно и ночно благодарим Всевышнего за то, что этого не случилось. Ехать в Нижний на поезде было терпимо, хотя порой довольно тесновато. Величайшая ярмарка мира была в самом разгаре, но мы так устали, что нам было не до нее, да и гида у нас не было. Поэтому мы сразу отправились на пристань и купили билет на судно. Пароход, принадлежавший компании «Самолет» (можно было выбрать четыре-пять судов покрупнее, но они шли только до Казани, поэтому нам пришлось от них отказаться), оказался очень комфортабельным. Мы взяли две отдельные двухместные каюты, а один из нас устроился в общем номере. Путешествие по Волге показалось нам интересным в силу своей новизны, но в целом было

утомительным. Один берег этой реки высокий, другой низкий, оба они песчаные и чаще всего безлесные. Волга широка и была бы более привлекательной, если бы не ее песчаные берега. Фарватер у нее извилистый, поэтому нам пришлось преодолевать расстояние большее, чем показывала карта, ибо, чтобы не сесть на мель, сначала пароход несколько сотен ярдов шел вдоль одного берега, а затем перемещался к другому. И все же мы испытывали определенное волнение, поскольку рядом шли еще три парохода, а для нашего капитана этот рейс по Волге был первым, и поэтому он, несмотря на то, что являлся владельцем судна и военно-морским офицером, был вынужден во всем слушаться своего рулевого.

Однако нам все же пришлось пережить одну из неприятностей, которые случаются во время осеннего путешествия по Волге, когда уровень воды в реке понижается. Наш пароход сел на мель при попытке обойти другое застрявшее судно. Буксиры отказались нам помочь, ибо их баржи тоже сидели на грунте, и их нужно было удерживать, чтобы они не сорвались и не врезались в наш пароход. Один из таких буксиров увяз рядом с нами, и мы оказались заблокированы. Позже он освободился из песчаного плена и снял с мели нас, поскольку без этого не мог подойти к баржам.

Следующее утро мы встретили в Казани. У нас было шесть-семь часов свободного времени, поэтому мы взобрались под палящим солнцем на крутой берег и, прошагав с полверсты по вязкому песку, сели в конку и поехали в город, который находился в семи верстах отсюда. Моя жена не выдержала этих мучений и захворала, а потому увидеть город не смогла.

В Казани мы пересели на другой пароход и проследовали по Волге вниз до Богородского^[529], затем вошли в Каму, достигли Пьяного Бора^[530], и через несколько верст после него уже плыли по Белой на восток. По моим наблюдениям, и особенно со слов пассажиров, Кама, безусловно, очень крупная и красивая река. Как и на Волге, ее берега покрыты в основном мелким ивняком, хотя встречаются густые сосновые, еловые, березовые и прочие леса. В частности, в Мензелинском уезде Уфимской губернии и на берегах Камы я видел великолепный массив, равного которому здесь нет. Он одно время принадлежал князю Ливену^[531], но был изъят казной, ибо оказалось, что приобретен незаконно^[532]. Вероятно, вы слышали об этом громком

деле, которое вызывало у моего попутчика большое омерзение, поскольку оскраило христианские заповеди.

По берегам Белой растет лес. Вблизи реки больших деревьев вроде бы немного, но имеется тьма-тьмушая прекрасных еловых, дубовых, вязовых, березовых, ивовых, осиновых и липовых рощ. Английских названий некоторых здешних деревьев я не знаю, а русско-английского словаря у меня под рукой нет. Здешние пароходы очень комфортабельные, кормят пассажиров хорошо [\[533\]](#), а стоимость поездки из Нижнего в Уфу гораздо меньше, чем Вы думали».

Позднее мой друг написал мне, как его попутчики ехали по суше: «В Уфе мы погрузили наш багаж в два тарантаса, запаслись хлебом и тронулись под веселый звон колокольчиков. Раньше я не пользовался этим видом транспорта, но проехав сначала под палящим солнцем, а потом в совершенной темноте (луна появилась не сразу) за нескольких часов сотню верст, разочаровался в нем. В пути мы смогли лишь дважды перекусить заранее припасенными продуктами и чаем с сахаром из самовара, поэтому прибыли в Богоявленский завод в час ночи страшно голодными и измученными.

Вымотавшийся, я с трудом дождался воскресенья. Мои более молодые попутчики оказались выносливее и быстро очухались, а вот моя жена почти две недели не вставала с постели. Когда я поправился, то занялся рыбалкой, удивив своей ловкостью как местных жителей, так и рыб, но потерпел фиаско, когда принялся за лососевых. Так продолжалось дней десять, после чего со своим шурином отправился на оренбургские рудники, находящиеся отсюда в двухстах семидесяти верстах. Перекусив в Стерлитамаке и дождавшись, когда жара немного спадет, мы поехали по почтовому тракту, проложенному еще во времена Екатерины II. Вдоль него тянется двойной ряд берез, которые прекрасно защищают путников от палящего солнца, поэтому я намеренно избрал именно этот путь, хотя ямщики настойчиво рекомендовали проселочную дорогу, которая была в лучшем состоянии. Что касается некогда существовавшей здесь прекрасной аллеи, то в связи с тем, что вдоль всего этого тракта имеется множество деревень, благородных деревьев уже не осталось».

О поездке из Уфы в Богоявленский завод мне написала участвовавшая в ней леди: «Из Уфы мы ехали туда на двух тарантасах, каждый из которых был запряжен тройкой лошадей. Какие здесь

очаровательные холмы и прекрасная дорога! Мы сделали остановку в одном магометанском селении, в котором живут довольно странного вида люди – татары. Особенно необычно выглядят их женщины. Богоявленский завод – исключительно живописное место. Эдди и я часто совершали конные прогулки по его окрестностям. Поселок стоит на р. Усолка, в равнинной местности, окруженной горами, которые покрыты огромными массивами лесов. Примерно в четырех верстах от дома дяди Эдуарда имеются минеральные источники^[534]. Мы часто ездили туда, ибо дорога тут хорошая, а пейзаж изумителен, собирали с земли образцы руды. Верстах в восьмидесяти отсюда находится Верхоторский завод. Мы с братом съездили туда, хотя нам говорили, что там нечего смотреть. Однако оказалось, что горы вокруг этого завода тоже довольно высокие, а лесов не меньше, чем в Богоявленском. По пути нам встречались густые заросли ивняка невероятной красоты. В Верхоторском заводе мой дядя, брат и я верхом на лошадях, а дети в повозках отправились на пикник. Мы заехали на вершину одной из самых высоких гор^[535] и устроили там чаепитие из самовара. По одну сторону от нас был великолепный лес, а по другую колосились пшеничные, овсяные и ячменные поля. Между ними и еще одним лесным массивом виднелись две-три речушки^[536]. У меня нет слов, чтобы описать эту красоту».

Как подготовиться к поездке в Восточную Россию

Как я уже писал выше, чтобы уговорить меня поехать с ними, мои друзья пообещали посетить не только леса Богоявленского и Верхоторского заводов, но и Оренбург на южной окраине этой губернии^[537] и даже кусочек Сибири. Конечно, они готовы были пойти на это ради меня, но сам план был вполне реальным. О том, как они добирались до Оренбурга, мне написал один из них: «Продолжаю свой рассказ, правда, воспроизвожу все по памяти. Мимо нас проносились деревни, в одной из которых живут башкиры, в другой – татары, в третьей – русские, в четвертой – чуваша (о мордовских и прочих нам рассказывали, но их мы не видели). Горы мелькали слева от нас, многие из них были красивыми, но почти без деревьев. Затем горы появились справа, и вскоре наступила ночь. Утро мы встретили на почтовой станции Уральская^[538]. В темноте мы пересекли отрог Уральских гор,

лежащий перпендикулярно главному хребту. Был ли он высоким, я сказать не могу, ибо во мраке не было видно ничего, кроме мириад звезд, – настоящий рай для астронома, если, конечно, он в них не затеряется. Сутки мы ехали почти прямо на юг, от, насколько помню, 87° до примерно 32° сев. широты, и где-то по 74° вост. долготы. В Уральской я, ожидаю замену лошадей, решил, как обычно, прогуляться, намереваясь пообедать на следующей станции. Действительно, я неплохо размялся и даже успел искупаться в речке^[539] неподалеку, но перекусить смог только по прибытию в конечный пункт нашего маршрута – степь, по которой мы ехали, оказалась безлюдной, хотя до этого местность была густонаселенной. Переправившись через р. Салмыш, мы прибыли в район рудников^[540], население которого, замечу, уже переходит к земледелию – выращивать зерновые выгоднее, чем добывать медь. Деревьев здесь я почти не видел, хотя может быть просто не заметил их из-за невысоких, но пологих гор, напоминающих застывшие волны Тихого океана или Атлантики.

На этом я умолкаю. За эти дни мы преодолели под палящим солнцем шестьдесят верст, питались раз в день, в результате чего у меня поднялась температура и начались желчные колики, поэтому от поездки в Оренбург, осмотра рудников и поиска окаменелостей пришлось отказаться, а я так об этом мечтал! Спустя четыре дня меня отправили обратно, но по пути я заехал в Верхоторский завод мистера Пашкова. Здесь я понял, насколько удобно путешествовать на тарантасе. Мой шурин, который сопровождал меня, со знанием дела постелил в нем сено, и я всю ночь ехал на мягкой подстилке. Моя хворь прошла, и утром я даже смог искупаться в реке. Но затем опять пришлось пять-шесть часов мчаться под палящим солнцем на плохих лошадях и по ужасной дороге, поэтому в конечный пункт путешествия я прибыл совершенно разбитым и нуждался в лечении.

Эх, какую возможность пополнить свои познания в ботанике и геологии я тогда упустил! У меня не было при себе соответствующих справочников, и я не владел опытом составления гербария. Мне встречались незнакомые растения. В Казани я сорвал голубой цветок, в изобилии растущий в Уфимской и Оренбургской губерниях. У него жесткий стебель, высотой он примерно с человеческую ногу, с рядом бутончиков, расположенных по спирали от корня до верхушки стебля. Один, реже два бутона раскрываются в простой цветок около дюйма в

диаметре, состоящий из одного ряда лепестков. Иногда цветок находится у самого корня, но чаще в середине стебля или около его вершины.

Другим растением был небольшой бледно-голубой чертополох с колючкой на вершине, но чаще всего он был покрыт колючками целиком. Я видел его повсюду, обычно на склонах холмов. Он необычен тем, что мы привыкли видеть только лепестки такого цвета, а он весь был такой. Еще одно растение я сорвал на склоне холма, а в лесу обнаружил множество их. Думаю, что Вы отнесли бы его к камышам или сусакам – у него, насколько помнится, был круглый стебель с сочными листьями, длинный и с круглым соцветием на верхушке, состоящим из множества кроваво-красных цветков, по форме напоминающих чертополох. Однажды, проезжая по лесу, я заметил подобие садовых флокс, но не решился сойти с повозки, чтобы получше рассмотреть их – меня предупредили, что в этих местах бродят медведи, а в траве полно змей.

По берегам Белой, через которую мне приходилось не раз переправляться, встречались заросли дикого хмеля. В этих местах выращивают пшеницу, просо, гречку, коноплю, овес, немного льна и ржи».

Мой друг постоянно жаловался, сколь мучительно путешествовать на тарантасе, если багаж плохо закреплен. В отличие от телеги у этого транспортного средства имеется откидной верх, козырек и четыре колеса, оси которых соединены двумя длинными пружинящими жердями, а кузовом является старенький фазтон или распиленная вдоль большая бочка. В этой связи процитирую рассказ Хепуэрта Диксона^[541] о его поездке по лесам Архангельской губернии, который я приводил в своей книге «Лесные уголья и лесное хозяйство Северной России»: «Единственный интерес для меня представляла дорога, идущая то по песку, то по склизкому грунту, то по лугам, то по бревенчатому настилу. Я проехал тысячу верст, из них сто по бревнам, двести – по песку, триста – по траве, а четыреста – по ручьям и топям. Езда по песку ужасна, но по бревенчатому настилу она вообще невыносима. Однажды мне показалось, что мой багаж плохо уложен, и я решил разместить его поудобнее. Дорожный сундук – незаменимая вещь в поездке: днем на нем сидят, а ночью спят. Но ни перекладывание сложенных в него пожитков, ни обкладывание его сеном и соломой, ни задабривание

мехами и кожами не смогли усмирить мятежный дух этой вещи. Сундук скользил и подпрыгивал подо мной, всякий раз причиняя боль. Умасливать его кожами бесполезно, успокаивать пучками соломы бессмысленно. Привяжешь его веревками и ремнями, а он все равно норовит покуролесить. В чем его вина? В том, что он хотел ехать по-человечески, а его грубо бросили в повозку и приказали смирно лежать, когда тарантас скачет по бревнам и камням? Еще хуже поездку переносят мои старые кости. Они страдают от круглосуточной тряски, выскакивают со своих мест, стираются в пыль и превращаются в желе. Впрочем, я присматриваю за ними лучше, чем за сундуком, и когда они уже собираются взбунтоваться, обещаю взять их в поездку на Биттер Крик^[542]»^[543].

Относительно размещения багажа в тарантасе д-р Ланз-делл^[544] в своей книге «По Сибири» пишет: «Снарядить экипаж легко, нужно только знать сибирские реалии. Не берите с собой ящики: от ударов об их края и углы у вас образуются синяки на спине и ногах. Лучше возьмите плоские саквояжи и мягкие сумки, положите их на дно тарантаса на слой сена, поверх бросьте тонкий тюфяк и коврик, который кладут перед камином. По прибытию в Тюмень нас окружили женщины, предлагавшие купить эти коврики. Я не знал, для чего они нужны. Если бы со мной была леди, можно было бы предположить, что они приняли за молодоженов, совершающих свадебное путешествие, и поэтому решили предложить вещь, полезную в домашнем хозяйстве. Не разобравшись, я прогнал их прочь, но когда мне объяснили предназначение этих ковриков, то пожалел, что не приобрел их. В заднюю часть экипажа положите две или более пуховые подушки, только закажите их заранее. Если у домохозяйки они есть в наличии – она привезет их в Екатеринбург на рынок, но если вы попытаетесь приобрести эту вещь сразу, то нигде ее не найдете.

После этого садитесь в тарантас, накрывайте ноги ковриком и наблюдайте за снаряжением лошадей. Сибирские почтовые лошадки неказистые, но очень выносливые. Их шкуры, вероятно, никогда не знали скребницы^[545], но благодаря уговорам, ругани, крикам и кнуту они несутся со скоростью, которая в Англии считалась бы бешеной. Их запрягают по две-четыре, а то и по пять и более в ряд. Русская упряжь является сложной конструкцией, самый примечательный ее элемент – дуга, которую закрепляют над шеей лошади. Иностранцу может

показаться, что она сильно мешает животному, но на самом деле эта деталь удерживает все сооружение. Оглобли крепятся к концам дуги, а хомут, который лошадь тянет за собой, привязывается к дуге с обеих сторон. Оглобли поддерживаются седелкой и чересседельником, закрепленным на спине, и не касаются тела животного. Центровая лошадь запряжена только в оглобли, другие по ее бокам называются «парой» (независимо от количества) и крепятся к повозке постромками. Обязательно приобретите на рынке примерно двадцать ярдов веревки в дюйм толщиной, которая может понадобиться для замены постромок, которые частенько бывают тонкими и гнилыми. Желательно взять несколько сажень веревки диаметром полдюйма – она пригодится, если потребуется подвязать колесо в случае его поломки, еще один кусок веревки будет нужен для ремонта оглобель и дышла. И не забудьте захватить топор. Как только ямщик (так русские называют извозчика) садится на свое место, лошади сразу же срываются в галоп. Иногда даже приходится держать их за узду, чтоб они не понесли. Теперь начинаются ваши страдания.

Когда в Нижне-Тагильском заводе мы спустились на шестьсот футов^[546] в медный рудник^[547], а затем поднялись на поверхность, нам сказали, что что завтра нам предстоит еще более глубокий спуск. Нашли чем пугать! После езды на тарантасе уже ничего не боишься: плохие дороги и отсутствие рессор создают такую тряску, что одно только воспоминание о ней сразу вызывает боль. Особенно мучителен спуск с холма, через ручей у подножия которого проложен мост из жердей. У тарантаса нет тормозов, две боковые лошади соединены мягкой упряжью, а коренник не имеет шлеи, поэтому вся нагрузка ложится ему на хомут. Медленно тронувшись, тарантас постепенно набирает скорость: во-первых, коренник не может тормозить, а во-вторых, ему нужно разогнаться, чтобы въехать на холм. Поэтому все лошади переходят в галоп. Мост приближается и тут наступает ответственный момент. Почти наверняка дождь размыл землю на добрых шесть дюймов ниже первой балки моста, поэтому колеса в нее врезаются, и только они выберутся из ямы, как нас ожидает новый удар – это в нее попали задние. В этот момент пассажир и ямщик подскакивают вверх. Я прекрасно знаю, что это такое, поскольку во время поездки на Онежское озеро мне пришлось снять с повозки ее будку, чтобы не разбить о нее свою голову. К счастью, не все дороги

такие ужасные, и я могу сказать, что в Тобольской и Томской губерниях ямщики старались по мере возможности избегать их, съехав на тропинки и просеки, где, правда, кочки и поваленные деревья, ямы и канавы тоже не позволяют скучать. Что касается дорог в Енисейской губернии, то они выше всяческих похвал и считались бы в Англии добротными. В Иркутской губернии они хуже, а в Забайкалье вовсе чудовищные, кроме того, бурятские ямщики будут нещадно мчать вас по холмам, скалам и камням.

Кроме плохих дорог есть многочисленные ручьи и реки, и далеко не через все из них проложены мосты. В одних случаях ваш экипаж будет переходить их вброд, в других – переправляться на пароме, причем лошади преодолевают реку вплавь. Иногда в начале весны паводок уносит или разбивает паромы, и тогда их временно заменяют баржами. Именно на ней мы переправлялись через Томь. Заехав на нее, мы опустили капот тарантаса, чтобы защититься от ветра. В эти минуты я впервые ощутил страх, который прошел лишь когда мы благополучно сошли на противоположный берег.

Езда по Сибири довольно дешева. В западной ее части, где имеется множество пастбищ, аренда одной лошади составляет примерно полпенни за милю, но в Восточной Сибири она в два раза выше. Лошадей меняют примерно через десять-пятнадцать миль, и всякому новому ямщику нужно давать чаевые: от их размера зависит скорость вашей езды. Обычно ограничиваются десятью копейками, но мы дали пятнадцать, потому делали по сто-сто тридцать миль в день. Проезжать летом две сотни верст в сутки считается везением, и иногда это нам удавалось, но русский купец, спешащий на зимнюю ярмарку, чтобы выручить больше денег, может дать на чай целый рубль. Общеизвестно, что сибиряки любят быструю езду и не жалеют лошадей. В Тюмени нам рассказали о генерал-губернаторе Восточной Сибири^[548], которого покойный император лет двенадцать назад срочно вызвал в Петербург, а это в 3,7 тыс. миль от Иркутска. Генерала укутали в медвежью шкуру, посадили на сани и через одиннадцать дней он уже был в столице. Когда в ходе этого марафона лошадь падала замертво, у нее для доказательства этого отрезали ухо, и путь продолжался. Губернаторам выделяют для поездок лучших лошадей, которых меняют чаще, чтобы не загнать.

Узнав о транспортных средствах, лошадях и дорогах, вы можете спросить, а как обстоят дела с проживанием путешественников и платой за это? Почтовые станции, как и лошади, являются казенными. Лучшие из них напоминают просторный дом английского фермера или сельский постоялый двор, худшие немногим отличаются от амбара. Во всех них с одной стороны входа расположена комната для почтовых служащих и их семей, а с другой – одно или несколько помещений для путешественников. Минимум, на который путники могут рассчитывать в своей комнате, – это стол, стул, подсвечник, кровать (или скорее скамейка – с обивкой, если станция добротная, и голые доски, если бедная), икона, зеркальце и помещенные в рамку разного рода объявления, в том числе прейскурант на мясо и напитки. Ни за какие деньги вы не приобретете что-то поизысканнее, однако власти заставляют всех почтмейстеров содержать трактир, и тогда там можно питаться деликатесами, если, конечно, они имеются в наличии. Но свой угол и минимум еды у вас всегда будет. На любой почтовой станции вас обеспечат кипятком, и, вероятно, куском черного хлеба, но все остальное – по возможности. В Западной Сибири молока и яиц много, они очень дешевы, особенно яйца. Если вы прибудете на станцию в обеденное время, у вас есть шанс получить мясо, но вот сможете ли вы его есть – это другой вопрос. Лучше ехать с собственными продуктами. Зимой мясо везут с собой в замороженном виде и перед приготовлением отрубают от него куски, но вернее будет взять с собой замороженные мясные пирожки – перед употреблением их на несколько минут бросают в горячую воду. Так же поступают с замороженными сливками. У вас обязательно должны быть при себе чай, сахар, немного мясных консервов, свежее масло, паштет из кильки и мармелад для намазывания на черный хлеб. Эти продукты, а также покупаемый в больших городах белый хлеб составляли основу нашего рациона. Иногда в пути удавалось поесть нормально, но чаще всего приходилось терпеть до ближайшей почтовой станции. Это, конечно, относится к местам, удаленным от городов на сотни километров – в крупных населенных пунктах таких проблем нет»^[549].

Часть II

На Урале

Край и его население

Севернее Уфимской расположена Пермская губерния, на территории которой находится большая часть Уральских гор, – в частности, их восточные отроги, знаменитые своими рудниками и горными заводами, которые благодаря соседству с лесами приносят большую прибыль своим владельцам и казне.

В начале этой книги мы мысленно отправились по маршруту, которым обычно следуют все направляющиеся из Санкт-Петербурга в Уфимскую губернию, но если продолжить плыть по Каме, то в итоге попадешь в Пермь, административный центр одноименной губернии.

Герберт Барри^[550] в своей книге «Россия в 1870 году» пишет: «Отсюда (т. е. из Нижнего Новгорода, местопребывания знаменитой ярмарки, где наши путешественники пересели с поезда на пароход. – Д. Б.) пароходы ежедневно отправляются в Пермь, преодолевая это расстояние всего лишь за неделю. Конечно, эти небольшие суда не могут сравниться с плавучими дворцами «Пининсьюлэр энд ориентэл стим нэвигейшэн кампэни»^[551], но они содержатся в чистоте и удобны для путешествий.

Кормят там обильно и за умеренную плату. Любопытный путешественник не пожалеет, что провел неделю в этом речном круизе. Несколько городов, встречающихся на пути, скрашивают однообразие поездки, да и здешний ландшафт не такой уж унылый, однако я не могу согласиться с теми, кто считают, что Кама, которая расположена несколько ниже Казани, просто великолепна. Видимо, у этих людей не столь высокие критерии красоты, как у меня.

Из Перми достаточно легко попасть в любую часть Сибири. Это, конечно, немного утомительно, но тут все во многом зависит от настроения человека, потому что здесь много прекрасных пейзажей, гор, лесов и водоемов, которые позволяют не обращать внимания на небольшую тряску, особенно путешественникам, прибывшим из равнинной части России, у которых даже крутая гора на горизонте вызывает интерес, а

усталый глаз тщетно выискивает вокруг нечто особенное на фоне постоянного однообразия бескрайней песчаной или покрытой травой степи.

Лучшим сибирским городом я считаю Екатеринбург^[552], находящийся на границе между европейской и азиатской Россией, что дает ему немало преимуществ. Иркутск тоже красив, но Екатеринбург лучше в нескольких отношениях. В нем проживает двадцать пять тысяч душ, у него великолепная архитектура, несколько прекрасных церквей и множество кирпичных и каменных зданий (некоторые из них напоминают дворцы), а также монетный двор и крупные металлургические заводы, принадлежащие казне. В нем также имеются театр, Дворянское собрание и два удивительно хороших отеля. В целом его нельзя назвать населенным пунктом на окраине цивилизации, находящимся вблизи азиатского варварства. В великолепном местном отеле я со вкусом поглощал ужин, и мои блюда совершенно не отличались от тех, что подают в Европе.

Благородное общество имеется во всех сибирских городах, и время в них всегда проходит весело, а неизменный и хороший климат дополняет это удовольствие»^[553].

Многие не поверят рассказам о комфорте и роскоши в Екатеринбурге, но если бы у меня была возможность, то я бы расхваливал его до тех пор, пока мои слушатели не взмолились: «Как жаль, что мы там не были!» О природе тех мест Барри пишет: «Леса там летом красивые. Днем жарко, но вечером всегда прохладно и влажно. Повсюду во множестве растут дикие цветы. В лесах в огромном количестве собирают и отправляют на рынки соседних городов клубнику, малину, смородину, вишню и многие другие виды диких съедобных ягод»^[554]. Говоря о природных богатствах этих мест, он отмечает: «Здесь имеются золото, серебро, медь, свинец, железо, уголь, соль и девственные леса. Я ежедневно преодолевал много миль по бесконечным дремучим зарослям, изучая местные природные ресурсы, забирался на самые высокие горы, и до самого горизонта видел лишь одни леса, покрывающие холмы и долины. Их еще предстоит освоить, они никем не тронуты, их столько, сколько нужно человеку, и эти богатства ждут топора переселенца, как только в результате недавней отмены русским правительством крепостного права волна колонизации хлынет в Сибирь.»^[555].

Мой покойный друг мистер Уилкинсон был толковым инженером, много путешествовавшим по России и Сибири, там, где требовались его знания. Помогая мне составить общее представление об Урале, он писал: «Я не буду утомлять Вас скучными рассказами о разработке минеральных и растительных ресурсов этой области. Скажу только, что в округности, составляющей примерно три тысячи миль, вы найдете все разнообразие древесных пород, характерных для умеренной зоны.

Чтобы узнать эту местность, нужно ехать на лошадях по проселочным дорогам, а не на паровозе. Медленно объезжая горные склоны Кушвинского, Невьянского, Полевского, Уфалейского, Нязе-Петровского, Узянского, Златоустовского, Миасского и ряда других заводов, я всякий раз был очарован и заворожен разнообразным пейзажем и живописностью этих мест. Здесь присутствуют деревья с разнообразной листвой, цветы всех оттенков, мхи, папоротники и травы изящной формы. Если вы взберетесь на вершину горы, вам откроется великолепная панорама на многие сотни квадратных верст, реки и озера, леса и равнины, стада и засеянные поля. Каждый куст и каждое дерево издают восхитительную трель тысяч неподражаемых соперников коноплянки, соловья, скворца и дрозда. Прелесть этой картины может усилить тихий город или оживленный завод вдали с их красиво окрашенными крышами, позолоченными куполами и сверкающими шпилями.

Я часто останавливался, чтобы насладиться величием этих зрелищ, и, подобно поэту, спрашивал у себя: "Может ли воображение при всех его возможностях создать подобное?" Я выходил из своей повозки и собирал неизвестные мне образцы минералов, вспоминая слова Того, кто понимал книгу природы лучше всех: "Говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них"^[556]».

Попутно мой информатор прислал мне небольшую заметку о сказочном оазисе, созданном в этих местах одним из наших соотечественников, заставившую вспомнить и о других здешних инженерах— англичанах^[557]. Это настолько меня увлекло, что я чуть не забыл, что вообще-то являюсь лесоводом, хотя почему мне всегда нужно думать только о лесе? Итак, мой информатор писал мне: «Однажды я получил от своего работодателя записку, в которой он приглашал меня поехать с ним и его друзьями Рязановыми^[558] на их

дачу, т. е. загородный дом, расположенный примерно в четырнадцати верстах от Екатеринбурга^[559]. Нас было четверо. В тот день моими спутниками были уральские миллионеры. Интересно, отправились бы английские богатеи отдыхать вместе со своими работниками? День был восхитительный, мы ехали по великолепному главному сибирскому тракту в одно из самых красивейших мест, которые я когда-либо видел. Там были длинные и тенистые аллеи серебряной пихты, плачущей березы, душистой ели, цветущей липы, изящного тополя, и самого красивого из деревьев – сибирской горной рябины. На территории дачи находились парк и луг, озеро и водопад, журчащие фонтанчики с водными растениями и рыбой. По зеленым лужайкам мимо цветущих кустарников и кочек с однолетними цветами струились ручейки. Здесь не было никаких искусственных садов камней, какие я, например, видел в Чатсуорте^[560]. Стараниями дикой природы и человеческих рук была создана цельное яркое зрелище, которое нельзя описать словами. Все это венчал изумительно красивый усадебный дом^[561]. Соседние крестьянские избы, кухня, сад, конюшни и надворные постройки были спрятаны за деревьями, кустарниками и валами, органично дополняя старинного вида здания^[562].

Во время роскошного ужина, устроенного по такому случаю в соответствии с русским обычаем, мне рассказали об истории этого поместья. Оказывается, во время своего пребывания на Урале Александр I ^[563] встретил здесь английского механика, мистера Меджера^[564], который так понравился императору, что тот наградил его не орденом, а поместьем^[565], которое англичанин позднее превратил в земной рай. Здесь всюду чувствуется английский дух, характерные для нас стиль и аккуратность. Фантазия у чумазого техника была не хуже, чем у английского лорда!

А вот еще одна история, характеризующая этого человека и демонстрирующая характерный британский юмор, от которого невозможно избавиться даже в Сибири. Однажды Меджеру сообщили, что на почте его ожидает ценная посылка. На следующий день он взял экипаж и отправился за ней, но когда дома вскрыл ее, то обнаружил завернутый в несколько слоев красивой папиросной бумаги старый грязный лапоть, который носят мужики! Меджер спокойно положил его в карман, сразу догадавшись, что сей «презент» прислал один местный

инженер-англичанин, который сильно завидовал его успехам. Механик вызвал свою старушку-экономку и спросил у нее:

– Можно ли доверить тебе одно щекотливое дельце?

– Я уже много лет служу Вам, – ответила она. – Чего изволите?

– Учти, если ты кому-то проболтаешься, я тебя выгоню без выходного пособия! – заявил он.

– Да, я поняла. Говорите!

– Ну и славно! А теперь возьми этот лапоть, хорошенько его вымой и разотри в мелкий порошок.

– А что потом? – удивленно спросила служанка.

– В свое время ты узнаешь, – загадочно ухмыльнулся Меджер. – Я хочу устроить большой пир, и ты должна приготовить еду наилучшим образом, особенно выпечку.

...Ужин прошел великолепно. Русским очень нравятся английские ростбиф и сливовая запеканка. Все были в восторге от этих блюд. Но о посылке хозяин молчал. Сидевший в конце стола человек, которого Меджер подозревал в этой провокации, не выдержал и спросил у него:

– Мистер Меджер, говорят, что на днях Вы получили какой-то ценный подарок? Это был указ? Или Вам опять подарили поместье? Расскажите, не испытывайте нашего терпения!

Тут он захихикал, и остальные тоже стали смеяться – видимо, некоторые уже знали о содержимом посылки и надеялись выставить Меджера на посмешище. Но механик, оставаясь невозмутимым, тихо произнес:

– Прежде чем я отвечу на ваш вопрос, скажите мне, понравилось ли вам мое угощение?

– А это здесь причем? Какого черта! На что Вы намекаете, мистер Меджер? – присутствующие заподозрили недоброе.

– Ну, вам лучше знать, вроде бы вы остались довольны ужином, коль съели все блюда. Обрадую вас – мой повар измельчил и добавил в начинку выпечки грязный старый лапоть, который вы мне прислали. И как смачно все его уплетали!

О, что тут началось! Одни пришли в ярость, других, особенно леди, стало рвать, и все кричали механику, что он мерзкая, грязная, старая свинья. Но большинство гостей хохотало до упада, удивляясь остроумию хозяина дома.

Однако спокойная жизнь Меджера продолжалась недолго. На территории его усадьбы нашли месторождение золота, и император Николай I разрешил англичанину добывать его. Но, как нередко бывает, добрые намерения порождают зло. Меджер, нарушая закон и игнорируя советы друзей, хранил золото в своем кабинете. Одно время его там было на сто тысяч рублей.

Однажды воскресным вечером^[566], когда он лежал в постели и читал на сон грядущий Библию, в коридоре раздались какие-то звуки. Несколько раз спросив «што там за шеловеки?» и не получив ответа^[567], англичанин со свечой в руках пошел к двери. Едва отворив ее, он сразу получил смертельный удар топором по голове^[568], после чего злодеи^[569] забрали ящик с золотом^[570]. Расследованием убийства занялся специально назначенный императором генерал, который был почитателем и другом Меджера^[571]. Он нашел похищенное золото^[572], продал поместье покойного нынешним владельцам Рязановым, а потом отправился в Англию, где разделил достаточно солидное состояние убитого механика между его родственниками. Непосредственного убийцу приговорили к прогону сквозь строй солдат со шпирцутенами, в результате чего он умер, а его сообщников сослали на вечную каторгу в Сибирь. Оказалось, что прежде чем убить Меджера, они расправились с его старым верным слугой^[573] и с не менее преданной механику экономкой^[574]. Примечательно, что Библия, которую Меджер читал в час убийства, была раскрыта на двенадцатой главе Евангелия от Луки, где есть такие слова: «У одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих?». Вероятно, убитый успел прочитать и пророческую фразу: «В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» Меджер оставил после себя хорошую память на Урале^[575]».

Благодаря своему другу я многое узнал об уральских инженерах-англичанах, некоторые из которых были довольно чудаковатыми людьми. Без их упоминания описание местного ландшафта будет неполным, но, если читателю это все же будет неинтересно, он может пропустить эти страницы. Итак, мой друг продолжал: «Расскажу еще одну, но уже не трагическую историю про другого нашего земляка. Одно время главным механиком Уральского горного правления в Екатеринбурге работал уроженец Ньюкасла^[576], сотрудниками которого

тоже были англичане – хорошо известные на Урале кузнецы, механики, слесари и т. д. Упомянутый инженер тоже удостоился небольшого подарка от нынешнего императора, и к моменту ухода в отставку его состояние оценивалось тысяч в шестьдесят рублей. Этот джентльмен, подобно многим из нас, был чревоугодником, и в первую очередь старался хорошенько поесть, поэтому обладал телосложением Фальстафа^[577]. По роду своих занятий ему приходилось разъезжать по заводам, и он всегда брал с собой слугу, повара и все необходимое для комфортной поездки. Его неуклюжая колымага, запряженная четверкой лошадей, была сконструирована так, что на ночь превращалась в спальню, а днем могла использоваться в качестве столовой. Ее багажник всегда был забит винами, провизией и всяческими деликатесами.

Однажды ночью этот инженер сделал остановку где – то между Екатеринбургом и Алапаевскими заводами, поужинал и лег в своей повозке спать. Его слуги решили немного развлечься и вместе с ямщиком ненадолго отлучились. Через некоторое время брошенные людьми лошади медленно поплелись домой, и вскоре достигли спуска с крутого холма. Неуправляемый и неповоротливый экипаж на огромной скорости с грохотом понесся вниз. Шум и тряска разбудили бедного Питера, который, испугавшись, открыл окно и стал кричать, не понимая, почему его экипаж мчится с бешеной скоростью. Понимая, что в любой момент повозка может свалиться в овраг или налететь на пень, он выскочил из нее, полагая, что набить синяки и вывалиться в пыли все же лучше, чем разбиться насмерть. Но тут его сразу атаковали огромные муравьи, комары, осы и оводы. Он начал кататься по земле, чтобы защититься от их укусов, и в это время заметил едущую на лошади женщину, которая направлялась на сенокос. Но она, видя катающуюся по земле огромную тушу, испугалась и повернула обратно, решив, что это черт. Тогда несчастный Питер закричал ей вслед: "Стой, стой! Матушка, матушка! Ради Бога, пожалей меня и дай свой кафтан, чтобы укрыться от этих гадов!" Поняв, что перед ней человек, она попыталась ему помочь, но тут, запыхавшись, прибежали трое его слуг. Обнаружив пропажу лошадей и барина, они помчались за ними. Оказалось, что конный экипаж совершенно не пострадал. Слуги умоляли пощадить их, клялись, что больше такого не повторится, но Питер, приехав домой, велел всыпать им порцию розог, чтобы они

осознали его страдания. Поскольку тогда физические наказания были разрешены, он, сказывают, частенько прибегал к ним. Это был бездушный, черствый человек, никогда не прощавший никому ошибок. В отличие от Меджера, он не пользовался уважением окружающих».

Мой друг далее писал: «Если бы у меня была возможность, то я кое-что бы рассказал о привычках и обычаях здешнего русского купечества и чиновников, нравах и вере раскольников, первоучеников и приверженцев Торжественной лиги и Ковенанта^[578], которых здесь очень много. Можно было бы поведать о способе изготовления прекрасного и гладкого листового железа, жизни заводских работников, салотопном производстве и выделке овчин, Корпусе горных инженеров, императорских гранитных и мраморных фабриках, гранильных производствах, огранщиках драгоценных камней и граверах, монастыре в Екатеринбурге, наших соотечественниках, городах и людях в целом. Однако это невозможно сделать по причине огромного размера и разнообразия этой территории. Я еще мог бы сообщить о ссыльных и каторжанах в Сибири, о своих поездках к полудиким чувашам, черемисам, мордве и т. д.

Возможно, Вы скажете, что я нарисовал не очень положительный портрет русских, поэтому сейчас вкратце расскажу о хороших. Русские – простодушные и неиспорченные чужеземным влиянием люди, особенно таковыми являются помещики и жители глубинки. У них, в отличие от нас, множество положительных черт. Безусловно, русские являются для меня загадкой, в них одновременно присутствуют чистота и грязь, аккуратность и неопрятность, скупость и расточительство, скромность и хвастовство, образованность и тупость, воспитанность и хамство, пунктуальность и разгильдяйство, непримиримость и снисходительность, исключительная богобоязненность и аморальность, ранний подъем и сон до обеда. Иногда они напоминают мне вольтеровских англичан^[579]. Русские – пенные на поверхности, мутные на дне, прозрачные и чистые в середине. Пообщавшись полтора года со всеми их слоями, я могу твердо заявить, что это самые вежливые и обходительные, добродушные и учтивые, гостеприимные и милосердные, веселые и жизнерадостные, счастливые и неунывающие, терпеливые и снисходительные, беззлобные и великодушные люди из всех, которых я когда-либо встречал, а их помещики – образец

добросердечия и щедрости. Да, «Россия! Люблю тебя, какой бы не была!»^[580]»

Я знаю своего информатора давно и могу поручиться, что все сказанное им – истинная правда.

Уральские горы

Уральские горы представляют собой огромный хребет с многочисленными ответвлениями не менее тридцати миль, а то и до ста двадцати миль в ширину, который простирается на девятьсот миль от Карского моря до примерно пятидесятой параллели на юге. Север Уральских гор выше шестьдесят пятой параллели покрыт лесами и болотами. Между пятьдесят восьмой и пятьдесят шестой параллелями он не превышает 1350 футов в высоту, а его подножие в этих местах расположено в девятистах футах над уровнем моря. Севернее эти горы не превосходят 5,9 тыс. футов.

Здесь леса являются частью лесного массива, охватывающего Норвегию, Швецию, Финляндию и русские Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Пермскую и Уфимскую губернии, причем его уральский участок сосредоточен в трех последних.

На севере Вятская губерния граничит с Вологодской, а на востоке – с Пермской, причем последняя тоже имеет границу с Вологодчиной. Площадь Вятской губернии составляет почти 54 тыс. кв. м, большое пространство ее занимают ответвления Уральских гор, болота и огромные лесные массивы. Почва здесь в целом глинистая, но в Прикамье есть места, пригодные для земледелия. Вятский климат холодный, особенно на севере, однако местные жители, относящиеся к финским народностям, являются прилежными земледельцами и поставляют в другие регионы значительное количество зерновых. Отсюда же на рынки поступают дрова, лесоматериалы, смола, дичь, гончарные изделия, мед, воск, медь и железо.

В губернии имеются несколько судоходных рек, в том числе Кама, Вятка, Чепца и Кильмезь. Столицей ее является г. Вятка, расположенный у слияния рек Вятка и Хлыновка, его население насчитывает восемь тысяч жителей. Отсюда отправляют в Архангельск зерно, лен, льняное масло, сало, мед и воск. Река Вятка берет свое

начало на востоке губернии, и, преодолев пятьсот миль через города Вятка, Орлов, Котельнич, Малмыж и Мамадыш, впадает в Каму недалеко от последнего населенного пункта. Ее главными притоками справа являются Кобра, Летка, Великая и Молома, а слева – Чепца и Кильмезь.

В Пермской и Вятской губерниях в изобилии представлены сосна, пихта, березы, лиственница, кедр, рябина, бузина, осина, липа, дикая яблоня, малина, черная смородина и т. д. Они местных сортов, крупные, правильных форм и приятны на вид. В Пермской губернии леса занимают 22,087 млн десятин (77,9 десятин на 1 кв. версту земли), из них 13 130 310 десятин (45,1 десятин на 1 кв. версту земли) принадлежат казне. Ежегодно с одной десятины казенных лесов заготавливают 6,7 куб. футов леса, что приносит 2,6 коп. прибыли. На западе эта губерния граничит с Вятской, а на севере – с Вологодской губерниями, находясь прежде всего в европейской и отчасти в азиатской части России. В большинстве своем это покрытая дремучими лесами холмистая территория площадью 128 978 кв. миль. На более чем четырехста пятьдесят миль с севера на юг ее пересекает Уральский хребет, ширина которого в этих местах составляет от семи до семидесяти миль. Здешние реки впадают в Каму, а в Зауралье – преимущественно в Обь, несущую свои воды в Северный Ледовитый океан. В Пермской губернии имеется около тысячи озер, в основном в Зауралье.

В местных лесах обитают обладающие ценным мехом соболь и куница, а также медведи и прочие хищники. На плодородных почвах юга-востока Пермской губернии возделывают рожь, ячмень, овес, лен и картофель. Хотя летом здесь относительно тепло, холодные горные ветры зачастую наносят ущерб посевам, поэтому значительная часть земель используется под пастбища. Большинство населения занимается животноводством, а примерно сто тысяч человек добывают железо, медь, платину, золото, серебро, соль, мрамор, агат и магнитный железняк.

Административный центр губернии, г. Пермь, расположен у слияния Егошихи с Камой, русло которой в этом месте глубокое, а течение быстрое. Население города составляет десять тысяч человек, дома в основном одноэтажные, деревянные, окружены четырехугольным двором, однако имеется несколько каменных домов и

общественных зданий. Общий надзор над уральскими рудниками осуществляет находящееся здесь управление^[581].

Заготавливаемая в Олонецкой и Архангельской губерниях крупная древесина преимущественно вывозится за рубеж или в Санкт-Петербург. В Вологодской же и Вятской губерниях ее главным образом используют на месте и поставляют на внутренние рынки. В Пермской губернии основным потребителем леса является горнодобывающая промышленность, которая придает этим местам оригинальный облик. Благодаря заводам здешнее лесное хозяйство обладает определенными особенностями, о которых я расскажу.

Автор статьи об уральских горах в справочнике Фуллартон^[582] пишет о найденном в этих местах золоте следующее: «Богатая золотом во времена Страбона^[583], страна аримаспов^[584] ныне утратила эту славу. Скифский (Уральский – Д. Б.) золотой путь^[585] лишился своего значения еще в древности, поэтому русские ничего не знали о наличии в Уральских горах этого металла и не подозревали, что когда-то эти их владения снабжали им Грецию и Рим. Не сразу обнаружили здесь золото и опытные немецкие горняки. Но несмотря на все усилия русских рудокопов, золота на Урале добыто немного, примерно на полтора миллионов фунтов стерлингов. Вскоре его запасы здесь будут исчерпаны, и останется только железо и медь. А вот в Восточной Сибири отроги Алтая – в первую очередь те, которые, разделяя Лену, Енисей и другие реки, тянутся вдоль озера Байкал – за несколько лет принесли золота на сумму примерно три миллиона фунтов стерлингов»^[586].

Сэр Родерик Мурчисон пришел к выводу, что золото появилось на Урале сравнительно недавно, во времена мамонтов и ископаемых носорогов. Башкиры весьма почитают их останки и просят русских рудокопов и золотопромышленников: «Берите золото, но оставьте кости предков наших».

«Принимая в соображение краткий промежуток времени, протекший от заселения Сибири, – отмечает сэр Родерик Мурчисон, – и как недавно еще гористые страны ее были покрыты непроходимыми лесами, в которых бродили на севере идолопоклоннические племена вогулов и остяков и на юге последователи Магомета башкиры, невольно удивляться должно той необыкновенной поспешности, с какою разлилось здесь просвещение, чрез водворение европейской

людскости и горнозаводской промышленности. Петр Великий, определивший с гениальной проницательностью надежнейшие средства возвеличения своей империи, приказал кузнецу Демидову разведать железные руды в горах Уральских и тем положил основание неиссякаемому источнику богатств, извлекаемых из недр земных, столь почетно выставляющему Россию из семьи народов, ее окружающих. Древнейшие заводы, учрежденные по воле великого государя, составляют и доныне средоточия наиболее успешной деятельности и послужили образцами, по которым возведены были другие заводы и правительством, и частными промышленниками. Во времена Палласа^[587] разрабатывали только несколько золотых рудников, большая часть страны была не разведана, геология почти не обращала на себя внимание, оставаясь неразгаданною, и описания знаменитого естествоиспытателя предпочтительно рассматривать должно как верное изображение природы орудной^[588]. В этом смысле наблюдения его выдержали пробу времени, предоставив последователям его незначительный запас дополнений. С тех пор русские горные люди, переняв первые начала своего дела от иностранцев, образовали сословие самобытное, в посторонней помощи не нуждающееся, а начальники их – питомцы Корпуса горных инженеров и Горного института^[589] описали литологические признаки и разведали рудоносность страны около мест своего пребывания с большой верностью и отчетливостью»^[590].

Металлургия

«Примерно сто восемьдесят лет назад, – писал Барри в 1870 г., – два тульских кузнеца прознали об огромных запасах железа, лежавшего по всей империи почти на поверхности, о богатых лесах, которые, казалось, представляют собой неисчерпаемые запасы топлива, и о льготах, предоставляемых правительством каждому, кто возьмется за освоение этих богатств.

Имена кузнецов Демидова и Баташёва^[591] ныне известны всей империи. Это были гениальные и очень деятельные люди. Когда смотришь на то, что они сделали, оцениваешь трудности, которые им пришлось преодолеть, то не знаешь – восхищаться ли размахом и дерзостью их замыслов, или их терпению и упорству.

Демидов, построив свой первый завод в самом центре Урала – в Невьянске, вскоре основал новые металлургические предприятия. Видимо, точное число сооруженных им заводов неизвестно, а вот Баташёв оставил после себя четверть сотни промышленных гигантов, которым принадлежало примерно полтора миллиона акров земли и свыше пятидесяти тысяч душ.

После смерти этих заводчиков их владения были разделены между наследниками, поэтому сегодня они поменьше, чем при отцах-основателях. Медь в этих местах стали добывать недавно. Знаменитый Нижне-Тагильский медный рудник, первый из открытых, заработал только в 1814 г. Он расположен на месте старого демидовского завода, и принадлежит потомкам основателя этой династии по сей день. Когда выяснилось, что вся местность на азиатской стороне Уральских гор, от одного пункта к северу от Нижне-Тагильского завода до другого, на юге, вблизи Оренбурга, изобилует медной рудой, здесь возникли рудники и медеплавильные заводы.

Прямые потомки Демидова и Баташёва нажили огромные состояния. Они стали очень влиятельными, получили дворянство, высокие государственные должности и утратили интерес к металлургии, в результате чего их предприятия, порученные управителям, пришли в упадок. Со временем в результате конкуренции цены на металл упали, но обе упомянутые семьи не занимались реконструкцией своих заводов, продолжали транжирить доходы, брали кредиты, главным образом у правительства, и в конце концов многие их предприятия забрала казна. Демидовы и Баташёвы стали неплатежеспособными, чем охотно воспользовалось правительство, отобрав у них землю и заводы. Формально оставаясь частными, они управлялись казной»^[592].

Вполне можно согласиться с Барри, что подобных предприятий больше нигде нет: «Те, кто имел возможность, заняли своими заводами от семисот пятидесяти тысяч до полутора миллионов английских акров земли, образовав маленькие удельные княжества, состоящие из множества поселений, жители которых трудятся на рудниках. В старину "барин" жил как князь – в хоромах, окруженных великолепными декоративными садами и огромными прекрасными парками, у него имелись теплицы, винзаводы и оранжереи, иногда театр, и мне известен, по крайней мере, один заводчик, который обучал

своих крепостных актеров в Санкт-Петербурге и Москве. Во времена крепостного права хозяин являлся в своих владениях царем, и обладал неограниченной и бесконтрольной властью над крепостными, которые полностью зависели от его нрава и капризов: одни бары были жестокими, другие – добрыми, но последних было мало»^[593].

Благодаря Демидову и Баташёву добыча полезных ископаемых на Урале активизировалась. Здесь появились казенные рудники и заводы, прибыль которых обычно была невелика, но благодаря избытку сырья и энергичным усилиям они считались доходными. Некоторые из них до сих пор убыточны, но сейчас, кажется, сделана ставка на частные предприятия.

Мой друг, проживший здесь много лет и хорошо знакомый со здешними делами, написал мне: «В Нижне-Тагильском заводе имеется великолепный памятник первому Демидову^[594], приехавшему сюда по приказу Петра Великого для организации производства железа. Подобно этому великому государю, Демидов оставил о себе на Урале вечную память, для поддержания которой не нужно ни скульптур, ни изысканного надгробья.

Он начал свою деятельность на самом причудливом и интересном месте на Урале – Невьянском заводе, который с тех пор мало изменился. Я был на нем и видел, что там все еще делают гибкое как свинец железо и, наверное, самые лучшие в мире подковы, гвозди, лопаты, лотки и короба. По прочности и ковкости невянское железо ничем не уступает шведскому или лоумурскому^[595]. Изготовленные из него прутья до $\frac{3}{4}$ дюйма диаметром можно скручивать как веревку. Тамошнее листовое железо тонкое, как бумага, гладкое и блестящее, как зеркало, а один квадратный фут его весит всего лишь четвертую часть фунта. Все старые демидовские заводы, как правило, расположены у слияния нескольких рек. Демидов строил там плотины, высота которых зависела от рельефа; некоторые из них поднимали уровень воды на тридцать футов. Ниже плотин он возводил заводы, которые называл в честь реки, на которой они стояли. В настоящее время эти искусственные запруды представляют собой большие и красивые озера площадью десять на тридцать верст, в четыре раза превосходя площадь озера Лох-Ломонд^[596].

Если бы эти громадные лесные массивы, большие озера, неисчерпаемые месторождения и горы, иногда на восемьдесят

процентов состоящие из чистого железа, принадлежали нам, англичанам, то мы имели бы с них доходов больше, чем со всех рудников Перу, Калифорнии и Австралии вместе взятых и жили бы припеваючи. Некоторые из этих латифундий достигают размеров Йоркшира^[597], сама Пермская губерния почти что с Англию, а площадь всего Урала превышает территорию Британских островов.

Большой интерес представляют спуск воды из прудов весной и отправка караванов в Нижний. Большие аляповатые баржи строят на берегах рек ниже заводов. Зимой их ставят в узком месте реки и загружают железом. Весной, когда пруды заполняются водой, эти суда торжественно отправляют в рейс, сопровождая церемонию молебном, благословлением святой водой и т. д. В этот день столы для простолюдинов ломятся от водки и пирогов, для высшего общества – от шампанского и закусок, поскольку все собираются посмотреть на отправку каравана, некоторые даже приезжают издалека. По сигналу шлюзы открывают, освобождая пенящиеся потоки воды. Когда русло реки заполнится, под оглушительные крики присутствующих отпускают первую баржу. Затем все замолкает и начинают кланяться, креститься и шептать коротенькие молитвы, призывая Бога помочь этим двух-трем десяткам барж успешно пройти через сотни порогов, крутых излучин и внезапных поворотов Чусовой и попасть в относительно безопасную Каму. Нужно не упустить момент, когда направляешь огромные неуклюжие баржи в успокоившееся русло, иначе им придется остаться у берега до следующего сезона, а это крайне убыточно.

Стоимость доставки грузов отсюда на Нижегородскую ярмарку этим примитивным, но действенным способом составляет всего лишь 16 коп. за пуд, что намного дешевле, чем по железной дороге. К сожалению, я не знаю, сколько металла ежегодно вывозят с Урала, но мне сказали, что компании Стейнбака, Демидова, Строганова, Дружинина, Губина^[598] и других поставляют в Нижний по триста-пятьсот тысяч пудов каждая. Если бы эти месторождения принадлежали англичанам, то эта цифра была такой же, только не в пудах, а в тоннах».

На восточном склоне Уральских гор расположены знаменитые нижнетагильские рудники и заводы Демидова. Посетивший их д-р Ланзделл писал: «Ночью накануне нашего приезда в городе случился

пожар, и за семь часов выгорело семьдесят восемь домов. Простой люд обвинял в нем сбежавших из тюрьмы заключенных, которые в суматохе надеялись чем-то поживиться, однако на самом деле это была чистая случайность. Демидовские работники помогали тушить огонь и сейчас отдыхали, поэтому нам не удалось увидеть их в работе. Нас привлек карьер, где открытым способом добывается руда. Сначала верхний слой его почвы убрали с помощью взрыва, затем вырыли террасы, с которых руду, на 68 % состоящую из железа, на лошадях доставляли к печам. Мы также побывали на медной шахте, сырье которой содержит 5 % меди. Нам выдали высокие сапоги, кожаные фуражки и особые рубахи и штаны. Держа в руках лампы, мы спустились по лестницам на шестьсот футов под землю. Сверху на нас постоянно капала вода. На дне шахты стоял английский насос, откачивающий на поверхность до восьмидесяти кубических метров воды в минуту. Его обслуживают двое рабочих, которые ежедневно проводят под землей по восемь часов и получают за это примерно 15 пенни. Нам очень хотелось увидеть природный малахит. Узнав об этом, нас провели по длинным галереям, подпертым деревянными балками, туда, где работают шахтеры. Здесь мы кирками отломили кусочки этого зеленого камня.

Здесь имеется насос, откачивающий воду из рудника через шланг длиной две мили, семитонный паровой молот – крупнейшая (ее объем составляет десять тысяч кубических футов) в мире печь для выплавки железа, работающая на древесине, машины для переработки древесных стволов в дрова, которых ежегодно потребляется сто тысяч кубических сажень (т. е. больше 325 куб. футов, что в два раза превышает размеры собора Св. Павла). Сколько для всего этого нужно заготовить лесов, я не знаю, но говорят, что для нужд железных дорог Центральной России их ежегодно вырубает на девяносто тысячах акров – это почти что площадь графства Ратлендшир^[599].

На мой взгляд, лучшее железо производят только в Даннеморе^[600]. В настоящее время Демидовым принадлежат одиннадцать заводов (в том числе восемь железоделательных), на которых трудятся тридцать тысяч человек (мне называли цифру и сорок тысяч, но, вероятно, она включает в себя извозчиков, чернорабочих, и, возможно, женщин). Ежегодно заводчики перечисляют общине пять тысяч, церкви – полторы тысячи, школам – две с половиной тысячи, беднякам и старикам – три тысячи, а всего примерно двадцать тысяч фунтов

стерлингов. Жалованье здесь ниже, чем в Англии: у простых рабочих от 7,5 пенни в день, пудлинговщики получают 3 шиллинга, обслуживающие домну – 4 шиллинга, а опытные прокатчики – от 3 шиллингов 6 пенни до 6 шиллингов. Следует, однако, заметить, что все они бесплатно обеспечиваются избами и участком земли, которым владели во времена крепостного права.

В те времена Демидовым принадлежало, как говорят в таких случаях в России, "более пятидесяти тысяч душ" работников, т. е. всех лиц мужского (но не женского!) пола. Бывшие крепостные возвели на вершине горы храм в честь своего освобождения, и, по словам управителя мистера Вольстедта^[601] (который нас тепло принял), став свободными, они стали работать лучше. Я думаю, это вызвано тем, что за лень сейчас увольняют, а это пострашнее прежних побоев.

Утром мы посетили местную больницу, на которую Демидовы ежегодно тратят почти четыре тысячи фунтов стерлингов^[602]. В палате на каждого пациента, а их в тот момент было сто двадцать человек, приходится три кубические сажени (1,2 тыс. куб. футов – Д. Б.) воздуха. Поврежденные конечности были загипсованы, обработаны спиртом и камфорной мазью, но больше всего нас поразило не это, а наличие в кабинете главного врача приспособления, в котором он держал замороженные человеческие мозги, разрезал их на тончайшие пластины и фотографировал для исследования^[603]. Фотоматериалы он выписывал из Парижа»^[604].

Леса

Многие здешние заводы, являясь казенными, обеспечивались землей, крепостными, лесонасаждениями или получали право заготавливать лес. Благодаря английскому инженеру, работавшему на железоделательных заводах в российской глубинке и снабжавшему меня необходимыми сведениями, я узнал, что пожелавший построить здесь металлургический завод должен представить его проект губернатору, и только после соответствующей экспертизы получить разрешение на строительство предприятия и вырубку леса для топлива. Завод будет находиться под государственным контролем, а его владелец должен организовать возобновление лесных насаждений, вырубая их не более четверти в год. Англичанин точно не знал, относится ли эта

пропорция к площади лесов или к объему древесины, но считал последнее более вероятным. Древесина нужна для выплавки металла и в качестве топлива для заводских механизмов и грузового транспорта.

Несколько лет назад один английский инженер обратил мое внимание на статью в «Айэн: зэ джёнл ов сайэнс, метлз, энд мэньюфэкчэз» («Iron: The Journal of Science, Metals, and Manufactures»), где говорилось: «Стремясь наладить производство собственной продукции в империи, которую он хотел видеть могучей и гигантской, Петр Великий в 1700 г. поручил Баташёву и Демидову подыскать места, где можно было бы начать выпуск железа. Они, перенеяв настрой своего владыки, посвятили себя решению задачи, результат которой, учитывая тяжелейшие условия, в которых им пришлось действовать, был невероятным. По сей день негибкость и упорство упомянутых заводчиков в достижении своих целей вызывают восторг и изумление. Возможно, самым грандиозным памятником энтузиазму и гению этих промышленников являются построенные ими гигантские плотины, — сооружения, которые по праву можно считать самыми удивительными дамбами в истории. Деятельность Демидова, использовавшего энергию воды везде, где это было возможно, вскоре приобрела небывалый размах. На Урале ему уже было тесно, и он начал продвигаться со своими заводами в глубь Сибири, примерно на две тысячи верст от Невьянска.

Пока Демидов действовал на севере, Баташёв проявлял не меньшее усердие в центральной и южной России. Хотя, в отличие от Демидова, у него было больше возможностей покупать рабочие руки и по низкой цене, ему пришлось столкнуться с угрозами хозяев муромских лесов, вблизи которых он построил свои предприятия. Тем не менее Баташёв возводил железоделательные заводы повсюду, и, говорят, что железо, которое он сплавлял в Нижний Новгород, часто обменивалось на медные деньги по весу. В отличие от Демидова, который мог поставлять свою продукцию по Каме и Волге только раз в год, Баташёву была доступна постоянная навигация. Заводы Баташёва наладили выпуск листового железа, технология производства которого до сих считается сложной.

Строительство заводов привело в ряде мест России к возникновению особого института, так называемого посессионного права, при котором работники и земли принадлежат предприятию, а не

его владельцу. Об этой уникальной системе стоит сказать несколько слов. Конечно, власти до сих пор не осознают ее пагубности и архаичности, но, видимо, скоро это поймут, и такая система, тормозящая развитие промышленности, уйдет в прошлое. Посессия устанавливает определенный объем лесозаготовок, за что завод платит налог со своей продукции. Это, а также контроль за предприятиями сберегают лесные массивы, но одновременно сдерживают развитие индустрии, поскольку расширение производства контролируют власти. Ряд необоснованных требований, касающихся заготовки древесины на топливо и т. д., унижает заводовладельцев, и, наряду с обложением готовой продукции налогом, естественно, не способствует интересу к производству».

Далее будут описаны некоторые из упомянутых мер. Однако нынешнее депрессивное состояние горнодобывающей промышленности связано не только с организацией производства.

О кризисе горных заводов

«"Дурно, дурно", – говорит покупатель, а когда отойдет, хвалится»^[605]. Все без исключения жалуются на отсталость уральской металлургии. Один из моих информаторов, которому я безоговорочно доверяю, писал мне: «Объехав значительную часть Урала и побывав почти на всех основных рудниках и заводах, в том числе принадлежащих Стенбоку, Демидову, Строганову, Сухозанету, Белосельскому, Дружинину, Губину и многим другим, а также на казенных Нижне-Исетском, Миасском, Златоустовском, Кушвинском, Куяшском, Саткинском, Березовском и прочих, я только и слышал, что почти все они убыточны, погрязли в долгах и заложены правительству, а казенные рудники и заводы на грани закрытия или уже закрылись. Вы можете купить любой из них как старую вещь, заплатив в рассрочку на тридцать два года шесть процентов от первоначальной стоимости. Правда, у вас не будет топлива для них, поскольку все леса поблизости давно вырублены.

Мне не раз приходилось слышать о девственных лесах в России, но хотя я побывал во многих губерниях, главным образом лесной зоны, и на уральских заводах, однако никогда не видел этих массивов и никогда по ним не ходил. Мне говорили: "О! Они далеко отсюда". Да,

это создает серьезные трудности. Здешние леса состоят из молодняка, который запрещено вырубать. Это создало дефицит древесного угля и привело к резкому удорожанию себестоимости отечественного железа. Несколько лет назад, когда железо было очень дорогим, производить его было выгодно, но как только оно подешевело, то прибыль от его продажи упала, хотя листовое железо некоторых заводов считается лучшим в мире, потому что производится на древесном угле, придающем ему удивительные гибкость и блеск. Переход на антрацит приведет к разорению, если только не запретить импорт, о чем давно уже ведутся разговоры. Но даже в этом случае большинство уральских заводов все равно не сможет обеспечить спрос на железо: у них нет средств для модернизации производства, ибо они существуют на кредиты, предоставленные государством.

Хотите узнать, как они управляют своим делом? Заводы приступают к работе сразу после закрытия Нижегородской ярмарки в конце августа. В это время заводчане возвращаются с сенокоса, на котором проводят целый месяц за свой счет. На каждом предприятии составляется годовой план выпуска железа и меди, подсчитывается, сколько угля для этого потребуется, сколько квадратных десятин древесины для этого нужно будет вырубить (в случае необходимости эти цифры корректируют). После этого Екатеринбургская контора Государственного коммерческого банка выдает им кредит, на который заводчики закупают продовольствие и создают рабочие места. Завод является для рабочих единственным источником средств существования.

В губернии имеется горный инженер, который отстаивает интересы государства, принимает готовое железо и организует его хранение, следит, чтобы казенные средства расходовались правильно, а производство велось надлежащим образом. В идеале банк должен получить за свой кредит шесть процентов годовых после того как заводчик продаст железо на следующей ежегодной ярмарке. Но на практике этих средств может не хватить, могут появиться разного рода накладные расходы, в результате чего завод залезает в долги до тех пор, пока государство не перестанет выдавать ему кредиты. Тогда он останавливается. В чем же причина этого? Откуда возникают эти долги, почему они растут как снежный ком, хотя заводы строго контролируются казной? Ответ известен — во всем виновата

спекуляция! Еще одним обстоятельством, особенно препятствующим успеху и развитию всякого предпринимательства, торговли или деловой активности, является мелкое воровство: при любом удобном случае люди норовят что-то стащить. Воруют здесь сверху донизу кто как может. Ворон ворону глаз не выклюет, поэтому русские чиновники – это своеобразная замкнутая каста, они сплочены и во всем поддерживают друг друга, чтобы выжить, стараются подать себя в хорошем свете, поэтому подготовленные ими отчеты формально безупречны, но мало отражают реальность.

Расскажу об этом подробнее. Я знаю нескольких облеченных всей полнотой власти управителей заводов, годовое жалованье которых составляет всего шестьсот рублей, но за несколько лет они сколотили состояния в сто-триста тысяч рублей. Они отстегивают контролирующим их чиновникам по пять-шесть тысяч рублей в год, чтобы, как тут говорят, их «подмаслить». Получив мзду, ревизоры подписывают все что угодно и не задают лишних вопросов. Вывести их на чистую воду невозможно, ибо все делается в глубокой тайне, но выявить этих джереми диддлеров^[606] легко: при своем довольно скромном жалованье они вовсю сорят деньгами, ни в чем себе не отказывают, просаживают тысячи рублей за азартными играми и т. д. Но если вы кому-то, даже своим друзьям, укажете на это, то в ответ вам усмехнуться, пожмут плечами и спросят: «А что делать?» Вам объяснят, что сейчас это сплошь и рядом, что вина этих людей невелика, чиновники должны хорошо выглядеть, а жалованье у них никудышное. Но тогда возникает вопрос: «Неужели строить из себя джентльмена столь необходимо?»

В связи с этим позволю себе привести одну историю, которую мне поведал служивший на этих заводах английский инженер. Суть ее в следующем. На Урале имеется очень большое владение, площадь которого превышает четыреста квадратных верст. Говорят, что в нем имеются почти неисчерпаемые запасы воды, лесов, железа, меди, золота, никеля, свинца и Бог знает, чего еще. На этих землях стоят два десятка заводов, которые не считаются городами и селами, хотя некоторых из них насчитывают до тридцати пяти тысяч жителей.

Их владелец умер несколько лет назад, оставив свое хозяйство в прекрасном состоянии и без долгов. До совершеннолетия двух своих сыновей он поручил руководить им своему управителю. К несчастью,

покойный заводчик необдуманно сделал совладельцем этих предприятий свою жену. Эта привлекательная молодая вдовушка, дочь московского купца, вскоре вышла замуж за импозантного военного. Он, как это часто случается, ранее разорился, слыл любителем азартных игр и отличался распутством. Молодожены стали вести разнузданный образ жизни, главным образом в Лондоне и Париже, а их управитель ежегодно присылал им с Урала 250 тыс. руб. Пока деньги шли, хозяева не интересовались их источником, не задавали управителю никаких вопросов, никогда не читали и тем более не вникали в присылаемые им отчеты, веря, что тот ведет их хозяйство рачительно.

Поскольку управителю постоянно летели письма с одним требованием: "Деньги! Деньги!", а дела на самом деле шли плохо, ему приходилось ради исполнения прихотей хозяев закладывать имущество, всеми правдами и неправдами отодвигать черный день и свое разоблачение. Все это продолжалось до тех пор, пока заводы, принеся своим хозяевам четыре миллиона рублей, не обанкротились. В итоге управитель был вынужден чистосердечно во всем признаться и объяснить супругам, что больше денег нет. Беззаботная парочка была вынуждена срочно вернуться домой, оставив в Европе множество неоплаченных счетов. Конечно, управителя не стоит оправдывать, но и возлагать всю вину на него тоже нельзя. Ведь он, подобно герою "Жизни Тимона Афинского" [\[607\]](#), погубил себя, стараясь спасти сыновей своего покойного хозяина.

Поскольку следующий управитель тоже не преуспел в поиске денег, владелица заводов через суд предоставила своему мужу опеку над собой и своими детьми. И как же он их опекал? Железа, которое можно было бы заложить, больше не было, деньги закончились, недвижимость была конфискована государством, но, словно герой старинной пьесы, этот добродетельный отчим заявил: "Мне нужны деньги, и я их от тебя получу. В противном случае я всех вас сведу в могилу!" Я часто слышал от русских шутиливую фразу: "Печать цела, замок надежный, склад пуст, все, слава Богу, хорошо!" Но в данном случае это была не шутка. Когда пришло время оправлять продукцию заводов на Нижегородскую ярмарку, склады, где хранилось изъятое банком железо, оказались пустыми, хотя печати и замки на них были целыми. Сколько тут было воплей и криков! В краже никто не признавался, хотя нетрудно было догадаться, кто вывез железо в другие

хранилища и перезаложил его банку от своего имени, да и лошади в конюшнях стояли уставшими, хотя к работам не привлекались.

Конечно, это было делом рук местных чиновников и управленцев, но козлом отпущения сделали приказчика. Ему пообещали смягчение наказания, т. е. налицо был преступный сговор, участники которого сами железо не крали, но участвовали в разделе прибыли. Короче говоря, поймать вора поручили вору, но заставить ворюгу поймать самого себя нельзя, поэтому участники той кражи до сих пор неизвестны. В ходе расследования этого преступления приказчик рассказал, что очень беспокоился и решил, что сохранит неизвестно откуда у него взявшиеся накопления (по его словам, свыше ста тысяч рублей, хотя его жалованье составляло всего шестьдесят рублей в месяц), если доверит их своему старому другу и поделельнику, очень богатому и уважаемому торговцу железом. Правда, выяснилось, что он продал этому человеку гораздо больше железа, чем тот купил. После того, как приказчик провернул эту сделку, он предположил, что его мнимый друг может оказаться подлецом, поэтому решил, что деньги лучше передать на хранение жившему у него на заводе английскому торговцу и письменно потребовал взять у своего сомнительного друга на первый раз тридцать тысяч рублей. Но старый лис не дремал и когда получил это письмо, воскликнул: "Я ничего у него не брал! Как он это докажет? Я вот привлеку его к ответственности за клевету и потребую рассказать, откуда у него столько денег!" Тут приказчик понял, что просчитался. И несмотря на то, что всем известно, каким образом этот Иван Трофимович приобрел свое огромное богатство, все кланяются ему и заискивающе желают доброго утра. Теперь Вы знаете, какова коммерческая этика на Урале, и как сибиряки^[608] относятся к ворам.

Я, возможно, слишком много внимания уделил этому делу, но только ради того, чтобы показать, что все в России насквозь пропитано своекорыстием ("все мое!"), желанием нажиться любым, но чаще всего путем обмана, причем делают это русские с невероятной отвагой и дерзостью, разбавляя шутками и смехом. В своей жизни они руководствуются следующими поговорками: «простота хуже воровства», «дурак потеряет и свои деньги, и ваши, а хитрец добудет их и для себя, и для своего господина, но сначала набьет свой карман», «серебряный ключ – вот единственная отмычка, которая открывает любую дверь» (а иногда требуется ключ из золота), «чтобы колесо не

скрипело, его надо хорошенько смазывать», «когда перебираешь золотой песок, несколько его песчинок обязательно прилипнут к пальцам», «не обманешь – не продашь», «позор не в том, что тебя осудили, а в том, что поймали», «старайся, чтобы никто не узнал о твоих делишках». Мне приходилось слышать от русских торговцев и чиновников еще не такое, но даже эти примеры позволяют понять, насколько они чтут честность.

Попутно я уже упоминал о здешней лесной промышленности, и поскольку древесина для Урала – это то же, что уголь для Англии, расскажу о ней еще. Я был близко знаком с главным лесоводом этих заводов, немцем по происхождению, и, по моему разумению, честным и трудолюбивым человеком, несмотря на то, что он родился, вырос и получил образование в России^[609]. Этот человек старался сделать выплавку металла системной и упорядочить вырубку лесов для получения древесного угля. Он неделями и месяцами жил в этой глухомани среди медведей и волков, комаров, шершней и т. д. Такое не каждый выдержит. Сей лесовод был первым, кто разделил лесные угодья на участки и распределил их между заводами. Он подсчитал, что здешней древесины хватит на шестьдесят лет, а за это время вырастет новый лес, который вновь станет служить производству, если, конечно, объем выпуска железа не превысит нынешние 350 тыс. пудов в год. Этот человек установил указатели и постовых на дорогах к каждому участку, чтобы следить за заготовкой леса. Это было прогрессивным шагом, и если бы все заводы переняли этот опыт, то никогда бы не испытывали дефицита топлива».

Замечу, что в то время это было наилучшим решением. К сожалению, сейчас леса вблизи большинства, если не всех заводов, полностью уничтожены. Далее мой информатор сообщал: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе! Пока леса вновь вырастут, пройдет очень много времени, следовательно, в ближайшее время прибыли не будет, поскольку сырье для производства древесного угля скоро закончится. Как образно заметил мой острый на язык ланкаширский друг, русские заводчики пахут землю на собаках. Поясню эти слова.

Если бы хозяевами этих великолепных рудников и угодий были англичане, они сразу пустили бы здесь конки для перевозки руды и древесины, особенно с отдаленных мест, а это снизило бы

себестоимость сырья. У большинства нынешних уральских заводчиков на это нет средств, а государство им не помогает, поскольку они у него в большом долгу. Английские капиталисты давно бы приобрели эти предприятия, но для покупки в России даже небольшого участка земли требуется множество согласований».

Таким образом, состояние горных заводов Урала очень печальное. Я не думаю, что мой информатор что-то преувеличил, поскольку это подтверждается и моими данными. В первую очередь, нужно ограничить хищническую вырубку лесов – их уже мало, хотя руды пока в избытке. Производство стало нерентабельным, но во многом, если не целиком, по причине того, что одни заводчики охладели к нему, а другие попусту проматывают получаемую прибыль. Если леса восстановятся, то заводы смогут возродиться и даже приносить доход. В противном случае придется искать новый источник топлива.

Мой информатор писал: «Единственными заводами, которые вроде бы приносят барыш, являются Верхне-Исетский, Билимбаевский и Кыштымский, принадлежащие, соответственно, Стенбоку, Строганову и Дружинину. Когда двенадцать лет назад я посещал Нижнетагильский завод Демидова, то дров и древесного угля там уже не хватало, поэтому стоили они дорого. Заводчики надеются, что по новой горнозаводской железной дороге^[610] они станут получать уголь из Пермской губернии, но для предприятий Демидова и Строгановых, мимо которых она проходит, это еще вилами на воде писано, ведь по горной местности уголь от поездов можно доставлять к заводам только на телегах, грузоподъемность которых не превышает двадцать пять пудов. Не о такой железной дороге мечтали купцы и жители Урала и Сибири, надеявшиеся с помощью нее получить доступ к двум великим транспортным артериям России – Каме и Тоболу, что могло бы увеличить сибирский товарооборот. Но даже эта магистраль сегодня убыточна, ибо за год через Уральские горы она перевозит всего тысяч триста пассажиров и примерно восемь миллионов пудов груза^[611]».

Нерентабельность горного производства в этих местах во многом объясняется нехваткой древесины, необходимой для плавки и в качестве топлива при отсутствии плотин. О том, какие силовые установки здесь используются, мой информатор писал: «Замечу, что во время моего пребывания в этой глуши строительство предприятий, использующих паровые машины, было строжайше запрещено законом

в целях сохранения казенных лесов. Помещики тоже не имеют права вырубать и продавать лес в своих имениях, а могут употреблять его только в качестве строительного материала, для отопления и литейного производства. У заводчан имеются свои лесные участки, за использованием которых следит община.

Под Екатеринбургом имелся крупный стеарино-мыловаренный завод^[612], стоимость строительства которого я не решаюсь назвать, но, скорее всего, она составляла где-то восемь миллионов рублей. Недавно он закрылся по причине отсутствия топлива, добыть которое уже было нельзя даже за взятки, и ушел с молотка менее чем за десятую часть вложенных в него средств.

В России бюрократизм везде! Однажды меня пригласили осмотреть паровой котел на одном из предприятий Екатеринбурга. Увидев, что около машины лежит полно дров и немножечко торфа, я спросил у хозяев:

– Для чего здесь торф, ведь Вы же его не используете?

– Используем, но только на словах. Он здесь на случай приезда ревизора. Мы вынуждены ежегодно тратить четыре тысячи рублей ассигнациями, чтобы инспекторы не спрашивали, почему мы в нарушение закона вместо торфа топим котел дровами.

– Но почему вы не выпишите из Англии машину для заготовки торфа?

– Потому что нам не дают соответствующего разрешения: власти говорят, что если мы ее запустим, то они не смогут вести учет добываемого торфа.

В России для всего нужна бумага. Она позволяет начальству ловко превращать черное в белое, ведь, как известно, "не лжет только тот, кто молчит". Но беспросветный обман царит и на самом низу. Русские говорят: "С волками жить – по-волчьи выть". Заводчик и рад бы не давать взятки, но боится, что его бизнес попросту прикроют.

Чтобы получить разрешение на заготовку древесины, владелец рассматриваемого мною предприятия ездил в Санкт-Петербург, потратил там много времени и денег, но в итоге добился права заготавливать не более трехсот кубических сажень дров в год для каждого своего завода и использовать энергию только воды, а не пара. Однако и это он получил лишь благодаря содействию императрицы, поскольку являлся чем-то вроде ее духовника.

Я поподробнее расскажу об этом человеке, хотя это непосредственно не относится к моему повествованию. О моем герое можно написать целую книгу, и, полагаю, что Вы согласитесь с этим. Его дед происходил из ростовских крепостных. Выкупив себя, он заделался купцом и оставил детям не слишком большое наследство – каких-то девять миллионов рублей. У меня есть его дагерротип, сделанный, когда ему было девяносто лет. Его внук сообщил мне, что одно время у них в хозяйстве работали до пятидесяти тысяч человек, и, согласно, бухгалтерским книгам, состояние их семьи оценивалось в 135 млн руб. Я думаю, что это правда. Семья ежегодно продавала 430 тыс. пудов сала (сколько миллионов овец для этого забивали!), пожертвовала на строительство церквей, школ и богоугодных заведений 350 тыс. руб., потеряла 850 тыс. руб., выданных разорившимся кредиторам, но при этом никогда не обращалась в суды. Ее невероятно обманывали управители, комиссионеры и сотрудники, но семья всех прощала. Племянник моего героя спустил в казино несколько миллионов своего дяди, но, когда в итоге от последнего ушла жена, он не проклял ее. Со слезами на глазах он заявил мне: "Если я христианин, то должен во всем подражать Господу и учителю моему, который воскликнул на кресте – Отец, прости их, ибо они не ведают, что творят^[613]". Пусть не мы, а Бог решает, каким христианином был этот человек!

А теперь о конце этого воистину добродетельного человека. В 1872 г., возвращаясь домой, я встретил его на почтовой станции в Пермской губернии. Его дорогой и единственный брат был при смерти, поэтому он ехал в Ростов, чтобы тоже там умереть. Один брат ушел в иной мир, а другому предстояло похоронить его тело в семейном склепе, откуда тот отправится на небеса, где нет коварных компаньонов и воря».

Бывшие крепостные, ставшие купцами, склонны к мошенничеству, благочестивы, богаты, владеют многочисленными производствами и ведут обширную торговлю. Я не стану пересказывать то, что не раз слышал в России лет сорок-сорок пять назад, поскольку сейчас уже не помню ни своих информаторов, ни обстоятельств, при которых об этом узнал. В своей книге я пользуюсь только сведениями, полученными от моего друга. Учитывая упомянутые выше безобразия, кризис

металлургии на Урале был неизбежен, но его истинной причиной является не дефицит топлива, а коррупция.

Злоупотребления при лесозаготовках

Я не могу сказать ничего плохого о служащих лесной отрасли в России, большинство которых честные люди и хорошие профессионалы. Те из них, с которыми мне приходилось общаться, были благородными и прекрасно образованными джентльменами. Но раньше все было иначе, и потребуются немало времени, прежде чем физические и нравственные последствия длительного расхищения лесов и мздоимства чиновников будут преодолены. В прежние не столь давние времена заводчики распорядились казенными лесами бесконтрольно, лишь в особо вопиющих случаях обращая на себя внимание властей. Правительство хочет, чтобы чиновники честно служили на благо страны, для чего щедро раздает им титулы и ордена, но при этом зачастую забывает о достойном жаловании, а ведь людям нужно содержать себя и свои семьи.

В связи с этим один из моих корреспондентов писал: «Я хорошо знал главного лесничего горных заводов Урала. Он отвечал за территорию, простиравшуюся на тысячи верст в Нижегородской, Казанской, Вятской, Пермской, Тобольской, Оренбургской и Уфимской губерниях, а получал всего лишь восемьсот рублей в год (меньше ста фунтов стерлингов). Его подчиненные в уездах и на казенных заводах зарабатывали еще меньше. Что уж говорить о простых лесорубах и егерях!» Могли ли они исправно выполнять свои обязанности? Нет! Эти люди поступали на службу, чтобы только набить свои карманы, и раньше все они брали взятки, причем это не считалось позором. Говорят, что при Николае I единственным честным человеком в империи был он сам. И отчасти это было правдой. В те времена государственные чиновники носили на сюртуке цветную ленту с вышитыми золотом римскими цифрами, обозначающими стаж их службы. Один из моих соотечественников, указывая на эту ленточку, загадочно подмигнул мне и сказал: «А я ведь приписал себе лишние четырнадцать лет!»

Говорят, что когда Николаю I на заседании Совета (я полагаю, что это был Военный совет) в период Крымской войны доложили о

злоупотреблениях при закупке провизии и боеприпасов, что вызвало возмущение у генералов, дворян и князей, он, взяв своего сына и наследника за руку, произнес: «Александр! Во всей империи я доверяю только тебе!»^[614] Я привожу это в качестве примера нравов, которые тогда царили в русском обществе, и полагаю, что многие тогдашние чиновники лесного ведомства были такими. Во всяком случае, этого нельзя отрицать.

В те времена каждый завод мог ежегодно вырубать в казенных лесах для нужд паровых машин не более 300 куб. сажень древесины, но путем различных махинаций заводчикам удавалось заготавливать в три с лишним раза больше дров. Если просто направить прошение чиновнику лесного ведомства с просьбой разрешить вырубить лес, то можно было получить соответствующий документ с указанием выделенного для этого участка, который, однако, как правило, будет находиться в шестидесяти-восемидесяти верстах (сорок-шестьдесят миль) от завода, а это приведет к удорожанию доставки древесины на предприятие. Но если к прошению приложить пачку денег, то можно получить участок получше. Всего 200 руб. (20 фунтов стерлингов) – и твой лес уже рядом, но нужно еще «подмаслить» чиновников рангом пониже, чтобы они помалкивали. Простому леснику хватит 20–30 коп. (ок. 6 пенни), но его начальству, в зависимости от чина, требуется больше. После этого можно смело вырубать одну тысячу кубических футов, однако в документах будут фигурировать положенные триста. Иногда случалось, что заготовленный лес не успели вывезти, а начальство неожиданно поменялось. В таком случае приходилось опять давать взятку, но уже новым боссам, среди которых не было ни одного честного!

Мне сказали, что однажды некий подрядчик заготовил для заводовладельца леса сколько положено, но на самом деле намного больше. «А ну-ка, Иван Иванович! – спросил рубщика чиновник. – Вам разрешили вырубить триста кубических футов, а Вы заготовили аж тысячу! Придется излишек изъять!» По закону лишнее подлежало конфискации в казну, а подрядчик ссылаясь в Сибирь, но чиновник предложил заводовладельцу сделку: «Я не буду, как того требуется, реализовывать изъятый у Вас излишек на аукционе, а предлагаю выкупить этот лес по цене, равной размеру государственной пошлины за него». Обрадованный заводчик заплатил эти несчастные сто рублей

(десять фунтов стерлингов) и сохранил все заготовленное им, а подрядчик и казна остались с носом. Впрочем, лесозаготовитель надеялся, что в следующий раз ему уж точно что-то перепадет.

Однажды этот подрядчик, надеясь покрыть убыток, возникший в результате подобного случая, а скорее попросту решив нажиться, заготовил древесины столько, сколько ему было позволено. Получив за это деньги, он подделал дату выдачи разрешения и на следующий год продолжил рубить лес. Государственный ревизор быстро раскрыл обман и как обычно спросил: «Иван Иванович, это же старое разрешение, но на нем почему-то стоит новая дата. Я конфискую у Вас излишек!» Подрядчик не стал возражать и поблагодарил чиновника за то, что тот не привлек его к уголовной ответственности, однако рассказал обо всем своему брату, жившему в столице губернии. Тот встретился с губернатором и пожаловался ему, что, вот, мол, братишка случайно нарушил закон, но он же хороший парень! Поразмыслив, губернатор сказал: «Ладно! Я что-нибудь придумаю». Брат лесоруба поблагодарил его и ушел, а вечером напросился к губернатору в гости. После чаепития они сели играть в карты, и губернатор неожиданно для себя выиграл у своего партнера целых восемь тысяч рублей! На следующий день, зайдя в губернскую канцелярию, он узнал, что дата на документе, оказывается, настоящая, а его брат может оставить всю заготовленную древесину себе. Просто нужно было проиграть губернатору в карты! Имя этого царского наместника мне известно^[615].

Мне рассказывали о губернаторах, которые, предложив им взятку, посчитали бы себя, как всякий порядочный джентльмен, оскорбленными. Но я передаю только то, что хорошо знаю, что поведали мне люди, которым я доверяю. Проблемы такого рода решаются не в суде. Мой информатор, видимо, хорошо знавший местные нравы, сообщал: «Если вы влипнете в нехорошую историю, то обязательно подарите жене губернатора бриллиантовое украшение, а ежели дело серьезное, то несколько их, затем изложите ей суть дела, ну а дальше, как говорили римляне, «*Verbum sap*»^[616]. При первой же возможности губернаторша невзначай спросит у своего мужа:

– Душенька, ты знаешь, какая история приключилась с таким-то? Тут какая-то ошибка, он же очень хороший человек! Можешь как-то ему помочь? Ненаглядный мой, ну сделай же что-нибудь ради меня!

Может быть, этот человек и оступился, но ведь он такой славный! А вдруг он просто совершил ошибку?

– Нет, нет, я ничего не могу сделать, – возражает ей губернатор.

– Ну, лапонька, постарайся, ведь ты же все можешь! Я знаю, это честный человек! – не отстаёт жена.

– Ладно, ладно, голубушка, завтра я изучу это дело, и ежели выяснится, что ты права, то постараюсь ему помочь.

– Благодарю тебя, мой котик, какой ты у меня милый!

В итоге выясняется, что человек всего лишь допустил оплошность, которая легко исправима!»

Все это печально, но в России такая практика – обычное явление, существующее испокон веков. Зная, что ранее это привело к уничтожению лесов во Франции и Англии, не стоит удивляться, что теперь то же самое произошло в России. Здесь жульничают все: заводчики стараются обманом добыть древесину для паровых котлов, а простолюдины втайне заготавливают дрова. Один из моих информаторов, которому я полностью доверяю, писал мне: «Сколько древесины нужно вам для личных нужд, решает главный лесничий. Именно к нему следует обращаться за разрешением на заготовку дров. Кроме того, вы должны указать, сколько домов и комнат предполагаете отапливать, а он сверит это с имеющимися у него сведениями. Я сейчас не помню, сколько можно вырубить леса, но это достаточно большая цифра, и ее мало кто осваивает, однако и на этом люди наживаются. Формально все сначала идет по закону, но неожиданно вступают в действие совсем иные правила, о которых я уже упоминал. Подав прошение без соответствующего "вложения", надеяться на скорое решение своего вопроса бессмысленно. То чиновник, от которого это зависит, отсутствует, то он неизвестно на сколько времени уехал в другой уезд. В итоге вашу просьбу, конечно, удовлетворят, но дадут участок не в восьми – двенадцати, а в сорока-шестидесяти верстах от вас, в результате чего стоимость дров возрастет. Но пожаловаться вам будет некому, и обжаловать нечего – все было сделано по закону. Однако если вы лично вручите лесничему определенную сумму – примерно четверть от стоимости желаемого вами – он выделит участок поближе. Только не жалеите денег! Правда, нужно еще хорошенько "отблагодарить" нижестоящие чины и заключить с лесорубом договор на заготовку древесины в том объеме, который указан в документе,

заплатив ему наличными. Поскольку строгого контроля нет, устно попросите его вырубить леса в два-три раза больше. И если лесоруб вас не обманет и не продаст древесину на сторону, вы сможете компенсировать все свои затраты, правда, для этого заплатить ему нужно будет заранее, иначе он ничего делать не будет.

Возможно, Вы спросите, зачем для получения древесины нужно прибегать к этому способу? Потому что других вариантов нет, так что не ходите в чужой монастырь со своим уставом, иначе останетесь ни с чем. Конечно, можно обратиться к "черным лесорубам", которые привезут лесоматериалы тайно, но, поскольку на стволах не будет казенного клейма, вам, возможно, придется объяснять, откуда дровишки, и, таким образом, стать преступником, если, конечно, вовремя кого-то не подмаслить.

В каждом уральском городе, селе и заводе имеются участки леса для нужд населения – строительства изб, отопления и т. д. Эти наделы принадлежат городским властям и сельским общинам и распределяются на сходах. Расскажу одну историю на этот счет. Однажды в компанию, у которой все бумаги на вырубку были в порядке, пришел лесоруб и сообщил, что у него имеются бревна, заготовленные им для строительства себе избы, но потом нужда в них отпала, и теперь он хочет их продать. Предприятие купило у него эти лесоматериалы, но когда их привезли, то оказалось, что деревья были срублены недавно, и на них нет соответствующего клейма!

На следующий день к покупателю, а это был англичанин, пришли полицейский и представитель местной администрации, которые заявили:

– Ты хранишь ворованную древесину, заготовленную в городском лесу. Мы сейчас ее конфискуем, а тебя посадим в тюрьму.

– Прекрасно, джентльмены! – ответил он им. – Но сначала покажите мне свои документы и ордер на обыск моего склада.

Такого поворота они не ожидали и поэтому не смогли предъявить ничего, кроме своей униформы и «Уложения о наказаниях уголовных», после чего англичанин отрезал:

– Я буду разговаривать с вами только тогда, когда вы предъявите мне официальную бумагу.

Они ушли, пригрозив управителю большими неприятностями. Англичанин понял, что все серьезно, и, не теряя времени, отправился к

участковому лесничему за помощью. Тот сразу же приехал и заклеил все бревна. Когда на следующее утро представители власти опять пришли к англичанину уже с официальными бумагами и с более решительным настроением, то обнаружили, что на всех бревнах стоит казенное клеймо, документы на них имеются, а пошлина уплачена. Разочарованные, они извинились, но потом от души посмеялись над хитростью англичанина. Ревизоры поняли, какую аферу он провернул, но придраться ни к чему не могли. Англичанин накормил и напоил их, чтобы они навсегда от него отстали. Он подозревал, что его выдал тот самый негодяй, который продал ему лес.

Думаю, теперь Вам ясно, почему леса в России быстро исчезают. Если бы они эксплуатировались по науке. Но на практике побеждает корысть. Конечно, сейчас ситуация несколько улучшилась, однако после драки кулаками не машут. С распространением паровых машин потребление дров везде резко возросло, отчего повсеместно страдают молодые леса. У меня сердце обливается кровью при виде этого».

В предыдущей главе я подробно рассказал о кризисе уральской индустрии. Ничего удивительного, что леса исчезают, себестоимость продукции растет, а заводы закрываются, ведь коррупция приниживает всю Россию. Собрав множество сведений об удорожании дров в разных частях страны и расходах предприятий Санкт-Петербурга на топливо, я, вернувшись в 1882 г. в Шотландию, попросил своего информатора прислать мне такие же данные по уральским заводам, но так их и не получил. Почта в Эдинбурге сделала запрос в Россию, но безуспешно. Тогда я написал об этом отправителю. Он ответил мне следующее: «Я думаю, что Вы никогда не дождетесь моей посылки, поскольку, скорее всего, она вообще не покидала пределов России. Мы с графиней Ф. принесли ее на почту и наклеили марки. К сожалению, я отправил эти материалы простым, а не заказным пакетом, но в России теряются даже они: чиновники отклеивают с них марки и опять пускают их в продажу, а сами письма и посылки выбрасывают, чтобы избежать наказания. Я как-то послал с Урала ценным письмом пятьдесят рублей (пять фунтов стерлингов – Д. Б.), но они не дошли до адресата. Я отправил запрос, но ответа не получил, после чего даже выслал квитанцию, но и ее потеряли! Больше я свое отправление не разыскивал. Недавно я вновь отправил пятьдесят рублей в Ярославль и послал квитанцию по почте, но эти деньги исчезли. Поскольку их повез частный извозчик, а не

почтовая карета, я смог вернуть их только после долгой волокиты, заполнив несметное число заявлений и бумаг. Русская почта потеряла десятки моих писем и документов, и это только те, о которых точно известно, а о скольких утратах я вообще не подозреваю! Я выписываю «Манчестер Гардиан», и примерно раз в неделю недополучаю один ее экземпляр. Я отправил полсотни письменных запросов в «Кру Гардиан», потратив на это 10 шиллингов и 6 пенни, но номеров этой газеты так и не получил, хотя мне их послали. Я заказал двадцать четыре дюжины стальных перьев разных видов, а пришли всего три десятка: посылка явно была вскрыта и затем повторно запечатана. Как Вам это? Но не буду больше о грустном, ибо о моих злоключениях в России можно написать целый роман. В этой стране вам никогда ничего не вернут, если у вас нет бумаги, ибо слово здесь ничего не значит. Все подозревают друг друга в мошенничестве, и постоянно приходится доказывать обратное. Компенсации ущерба в России не добьешься, поэтому ее никто и не требует».

Однако я все же сообщил на почту, что мое письмо, вероятно, не покидало пределов империи, и попросил с этим разобраться, но мне ответили, что они разыскивают только заказные письма. И такие порядки существуют во всех казенных учреждениях России. Предназначавшийся мне пакет вряд ли могли изъять из-за его содержимого – там не было ничего плохого о лесной отрасли страны – поэтому я подозреваю, что его выбросили по причине нестандартного размера.

Я полагал, что недавно введенный в России суд присяжных^[617] является гарантом объективного рассмотрения дел, но когда поделился этим мнением с человеком, хорошо знакомым с ситуацией, то услышал от него следующее: «Какой Вы наивный! Другие тоже думают, что сейчас все иначе, но, как и во времена Николая I, процесс можно выиграть, если только умаслить судью. Я расскажу, как это делается». Назвав затем имя одного успешного адвоката, он сообщил: «Если он берется за дело, то его клиент оплачивает ему все предстоящие расходы и сверх того двадцать тысяч рублей в случае выигрыша, а при неудачном исходе – пять тысяч рублей. Половину из этих двадцати тысяч адвокат передает судье, тот, в свою очередь, выносит нужное решение, и так все обстряпывает, что присяжные со всем соглашаются».

Такая же ситуация в сельских судах^[618]. Один из моих друзей сообщал мне об их приговорах: «Берут березовые прутья, прочно связывают их в пучок толщиной до трех дюймов и порют ими осужденного. Кнут сейчас заменила плетъ, состоящая из трех ремней, но березовые розги по-прежнему в ходу, поэтому сельский суд может приговаривать виновного к двадцати пяти ударов ими. Когда я руководил заготовкой леса, мне часто приходилось жаловаться властям на пьющих работников, прогульщиков и лентяев, но все без толку. Однажды мой сотник шепнул мне на ухо: „Над Вашими писульками там все смеются. В следующий раз приложите к ним три рубля и сразу увидите разницу“». Когда он так сделал, к нему прибыли четыре солдата. Они уложили проштрафившегося на живот, под голову сунули маленькую подушку, один солдатик сел ему на шею, другой – на ноги, два других обнажили его спину и начали исполнять приговор натертыми солью розгами. С тех пор никто дисциплину больше не нарушал. Скорее всего, судьи сами намекнули моему другу, что нужно сделать им подношение. Суды в России настолько пронизаны мздоимством, что это воспринимается как норма.

Возвращаясь к взяточничеству, практикуемому на местах, я могу констатировать, что древесина предоставляется владельцам крупных предприятий для того, чтобы они наряду с водяными источниками энергии могли использовать пар или полностью перейти на него. В России паровой двигатель, будь то паровозный, пароходный или наземный, может устанавливать только государственный инженер. Собрав и испытав машину, он отправляет акт об этом ревизору, приложив определенную сумму денег. Вскоре приходит заключение, что механизм осмотрен и замечаний к нему нет. Однако эту бумагу должны завизировать три полицейских чина, которые обязаны лично присутствовать при испытании котла. Поэтому вся документация отправляется в полицию, разумеется, с «приложением», и быстро возвращается со всеми необходимыми подписями, хотя ни полицейские, ни ревизор этого двигателя в глаза не видели. Но если через неделю или меньше он взорвется, уничтожив имущество и погубив людей, эти бумаги защитят инженера от уголовного наказания.

Кто-то в связи с этим подумает: «Слава Богу, в Британии такого не бывает». Хотелось бы верить, чтобы это так, но. Вернувшись из России, в одной шотландской газете я прочитал рассказ одного человека. Там

говорилося: «Лет десять назад я жил в старинном г. Файф и однажды позвал погулять своего друга, но он был занят, поэтому я решил пройтись к заливу сам, чтобы осмотреть верфь. Подойдя к ней, я увидел стоявший на стапелях почти готовый большой пароход и поднялся по трапу на его палубу. Был обеденный перерыв, поэтому рядом были только один-два мальчика-подмастерья. Сначала я пошел на корму, тщательно изучил все вокруг, а затем отправился на нос. Я обратил внимание подмастерья на то, что рядом с двумя заклепочными отверстиями имеются трещины в два дюйма длиной. Несмотря на свой юный возраст, мальчик объяснил мне, что эти трещины появились в результате того, что металл был не лучшего качества, и когда пробивали отверстия (сверлить их было дорого), он треснул. Я спросил: "А что, днище корабля тоже из такого железа?" Он ответил: "Да, если не хуже, но поскольку оно окрашено, то этих изъянов не видно". Я промолчал, а мальчик сразу помчался прочь. Мне показалось, что он опаздывает на ужин, однако минут через десять из своей конторы быстрым шагом вышли судостроитель с сыном. Поскольку я был знаком с обоими, то решил с ними пообщаться, но в спешке отец меня не узнал: "Извините, меня на борту ожидает джентльмен". Подойдя к его сыну, я спросил: "Куда твой отец так торопится? Что-то случилось?" Он ответил: "О, да! Приехал ревизор, которого мы ожидали только на следующей неделе, а на корабле есть определенные изъяны, которые нужно исправить, пока он их не заметил". Мне показалось это довольно странным, и я начал расспрашивать его, где его отец приобрел железо для корабля. Он назвал мне место. Я спросил: "Там оно самое лучшее?" Сын судостроителя ответил: "Нет. Но, видите ли, хорошее железо слишком для нас дорого". Тогда я задал ему вопрос: "Можно ли пробивать его, не вызывая трещин?" Ответ был таков: "Нет. Все, или большая часть листов имеют трещины". Я сказал: "Если бы не пробивали, а сверлили его, трещины бы не появились?" – "Да, но это слишком дорого". Тут как раз вернулся его отец и рассказал, насколько испугался, когда ему сообщили, что какой человек осматривает корабль и ругает качество железа. Спустя несколько месяцев я узнал, что этот корабль ушел в плавание и исчез. Видимо, шпаклевка отвалилась, внутрь хлынула вода, и судно затонуло. Позже я узнал, что еще три корабля, построенных этим человеком, тоже погибли, причем на одном из них были его сын и племянник. Оказалось, что никто не проверял эти суда до спуска на

воду. А сколько при этом гибнет людей, и какие убытки несут страховые компании! Один из кораблей водоизмещением триста тонн опрокинулся, потому что его мачты даже без парусов оказались слишком тяжелыми». Если такое случается в Шотландии, то что уж говорить о России, ибо как сказано в Писании, «вынь прежде бревно из глаза своего, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего»^[619].

Приведу еще один пример масштабной коррупции, который, хотя и не относится напрямую к лесному хозяйству, косвенно связан со здешними лесами. На Урале имеются месторождения мрамора. Из него на казенных заводах изготавливают не только строительные блоки, но и украшения и предметы роскоши. Эту продукцию отправляют в столицу под руководством начальника каравана. Высокопоставленный чин, тесть моего информатора, рассказал последнему о своем первом опыте доставки груза в столицу и посвящении в тайны взяточничества. Будучи юношей, он был назначен начальником каравана, который старался вести очень осторожно, но несмотря на это, избежать мелких повреждений изделий не удалось. Тогда он договорился об их ремонте за умеренную плату и в приподнятом настроении отправился за деньгами к главе соответствующего ведомства. Однако столичный чиновник, бегло просмотрев счета, попросил его зайти завтра. На следующий день будущий тесть моего информатора отправился на прием, предвкушая выслушать похвалу в свой адрес за экономию казенных средств, однако чиновник заговорил с ним в совершенно ином тоне: «Это Ваши счета, сударь? Как Вы посмели потратить казенные средства без разрешения?» Начальник каравана оправдывался, но чиновник свирепел еще больше. Незадачливому гостю с Урала пришлось несколько недель жить в столице, что было для него довольно накладно, и продолжать обивать пороги этого учреждения, пока один из чиновников, отведя его в сторонку, не спросил:

– Сколько Вам должны за ремонт поврежденного в дороге груза?

– Сто двадцать рублей (двенадцать фунтов стерлингов. – Д. Б.), – ответил караванщик.

– Вы, очевидно, новичок в этих делах?

– Да, это мой первый караван.

– Тогда вот что я Вам скажу. Вы должны указать все свои расходы, но увеличить оплату каждому начальнику во сто крат, и везде обозначить непредвиденные затраты.

Это напоминало старую сказку о жадном хозяине, у которого человек попросил провизию. «Сколько тебе надо?» – спросил хозяин. «Сто мер масла», – сказал человек. «Дам только пятьдесят. А тебе чего?» – поинтересовался хозяин у другого просителя. «Сто мер пшеницы», – ответил тот и получил лишь восемьдесят.

Но в случае с караванщиком все было наоборот. Он переписал прошение, добавив в него пять тысяч рублей.

– Вот теперь хорошо, – похвалил его доброжелатель. Молодой караванщик подал этот исправленный вариант в инстанцию и получил приглашение посетить ее завтра. Со страхом и трепеца вошел он в кабинет главы департамента. Чиновник встретил его так, как будто видел впервые, похвалил гостя за усердие и экономию казенных средств. Была ли в этих словах ирония, или нет, неизвестно, но он пригласил уральца заглянуть к нему на следующий день. Караванщик решил, что ему опять откажут, но когда вновь пришел в учреждение, то узнал, что его документы приняты, и свои деньги он вскоре получит. Затем, следуя рекомендациям своего нового приятеля, он передал долго отказывавшему ему чиновнику конверт с теми самыми пятью тысячами рублей, а взамен получил от него пятьсот рублей – свою долю в этой афере. «Так, – подвел итог тесть моего информатора, – я приобщился к таинству государственной службы».

Вам может показаться, что Урал – это царство беззакония, где воры сидят на ворах и ворами же погоняют. На самом деле такова вся Россия, в ней грешат не только служащие лесного ведомства, но и губернаторы, судьи, генералы и чиновники. Однако мне известно в лесном ведомстве и немало честных людей, которые, обладая благородством, умом и высокими моральными принципами, возмущаются такими фактами и просят меня: «Сделайте их, пожалуйста, достоянием всех, правда все равно всплывет, научные методы лесоводства позволят сохранить древесину и дрова еще на несколько лет, и чем раньше общественность узнает о наших проблемах, тем будет лучше для нее».

Думаю, что ученые– лесоводы в других странах должны знать о ситуации с лесами в России. Нечто подобное было во Франции до принятия в 1669 г. «Ордонанса о водах и лесах»^[620] и в Англии полвека

назад. Действия русских инженеров, задним числом дающих разрешение эксплуатировать паровые машины, напоминают, как мы видели, то, что еще недавно бытовало в Шотландии.

Последний эпизод из жизни этих мест

Ранее считавшаяся очень далекой, находившаяся чуть ли не краю света Сибирь ныне благодаря использованию энергии пара перестала быть для путешественника царством за тридевять земель.

В Екатеринбурге имеется знаменитый в округе монастырь. Мой друг рассказал о его посещении следующее: «В России множество людей (монахи, монахини, чиновники и т. д.) не задействованы ни в каком производстве. Говорят, что в монастырях живут восемь-девять миллионов монахов, но, скорее всего, их намного больше. Однако если бы все монастыри были такими, как в Екатеринбурге, это заслуживало бы одобрения и похвалы. Когда недавно я был в Екатеринбурге, мне сказали, что у меня есть возможность нанести визит вежливости настоятельнице женского монастыря^[621]. На Пасху я воспользовался этим приглашением и вскоре оказался в большом, светлом и хорошо обставленном, но скромном помещении. От него веяло холодом. Двери, стены, шторы, скатерти, чехлы на стульях – все было белым, как снег, пологи отсутствовали, а ковров было мало. Однако вскоре я понял, что радоваться жизни и веселиться могут даже в монастыре: одна молоденькая задорная монашка носилась по комнатам и пела, но, увидев меня, немедленно замолчала, приняла смиренный вид, поклонилась и схватила головной убор и покрывало настоятельницы, случайно оставленные на столе. Вскоре послышались размеренные величественные шаги. Я встал, и в это время между двумя старшими монахинями, монастырским секретарем и казначеем появилась старушка^[622].

Все отвесили ей низкий поклон, я тоже поклонился, когда матушка протянула мне свою руку, и трижды по православному обычаю поцеловал почтенную леди. После этого она пригласила меня присесть, поблагодарив за неожиданный визит. Сначала мы пили чай с лимоном, потом отведали вино и закуску. В России принято поднимать бокал за здоровье ежечасно. Мы непринужденно болтали и потягивали чай. Игуменью интересовали наши обычаи, церковные праздники и тому

подобное, она просила приезжать почаще, восхищалась англичанами, считая нас религиозными, человеколюбивыми и много делающими для распространения веры людьми. Затем я попрощался, думая, что до следующей Пасхи уже не увижу эту настоятельницу, но не успел этот праздник закончиться, как перед моим домом появился экипаж, который должен был снова отвезти меня к ней. Она удостаивает такой чести только епископа, хотя вся местная знать набивается к ней в друзья. Фактически эта игуменья стоит выше всякого епископа или генерала, и когда через Екатеринбург проезжают члены императорской семьи, они всегда ее посещают. Она пригласила меня приехать и осмотреть монастырь.

Экскурсию она проводила сама. Меня поразили порядок, чистота и хозяйство этого заведения. Заведение получает прибыль от продажи свечей. Я бы, конечно, этим заниматься не стал, но пусть уж монашки делают свечи, чем проводят время в праздности или занимаются чем-то плохим. Да, я не буду молиться на свечу, но не осуждаю тех, кто так делает. Это лучше, чем вообще жить без ритуалов. Какая проницательная и мудрая эта старушка! Она с гордостью показала мне церковные картины и украшения, выполненные ее собственными дочерьми, и спросила, что я думаю о них. "Ну это, конечно, не Роза Бонёр и не Ангелика Кауфман^[623], – сказал я, – но они очень душевные, хотя, возможно, чрезмерно вычурные". Картины были подражаниями Рафаэлю. Игуменья взяла у меня «Жизнь Христа» и другие книги. Территория монастыря, кладбище и огород содержатся монахинями в идеальном состоянии, т. е. они проводят время не только в молитвах. Меня пригласили на богослужение. В отличие от Александро-Невской лавры здешние монахи пытались петь контральто, но из-за обилия писклявых певцов гармония нарушалась. В монастыре мне понравилось все, кроме подобострастного целования всеми руки игуменьи, но я верю, что эта женщина пользуется репутацией удивительно доброй, терпеливой и снисходительной особы. Все монашки выглядели здоровыми и счастливыми. В хлебе, рыбе и овощах у них нет нужды, для себя и на продажу они ткут одежду и делают прекрасную обувь. Монастырь принимает бездомных людей и раскаявшихся грешниц. Сейчас в нем более семисот душ, и их число продолжает расти. Я никогда не забуду учтивость и доброту игуменьи».

В России еще сохраняется традиция, которая исчезает или почти исчезла у нас – это ярмарки. В частности, Нижегородская по-прежнему является одним из чудес света. Среди других нужно упомянуть Ирбитскую ярмарку на Урале, которая ежегодно проводится в феврале на северном ответвлении тракта, соединяющего Сибирь с Россией. О ней мне написал мой друг и информатор мистер Уилкинсон: «Я слышал много хорошего об Ирбитской и других азиатских ярмарках, но блажен тот, кто ничего не ждет, ибо, в итоге, не будет разочарован. Я ожидал от нее слишком многого. Вы найдете там китайцев, персов, армян, бухарцев, но они растворены в общей массе и чувствуют себя не в своей тарелке, ибо всем заправляют татарские и сибирские купцы. Основным товаром там является чай, привозимый из Кяхты. Объем его товарооборота составляет сотни тысяч пудов. Чистый китайский чай найти непросто, ибо обычно его смешивают с кантонским и индийским чаями. Я слышал, что чай продается там по триста рублей за фунт, но никогда не видел и не пробовал его дороже пятидесяти рублей. Еще там продают хлопок, шерсть, марену^[624] и т. д. из Бухары и степных областей, но не в таких количествах, которые я ожидал. Много торгуют мехами, кожей и рыбой. Сибирская рыба бывает семь-восемь футов длиной и пять пудов весом, ее покупают партиями от пятидесяти рублей до пяти тысяч. Однако основными статьями торговли являются печатные издания и галантерея, железо и столовые приборы, которые приобретают торговцы из степей, Сибири и Урала. Только галантереи и тканей на этой ярмарке продают на восемь миллионов рублей.

Как происходит торговля? Покупатель сначала погашает прошлогодние долги, а потом берет новые партии товаров с отсрочкой оплаты на один-три года. Т. е. товар нельзя вернуть продавцу или отложить на следующий год. Правительство и банки занимаются обналичиванием счетов и предоставляют льготы. Конечно, при этом часто бывают неудачи и разорения, ведь вся крупная торговля ведется в кредит. Оптовые торговцы и производители из Москвы и окружающих мест сдают свою продукцию на реализацию под 15–20 % годовых, а розничные негоданты примерно каждые пять-шесть лет обновляют соглашения со своими кредиторами. Такая практика устоялась и не вызывает возражений.

Говорят, что на Ирбитскую ярмарку съезжается двести-триста тысяч человек, поэтому стоимость жилья в те дни доходит до двухсот

пятидесяти рублей в месяц, в остальное же время численность местных жителей не превышает семи тысяч человек. Вместо отелей имеется несколько ресторанов, в которых неплохо кормят. Все ярмарки, за исключением Троицкой, а особенно Нижегородская – это просто вертеп безнравственности и разврата. Когда в Камышлове вы свернете с Сибирского тракта, дорога, идущая в Ирбит, превращается в нечто ужасное из-за огромных сугробов. Хотя вы едете по проложенному санному пути, вас трясет, как во время морской бури.

В свою очередь Троицкая ярмарка проводится в июне-июле. Дорога туда ровная и твердая, так что скорость экипажа может достигать до 16–18 верст/час. Мне часто приходилось с комфортом преодолевать двадцать пять верст за час с четвертью. Места тут очень красивые – медные и железные рудники, месторождения мрамора и золота, нивы и пастбища, леса практически всех видов, за исключением сосновых. Меновой двор, где происходит торговля, занимает большое пространство в степи, но раньше оно было еще больше. Думаю, что со временем железные дороги приведут к ликвидации этих ярмарок. А пока большие караваны верблюдов везут сюда хлопок из Ташкента, Коканда, Хивы, Самарканда, Бухары и т. д. Сотни быков тащат из киргизских степей неуклюжие, скрипучие азиатские повозки, нагруженные шерстью, солью и остальным. Торгуют всем этим пять-шесть человек, которые сидят вокруг на скрещенных ногах. Они демонстрируют свой товар не спеша, почти не глядя на вас, чтобы вы все рассмотрели сами и обязательно купили.

Троицк^[625] расположен на берегу огромного песчаного моря, которое называется «степь». Это тихий, непритязательный городок, в котором живут преимущественно смирные магометане^[626]. В нем имеется пять мечетей – маленьких, обшарпанных деревянных зданий, напоминающих балаганы^[627]. Местные татары либо очень хитрые, либо крайне бедные, хотя я думаю, что у них присутствуют оба этих качества. Я видел несколько больших магометанских храмов в честь Аллаха и его Пророка, строительство которых пока не завершено, так как из всех виденных мной деревень самыми нищими являются татарские и калмыцкие. И все же среди татар много богатых торговцев^[628]. В массе своей этот народ предпочитает вести мелкую торговлю, чем заниматься тяжелым трудом. Когда я впервые услышал, как их муэдзины с высоких и стройных минаретов призывают людей на

молитву, то спросил у сопровождавшего меня татарского джентльмена, что это означает, и он мне перевел: «Аллах велик! Нет никого достойного поклонения, кроме Него, а Магомет – посланник Аллаха. Спешите к молитве, спешите к спасению!» Это призыв слышно далеко, и все сразу отовсюду бегут в мечеть, боясь опоздать. А многие ли из нас так торопятся на богослужение? Татарский священник в длинном зеленом халате, тяжелом белоснежном тюрбане и мягких расшитых зеленых сапогах выглядит весьма патриархально. Как только мужчины соберутся в мечети, и человек-колокол прекратит «звонить», на улицы в покрывалах высыпает их жены и дочери. Они садятся на телеги, напоминающие те, что используются ломовыми извозчиками, и начинают сплетничать. Татарки закрывают себя платками или большими косынками, которые надевают поверх меховых шапок. Старухи и женщины, имеющие непривлекательную внешность, лиц не скрывают, а молодухи и красавицы, понаблюдав за вами через свои покрывала, обязательно пройдут мимо, и как бы невзначай, будто что-то поправляя в своем одеянии, на миг приоткроют свое лицо, чтобы на них обратили внимание. Сидевшие на телегах татарские леди не отличались учтивостью – они умиротворенно болтали ногами, свесив их с этих катафалков.

Один бухарский магометанин пригласил меня к себе на чай, тем самым подтвердив молву, что у этих азиатов гораздо больше истинного аристократизма, неподдельной учтивости, воспитанности и изысканных манер, чем у лондонских и парижских выскочек и щеголей. В доме было довольно душно, а интерьер выглядел чопорно, поскольку там всюду лежали подушки. Хозяйка дома и ее дочь, пожав мне руку, встали у двери гостиной в своих ярких шелковых одеждах, подбитых и отороченных соболиным мехом, прекрасных бобровых шапках и ниспадающих до пят кружевных покрывалах. Затем они поклонились и ушли, но вскоре появились в другом, но столь же умопомрачительно дорогом одеянии, а потом еще несколько раз выходили во все новых и новых облачениях, видимо, желая продемонстрировать весь свой гардероб. Буквально все – фрукты, повидло, сладости, орехи и прочее подавались с медом, и вскоре это изобилие еды мне надоело и даже стало вызывать отвращение, но, чтобы не обидеть хозяев, пришлось его поглощать, только вместо вина у нас были чай и кофе. Я осмелился

спросить у этого джентльмена, сколько у него жен и сколько их может быть? Он ответил:

– До четырех, но у меня – одна. У многих из нас теперь так, это лучше, чем много.

– Это почему же? – удивился я.

– Ну, когда у тебя одна жена, она не будет тратить зря твои деньги, а когда жен несколько, каждая из них постоянно требует подарки. В итоге все деньги уйдут на них, а детям ничего не останется!

Ага, значит, не только у нас семейная жизнь строится на корысти!

Однажды вечером я пошел посмотреть на магометанское моление. Мне сказали, что я могу стоять на крыльце, где верующие оставляют свою обувь, но ни в коем случае не должен входить внутрь мечети, что заставило меня вспомнить слова Всевышнего, сказанные Моисею: "Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая"^[629]. Молитвы были заунывными и торжественными. Люди ровными рядами стояли на коленях прямо от самой двери, по сигналу муллы они встали, поклонились, сделали несколько шагов и опять пали ниц, повторяя это до тех пор, пока не приблизились к алтарю. Мне сразу вспомнились слова Священного Писания: «Придите, поклонимся и падем перед Ним, преклоним колена перед Господом, Создателем нашим»^[630]. Никаких песнопений не было, мулла просто прочитал несколько фрагментов Алькорана^[631], после чего все разошлись по домам.

На окраине города, на берегу реки имеется прекрасный длинный бульвар^[632], откуда открывается обширный вид на равнину, ярмарку и пестрое сборище караванов и азиатов. Каждый вечер в павильоне играет приличный оркестр. Аристократия, казачьи офицеры и русские чиновники прогуливаются там со своими семействами, а флегматичные, невозмутимые магометане сидят на траве под деревьями со скрещенными ногами, беседуют и около девяти часов вечера расходятся по домам. В магометанском квартале нет ни кабаков, ни пьяных, так что здесь не требуется вмешательства сэра Уилфрида Лоусона^[633].

Мне никогда не приходилось видеть столь крепко сложенных мужчин, как эти бухарцы и центральноазиаты – все они были словно Адонисы^[634], гордые и благородные, особенно когда сидели верхом на коне. Говорят, что они могут делать с помощью лошадей любую работу,

но предпочитают самую легкую. Их пронзительные черные глаза сверкают, как бриллианты, однако башкирцы, калмыки и киргизцы представляют собой жалкие, убогие, ужасного вида существа, истинное воплощение монгольской неприглядности.

Я стал свидетелем еще одной, очень впечатлившей меня сцены. Узнав, что мне на некоторое время предстоит задержаться в Троицке, я отправился в полицию, чтобы отослать домой копию моего паспорта, однако полицейских здесь не было: оказывается, Троицк подчиняется оренбургскому военному губернатору. Тем временем на улице началось что – то невообразимое – все куда-то бежали, стоял барабанный бой, строем промаршировали солдаты. Я тоже побежал за всеми, решив, что случился пожар, но спросил у своего извозчика, что все это значит. Он сказал: "Ступайте за мной!" Так я и сделал, и вскоре мы подошли к толпе, которая окружила повозку, на которой везут осужденных на казнь. На ней спиной к лошадям, а лицом к улюлюкающим ротозеям сидела молодая женщина. Ее отчаянные вопли заглушала барабанная дробь, а руки и ноги у нее были крепко связаны сзади. Затем ее сняли с повозки и привязали к столбу, который сразу окружили солдаты. После этого палач закатал рукава своей красной рубахи (его лицо было еще краснее), перебросил через плечо белое полотенце, залпом выпил стакан водки и взял в руку плеть. Затем офицер зачитал осужденной приговор, который я не расслышал. Она восприняла его равнодушно. Священник причастил ее, несколько раз взмахнув крестом над головой преступницы. Как только палач нанес ей первый удар, офицер сообщил, что принято решение сослать ее в Сибирь. Толпа недовольно загудела, и бедняжка, потеряв сознание, упала в корзину с соломой. Все были разочарованы. Оказалось, женщину осудили за убийство собственного ребенка. Я уже собрался было ехать обратно, но барабаны застучали вновь. На этот раз перед толпой предстали двое осужденных, но неожиданно схватили самого палача: оказалось, что прежде чем начать пороть одного из этих преступников, приговоренного к восьмидесяти ударам кнутом за побег (уже не первый!) из Сибири, он что-то поднял с эшафота. Это была записка с просьбой не особенно стараться, и к ней было приложено три рубля. Экзекуцию немедленно прекратили, палача заковали в кандалы и отправили к оренбургскому губернатору.

Меня часто спрашивают о тамошнем климате. Такой же вопрос я задал одному немцу накануне своей первой поездки в Екатеринбург. Он

сказал: "Вот как на это всегда отвечал мой отец: там восемь месяцев бывает зима, два месяца весна и пару месяцев осень, а все остальное время – лето". Но это не совсем так. Более или менее тепло там бывает лишь два месяца в году. Однолетние растения нельзя высаживать ранее 15 июня. У меня они все замерзли даже 25 июня, а 5 июля выпал снег. В тот день двое пьяниц замерзли насмерть ночью в кирпичном сарае вблизи моего дома. Морозы бывают от -15 °С до -25° по Реомюру^[635], а иногда достигают минус 35–41° по этой шкале^[636], но это бывает нечасто и кратковременно, хотя случались дни, когда ртуть можно было расплющить на наковальне подобно свинцу. Летом, когда ветер дует с юго-востока, довольно жарко. Весной я видел висащие над лесом полчища комаров. Для спасения от них нужно обкуривать себя дымом или смазывать тело скипидаром, т. е. выбирать между вонью и укусами».

Рабочие горных заводов

Как уже отмечалось, во времена крепостного права предпринимателям, строившим металлургические заводы в этих местах, кроме лесов и рек предоставлялись земли и крепостные. Люди были необходимы для производства металла, заготовки дров и вспомогательных работ. Заводы получали землю вместе с крепостными, хотя последние для заводчика были важнее, но их нельзя было купить, поскольку они принадлежали помещикам.

Один мой знакомый англичанин владел в России фабрикой свинцовых белил. Поскольку это производство вредно для здоровья, он приобрел у одного помещика часть владений, чтобы периодически брать оттуда новых работников, а старых возвращать обратно, однако купленную землю оставил в пользование ее бывшему владельцу – ведь заводчик был англичанином, а не русским помещиком!

Проблески света иногда можно увидеть даже на темном небосклоне, а юмор – в самой печальной ситуации. Помнится, сын этого англичанина поймал крепостного, укравшего курицу из господского курятника, и привел его к отцу, который, будучи в личной жизни добряком, спросил у ворюги:

– Иван, этё ти украл куриц и съел ее?

Однако крестьянин не увидел в этом ничего плохого:

– Да, барин, это сделал я.

– Это очинь, очинь плёхо, отнине ти – воур! – нахмурился заводчик.

Крепостной, глядя на хозяина невинными глазами, отчего все присутствующие решили – этот мужик либо жулик, либо просто дурак, промолвил:

– Барин, я ничего не похищал. Да, курица была Вашей, но ведь и я принадлежу Вам, значит, попав внутрь меня, она осталась у Вас.

Да, человеку, который трудился на вредном производстве, хотя и не знал об этом, такие шутки простительны!

При строительстве в этих местах горных заводов их, как уже говорилось, снабжали рабочей силой. Сейчас все иначе. Поместья остались за помещиками, но крепостных в них теперь нет. Однако даже в те времена барин мог отпустить крепостного на несколько лет работать на заводе (правда, в любой момент мог отозвать его), за что крестьянин платил ему ежегодно оброк (в зависимости от полученного дохода это составляло от одного до трехсот фунтов стерлингов). Благодаря этому закону, крепостные из дальних поместий могли трудиться в металлургии.

Вероятно, большинство местных жителей составляют люди, работавшие на этих заводах из поколения в поколение, но теперь, когда крепостное право упразднено, они могут найти работу за пределами этих мест, уволиться с предприятий (если это не связано с контрактными обязательствами) и уехать отсюда. Русские крестьяне все схватывают на лету, поэтому они легко обучаются разным ремеслам и могут найти хорошую работу в других местах.

Я восторгаюсь теми, кто освободил крестьян, и глубоко сочувствую освобожденным. Но нынешний упадок уральской промышленности вряд ли связан с отменой крепостного права.

Джеймс Ридли

**Записки о поездке в Россию. Урал и
Зауралье в 1897 году**

В дороге

Вынося на суд читателя свои впечатления от России, точнее, от посещения мною Урала и Зауралья, должен сразу предупредить – я совершенно не знаю русского языка, но чуть-чуть владею французским и с грехом пополам немецким. Это, конечно, создавало определенные трудности в поездке, но несколько облегчалось тем, что мой исключительно галантный и любезный спутник мог общаться по-французски и особенно по-немецки, поскольку, как оказалось, для поездки по этой стране необходим именно последний. Однако он тоже не знал русского, который, безусловно, является одним из самых трудных языков на свете, ведь даже рядовые русские чиновники, получив простейшие предписания, сами не всегда могут понять, чего от них требуется.

Во время нашей экскурсии по России мы всегда сталкивались с необыкновенной любезностью, доброжелательностью, отзывчивостью и радушием всех, кого встречали на своем пути. Выданные нам царем соответствующие бумаги помогли избавиться от многочисленных проблем, которые простым путешественникам создают таможня, полиция и прочие инстанции.

Отплыв 20 июля из Гулля на корабле, мы через два дня без происшествий прибыли в Гамбург – процветающий, стремительно богатеющий и развивающийся город, прекрасное место для проживания и отдыха. В те дни в нем проходил фестиваль цветов. Его размах и организация совершенно непохожи на сходные мероприятия у нас, и поэтому это запоминается надолго. Оставив Гамбург 23 июля, мы той же ночью прибыли в Берлин, и у нас хватило времени, чтобы получить о нем общее представление. Город поражает всем – бронзовыми статуями на улицах, дворцами и общественными зданиями, которые надолго запечатлеваются в памяти всех, кто впервые оказывается в нем. Возможно, читатель упрекнет меня: «Но причем здесь Россия?» И он будет совершенно прав. Однако мои зарисовки, возможно, подвигнут тех, кто ни разу не бывал в этих городах (удивительно, как мало сюда приезжает людей!), наконец-то посетить их.

Отправившись в ночь на 25 июля из Берлина в Москву, ранним утром следующего дня мы оказались в русском пограничном г. Александрово^[637], где в течение трех часов проходили таможенный досмотр, проверку паспортов и т. д. Для нас, имевших особый статус^[638], эта формальная процедура была намного проще, чем для наших менее удачливых соотечественников.

Наконец, мы прибыли в Варшаву, или, точнее, на вокзал, расположенный недалеко от старой столицы Польши, поэтому кроме лицезрения маячащих вдали позолоченных куполов город мы почти не увидели^[639]. Сейчас нам предстояло, наверное, самое трудное в мире путешествие по железной дороге, а именно поездка в Москву, когда температура в вагоне достигает ста градусов по Фаренгейту^[640]. Несмотря на наглухо закрытые окна вагонов пыль была всюду, в совокупности с нестерпимой жарой превращая пассажира в жалкое создание. Местность между Варшавой и Москвой похожа на огромную песчаную равнину. Поскольку песок используется в качестве балластного слоя железнодорожного пути, при движении поездов образуется пыльная буря. Говорят, что скоро эта проблема будет решена, что, конечно, сделать будет непросто, но необходимо. Как инженер, я понимаю, каково приходится сейчас несчастным локомотивам, которым требуется обильная смазка. Бесспорно, зимой путешествовать поездом удобнее, но мы-то ехали в июле!

Ровный, унылый рельеф Европейской России – это почти непрерывные нивы, и, если бы природа не наделила русского крестьянина исключительно пышной шевелюрой, он вряд ли смог бы трудиться в такой зной с непокрытой головой. Будучи, как правило, здоровяком с приятной внешностью, густой копной волос на голове, бородой и усами, он медленно соображает, все делает размерено и отличается добродушием. Его повседневная одежда обычно состоит из красной или желтой рубахи, пояса и до колен сапог, защищающих от пыли и грязи летом, и от снега и мороза зимой. Бедняки довольствуются обувью из толстой рогожи^[641], а голень они обматывают тряпкой (да-да, ею!), которую обвязывают веревкой^[642]. В России косьбой и уборкой хлебов занимаются женщины, а в животноводческих районах они ухаживают за лошадьми. Мне почему-то показалось, что все русские обожают домашних животных.

Все неприятности рано или поздно заканчиваются. Так случилось и с нашим вояжем из Варшавы в Москву. Если вы вдруг вздумаете совершить круиз по России, обязательно возьмите с собой большую подушку, ковер и несколько полотенец – это не будет лишним.

Возглас «Москва!» заставил всех нас прильнуть к окнам вагона, и во второй половине дня 27 июля вдалеке показались восхитительные позолоченные купола этого великого города. Дорога из Берлина в Москву заняла сорок три часа.

Москва

Территория Москвы, крайне шумного, сложного и неудобного для прогулок города, составляет, как нам сказали, семнадцать на тринадцать верст (т. е. одиннадцать на восемь английских миль), а живет в ней 1,2 млн человек^[643]. Огромные размеры города – вот что в первую очередь поражает впервые попавшего в него.

Вид Москвы

Местные извозчики напоминают дородных пожилых леди, и чем они шире в плечах, тем вышемернее. Множество дрожек и прочих легких повозок, без которых невозможно передвигаться по этому огромному городу, стучат колесами по брусчатке, которой Москва вымощена почти вся, создавая при этом ужасный шум, хотя привыкшего к гулу английских городов британца данное обстоятельство не должно раздражать. Признаюсь, что вид Москвы меня сильно разочаровал – у нее неровные улицы, разноплановая

архитектура, и лишь ярко выраженные восточные черты и следы прежних боев за нее могут привлечь сюда путешественников.

Напомню, что Москва была столицей России до 1703 г., когда Петр Великий основал Санкт-Петербург, и поэтому многочисленные старинные здания соседствуют в ней с современными постройками. Одна из башен Кремля называется «Иван Великий»^[644]. Ее высота 209 футов, и в ней висят несколько колоколов, самый большой из которых весит 64 т^[645], однако, значительно уступает установленному по приказу царя Николая I в 1837 г.^[646] на гранитном постаменте у стен Кремля Царь-колоколу. Эта

отлитая в 1654 г. огромная 130-тонная бронзовая машина^[647] во время пожара упала с башни и получила повреждения, но была сохранена как памятник искусства^[648]. Имея в своем распоряжении лишь примитивные инструменты, русские мастера изготовили конструкцию высотой 21 футов 6 дюймов и с диаметром горловины 22 фута 6 дюймов^[649]. Здесь же установлен образец русского литейного искусства более раннего времени – Царь-пушка, изготовленная в 1586 г. при царе Федоре Ивановиче^[650] из 200 т бронзы^[651]. У меня нет возможности описать здесь все величие Кремля, его великолепное и дорогое убранство, а также четыреста пятьдесят московских церквей с их тринадцатью тысячами колоколов. Отмечу лишь прекрасный современный Соборный храм Всемилоственного Спаса^[652]. Для более подробного знакомства с Москвой я отсылаю читателя к путеводителю по ней и рекомендую лично посетить этот город. Только не забудьте при этом взять с собой пару крепких башмаков. Замечу, что наша экскурсия по России была предпринята не ради праздного любопытства, а с геологическими целями, однако мой рассказ – это заметки простого путешественника, о научной же стороне этого турне пусть напишут специалисты^[653].

Двадцать восьмого июля после обеда мы отправились по воде к Воробьевым горам, а вечером отлично поужинали в ресторане, став свидетелями прекрасного заката, значительно усилившего красоту панорамы Москвы. Говорят, что в 1812 г. отсюда Наполеон наблюдал пожар Москвы, готовясь уйти из нее навстречу своей гибели^[654].

Московский Кремль

На следующий день в половине восьмого утра часть нашей группы отправилась вниз по реке на специально подготовленном пароходе, чтобы произвести геологические изыскания. Эта краткая поездка по Москве-реке в прекрасную погоду доставила всем нам огромное удовольствие. Мы несколько раз делали остановки, причем один раз на богатейшем и крайне интересном скоплении окаменелостей, где моим друзьям – геологам было сущее раздолье.

Москва-река источает зловоние, напоминая Манчестерский канал, Клайд и Темзу сорокалетней давности. Ее обрывистые берега пронизаны норами, ведущими в гнезда береговушек. Мы также видели множество соколов и цапель, а на полях – огромные стаи чибисов (пигалиц). Наш пароход двигался мимо красивых пейзажей по длинному каналу, построенному для спрямления русла реки^[655]. Мы рассчитывали вернуться в город в девять часов вечера, но из-за поломки двигателя прибыли туда только в пять часов утра 30 июля, зато стали свидетелями восхода солнца – его падающие на позолоченные купола церквей лучи создавали неопишемое зрелище. Рассматривая с палубы город, мы узнали, что московские заводы начинают работать с

пяти часов утра, а заканчивают в пять часов вечера – во всяком случае, в это время года. Сразу невольно вспомнились те страны, где идет борьба за восьмичасовой рабочий день.

Проезжая по еще спящему городу, я обратил внимание, что все лавки закрыты железными дверями и ставнями – видимо, чтобы обезопасить их от поджогов, которые раньше были здесь частым явлением. Отбыв вечером 30 июля из Москвы, мы на следующий день в 6 часов 12 минут прибыли в Рязск, где отдохнули, а затем отправились на железнодорожную станцию Воейково^[656], где перекусили, и 1 августа в половине восьмого утра прибыли в с. Батраки^[657].

Село Батраки

Из Москвы до этого села мы добирались при температуре 78 по Фаренгейту^[658]. Крестьянские семьи здесь многодетные и многочисленные, они явно зажиточнее западноевропейских. Из Батраков мы совершили две поездки по незнакомой нам до этого Волге. Ширина реки в этих местах достигает 1482 м, и хотя берега здесь не столь живописны, увиденное произвело на нас большое впечатление. Утром нам повстречались несколько парусников, в каждом из которых сидели по четыре-пять десятков мужчин, женщин и детей, ехавших в этот воскресный день на рынок или в церковь. Нарядные, они представляли собой красивое и увлекательное зрелище. Также следует отметить огромные грузовые баржи со множеством людей, которые по три-шесть сразу тащит мощный паровой буксир. Русские очень почитают эту реку, по сути боготворят ее, любовно называя «Волга-матушка», слагают о ней заунывные, но трогательные песни. Во время вечерней экскурсии мы прошли под большим Александровским железнодорожным мостом, состоящим из тринадцати пролетов. Его возвели в 1880 г., затратив на это семь миллионов рублей. Указанная выше ширина реки в 1482 м дает некоторое представление о размерах этого сооружения^[659]. Осмотрев среди прочих интересных мест залежи асфальта в оолитовом известняке^[660], мы вернулись в Батраки, и 2 августа в два часа ночи отправились в Самару, куда прибыли ранним утром.

Крестьянки с детьми вблизи с. Батраки

Теперь расскажу о том, что представляла собой наша кампания, и каким образом мы почти три с половиной недели ехали из Москвы в Пермь. «Мы» – это англичане, австралиец, американцы, русские, французы, немцы, австрийцы, испанцы, итальянцы, мексиканцы, сербы, румыны и японцы. Британские острова представляли шестеро человек, Соединенные Штаты Америки – три десятка, а всего примерно сто сорок экскурсантов, не считая служащих железной дороги и посторонних лиц^[661]. Наш эшелон состоял из трех поездов^[662]. Первый был пассажирским (у вагонов был коридор во всю длину), во втором находились ледник с запасенными в Москве продуктами, вагон-кухня с поварами, официантами, прислугой и т. д. (мы ехали мимо мест, где обычно не было возможности обслужить столь большую делегацию), а третий представлял собой покрашенные накануне крытые платформы, на которых мы обедали. Второй и третий составы шли впереди

пассажирского, так что на ближайшей остановке нас всегда ждал готовый обед.

Ехали мы по однопутной магистрали, поэтому только железнодорожник понимает, какие усилия приложило его ведомство, чтобы обеспечить прохождение других поездов. Единственным неудобством для нас было то, что вагоны освещались лишь двумя свечами (по одной в каждом конце коридора)^[663], не позволяя вечерами играть в пикет^[664], что, вообще-то, было не так уж плохо, ведь вставать нам всегда приходилось очень рано. Правда, петербургское время (а в дни нашего путешествия мы жили по нему^[665]) опережает гринвичское на два часа, а на Урале – на четыре часа, поэтому подъем в четверть-половине пятого ночи не казался ужасным.

Самара

Самара – крупная хлебная житница Поволжья. Расположенный у слияния рек Самары и Волги, город в последние годы сильно разросся и сейчас насчитывает девяносто тысяч жителей. Как и все русские городские поселения на востоке страны, он очень велик, ибо деревянные жилища строят в удалении друг от друга из-за угрозы пожаров. Судя по огромному количеству лежащей на самарских причалах древесины, она, очевидно, является важной составляющей здешнего товарооборота.

Именно в Самаре мы впервые в полной мере узнали, что такое русская пыль. Она легко поднимается вверх, а ее слой зачастую достигает десяти-двенадцати дюймов. Когда шесть-семь десятков дрожек несутся друг за другом, дышать становится практически невозможно. После дождя пыль превращается в грязную жижу, и если ехать по ней быстро, то к концу дня становишься столь же неузнаваемым, как и после езды по пыльному тракту – грязь прилипает ко всему, словно краска.

Взойдя на борт большого парохода, мы отправились вверх по Волге и прибыли в прекрасное место, с которого открывался прекрасный вид на так называемые «Самарские Ворота», где река делает крутой изгиб, и, скрываясь за горами, исчезает из поля зрения^[666]. Здесь мы посетили тихую, уютную кумысолечебницу, где русские офицеры лечат болезни грудной клетки и других органов^[667]. Кумыс готовится из кобыльего молока, это очень кислый напиток, который при брожении становится пенистым и в зной хорошо утоляет жажду. Как нам сказали, это заведение принадлежит врачу-шотландцу^[668].

Берега реки удивительно красивы – нашим американским спутникам они напомнили Миссисипи. Мы сделали остановку в одном очаровательном местечке с целью изучения его геологического строения. Было очень жарко, поэтому в реке купалось нагишом множество людей обоего пола.

На обратном пути в Самару на фоне изумительного заката (а они в России просто потрясающие!) нам повстречалось несколько крупных пассажирских пароходов, построенных по американским образцам и

столь же комфортабельных. Еще мы видели очень длинные плоты из бревен со стоящими на них избами, что напоминало Рейн много лет назад.

Прибыв на самарскую пристань, мы долго очищали себя от пыли, а потом отправились на железнодорожную станцию. Когда мы стояли на якоре, то имели возможность наблюдать за несколькими скопами^[669], которые добывали себе пропитание вблизи нашего парохода. Они ловят рыбу точно так же, как раньше это делали наши специально обученные для охоты на дичь соколы. Многочисленные ястребы, которых нам довелось увидеть в России, кажется, не очень боятся человека, так что иногда удавалась подойти к ним почти вплотную, не вспугнув их.

Уфа, станция Аша и Миньярский завод

Не без некоторого сожаления покинув в десять часов вечера Самару, мы в 2 часа 45 минут следующего дня прибыли в Уфу. Было очень жарко, температура воздуха в тени достигала 84° по Фаренгейту^[670]. Сидя в дрожках, мы в облаке пыли въехали на высокий холм, с которого открывалась прекрасная панорама^[671].

Отсюда мы проследовали через магометанское кладбище^[672], принадлежащее башкирам – проживающей в этих местах народности, которая совершенно не походит на русских. Нам сказали, что их история пока еще не изучена, и никто не знает, откуда и когда они сюда пришли^[673]. Двигаясь в клубях пыли дальше, мы прибыли к зданию местного музея^[674], где нас исключительно вежливо и гостеприимно приняли городской голова^[675] и другие уфимские чиновники. Наряду с проявлением такой учтивости нас очень удивило наличие в столь отдаленном и практически неизвестном на Западе месте такого замечательного заведения с разнообразной и очень интересной экспозицией, включающей даже огромные кости мамонта^[676]. У нас еще будет повод рассказать об этих учреждениях Восточной России.

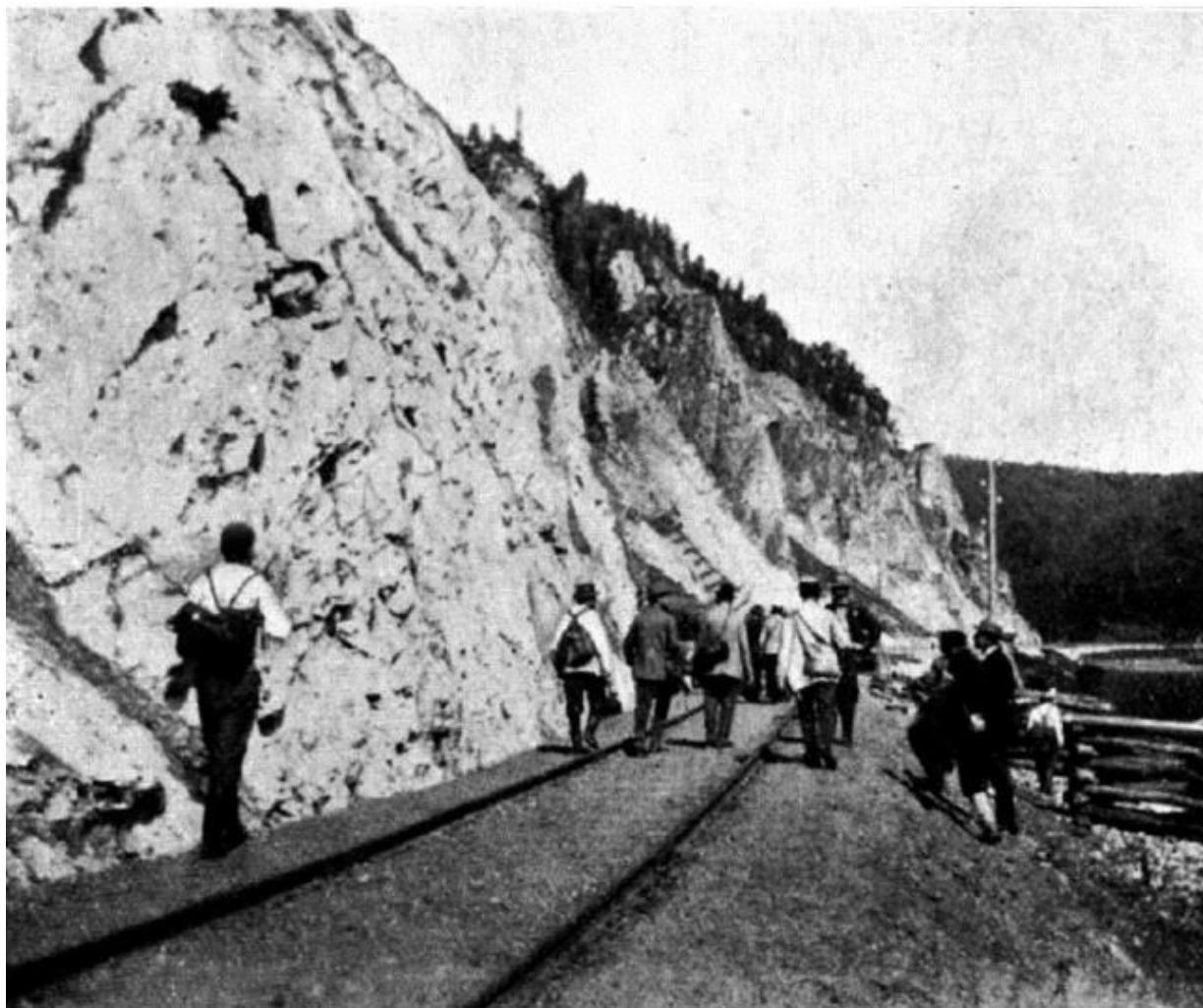
Вернувшись в вагон поезда и отобедав, некоторые из нас совершили далекую и опять же пыльную поездку в театр, который представляет собой изумительное деревянное сооружение^[677]. Нас ждала восхитительная постановка драмы из времен Ивана Грозного^[678]. Пьеса, содержание которой нам пересказали, оказалась крайне занимательной, а актеры играли почти как англичане. Сам театр находится в саду, и в антрактах зрители выходят погулять на свежем воздухе^[679]. В это время оркестр играет для них музыку. По звонку зрители возвращаются на свои места. Случайно наш визит совпал с юбилеем одной из великих княгинь^[680], в честь которого был организован фейерверк, еще больше украсивший вечер. Размеры культурных заведений в Уфе, образовательный уровень большинства ее жителей, архитектура домов и зданий, гостеприимство городских властей и все прочее заставили нас полностью пересмотреть наши прежние предвзятые представления о Восточной России, хотя раньше мы думали, что Уфа находится где-то в полудикой местности.

Большинство относительно крупных городов имеет большой потенциал, они активно растут и благоустраиваются, открывая большие перспективы для этой малоизвестной нам части Европы.

Отправившись из Уфы 4 августа в половине четвертого утра, мы прибыли на железнодорожную станцию Аша^[681], а оттуда пешком направились в Миньярский завод^[682] для изучения геологического строения этой местности. Это была одна из самых изматывающих прогулок, когда-либо предпринятых путешественниками, однако наградой за усталость и сильную жару стал вид прекрасной р. Сим, несущей свои воды среди чудесных гор. Наш немецкий коллега заметил, что эти места напоминают ему пейзажи гор Харц^[683].

Предвидя, что ужасный зной вызовет сильную жажду, я доверху наполнил простоквашей свою карманную фляжку, забыв, однако, что жара и движение способствуют усиленному брожению кислого молока. И вскоре в кармане моего плаща раздался сильный хлопок. В результате фляжка пришла в негодность, одежда перепачкалась, но, главное, теперь мне нечем было промочить горло! К счастью, один заботливый работник Миньярского железоделательного завода^[684] снабдил меня водой, за что я по гроб жизни ему благодарен. Замечу, что летом русские употребляют отменное светлое пиво, чай, вино и хорошо освежающий шипучий напиток под названием «квас», который похож на наш лимонад, но обладающий иным вкусом. Простейший квас готовят из черного хлеба.

Железная дорога вблизи станции Аша

Покинув местность, где все вокруг было выжжено зноем и, говорят, за лето может не выпасть ни капли осадков, мы прибыли в места, на климат которых влияют Уральские горы. Прохладная атмосфера оказалась очень кстати, ибо из-за плохой воды и жары экскурсанты стали болеть. К счастью, в нашем эшелоне имелся вагон-лазарет, в котором лечили дизентерию и прочие болезни, а также небольшие травмы, полученные в ходе этой поездки некоторыми ее участниками.

Прибыв в Миньярский завод в 2 часа 34 минуты пополудни, мы посетили здешнее крупное железоделательное предприятие, где впервые увидели использование лигроина в качестве топлива при

производстве пудлингового железа, работающие на дровах газовые печи Сименса^[685], а также другие премудрости русской металлургии.

Симский завод и станция Усть-Катав

Мы выехали из Миньярского завода в шесть часов вечера, и утром 5 августа прибыли на станцию Симская. Позавтракав в поезде, мы отправились на расположенный примерно в десяти милях отсюда большой металлургический завод^[686] гг. Н. и И. Балашевых^[687]. Часть нас поехала на грузовой железнодорожной заводской конке^[688], специально оборудованной временными сиденьями, другие предпочли дрожки. Я выбрал конку и не прогадал, ибо по прибытии в пункт назначения наша постоянная спутница – русская пыль – сделала моих друзей, приехавших в повозке, почти неузнаваемыми.

Хозяева завода приняли нас радушно, организовали восхитительную и уже позабытую нами ванну, освежающее купание в глубоком заводском пруду, отличный обед и осмотр своего предприятия, состоявшего из доменной фабрики (топливом для ее печей служил древесный уголь), сталеплавильного цеха с мартенами Сименса, цеха мостовых балок, фабрики по выпуску огнеупорного кирпича и других производств. Затем мы посетили великолепно оснащенную заводскую больницу^[689], которая предназначалась для обслуживания рабочих и членов их семей, живущих в примыкающем к предприятию огромном городе^[690].

Вечером в просторном здании нас ждал ужин. Только теперь мы поняли, как велось строительство Вавилонской башни. На банкете все одновременно говорили на своих языках, а под воздействием крепких русских (и не только) вин и другого спиртного это превратилось в сплошной гул, который, вероятно, стоял и при возведении упомянутого легендарного сооружения. Участники экспедиции произносили на своих языках торжественные речи, выражая глубокую благодарность хозяевам за гостеприимство. Потом оркестр заиграл вальс, в котором закружились все присутствующие. Были в тот день и русские танцы, но они, на мой взгляд, скорее демонстрируют выносливость, закалку и физическую силу, чем изящество движений и задор.

Поздним вечером одни из нас добирались в Симскую в дрожках, а другие – на конке. В 4 часа 52 минуты утра 6 августа мы покинули эти места и вскоре прибыли на станцию Усть-Катав^[691]. На время сильная

жара сменилась похолоданием и дождями, в результате чего некоторые из нас сильно простудились и заболели ангиной, которая, на мой взгляд, стала следствием того, что ранее мы надышались пылью. Еще долго многие мои попутчики ощущали недомогание.

Несмотря на пасмурную погоду, на вокзале нас встретила орава праздных обывателей, как будто мы были королевскими особами, знаменитостями, цирковой труппой или зверинцем. Они ждали нас несколько часов и, видимо, никогда не видели столько чужеземцев сразу. Мужчины обнажили перед нами головы, а женщины чинно раскланялись. За нами неотступно следовала толпа зевак, которых интересовал наш маршрут, наши покупки и т. д. Так было во всех мелких населенных пунктах, где мы останавливались. Оказалось, что простой люд принимал нас за китайцев, но чаще – за группу богачей, приехавших скупать все подряд. На перроне станции Усть-Катав нам соорудили временный павильон и кормили до отвала.

Станция Вязовая, Саткинский завод и станция Сулея

Выехав 7 августа в пять часов утра из Усть-Катава, мы в тот же день прибыли на станцию Вязовая^[692]. Погода немного улучшилась, хотя все еще было сыро и холодно. Для нас заранее были приготовлены семь десятков дрожек, собранных со всей округи, и мы отправились на них на четырнадцать миль отсюда, чтобы осмотреть несколько железных рудников.

Было весьма интересно наблюдать, как коренастые русские лошадки, запряженные в дрожки и, видимо, впервые собранные вместе в таком количестве, ржали и нервничали. О, столько тут их было! Что касается дрожек, то они состоят из двух осей, четырех колес и подвешенной на эти оси корзины. Рессоры у них отсутствуют, да и зачем они? Вместо используемой в более комфортабельных транспортных средствах подушки здесь только сено или солома. В дрожки запрягают двух-трех лошадок, а кучер пристегивается к своему сиденью в передней части корзины. Зачем он это делает, я расскажу ниже. Когда в дрожках сидит один пассажир, это еще ничего, но если в них едут две персоны, то ни о каких удобствах говорить уже не приходится. Вы не можете вытянуть свои ноги или расслабить их, а если все же захотите освободить свои затекшие конечности и откинетесь назад, то станете биться спиной о стенку корзины. Я ехал в дрожках со своим компаньоном, и мы не знали, куда пристроить свои ноги, а ведь до карьеров было тридцать четыре мили! Видимо, сардины в банке чувствуют себя более комфортабельно, поскольку у них хотя бы есть место для хвостов.

Впечатление от поездки на дрожках, следующих прямо друг за другом через невообразимо красивый лес, было потрясающим. Но как нас трясло! Повозки скакали по тропе (дорог как таковых здесь нет), подпрыгивали на камнях и лежавших на земле деревьях, вязли в глубокой колее, мчались по огромным лужам с каменистым дном и т. д. Поскольку мы ехали очень быстро, то к концу путешествия напоминали отбивные бифштексы и едва волочили затекшие ноги. Вероятно, у читателя возникнет вопрос: «Но если добираться до рудников, заводов

и всего остального приходится таким образом (замечу, что в этих местах, как правило, отсутствуют нормальные дороги или конки), то как же тогда здесь перевозят огромное количество сырья?» Ответом будет то, что в этих местах зима длится полгода, а средняя температура воздуха в этот период составляет 40° по Фаренгейту^[693]. Так что грузы везут на санях по дорогам, созданным природой из льда и снега. Начальство карьеров устроило нам великолепный прием, накормив восхитительным ужином, в том числе вкуснейшим куриным супом. Затем целая армия слуг принесла в дом охапки сена и примерно на два фута покрыла ими полы в залах. Выбрав на этом «ковре» положение поудобнее, мы, не раздеваясь, погрузились в сон и сразу же захрапели; казалось, что в доме играет оркестр инструментов, издающих звуки в диапазоне от фагота до флейты, которые иногда прерываются всхлипываниями и бормотанием – вероятно, люди во сне повторяли свою кошмарную езду по ухабистой дороге. Я, видимо, тоже храпел в ту ночь.

Как бы то ни было, встав на следующий день (это было 8 августа, воскресенье) в пять часов утра, мы обнаружили за окнами слякоть и холод. Выпив чая, наша делегация отправилась на дрожках в Охряные ямы^[694], Александровский^[695] и казенный Бакальский^[696] карьеры. Дороги к ним были еще хуже вчерашних. Дрожки имели капот, возвышавшийся над головой на двенадцать-шестнадцать дюймов, и во время этой поездки я трижды ударялся ею об его стойки – настолько сильной была тряска, сопровождавшаяся сильным раскачиванием повозки из стороны в сторону, в результате чего она в итоге опрокинулась. В это время года карьеры простаивают – рабочие косят сено, чтобы в течение шести зимних месяцев кормить своих лошадей, коров, овец и коз. Оказалось, что руду здесь добывают, создавая террасы – примерно, как на севере Испании.

Позавтракав в конторе, мы в два часа пополудни отправились на железнодорожную станцию Сулея. Дорога туда была получше, чего не скажешь о погоде, все такой же сырой и холодной. В пути мы ненадолго остановились в большом поселке Саткинского завода, где посмотреть на нас сбегалось множество прилично одетых людей – видимо, живут здесь неплохо. Геология этих мест чрезвычайно интересна, а на здешнем крупном казенном заводе мы впервые за время

пребывания в России увидели печи Рашета^[697]. Сев в Сулее на поезд, 9 августа в восьмом часу утра мы прибыли в Златоуст.

Здесь я ненадолго прерву свой рассказ, чтобы высказать восхищение красивыми, бесстрашными и сильными маленькими русскими лошадками. Почти без отдыха они доставляли нас в отдаленные места (это не всегда под силу обычным лошадям), и мы поражались их невероятной выносливости. Видимо, это объясняется тем, что чуть ли не с рождения, еще до того, как этих миниатюрных лошадок начнут применять в хозяйстве, хозяин использует их в качестве средства передвижения, тем самым закаляя их характер и делая смелыми.

Златоуст

В Златоусте мы провели три замечательных дня. Этот исключительно живописный город расположен посреди гор, с вершин которых открывается прекрасный вид, так что не зря эти места называют «русскими Альпами», и они привлекают сюда желающих отдохнуть. В Златоусте имеются литейное и механическое производства, а также оружейная фабрика^[698], где, как нам сообщили, производится большинство клинков, сабель, кинжалов, штыков и касок для русской армии. Их огромная коллекция имеется в знаменитом старинном казенном Арсенале. В Златоусте, который считается уральским Шеффилдом^[699], имеется множество мастеров по изготовлению холодного оружия. Старинный секрет изготовления дамасской стали был открыт управляющим Арсеналом полковником Аносовым^[700]. Сделанные из нее и покрытые изумительно красивой гравировкой клинки являются великолепными произведениями искусства. Не отстают в этом от штатных работников и кустари.

При Арсенале существуют любопытный минералогический музей^[701] и выставка выпускаемых Кусинским заводом^[702] замечательных статуэток и прочих изделий, отлитых из чугуна, который вроде бы малопригоден для этого. Их можно купить или заказать по своему эскизу, но жаль, что они не продаются в нашей стране, ведь красота и изысканность этих безделушек были бы по достоинству оценены всеми, кто понимает, какой труд в них вложен.

В сопровождении двух друзей меня пригласили в златоустовскую семью посмотреть образцы минералов. Одна из девушек предстала перед нами в русском костюме, который, наверное, носили лет семьдесят-восемьдесят назад. Искусная многоцветная вышивка, замысловатая и весьма интересная конструкция делали его настоящим чудом рукоделия, впрочем, подробно описать это одеяние может только женщина.

Во время пребывания в Златоусте нам показали несколько заброшенных рудников, которые были в разное время созданы царскими указами для добычи драгоценных камней и редких минералов^[703]. Для этого нам пришлось ехать по лесу (я уже

рассказывал, что такое поездка по русскому лесу) миль восемнадцать в сопровождении проводников. Мы тщательно осмотрели отвалы породы, но не нашли там ничего ценного. Другая часть нашего отряда поднялась на гору Большой Таганай^[704].

Проведя в этих местах несколько дней, мы лучше узнали, что такое русская железнодорожная станция. Оказывается, в этих местах отсутствует так называемый средний класс. С раннего утра перрон заполняется крестьянами с семьями и домашним скарбом. Люди спят повсюду, ими заполнены все помещения станции. Они приезжают сюда издалека по ночам, и спят до прибытия своего поезда. Толпы крестьян, которые мы видели, вероятно, совершали свои поездки в связи с наступлением уборочной. Предназначенные для крестьян вагоны третьего класса – это просто крытые платформы для перевозки крупного рогатого скота, лошадей, грузов и солдат^[705]. Несколько досок для сидения и простые полки для сна, установленные в концах вагона, – вот и все удобства. Поскольку пассажиров всегда бывает много, ехать в таких условиях, вероятно, совсем непросто. Неизменным предметом быта русских крестьян является «самовар – латунная урна, в которой кипятят воду для чая. Этот напиток ежедневно употребляет вся страна, он чуть темнее соломы и не походит на наш. Производят его из китайского чайного листа, подают горячим в стеклянном стакане с сахаром и долькой лимона. Он неплохо освежает, правда, сначала мы его избегали, но потом привыкли и уже не могли без него жить. Еще одной особенностью русских вокзалов, которые, как правило, представляют собой прекрасные огромные здания, является наличие в них роскошной православной церкви, в которой постоянно молятся люди. Православие присутствует в каждом русском доме, чуть ли не в каждой комнате в виде икон – картин, изображающих Христа, Богородицу, святых и т. д. Они очень почитаемы, и, видимо, обладают чудодейственной силой, но я, не являясь знатоком этого, воздержусь от соответствующих комментариев.

У русского крестьянина всегда очень серьезное выражение лица, он редко улыбается – возможно потому, что почти лишен чувства юмора. Скорее всего, это вызвано тяжелой и однообразной жизнью, последствиями крепостного права, которое было отменено лишь в 1861 г. покойным императором Александром II, а может быть и совокупностью всех этих причин. Хотя мы видели несколько засеянных

рожью полей, русские в этих местах не обрабатывают землю, несмотря на то, что она здесь очень плодородная, а климат почти такой же, как в Соединенных Штатах Америки и Канаде. В дни нашего пребывания в Златоусте было пасмурно, стоял туман, напоминавший позднюю шотландскую осень, температура воздуха временами понижалась до 48° по Фаренгейту^[706]. Заводчане более деятельны, чем крестьяне: рабочие прибегают к силе при отстаивании своих прав и громят все вокруг, что иногда требует вмешательства полиции или солдат.

Условия труда на заводах России весьма интересны. Государство осуществляет тщательный контроль за предприятиями, в частности, следит за размером жалованья рабочих. Работника можно уволить за отсутствие на своем месте свыше трех дней, но, по словам одного чиновника, в дни поминовения святых (а это здесь праздник) или в случае рождения и смерти родственника люди уходят в загул как раз на столько, что отрицательно сказывается на производстве. В целом организация труда в России отличается от нашей.

Кстати, единственными музыкальными инструментами, которые мы встречали у крестьян, были аккордеон и гармонь, хотя, возможно, существуют и другие.

Миасский завод

Наше незабываемое пребывание в Златоусте завершилось 11 августа. На следующий день в третьем часу ночи наша делегация прибыла в Миасский завод^[707]. Погода, к счастью, заметно улучшилась, и мы вспомнили, что сегодня у нас на родине начался сезон охоты на шотландскую куропатку^[708]. В Миасском заводе ее нам заменило созерцание великолепного пейзажа Уральских гор.

В этом месте установлен небольшой обелиск, обозначающий границу между Европой и Азией^[709]. Отправившись с железнодорожной станции^[710] пешком через лес, мы взобрались на довольно высокую, крутую и скалистую Александровскую сопку^[711], откуда открывался великолепный вид на бескрайние просторы Сибири. Наш японский компаньон, глядя на них, задумчиво обронил: «Там мой дом!» Картина новых земель всегда впечатляет. Перед нами была территория, которую видели лишь немногие западноевропейцы. Сибирь обычно считают бесплодной, местом ссылки, однако с того самого «Славного дня двенадцатого»^[712] мы стали воспринимать ее совершенно иначе.

Спустившись с горы, наша делегация ознакомилась с добычей аллювиального (россыпного) золота, которую вела частная компания. Рабочие выбирали грунт на глубину восемь футов. Сначала они удаляли верхний слой торфа и дерна толщиной в два фута, затем один фут глины, а потом два фута золотосодержащего песка и гравия, которые доставлялись на промывочную фабрику, где золото извлекают путем испарения ртути.

Гора Александровская сопка, вид с европейской стороны

Вновь наступила жара – 84° по Фаренгейту в тени^[713]. Это произошло как-то сразу. Вечером гражданская администрация Миасского завода с обычной для русских щедростью и гостеприимством пригласила нас на ужин. Как обычно, великолепнейший оркестр играл музыку. Очень торжественная, величественная и проникновенная, она напоминала нашу, и было бы неплохо, если бы ее почаще исполняли в Англии.

Возможно, читателю будет интересно узнать, что представляет собой типичный русский ужин. Закуски всегда предлагают в начале, и, по возможности, в отдельном помещении. Вы можете выбрать икру, соленую селедку, сардины, омары, ветчину, редис и т. д. На столе теснятся бесчисленные напитки – водка, коньяк, русские красные и белые вина, мадера, браун шерри, ром и т. д. Русская закуска походит на нашу, только ее бывает очень много. Собственно угощение начинается в другой комнате с супов, кои весьма хороши, насыщеннее наших, и

всегда подаются с маленькими горячими роллами, похожими на запеченные в тесте колбаски^[714]. Сначала это показалось нам странным, но вскоре мы привыкли. После супа наступает черед котлет из телятины, говядины, баранины, птицы и т. д. Далее следует рыба – осетр, стерлядь, лосось и прочее. Блюда из осетра – подлинный деликатес, мы часто лакомились ими в нашем поезде, ибо другой рыбы нам не подавали. После вторых блюд объявляется перекур – обычай, который тоже показался мне странным, но вызовет восторг у курильщиков. В это время подается мороженое, а также произносятся тосты и речи. После того, как тостующий выпьет, гости пожимают ему руку. Затем подают блюда из дичи, приготовленные из бекасов, вальдшнепов, уток и т. д. Вслед за ними следуют овощи, а потом десерт из фруктов, фруктовый салат и т. п. Завершают ужин кофе и сигареты. Большинство блюд заправляют сыром, супы для придания им пикантности и приятного вкуса заправляют сметаной и молоком. Таков в общих чертах русский ужин, конкретно же он выглядит таким образом:

1. Суп из стерляди с рыбным паштетом, запеченным в тесте^[715].
2. Филе с тушеным жардиньером^[716].
3. Жаркое из молодой индейки, рябчиков, бекасов и т. д.
4. Цветная капуста, голландский и польский соусы^[717].
5. Парфе^[718] из малины.
6. Десерт.
7. Кофе. Чай.

А вот что подавали нам:

1. Консоме^[719] с запеченными в тесте различного рода паштетами^[720].
2. Соус «провансаль»^[721].
3. Филе а ля Годар^[722] и жаркое из дичи.
4. Цветная капуста. Польский соус. Арахис.
5. Мороженое. Кофе. Чай.

Нельзя не упомянуть и русский огурец – вкуснейший овощ, который в России едят все. Он напоминает очень длинную картофелину, и его во множестве выращивают на полях. Огурцы

подают перед основной едой, они очень вкусные как в свежем, так и в слегка замаринованном виде. Нам часто приходилось видеть, как на вокзалах бедные крестьяне завтракают огромным ломтем черного хлеба и огурцом, запивая их водой из крана, и с каким смаком они это делают!^[723] В этих местах живет множество татар, которые, на наш взгляд, крайне бедны и заняты самой тяжелой работой, тогда как довольно прилично одетые русские крестьяне, кажется, трудятся мало или вообще бездельничают. Интересно, что над поверхностью здешних озер носятся огромные стрекозы.

Во второй половине дня мы побывали на весьма интересных месторождениях полезных ископаемых, а потом отправились на поезде в Челябинск. Вечером мы посетили в нем приехавший на гастроли цирк. К нашему удивлению, в качестве изображавших амазонок африканок в нем выступали актрисы. Они разыграли сцену ночного нападения на их лагерь. Несколько лет назад я уже видел в Англии этот спектакль, и сейчас спросил у смуглой девушки-циркачки, продававшей зрителям программу, говорит ли она по-английски?

– Да, – ответила она.

– Ты бывала в Англии?

– Ага.

– Уж не в Брайтоне^[724] ли?

– Именно там.

– А я тебя там видел!

– Да ну!

Присутствовавшие при нашем разговоре русские, кажется, несколько были удивлены, но так ничего и не поняли. Действительно, выступление африканских женщин в Сибири – это что-то! ^[725]

Челябинск

Тринадцатого августа мы достигли Зауралья – это где-то в 1483 милях от Москвы. Наш поезд ехал по строящейся грандиозной Транссибирской железнодорожной магистрали, которая соединит Россию с тихоокеанским побережьем. Ее сооружают с обоих концов и планируют пустить в эксплуатацию примерно через четыре года. Участок от Миасского завода до Екатеринбурга был пущен только в конце 1896 г. Окрестности вблизи Миасса идеально ровные, здесь выращивается много пшеницы, ржи и т. д.

Рано утром 14 августа мы отправились за шестнадцать миль отсюда на принадлежащие мистеру Вонлярлярскому^[726] золотые прииски. На этот раз я ехал в дрожках один, что намного лучше, чем путешествовать с компаньоном. Мы двигались по содержащемуся в довольно сносном состоянии великолепному и удивительно широкому Сибирскому тракту. По правой его стороне росли березы. Серебристый отблеск их стволов и нежные оттенки листвы сочетались с огромными табунами крупного рогатого скота, лошадей, овец и коз, которые вместе с пастухами иногда пересекали нам путь. Удаляясь, стволы деревьев приобретали нежный жемчужно-серебристый оттенок, ажурная листва на верхушках берез сливалась с небом, и все это на фоне ярких цветов кустарника становилось еще более контрастным благодаря красным и желтым рубашкам пастухов, пестрому окрасу крупного рогатого скота и т. д., придавая этой картине незабываемый вид, который, думаю, вряд ли сможет точно передать художник, хотя некоторые русские живописцы вроде бы с этим прекрасно справляются.

Полуземлянки вблизи Челябинска

Прервав приятную поездку, мы заехали в примыкающую к приискам деревню. Избы в ней практически находятся под землей, а их крыши едва возвышаются над ее поверхностью. Такая конструкция хорошо защищает их обитателей от здешней суровой зимы. Русская деревня Восточной России обычно представляет собой два ровных ряда бревенчатых или деревянных изб, разделенных улицей примерно в полсотни ярдов шириной и размещенных пореже в целях защиты от пожара — частого бича села. Фасады домов соединены заборами с воротами, которые ведут в маленькие сады, конюшни и т. д. Последний штрих сельскому пейзажу добавляет находящееся на улице религиозное святилище, а если позволяет место, то и православная церковь. Магазинов как таковых в деревнях нет, их заменяет дом лавочника, над дверью которого рисунок часов и циферблата, сапог и ботинок, хлеба,

овощей и фруктов, седел и упряжи, ружей, пистолетов означает, что можно здесь приобрести.

В деревнях интересно наблюдать за крупным рогатым скотом, овцами, козами, лошадьми и т. д. Утром пастухи выгоняют их огромное стадо на ближайшее пастбище. Возвращаясь днем или вечером в деревню, животное подходит к избе своего хозяина и смиренно ждет, когда ему откроют ворота. Позы, которые принимает прислонившийся к деревянным постройкам скот, нередко вдохновляют художников на создание прекраснейших полотен, подобных которым нигде нет. Скот и лошади здесь очень мелкие, а овцы совершенно не похожи на наших – довольно изящные и прекрасно сложенные, они обладают чрезвычайно тонкими ногами. Всякий, кто проезжает по этим деревням, не может не заметить присутствия множества ручных голубей – в России они считаются чуть ли не священной птицей и убивать их нельзя. Если поблизости нет крупных городов, то в этих местах стоит абсолютная тишина, не поют птицы и не кричат животные, на здешних площадях отсутствуют часы – вероятно, на то имеется какая-то причина – и поэтому не слышно их боя.

Вскоре мы прибыли на шахту, где добывают кварц. Ее глубина составляет восемьдесят метров. Переодевшись в шахтерскую робу, мы спустились по лестнице вниз и увидели, как ведутся подземные работы, а по возвращении на поверхность наблюдали измельчение и промывку породы. За год здесь намыывают золота на 3,6 млн руб.

После обеда и возвращения в Челябинск у меня и двух моих друзей оставалось свободное время, и мы решили посетить бараки для переселенцев. Ежегодно из России в Сибирь при содействии государства переезжает множество людей. Ответственные за это учтивые чиновник и врач сообщили нам, что в 1896 г. в Сибирь их число составило примерно двести тысяч человек, а в 1897 г. – всего шестьдесят тысяч из-за недостаточного финансирования со стороны государства. Люди проходят здесь медицинское освидетельствование, тех, кто болен или плохо себя чувствует, лечат, и только потом отправляют в путь. Обычно переселенцы страдают брюшным тифом, дифтерией, болезнями легких и грудной клетки. Поскольку в бараках содержались и больные, мы, не являясь врачами, быстренько покинули их, сели на поезд и 14 августа прибыли на станцию Кыштым. В этих

местах железнодорожные станции почему-то всегда располагаются в двух-трех милях от одноименных населенных пунктов^[727].

Поздним вечером мы побывали на соседнем железоделательном заводе^[728] и познакомились с его интересными технологиями. Удивительно, насколько резкими бывают в этих местах колебания температуры воздуха. Если в Миасском заводе термометр показывал 84° по Фаренгейту^[729], то в Кыштымском – только 44 градуса^[730]. Ночью с балкона частного особняка^[731] мы наблюдали потрясающее зрелище: вдали виднелись горы, недалеко находились озеро^[732], белоснежная православная церковь с голубыми куполами^[733], рядом с нами – огромный двор, с трех сторон окруженный белыми зданиями необычной конструкции и формы. Луна светила так, словно дело было днем.

Группа крестьян на горе Сугомак

Ранним утром 15 августа, в воскресенье, мы отъехали на приличное расстояние от города^[734] и, оставив дрожки в лесу, поднялись на гору Сугомак^[735], с вершины которой на западе открывался прекрасный вид на Уральские горы, а на востоке – просторы Сибири, где нашим взорам предстало множество озер^[736], что стало хорошим вознаграждением за трудный подъем на эту вершину. По возвращении, пока мы сидели на траве у дрожек в ожидании своих товарищей, к нам подошли люди – это были преимущественно женщины – и угостили нас семенами подсолнечника, который в Восточной России растет почти в каждом крестьянском дворе. Мы уехали из Кыштыма в 9 часов 20 минут вечера^[737].

Екатеринбург

В 9 часов 51 минуту утра 16 августа мы прибыли в Екатеринбург. В течение двух дней, проведенных в этом городе, обо мне, двух американцах и мексиканце заботился местный горный инженер мистер Миквиц^[738].

Здесь нам особенно не хватало знания русского языка. Три человека – полицейский, представитель железной дороги и член нашей команды, говоривший по-русски, объяснили кучеру его маршрут, и он на большой скорости помчал нас к дому мистера Миквица^[739]. Но спустя достаточно много времени возница замедлил темп – оказалось, он забыл адрес. Мы показали ему бумагу, где было написано, куда ехать, но он ничего не понял. Пятеро уличных прохожих, которым мы совали ее под нос, только качали головами. Пришлось отправить кучера в лавку. Он вышел оттуда с довольным выражением лица – мол, теперь понял! – и в итоге доставил нас по назначению. Эх, если бы он разумел те короткие и крепкие английские выражения, которыми мы его крыли!

Накануне отъезда из Екатеринбурга нам захотелось проехаться по городу. Толком не поняв, наш кучер погнал лошадей и быстро доставил нас на железнодорожную станцию. Зря потеряв полчаса, мы приказали извозчику привезти нас обратно. Однако ни он, ни прохожие, к которым мы обращались, ничего не понимали, пока, наконец, один полицейский, чиркнув спичкой, не прочитал у нас адрес. На все это у нас ушел целый час.

Пообщавшись с нашим любезным хозяином и его милой сестрой, мы отправились в местный музей^[740], куда нас пригласили члены Уральского общества любителей естествознания, возглавляемого Его Императорским Высочеством великим князем Михаилом Николаевичем^[741]. В этом великолепном заведении хранятся многочисленные интересные экспонаты, в частности, скелет мамонта. Здесь же выставлен почти целый скелет огромного оленя, который превосходит своего знаменитого вымершего ирландского собрата. Рост музейного экспоната от земли до верхушки рогов составляет десять футов^[742].

Екатеринбург издавна славится своими драгоценными камнями – изумрудами, топазами, розовыми и зелеными турмалинами, гранатами и т. д. Благодаря содействию членов указанного общества нам посчастливилось увидеть некоторые из этих камней, прошедших огранку и предназначенных для продажи. Мы также осмотрели выставку изделий из редких и дорогих минералов – малахита, лазури, яшмы, нефрита, родонита, хризопраза, берилла и др. Члены общества дали в честь нас ужин в Екатеринбургском собрании^[743] – великолепном здании, не уступающем большинству крупнейших и влиятельных английских заведений такого рода. После роскошной трапезы, сопровождаемой, как обычно, замечательной игрой духового оркестра, мы далеко за полночь вернулись домой.

Ах, какие нас ждали кровати! Уютные, просторные, со свежим постельным бельем... В них можно было свободно вытянуть ноги, ворочаться и нежиться. Привыкшие к полкам вагона, мы долго не могли уснуть, но в итоге Морфей все же взял свое.

Наш сон длился всего три часа, ибо уже в пять часов утра 17 августа мы отправились на месторождения золота в дюжине миль отсюда и, проезжая мимо большого озера^[744], остановились, чтобы полюбоваться удивительным созданием природы – Шарташскими каменными палатками^[745].

Поездка на Березовские золотые прииски^[746] проходила в крайне сложных погодных условиях. После осмотра месторождения нас чисто по-русски изобильно накормили. День, к сожалению, был промозглым и сумрачным, а один из нас, упав, вывихнул ключицу. Чтобы доставить его в Екатеринбург, мы с компаньоном выехали рано утром другим маршрутом по размытой ливнем дороге.

Рано утром 18 августа мы попрощались с нашими добрейшими и заботливыми хозяином и хозяйкой, и в 5 часов 18 минут отбыли на поезде из Екатеринбурга. Дорога шла по потрясающе красивым местам мимо многочисленных золотых приисков. В одиннадцать часов дня состав прибыл в Нижний Тагил, где нас, как обычно, встречала толпа местных жителей.

Нижне-Тагильский завод

Подъездной путь на станции Нижний Тагил оказался слишком коротким, чтобы вместить наш состав, поэтому поезд загнали на запасную ветку в паре миль от перрона. Нам сразу предоставили специальный состав из грузовых платформ с установленными на них временными сиденьями, на котором нас доставили в город, а через сорок один час вновь доставили к нашему поезду. Нижне-Тагильский завод — это крупный промышленный центр с богатыми месторождениями железа, меди и малахита, на нем производится много чугуна, стали, паровозов, вагонов и т. д., а среди его прекрасных зданий можно назвать дворец князя Демидова.

Говорят, что Петр Великий, путешествуя по Уралу, однажды остановился у кузнеца Демидова^[747], и, взяв в руки конскую подкову, разломил ее пополам. Прodelав то же самое с другими подковами, царь сказал: «Плохие они у тебя!» Опешивший кузнец промолчал, но когда Петр подарил ему большую серебряную монету, сломал ее двумя пальцами, воскликнув: «Так и твои, Ваше Величество, деньги тоже худые!» Физическая сила и прямодушие кузнеца настолько впечатлили императора, что он сначала сделал его управителем железных рудников, а потом назначил главой крупного горнозаводского округа^[748]. Так начался взлет династии Демидовых. Следует заметить, что Петр Великий был человеком огромной физической силы и гигантского роста.

Пообедав в нашем поезде, мы сразу же отправились осматривать находившиеся неподалеку огромные карьеры железной руды — настоящий рай для геолога. Уделив им немало времени, мы поднялись на соседнюю высокую гору^[749]. Как обычно, нам открылась очень захватывающая великолепная панорама невероятного размаха, которая отличалась от всего, что мы видели в других странах. Особенно удивляло то, что в этой части России множество людей занято в промышленности. Например, добычей железной руды занимались примерно сто женщин и девушек, каждая из которых катила в расположенные где-то в миле от карьера отвалы тележку со всего лишь шестью-семью хандредвейтами^[750] пустой породы. Специалист сразу поймет, что заменить этих леди опрокидывающимися вагонетками

было бы экономически выгоднее. Хотя на нижнетагильских рудниках эксплуатация одной лошади стоит всего лишь 10–20 шиллингов в день, женщине платят аж два пенса, поэтому, чтобы понять, почему здесь применяется явно непродуктивный и дорогой труд женщин, необходимо провести отдельное исследование.

Здесь будет уместно вкратце сообщить о жалованье и стоимости продуктов питания в этих местах: заводской мастер получает три шиллинга в день, помощник мастера – 2 шиллинга 5 пенсов, подсобный рабочий – 1 шиллинг 9 пенсов. На золотых приисках людям платят от 1 шиллинга 2 пенсов до 1 шиллинга 7 пенсов в день. Нетрудно догадаться, сколько зарабатывают разнорабочие, женщины и девушки. Правда, здесь очень дешевые продукты питания: фунт мяса стоит 1,25 пенса, курица – 2,25 пенса, ржаной хлеб – менее пенса за фунт, другие продукты столь же дешевые.

Сев на наш поезд, мы прибыли в город. Владельцы здешних карьеров и завода организовали в нашу честь ужин. Рядом с веткой железной дороги и городской администрацией для этого был сооружен временный помост. Следующим утром некоторые из нас побывали на платиновых приисках, расположенных примерно в двадцати четырех милях от Нижне-Тагильского завода. Платину добывают так же, как и золото – промыванием. Затем одна группа моих коллег провела день на месторождениях малахита и меди, я же с двумя компаньонами отправился на огромный Нижне-Тагильский чугуноплавильный и железоделательный завод.

Осмотрев его, мы решили перекусить, но ресторана в этом городе не оказалось. Зайдя в один из домов, мы, не имея при себе разговорника, с трудом объяснили пожилой хозяйке, чтобы она приготовила бифштекс, но это не утолило наш голод. Будучи не в состоянии выразить свое желание словами, мы нарисовали на листе бумаги яйцо, которое разрезают ножом на две части и выливают его содержимое в стакан. Умная женщина сразу же сообразила, что мы хотим пашот^[751]. Пока мы уплетали его, старушка, подойдя к столу, стала как бы доить руками воздух, а потом показала на стакан и рот. Не понимая смысла ее движений, но догадываясь, что она хочет попотчевать нас чем-то еще, мы, сделав серьезные лица, затараторили по-русски: «Да, да». Она ушла и вскоре вернулась с кринкой молока – оказывается, хозяйка изображала, откуда оно берется. Выпив его, мы

стали жестами показывать, как стригут волосы, старательно выговаривая при этом слово «парикмахар» (так русские называют цирюльника). Женщина в ответ закивала «о, да-да» и, подойдя к окну, указала пальцем на большую площадь^[752], где работал цирюльник, который и привел нас в относительно презентабельный вид.

Нижне-Баранчинский завод и станция Кушва

В пятом часу ночи 20 августа, направляясь на станцию Кушва^[753], мы на несколько часов остановились в Нижне-Баранчинском заводе^[754]. Недалеко от станции Баранчинская мы поднялись на высокую гору и с нее осмотрели округу^[755]. В пути на вершину, который отчасти проходил по лесу, нас сопровождали множество людей на лошадях и конная полиция.

Возвращаясь на станцию, мы завернули на большой военный Нижне-Баранчинский чугуноплавильный завод^[756]. Там повсюду шло празднество, дороги были украшены арками из еловых веток, а люди перекрыли тракт. Оказывается, отмечалось 150-летие завода^[757], и к нашему удивлению, нас тоже пригласили присоединиться к всеобщему веселью, а начальство приготовило для нас изысканнейший завтрак. Предварительно нам продемонстрировали искусно выполненные модели снарядов, выпускаемых этим предприятием.

Контора Нижне-Баранчинского завода

Расставшись с гостеприимными и любезными заводчанами, мы подъехали в дрожках к поезду, и в 11 часов 48 минут дня уже были на станции Кушва, откуда отправились за пять миль на изумительное месторождение магнитного железняка горы Благодать^[758]. Мы изучили геологию этого огромного карьера и технологию его эксплуатации. На вершине горы возведено роскошное святилище, в котором постоянно горят свечи^[759]. До середины прошлого века это месторождение было известно только здешним туземцам^[760], а русским о нем впервые сообщил некий Степан Чумпин, за что был заживо сожжен своими соплеменниками^[761]. В честь него и воздвигли этот храм.

Группа кушвинских крестьян

Подивившись размерам этого месторождения и долгому времени его эксплуатации^[762], мы пообедали и, быстро доехав на дрожках до станции^[763], сели на поезд, а вечером расстались с радетельным начальником нашей экспедиции мистером Чернышёвым^[764], который отбыл в Санкт-Петербург. По этому случаю нами было устроено факельное шествие из свеч. Поезд, остановившийся в безлюдной местности недалеко от станции, и толпа распевающих при свете луны (и свечей!) народные песни делегатов конгресса^[765] выглядели довольно странно, и, замечу, несколько необычно на фоне характерной для этих мест пронзительной тишины.

Гора Благодать

Вид на гору Благодать с восточной стороны

В половине седьмого утра 21 августа наш поезд тронулся с места и вскоре прибыл на границу Азии и Европы. Я испытал определенное волнение, когда, выйдя из вагона, увидел обелиск, на котором с одной стороны было написано «Азия», а с другой – «Европа»^[766]. Мое сердце забилося еще сильнее, когда я осознал, что двигаюсь в сторону своей родины. У всех было отличное настроение: погода стояла прекрасная, поезд шел на запад. Недалеко от железнодорожной станции Чусовская^[767] мы посетили огромный завод^[768], искупались в реке^[769], а затем поехали по местности, которая напомнила моим американским спутникам Аллеганские горы в Пенсильвании. Вскоре мы спустились в Пермь. Да-да, именно «спустились», потому что издалека казалось, что город находится ниже нас. Напрямую до него было всего шестнадцать верст, но поскольку путь преграждали горы, ехать пришлось сорок пять верст. Вокруг был дремучий лес, который, как нам сказали, кишит медведями. Зимой они иногда нападают на людей и домашних животных, поэтому в это время года за косолапыми отправляются охотники.

Пермь

Ранним утром 22 августа, в воскресенье, наше незабываемое путешествие, длившееся три недели и два дня, завершилось прибытием в Пермь – крупный город, через который проходит железнодорожная магистраль в сторону реки Кама, притока Волги. Этот край очень интересен с точки зрения геологии, поскольку имеет отношение к пермскому геологическому периоду^[770], названному так в честь этих мест сэром Родериком И. Мурчисоном.

Пермские татары

Еще одна группа пермских татар

Мы сразу же отправились в прекрасный местный музей^[771], где в девять часов утра (!), в воскресенье, нас приняли градоначальники. Затем мы посетили церкви, общественные заведения и прочие места, а потом сели на пароход «Екатеринбург»^[772], чтобы через четверо суток оказаться в Нижнем Новгороде. Несмотря на зной, торговля на пристани шла полным ходом, и мы накупили арбузов и прочих фруктов. Правда, у нашего парохода сломалось гребное колесо, поэтому нам некоторое время пришлось провести на берегу. Здесь не было привычных нам погрузочно-разгрузочных механизмов — вместо них трудились восемь работников (все они что-то напевали), которые тащили на спине в трюм судна огромные тюки с шерстью и пенькой. Покачиваясь, они шли по деревянному трапу ярдов сто пятьдесят длиной^[773], оставляли груз и возвращались за его новой партией.

Несколько мужчин несли на борт огромные связки дров для корабельных котлов. Удивительно, но жалованье у них было таким же мизерным, как и на рудниках. На причале толпилось множество пассажиров, искавших свои пароходы или перепутавших их. Эту картину усиливали огромное разнообразие одежд и непрерывный гул толпы.

Русские речные пассажирские пароходы – это построенные по американскому образцу огромные суда, фактически являющиеся плавучими отелями. Они ходят по Каме и Волге вплоть до Каспийского моря, т. е. примерно на 1,2 тыс. английских миль. Поднявшись на борт и пережив обычную в таких случаях небольшую суматоху, мы около полудня отчалили от берега. Погода стояла прекрасная, но было очень жарко, хотя плавание по реке все же намного лучше утомительной езды на поезде.

Большинство крупных русских пароходов работает на нефти, которую доставляют вверх по Каме с юга страны в огромных баржах и закачивают в плавучие речные хранилища. Из пароходных топливных цистерн нефть по гибкому шлангу поступает в котел. Такая конструкция приводит к большому расходу нефти.

На участке от Перми до Волги Кама даже шире последней – от восьмисот ярдов до одной мили. Во время весеннего паводка вода иногда разливается почти на тридцать миль. Ландшафт берегов был скучным, но его отчасти скрашивали колоритнейшие баржи и пароходы с разнообразием пассажиров и сценки возвращения воскресным днем домой на огромных паромов семей с лошадьми и повозками. Изредка на страницы наших газет попадают сообщения о потоплениях этих всегда переполненных людьми транспортных средств.

Русские бурлаки на Волге

Укладываясь спать, мы знали, что будем ночевать не одни, поэтому еще утром повсюду рассыпали порошок против насекомых, тем самым обеспечив себе спокойный сон. Накануне третьей ночи наш американский компаньон показал на угол: «Посмотрите, кого я там раздавил». Он чиркнул спичкой, мы взглянули туда, и отправились ночевать в музыкальный салон. Ранним утром туда пришел слуга, чтобы подмести пол. Впотьмах он не приметил трех скорчившиеся на стульях людей в одежде, но когда все же увидел нас, то сильно испугался и включил освещение. Однако поняв, что мы не воскресшие из небытия речные пираты из недавнего прошлого^[774], погасил свет и ушел.

Примерно в половине восьмого утра 23 августа у нашего парохода неожиданно сломалось гребное колесо, починка которого заняла часа

три, но потом мы плыли без происшествий, иногда делая остановки с целью изучения геологии этих мест.

В Чистополе^[775] мы с удивлением обнаружили фабрику по производству серной кислоты, едкого натра, хлорной извести и т. д., сырье для которых привозят издалека. На причале нас провожала пестрая толпа рабочих, преимущественно татар, и множество женщин в национальных костюмах^[776].

Ночью наш пароход вошел в Волгу. Ее берега были более разнообразными, чем камские, к тому же круче и грубее. Наши американские коллеги отметили, что в этом месте Волга похожа на р. Миссури, но пошире последней. В тот год из-за засухи река сильно обмелела, поэтому плыть приходилось очень осторожно, постоянно замеряя глубину фарватера багром. Мимо проплывало множество всевозможных судов, в большинстве своем очень больших, свидетельствуя о размахе хозяйственной деятельности в Поволжье. После краткой остановки в Богородском^[777] утром 24 августа перед нами предстала знаменитая Казань, которая издали напоминала своим величием Москву.

Казань

Двадцать пятого августа мы подошли к казанской пристани в предвкушении чего-то необычного^[778]. Сходни с парохода ради нас устлали коврами, а на пирсе нашу группу встречали городской голова^[779] и другие хозяева города. Градоначальник тепло приветствовал прибывших по-французски^[780], после чего с ответным словом выступил руководитель нашей делегации^[781]. Кстати, нас часто принимали именно так. После завершения этих формальностей нас усадили в составленный из вагонов конки поезд и в сопровождении отряда конной полиции повезли в город, находящийся примерно в четырех милях от пристани.

Конно-железная дорога, связывающая город с портом^[782], проложена по высокой искусственной насыпи^[783], поэтому рельсы паводок не заливают. Многие дома тоже стоят здесь на высоких сваях, а такое количество исключительно аккуратно уложенных по обеим сторонам пути пиломатериалов я видел только в канадской Оттаве. Оказывается, во время паводка плавающую древесину подтягивают сюда, а когда вода спадет, ее укладывают в штабеля.

В Казанском университете нас встречали столь же по-русски хлебосольно. Потом мы сели в дрожки и поехали в татарское село, находящееся в трех милях отсюда^[784]. При виде нас татарки закрывали свои лица платками. Рядом с селением располагалось магометанское кладбище^[785], где на могилах лежали камни с арабскими надписями. Местные старики позволили нам присутствовать на молении в соседней мечети^[786] и даже разрешили зайти в мечеть не разуваясь, однако сами это сделали. В спартанском, безо всяких украшений интерьере храма единственной мебелью являлся амвон, а в восточной стене имелось большое окно с зеленым стеклом^[787]. Разве сравнишь это с роскошными православными храмами! И все же здесь было уютно.

Затем мы посетили базар, где всем заправляли татары, купили у них восхитительные кожаные сапоги^[788], ботинки, женские туфли, татарские шапки, шубы и несколько старинных безделушек. Торговец-татарин – личность весьма колоритная, он носит длинный черный

халат, а на макушке – такого же цвета тюбетейку, и благодаря бороде и усам больше похож на муллу, чем на торговца.

С базара мы отправились в древний Казанский кремль, вблизи которого находятся многочисленные старинные оборонительные сооружения, а внутри расположена знаменитая башня^[789]. Не без труда поднявшись на нее, мы узрели прекрасный город и его окрестности. У входа в Кремль стоит огромная, великолепная православная церковь Казанской Божией Матери^[790], внутри которой находится множество образов и иных драгоценных реликвий, а стены и своды покрыты фресками с ликами святых. Раньше здесь хранился знаменитый символ православия – икона Казанской Божией Матери. Якобы обладающая чудодейственной силой, она была увезена отсюда в Москву Иваном Грозным, а затем переправлена Петром Великим в Санкт-Петербург и сейчас находится в построенном в 1811 г. соборе Казанской иконы Божией Матери^[791]. Мы увидели эту икону в Санкт-Петербурге.

Стоимость ее золотого и серебряного оклада, имеющего размер три на два фута и украшенного драгоценными камнями, составляет пятнадцать тысяч фунтов стерлингов.

Двадцать пятого августа мы посетили местный музей^[792] и картинную галерею с замечательными коллекциями произведений искусства, древностей, минералов и иных восхитительных экспонатов, в частности, редких и дорогих монет^[793]. Замечу, что все музеи Восточной России обладают тщательно описанными ценнейшими нумизматическими собраниями. Изначально мы не надеялись увидеть в этих местах такие заведения, а они, оказывается, имеются во всех городах на востоке страны. Для духовного развития нашего народа не помешало бы завести их и в английской провинции.

Городской голова и власти Казани пригласили нас на обычный в таких случаях для русских обильный ужин, который был устроен в прекрасном здании Дворянского собрания^[794]. Как всегда, играл замечательный оркестр, и мы приятно провели этот вечер. Мне посчастливилось сидеть рядом с джентльменом, который занимал должность казанского мирового судьи, которую, кстати, добился исключительно своим трудолюбием^[795]. На ужине градоначальник произнес короткий спич на английском языке – это был единственный случай за все время нашей поездки по России, когда мы слушали родную речь. При посадке в вагоны конки нас на большой площади^[796]

громко приветствовало множество людей. Площадь и здание Дворянского собрания были богато украшены в честь недавнего визита в Россию президента Франции месье Фора^[797]. Возможно, толпа решила, что мы имеем какое-то отношение к этому мероприятию. Как бы то ни было, энтузиазм ее был огромным^[798].

Казань была захвачена у татар царем Иоанном Васильевичем в 1552 г. Позднее для насаждения в этих полудиких местах современной культуры в городе был основан крупный университет^[799]. Казань – оплот кожевенной промышленности России. Интерес для путешественника представляет сочетание старинных и современных зданий, и мы получили большое впечатление от пребывания в этом удивительном городе.

Двадцать пятого августа наша команда отправилась на пароходе по Волге, иногда совершая краткие остановки для знакомства с геологией этих мест. Стояла сильная жара – 82° по Фаренгейту в тени^[800]. Мимо нас проплывали множество судов. В результате сильного обмеления реки ночью мы сели на мель, но вскоре нас с помощью троса стащило с нее другое судно. Тем временем погода улучшилась, и примерно в полдень 26 августа мы увидели перед собой Нижний Новгород.

Нижний Новгород

Это восхитительный и производящий глубокое впечатление город. От пристани по левую сторону реки вплоть до крутых береговых склонов расположены старинные татарские укрепления, а справа – судостроительные верфи, где на стапелях стоят будущие речные баржи и пароходы^[801].

Плата за проезд по рекам в России на удивление очень низкая. Плавание от Перми до Нижнего Новгорода составляет 1488 верст, или примерно 880 английских миль, занимает четыре дня и обходится крестьянину всего лишь в 5 шиллингов 2,5 пенса. Во время плавания по реке наш пароход взял на борт несколько сотен крестьян с семьями, и мы провели с ними двое суток. Эти мужчины, женщины и дети сидели на палубе на корточках со своими узлами, непременными медными самоварами и не передвигались.

Нижний Новгород

Разумеется, нам очень хотелось попасть в этот знаменитый город, ведь в нем ежегодно проводится ярмарка, которая к моменту нашего прибытия уже завершалась. Поднявшись на холм^[802] и пройдя через Кремль, мы по широкому плавучему деревянному мосту^[803] пришли на место ее проведения. Мы думали, что ярмарка проходит в открытом поле под временными навесами, в балаганах и т. д., и рассчитывали встретить там похожих на цыган торговцев, но, оказывается, она размещается на огромнейшей площади и состоит из симметричных широких улиц со стационарными магазинами и складами, великолепной православной церковью и прекраснейшей крытой галереей. Ярмарка снабжает товарами всю Восточную Россию, и, естественно, здесь можно приобрести все. Здесь торгуют русские, персы, армяне, китайцы, японцы и другие. На наружных дверях у русских магазинов всегда висит икона, ночью она освещается свечами. Для того, чтобы читатель понял значение этой ярмарки, скажу, что в 1881 г. на ней было приобретено товаров на 24,020 млн фунтов стерлингов, хотя сегодня эта цифра вроде бы меньше. Ярмарка проводится с июля по сентябрь, ее ежегодно посещают двести тысяч человек. Как повлияет на нее дальнейшее развитие сети железных дорог, можно только гадать.

Побывав на ярмарке и приобретя там сувениры, мы вновь пересекли реку на дрожках и у кромки крутого берега^[804] пересели на фуникулер^[805], который доставил нас к очаровательному ресторану, где мы чуть позже поужинали^[806]. До вечера еще оставалось немного времени, и поскольку нам был выделен электрический трамвай, мы решили на нем покататься.

Не зная его маршрута, мы помчались по прекрасным улицам мимо больших частных домовладений и построек^[807]. Все это напоминало крупный английский город. Эх, если бы можно было залезть на крышу трамвая и оттуда знакомиться с чужим и незнакомым городом!

Ярмарочная улица в Нижнем Новгороде

Вернувшись в ресторан, мы отлично поужинали под музыку прекрасного женского оркестра. Фасад и балкон здания выходили на освещенные электричеством город и реку. Была удивительно прекрасная лунная ночь, на горизонте то и дело вспыхивали темно-красные сполохи – где-то вдали бушевал грандиозный лесной пожар. Наблюдая это зрелище, наслаждаясь кофе и сигарами, я вспомнил свою родину, Великобританию, где внедрение всяческих новшеств, призванных облегчить жизнь горожан, происходит крайне медленно, тогда как в отдаленных местах земного шара они уже стали привычными. Разумеется, перемены, вызванные стремительным развитием техники, у нас все равно наступят. Но и дожидаться их, сложа руки, негоже. Английские муниципалитеты должны перенимать то, что уже существует в других странах или поручить внедрение этого энтузиастам, предоставив им соответствующие финансовые льготы.

Тогда новации приживутся и в Британии. Я вынужден обратить на это внимание, так как убедился, что в России и в ряде других стран созданы более комфортные условия для жизни людей, чем у нас.

Персидские торговцы на нижегородской ярмарке

В одиннадцать часов мы выехали на поезде из Нижнего Новгорода в Москву, и 27 августа примерно в полдень прибыли в нее. Температура в вагоне достигала 89° по Фаренгейту^[808]. После короткого пребывания в Москве и получасового завтрака мы отправились в Санкт-Петербург, куда приехали 28 августа в половине седьмого утра.

Санкт-Петербург

Заселившись в петербургский отель [\[809\]](#), мы, как обычно, сдали свои паспорта на проверку в полицию. Примерно через полчаса я и мой друг получили их обратно с просьбой указать наш возраст. Предоставив столь необходимую властям информацию, мы отправились гулять по этому великому городу.

Невский проспект в Санкт – Петербурге

Наш отель располагался в самом конце Невского проспекта – великолепной широкой улицы примерно 3,2 км длиной, на которой находятся городская Дума, собор Казанской Божией Матери и множество других прекрасных сооружений. Улицы Санкт-Петербурга представляют собой весьма оживленное зрелище с бесчисленным количеством едущих по ним дрожек.

Вкратце расскажу о местных кучерах. О плате за проезд нужно заранее договариваться с извозчиком. Не зная языка, мы, как правило,

просто называли конечный пункт и расплачивались с кучерами в нем, нисколько при этом не скупясь, но они все равно были недовольны. Эти люди то ли на самом деле такие глупые, то ли притворяются, что ничего не понимают. Когда однажды мы попросили кучера отвезти нас по конкретному адресу, он сразу сорвался с места, но вскоре привез нас обратно. С большим трудом удалось объяснить ему, куда нам нужно. В другой раз мы попросили кучера отвезти нас ночью в отель в пяти милях езды. Но этого странного типа приходилось периодически тыкать в спину, чтобы он не сбивался с маршрута. Когда он дважды налетел на другие повозки – к счастью, без серьезных последствий, – одна из упряжных постромок нашего экипажа оторвалась и стала волочиться по дороге, но лишь как следует дав вознице тумака, нам удалось обратить его внимание на эту деталь. Однако он, не моргнув глазом, лишь прибавил скорость, рискуя перевернуться. Такие поездки, безусловно, будоражат нервы, но уж точно не радуют.

По нашему мнению, восемь процентов мужчин Петербурга носят форму и поэтому отдают друг другу на улице честь. Во время нашего девятидневного пребывания в этом городе солнечные дни сменялись дождливыми, попеременно наблюдались туман, жара и похолодание.

Мы были приняты в почетные члены Бюргер-клуба^[810]. В первый вечер нашего пребывания в российской столице это заведение устроило в честь нас прием, на котором впервые встретились все участники нашего конгресса, вернувшиеся с геологических экскурсий по стране. В больших многочисленных залах этого здания почти семьсот участников форума допоздна плодотворно общались друг с другом.

Воскресным утром 28 августа мы присутствовали на удивительно впечатляющем и драматичном действе – православном богослужении в кафедральном Исаакиевском соборе. Пение священника – главного лица этого мероприятия, человека, наделенного раскатистым густым басом, который без всякого аккомпанемента дополнялся совершенно невероятным хоровым пением, подобного которому мы никогда не слышали, произвело на нас неизгладимое впечатление. В тот момент в храме находилось, наверное, не менее десяти тысяч прихожан^[811]. Церемония выглядела очень торжественно. Распахивание огромных врат нефа, открытие врат алтаря с восхитительно расписанным витражом, на котором изображено Распятие^[812], яркое сияние всего этого на фоне погруженной во мрак большей части интерьера^[813]

запоминаются навсегда. В православии женщинам почему-то запрещено заходить в алтарь^[814], а мужчины не имеют права проходить перед алтарем и аналоем.

Строительство этого великолепного храма, на которое ушло примерно 2,9 млн фунтов стерлингов^[815], началось в 1768 г. при Екатерине II и было закончено в 1881 г.^[816] В Санкт-Петербурге стоит побывать только ради того, чтобы увидеть эти грандиозные гранитные колонны и огромные наружные бронзовые барельефы, отделанный золотом, серебром, драгоценными камнями, редкими и дорогими сортами мрамора интерьер, лазуритовые колонны, а также серебряные ворота и замечательные фрески. Все это поражает воображение, усиливаясь звоном двух огромных колоколов весом, соответственно, 29 и 16 т.

Исаакиевский собор в Санкт – Петербурге

После службы мы вернулись в отель, переоделись в парадные костюмы и отправились в прекрасное здание Зоологического музея Императорской Академии наук^[817] на первое заседание Международного геологического конгресса. В два часа пополудни

форум открыл Его императорское Высочество великий князь Константин Константинович^[818], которого сопровождала супруга, великая княгиня Елизавета Маврикиевна^[819]. Богатые униформа и разнообразие нарядов, затейливая академическая одежда и элегантные костюмы превратили это мероприятие в незабываемое зрелище.

Следуя поговорке «В чужой стране жить – чужой обычай любить», мы по ночам посещали общественный сад «Аквариум»^[820]. Почему у него такое название, я не знаю: никаких резервуаров с рыбой или иными морскими тварями там нет^[821]. У этого сада удачная планировка, в нем попеременно играют два превосходных оркестра, а напоследок выступает варьете.

Тридцатого августа у нас состоялся чрезвычайно познавательный визит на Русский монетный двор, основанный Петром Великим в 1716 г.^[822] Его работники трудились в поте лица, поскольку должны были в кратчайшие сроки изготовить двадцать миллионов золотых рублей, которыми, как мы поняли, планировалось заменить бумажные деньги^[823]. Прокатный стан этого предприятия работал на пределе, производя золотые листы почти такого же размера, который получается при прокате меди. Сначала из листа вырубают круглую заготовку, затем ее штампуют, фрезеруют и производят окончательную отделку. Процесс чеканки монеты сложный и включает в себя переработку золотого песка, плавку и литье, взвешивание, пробу на прочность и чистовую отделку готового изделия.

На площади рядом с Монетным двором находится величественный Петропавловский собор, построенный в 1733 г. Свое название он получил от соседней крепости^[824], возведенной Петром Великим в 1703 г. Он знаменит тем, что в нем находятся саркофаги с прахом русских царей и цариц. Осматривая надгробие Петра Великого, выделяющееся своими размерами – рост этого царя составлял около семи футов, – а также места последнего упокоения прочих государей, мы, естественно, задумались об истории этой страны и не столь давних глубоких переменах в ней^[825]. Многочисленные военные трофеи, украшающие этот собор, дополняют впечатления от него^[826]. Вечером великий князь Константин Константинович с супругой приняли в Мраморном дворце^[827] ряд всемирно известных участников конгресса.

Тридцать первого августа по инициативе русского царя нам устроили экскурсию в Петергоф. Сев на борт специально

приготовленного прекрасного парохода и, проделав путь примерно в семнадцать миль по Неве и Финскому заливу, мы прибыли к причалу, где нас ожидал царский поезд. Петергофский дворец, построенный в 1720 г. Петром Великим^[828], копирует Версальский дворец, особенно его сады. Осмотрев великолепные апартаменты, мы отлично пообедали и вернулись в Петербург.

На следующий день по приглашению городской Думы участники конгресса присутствовали на торжественном вечере в ее резиденции^[829]. Великолепные залы были заполнены городскими чиновниками, именитыми гражданами, их дамами и делегатами нашего научного форума. Униформа, красивые платья, драгоценности, блеск огней, прекрасная музыка и отличный ужин превратили это действо в исключительно зрелищное мероприятие. При этом не обошлось без курьеза. Чаепитие было организовано в отдельном зале, а обслуживал гостей величавый детина-лакей в восхитительной ливрее. Он, кажется, знал по-английски только одну фразу – «Yes, sir» («Конечно, мой господин»), которую произносил «Yas, sar» («Канячина, моя гаспадин»), отвечая так всякий раз, когда к нему обращались на каком-нибудь европейском языке.

У меня нет возможности подробно рассказать о значимости и разнообразии коллекций Музея Эрмитажа, который мы посетили несколько раз. Это примыкающее к императорскому Зимнему дворцу красивое здание изобилует великолепными картинами, статуями, старинными предметами, доспехами, золотом и серебром, полученными русскими императорами в качестве подарков бесценными драгоценностями и т. д. Особый интерес представляют залы, демонстрирующие личные увлечения Петра Великого. Сделанные им собственноручно замечательные токарные станки, образцы созданных его руками всевозможных изделий, в частности, выточенных из дерева, свидетельствуют о разносторонних пристрастиях и невероятном трудолюбии этой невероятной личности^[830]. Он, видимо, много интересовался созданием механизмов, с помощью которых можно было бы копировать произведения искусства. Следует отметить, что примерно тем же самым в конце своей жизни занимался наш земляк, инженер Джеймс Уатт^[831]. Если вы окажетесь в Санкт-Петербурге, обязательно посетите Эрмитаж, и постарайтесь уделить осмотру его экспозиций несколько дней.

Превосходнейшая экспозиция Минералогического музея Петербургского горного института^[832] содержит все необходимое для обучения будущих специалистов – модели, нередко в разрезе, всевозможных двигателей и механизмов, причем достаточно большого размера, так что даже тот, кто не разобрался в них, слушая лекции или изучая сложные чертежи, легко поймет устройство этих конструкций. Музей также обладает моделями различных печей, которые для наглядности разбираются по частям – такое мы видели впервые, и неплохо бы перенять это нашим университетам. Конечно, наиболее полно в музее представлены образцы различных минералов, среди которых следует выделить крупнейший из найденных в России золотых самородков. Он был обнаружен в 1842 г. недалеко от Миасского завода на Урале и весит 96 тройских фунтов^[833]. Как известно, крупнейшим из когда-либо найденных являлся золотой самородок из Балларата^[834] весивший 184 тройских фунта, но, к сожалению, он был переплавлен для чеканки монет^[835]. В музее также имеются изумительный платиновый самородок в одиннадцать с половиной фунтов, огромный природный изумруд и замечательный образец фёникохроита^[836].

Во второй половине дня мы отправились на поезде в очаровательный городок Павловск, расположенный примерно в шестнадцати милях от Санкт-Петербурга^[837], и с удовольствием прогулялись по залам императорского Павловского дворца. Не имея возможности подробно охарактеризовать величие и изящество этого огромного здания, а также его уникальных коллекций произведений искусства и великолепных интерьеров, скажу, что большая дворцовая приемная целиком покрыта орнаментом^[838]. Дворец окружен удивительным парком, украшенным статуями, шато^[839] и водопадами. Рядом с Павловским находится небольшой Константиновский дворец^[840]. Хотя он не принадлежит нынешнему императору, нам сказали, что государь, пользуясь своим родством с его владельцами, частенько любит проводить в нем свое время. Другими достопримечательностями Павловска являются великолепный павильон с отличным рестораном и находящийся рядом железнодорожный вокзал^[841]. После восхитительного ужина мы слушали «Мать скорбящую» Россини, виртуозно исполненную превосходными солистами в сопровождении оркестра и хора.

В воскресенье, 5 сентября, в два часа пополудни состоялась торжественная церемония завершения VII сессии Международного геологического конгресса, сродная описанной выше процедуре его открытия. Прежде чем покинуть Зоологический музей, где проходил наш форум, вкратце упомяну выставленные там многочисленные кости доисторических животных, особенно голову огромного зверя, на которой хорошо сохранились мясо, кожа и волосы^[842]. Подобное иногда находят в вечной мерзлоте Крайнего Севера. Когда смотришь на этот артефакт, невольно задаешь себе вопросы: «Как эти существа оказались в ледяном плену, когда это произошло, существовал ли тогда уже человек, и что он из себя представлял?»^[843] Все это будоражит мысль и наводит на глубокие размышления.

В понедельник, 6 сентября, в пять часов пополудни мы отбыли морем из Санкт-Петербурга в Англию. Путь наш лежал через пролив Эресунн мимо Копенгагена, Мальмё^[844] и городского замка в Хельсингёре^[845], при виде которого сразу вспомнились Гамлет, его высокородные родители и дядя, Горацио, Офелия, Полоний и прочие персонажи знаменитой трагедии нашего великого поэта. 13 сентября мы прибыли в Гулль, который покинули восемь недель назад, проехав примерно шесть тысяч миль. Я навсегда запомню эти дни, и если мне удалось вызвать у читателя хотя бы небольшой интерес к практически неизвестным для большинства моих соотечественников местам и их населению, то я сочту свои усилия не напрасными. В заключение я хочу выразить глубокую признательность за любезность, радушие и заботу о нас мистерам Карпинскому^[846], Чернышёву, Никитину и всем организаторам этого памятного конгресса.

На этом я завершу свои краткие заметки о посещении этой великой страны. В них я старался никого не обидеть, а если это все же случилось, то скажу, что не ставил перед собой такую цель. Напоследок же замечу, что англичане, безусловно, должны чаще ездить по миру, но не ради праздного любопытства, а чтобы изучать хозяйство и жизнь других стран. Только так можно будет повлиять на тех, кто пока, видимо, не замечает наличия у нас бдительных и дальновидных соперников.

Примечания

Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing // The Cambridge History of Travel Writing / N. Das, T. Youngs (eds.). Cambridge, 2019. P. 108.

Термин был предложен О. Балла (см.: *Балла О.* Нефотографизмы: преодоление травелога // *Homo Legens*. 2013. № 4).

The Cambridge History of Travel Writing. P. 7.

Об используемой нами типологии травелогов см.: *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Травелог // Текст пространства: материалы к словарю / авт. – сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь, 2014. С. 317–319; *Власова Е. Г.* Маршруты путешествия и особенности формирования образа пространства в уральском травелогe конца XVIII – начала XX в. // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 59.

Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 280.

Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 256.

Sakowicz I. British travelers' impressions of the Russians during the reign of Alexander II // *Studia Litterarum*. 2016. T. 1, № 1–2. C. 212.

Власова Е. Г. В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX века // Литературное краеведение в школе [Электронный ресурс]: сб. науч. – метод. материалов. Пермь, 2018. С. 179.

В то время «Восточной Россией» западноевропейцы называли восток Европейской части нашей страны, за которым следовала Сибирь, которую они географически (но, конечно, не политически) Россией уже не считали (ср. восприятие границ Сибири в русской беллетристике: *Кориунков В. А.* Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России. М., 2020. С. 522–530)..

Spottiswoode W. H. A Tarantasse Journey Through Eastern Russia in the Autumn of 1856. London: Longmans, Brown, Green, Longmans, & Roberts, 1857. 258 p.

Brown Croumbie J. Forestry in the Mining Districts of the Ural Mountains in Eastern Russia. Edinburgh: Oliver and Boyd, Tweeddale Court; London: Simpkin, Marshall, & Co., and William Rider & son; Montreal: Dawson Brothers, 1884. 182 p.

Одно из основных направлений в кальвинизме, предполагающее абсолютную автономию каждой религиозной общины (конгрегации).

Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers. 1915. Vol. 88, Issue 1. P. 437.

Journal of the Iron and Steel Institute. 1915. Vol. 91, No. 2. P. 464.

Подробнее см.: *Колбанцев Л. Р.* К истории VII сессии Международного геологического конгресса. Санкт-Петербург, 1897: библиографический обзор. СПб., 2019.

Подробнее см.: *Кричевский В. Я.* Экскурсия членов VII геологического конгресса на Урале // Урал. Екатеринбург, 1897. № 201.

Для участников поездки был заранее издан на французском языке (такая практика существовала до 1913 г.: *Колбанцев Л. Р.* К истории... С. 19) путеводитель «Guide des excursions du VII Congrès geologique international» (SPb., 1897), в котором давалась подробная геологическая характеристика мест, по которым им предстояло проехать. В этом издании помещены фотографии видов населенных пунктов и природных объектов, которые описывает Ридли. Они могут служить дополнением к его сочинению. См. разделы указанного справочника: Nikitin S. De Moscou a Oufa (Vià Miatchkowo, Riazan, Penza, Syzran, Samara); Tschernyschew Th. A partir de la ville d'Oufa jusqu'au versant oriental de l'Oural; Arzeuni A. Die Mineralgruben bei Kussa und Miass; Karpinsky A. Versant oriental de L'Oural D'Ourjom à Ekathérinebourg; Clerc O. La ville D'Ekathérinebourg et quelques – uns de ses environs, remarquables au point de vue d'archéologie préhistorique; Le chemin de fer de L'Oural dans les limites des districts miniers de Taguil et de Goroblagodat; Krasnopolsky A. Chemin de fer de L'Oural; Stuckenberg A., Nikitin S. et Amalitzky W. De Perm a Nijny – Novgorod.

Ridley Cartmell J. Reminiscences of Russia: The Ural Mountains and Adjoining Siberian District in 1897. Newcastle-upon-Tyne: Andrew Reid and Co., 1898. 100 p.

Перечень российских сочинений такого рода см.: *Власова Е. Г.* Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Вестн. Пермского ун-та. Рос. и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 2. С. 66.

Ward S. Trains // Literature of travel and exploration: an encyclopedia /
J. Speake (ed.). Vol. 3. New York; London. 2003. P. 1189.

Замятин Д. Н. Путешествие: пространство, образ, реальность // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 5–6. С. 66–67. Применительно к Великобритании об этом см., например: *Szamuely Н.* British Attitudes to Russia: 1880–1918. D.Phil. Thesis. Oxford, 1982; *Зашихин А. Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии, вторая половина XIX – начало XX в.: очерки. Архангельск, 1994; *Тараторкин Ф. Г.* Английская Россия конца XIX – начала XX века в системе историографического диалога: авт. дисс... канд. ист. наук. Томск, 1999; *Михальская Н. П.* Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. 2-е изд. М., 2003; *Зашихин А. Н.* Британская Rossica второй половины XIX – начала XX в. Архангельск, 2008; *Королёва С. Б.* Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М., 2014; *Sakowicz I.* British travelers' impressions.

Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010. С. 174.

The Cambridge History of Travel Writing. P. 13.

Шенк Ф. Б. Поезд в современность: мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / авторизованный пер. с нем. М. Лавринович. М., 2016. С. 13, 18, 302–305, 308–330.

В связи с этим вряд ли можно согласиться с выводом пермского исследователя Е. Г. Власовой, будто бы этнографизм поездки на пароходе «носит вторичный характер: в своем рассказе путешественник пересказывает прочитанные накануне книги» (*Власова Е. Г. «Дорожные дискурсы» уральского травелога XVIII – начала XX вв. // Вестн. Пермского ун-та. Рос. и зарубежная филология. 2010. Вып. 6(12). С. 118*), а «путешествие на пароходе не предполагает физического контакта с окружающим» (*Власова Е. Г. В контакте с пространством. С. 183*). Взгляд путешествующего на речном судне отнюдь не был прикован исключительно «к линии берега», а пространство группировалось не только «вдоль оси реки» (*Власова Е. Г. В контакте с пространством. С. 184*), макрокосм не поглощался микрокосмом – например, пароход, на котором плыл Споттисвуд, был заполнен «русскими почти со всех восточных губерний, татарами из Казани, немцами из-под Саратова, персами и армянами из Астрахани, бухарцами и бухарскими евреями из Оренбурга, были и люди, направлявшиеся в Ташкент», т. е. представлял собой настоящий Ноев ковчег, настоящий культурный микрокосм востока и юга России. Вместе с тем справедливым представляется утверждение, что «пространство берега предстает неким складом артефактов местной жизни. Вглядываться не позволяет скорость путешествия, и это, безусловно, накладывает отпечаток на характер восприятия» (*Власова Е. Г. «Дорожные дискурсы»... С. 118; Она же. В контакте с пространством. С. 184*).

Власова Е. Г. В контакте с пространством. С. 179.

Об этом термине см.: *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 8–9.

См.: *Плавина А. А.* Жанровые характеристики травелога в англоязычном дискурсе: динамический аспект // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2019. Т. 12, вып. 3. С. 76.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Ритм/аритмия пространства // Текст пространства: материалы к словарю / авт. – сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь, 2014. С. 267–268.

Александр Д. Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевича. М., 2008. С. 10–11.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М., 2012. С. 140.

О трудностях и опасностях путешествий по России см.: *Борисов Н. С.* Повседневная жизнь. С. 100–118; *Коршунков В. А.* Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М., 2015. С. 164–175.

См. в этой связи: *Урри Дж.* Мобильности. С. 119–120.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Ритм/аритмия пространства // Текст пространства. С. 265.

Там же.

Иванова А. Н. Путешественник как личность с потребностью в новизне и самотрансценденции // Вестн. Томского гос. ун-та. 2015. № 400. С. 54.

Урри Дж. Мобильности. С. 136.

Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing. P. 117, 122.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1. С. 76.

Власова Е. Г. В контакте с пространством. С. 180.

Щепанская Т. Б. Культура дороги... С. 219.

Борисов Н. С. Повседневная жизнь. С. 114, 130, 309; *Коршунков В. А.* Путь сквозь века и земли. С. 394–403.

См.: *Шенк Ф. Б.* Поезд в современность. С. 97.

Байяр П. Искусство рассуждать о странах, в которых вы не бывали
/ пер. с фр. А. Поповой. М., 2014. С. 8, 9, 25.

Левек II. – III. История народов, подвластных России / пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареевой под ред. И. В. Кучумова. СПб., 2016.

Шачкова В. А. «Путешествие». С. 280.

Об этом см.: *Шадрина М. Г.* Эволюция языка «путешествий»: автореф. дис. докт. филол. наук. М., 2003. С. 44.

Леви – Строс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим.
А. Б. Островского. М., 1994. С. 126–127, 131.

Шачкова В. А. «Путешествие»... С. 281; *Майга А. А.* Литературный травелог... С. 256.

Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing. P. 116.

Байяр П. Искусство рассуждать. С. 41.

Ср.: Щепанская Т. Б. Культура дороги. С. 78–79. Поскольку Браун был не только ученым, но и миссионером (соответствующие теологические пассажи в русском переводе его сочинения опущены), а такое сочетание для тогдашней Европы не было редкостью (см.: *Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing*. P. 118), то способ его «поездки» на Урал можно рассматривать и в контексте богословских представлений о времени и пространстве (ср., в частности: *Торранс Т. Пространство, время и воплощение*. М., 2010. С. 103–111).

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Статический/динамический текст пространства // Текст пространства. С. 291–292.

См.: Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Путешествие // Там же. С. 260–261.

В «полноценном» его описании обязательно должна присутствовать связка «здесь-теперь» (*Топоров В. Н. Пространство и текст. С. 60*).

Борисов Н. С. Повседневная жизнь. С. 119.

Ср.: МилюгинаЕ. Г., СтрогановМ. В. Путешествие // Текст пространства. С. 254.

Батищев С. Д. Записки иностранцев об Урале XIX века: обзор современных публикаций источников // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2019. № 1. С. 118. Более «профессиональным» является доклад об Уральской геологической экскурсии 1897 г., сделанный 20 апреля 1898 г. в Институте Франклина (один из старейших научных музеев США, находится в Филадельфии) крупным американским минералогом Д. Ф. Кунцем (1856–1932): в нем бытовые наблюдения сведены к минимуму – в частности, Кунц рекомендует ездить по России в тарантасе, упоминает об использовании жителями Нижнего Тагила изготовленных из тончайших листов железа визиток и сообщает, что одному английскому горному инженеру проникшиеся к нему уважением башкиры еще при жизни зарезервировали место на мусульманском кладбище (см.: *Kunz G. F. A Trip to Russia and the Ural Mountains // Journal of the Franklin Institute.* 1898. Vol. 146, Issue 3. P. 193–214). Библиографию остальных подобных описаний по итогам экскурсии по Уралу см.: *Колбанцев Л. Р.* К истории. С. 29 (№№ 35, 37), 31 (№ 44), 32 (№ 50), 34 (№ 60), 36 (№ 72), 42 (№ 92), 44–45 (№№ 104, 107).

Подробнее см.: *Урри Дж.* Мобильности. С. 215, 217, 219; *Thompson C.* Nineteenth-Century Travel Writing. P. 108–109. См. также: *Власова Е. Г.* В контакте с пространством. С. 186–187.

Несколько шире и глубже с Россией в дни геологического конгресса успел познакомиться американский химик, геолог и религиозный деятель Джеймс Эдвард Талмедж (1862–1933), печатавший в течение 1898 г. в детском религиозном журнале свои путевые записки (см.: *Колбанцев Л. Р.* К истории. С. 46, № 109).

Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. 2-е изд. М., 1978. С. 391.

Кулакова Е. А. Сочинения британцев о путешествиях в Россию второй четверти XIX века // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39. С. 82, 90.

Рокина Г. В. Травелог как исторический источник // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 5–6. См. также: *Толстиков А. В., Кошелева О. Е.* Homo viatoris // Одиссей: человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А. О. Чубарьян; сост. С. И. Лучицкая]. М., 2010. С. 6.

Конечно, российское общество вовсе не являлось неструктурированным, и в данном контексте оно характеризуется как хаотическое, инаковое всего лишь с точки зрения цивилизации, к которой принадлежали английские путешественники.

Тараторкин Ф. Г. Британское научное россиеведение XIX-XX вв.: особенности становления и этапы развития // Исторический вестник. 2014. Т. 10, № 157. С. 139–140.

Об этом со ссылками на сочинение Д. Брауна см.: *Nriagu J. O. Mining and Environment in the Urals during the 18 th and 19th Centuries* // I. Linkov, R. Wilson (Eds.). *Air Pollution in the Ural Mountains: Environmental, Health and Policy Aspects: Proceedings of the NATO Advanced Research Workshop on Air Pollution in the Ural Mountains (Magnitogorsk, Russia 26–30 May 1997)*. Dordrecht [etc.], 1998. P. 12–19.

См.: Шрёдингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М., 2009. С. 124.

Подробнее см.: Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII-начало XX в.) / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург, 2011. С. 106–144.

Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Образы России в мире: курс лекций. М., 2010. С. 86–87.

См.: *Власова Е. Г.* В контакте с пространством. С. 181–183.

О важности этого обстоятельства см., в частности: *Голд Дж.* Психология и география: основы поведенческой географии / пер. с англ. С. В. Федулова. М., 1990. С. 152, 213, 219.

*Sakowicz*I. British travelers' impressions. C. 213.

Щепанская Т. Б. Культура дороги. С. 35–37.

Более того, дорога в русском фольклоре является метафорой болезни и смерти, в доме, построенном на дороге, гибнут дети, скот и птица. С дороги приходят болезни, которые называются ветренными (происходящими от ветра, с ветру, т. е. извне), в частности оспа, холера, тиф (*Щепанская Т. Б.* Культура дороги. С. 40–41, 43; индоевропейские параллели см.: *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М., 1996. С. 274), вот и в записках Споттисвуда дом, в котором умирала от холеры черкешенка, «находился недалеко от дороги».

Все даты, встречающиеся в публикуемых в данной книге сочинениях, приводятся по григорианскому календарю.

Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012. С. 249–250.

Чагин Г. Н. Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. Пермь, 1998. С. 64–64.

The Cambridge History of Travel Writing. P. 16.

Ср. неоднократно издававшуюся в первой половине XIX в. «Нравственно-политическую карту обитаемого мира» английского картографа У Вудбриджа, на которой земли, на которых побывали Споттисвуд, Браун и Ридли, обозначены как «варварские» (*Woodbridge W. Atlas on a New Plan: Exhibiting the Prevailing Religions, Forms of Government, Degrees of Civilization, and the Comparative Size of Towns, Rivers, and Mountains. Hartford, 1833*).

См.: *Thompson C.* Nineteenth-Century Travel Writing. P. 117.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Травелог. С. 313.

См.: *Thompson C.* Nineteenth-Century Travel Writing. P. 117.

См.: *Тараторкин Ф. Г.* Британское научное руссиеведение. С. 146.

Ермакова О. Противники или союзники? Крымская война и британско-российское техническое сотрудничество на Урале // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 75.

Толстиков А. В., Кошелева О. Е. Homo viatore. С. 271–272. См.
также: *Замятин Д. Н.* Путешествие. С. 66.

См.: *Меттан Г.* Запад – Россия: тысячелетняя война. М., 2016. С. 249–251.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Ритм/аритмия пространства. С. 271.

Батищев С. Д. Записки иностранцев об Урале XIX века. С. 122.

Толстиков А. В., Кошелева О. Е. Homo viatore. С. 8.

Иванова А. Н. Возвращение – важная часть Путешествия: анализ структуры Путешествия как формы самотрансценденции // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4(36). С. 158.

Журавлев И. И. Русские глазами англичан в конце XIX века // Colloquium-journal. 2019. № 13 (37). С. 9. Ср. замечание Споттиевуда: «Низкий культурный уровень русского народа, его очевидная неспособность усваивать все лучшее и новое, своеобразие религиозных представлений и множество других особенностей страны и ее институтов приводят к тому, что в России западная культура лишь едва прикрывает восточное варварство подобно меховой шубе, наспех наброшенной на окоченевшего и беспомощного путника.». Ср. оценки русских другими английскими путешественниками того времени: *Sakowicz I.* British travelers' impressions. С. 214–215.

Кайтез Н. Философия энтропии: негэнтропийная перспектива / пер. М. Гучковой. СПб., 2019. С. 74.

Doiron N., Lane – Mercier G. Travel essays // Literature of travel and exploration. Vol. 3. P. 1193.

Алексеева Е. В. Российская провинция XIX в. – центр культурного прогресса? // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. В. Карпова. СПб., 2019. С. 205.

Иванова А. Н. Возвращение. С. 159–160.

Камю А. Творчество и свобода / сост. и предисл. К. Долгова. М., 1990. С. 200.

Зырянов А. И., Зырянова И. С. Самостоятельные путешествия: маршрутное планирование. Пермь, 2015. С. 14.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Личность автора-путешественника в травелогe Нового времени // Культура и текст. 2014. № 3 (18). С. 15.

Борисов Н. С. Повседневная жизнь. С 93–97.

О роли путешествий в формировании географических образов см.:
Замятин Д. Н. Путешествие. С. 69, 77.

Подробнее см.: *Королева С. Б.* Миф о России...

Олифант Лоренс (1829–1888) – английский авантюрист и путешественник, автор книги «Черноморское побережье России осенью 1852 года, путешествие вниз по Волге и по стране донских казаков» (1853).

Гумбольдт Александр фон (1769–1859) – немецкий географ, натуралист и путешественник. В 1829 г. осуществил поездку по России по маршруту Санкт-Петербург – Москва – Владимир – Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург – Пермь.

Мурчисон Родерик Импи (1792–1871) – британский геолог и путешественник.

Оммер де Гелль Адель (1819–1883) – французская писательница и путешественница, исследовательница Кавказа, степных территорий и предгорий Каспийского моря, Молдавии и южных районов России. В 1846 г. опубликовала сборник стихов, посвященных нашей стране.

Гёбель Карл Христиан Траугот Фридеман (1794–1851) – химик, фармаколог, ботаник; член-корреспондент Петербургской Академии наук. В 1834 г. руководил экспедицией по изучению южнорусских степей.

Имеется в виду: Hand-book for Northern Europe; including Denmark, Norway, Sweden, Finland, and Russia. Pt 2. Finland and Russia. London: John Murray, 1849.

Оно вышло почти через десять лет после поездки У Споттисвуда, см.: Hand-book for Travellers in Russia, Poland, and Finland. 2nd ed. London: J. Murray, 1865.

Мюллер Фридрих Макс (1823–1900) – немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

Следует заметить, что в середине XIX в., когда была издана книга Споттисвуда, не существовало общепринятой системы передачи кириллицы латинскими буквами, поэтому в ее транслитерации царил разноречивый. И хотя Споттисвуд, являвшийся не только физиком и математиком, но и знатоком нескольких европейских и восточных языков, скромно преуменьшает свой вклад в решение этой проблемы (несколько позднее А. Шлейхер предложил для передачи русской буквы «ж» иной вариант, который сегодня применяется в так называемой «строгой транслитерации», – использование z с гачеком: *Schleicher A. et al. Indogermanische Chrestomathie: schriftproben und Lesestucke mit erklärenden glossaren. Weimar, 1869. S. 261–263*), использованная им ослабленная транслитерация русского «ж» через диграф zh предвосхитила современные британский стандарт BGN/PCGN, практическую версию американского стандарта ALA-LC, международный стандарт ISO 9:1995 и во многом российские ГОСТ 7.79-2000 и ГОСТ Р 7.0.34-2014.

В настоящем переводе сохранена авторская передача этой фамилии – Сапожникофф (хотя в английском оригинале она должна звучать как Сапошникофф. Непонятно, почему Споттисвуд не применяет в данном случае предложенный им же самим диграф zh).

Автор использует русский фразеологизм, обозначающий всю совокупность московских храмов. Стоглавый собор (1551 г., Москва) в целях облегчения управления храмами принял решение распределить все московские церкви на отдельные образования (округи), именовавшиеся «сороками». Однако выражение «сорок сороков» не следует понимать буквально – оно, скорее, обозначало просто множество храмовых зданий.

Коронация вступившего на российский престол императора Александра II состоялась в Москве 26 августа (7 сентября) 1856 г.

На самом деле в сентябре 1812 г. Наполеон смотрел на город со «старой» Поклонной горы, которая располагалась там, где сейчас находится дальний от центра угол дома 16 по Кутузовскому проспекту.

Рейнбот Федор Антонович (1809–1889) – в то время управляющий отделением почтовых карет Императорского Московского почтамта, автор научно-популярных книг по технике.

До революции Владимир благодаря вишне был известен по всей России, вишневые сады, которых насчитывалось до четырехсот, покрывали большую его часть. В 2014 г. в городе был установлен памятник этой ягоде, а в 2017 г. открыт Музей Владимирской вишни.

Имеются в виду три административных корпуса Главного ярмарочного дома, построенные в 1818–1822 гг. по плану архитектора А. А. Бетанкура, в которых находились перечисленные автором учреждения и в период проведения ярмарки располагалась резиденция нижегородского губернатора. В 1890 г., спустя 35 лет после посещения Нижнего Новгорода Споттисвудом, на их месте было возведено новое здание, которое существует до сих пор (современный адрес: ул. Совнаркомовская, 13; в настоящее время в нем расположены несколько организаций).

Имеется в виду Спасский Староярмарочный собор (современный адрес: Ярмарочный проезд, 10, корп. 1).

Нижегородская ярмарочная мечеть была закрыта в 1930 г. и снесена. На ее месте построен жилой дом (современный адрес: ул. Керченская, 14а).

Для поддержания порядка во время работы ярмарки привлекались уральские казаки.

Имеется в виду построенный в 1817 г. и опиравшийся на плоскодонные суда (плашкоуты) ярмарочный плашкоутный мост через р. Ока и Гребневский канал. Он разводился примерно в два часа ночи для пропуска судов и сводился между пятью и шестью часами утра, длина его составляла 383 сажени, ширина 7–8 сажень. За проход и проезд была установлена плата: по две копейки с пешехода, 25 коп. – с порожней одноконной повозки, по одной копейке – с пуда груза. В 1933 г. на его месте был возведен постоянный Канавинский мост.

Вероятно, имеется в виду доходный дом Абмелек-Лазоревых (современный адрес: ул. Рождественская, 46/2).

Спуск флага с Главного ярмарочного дома производили 25 августа по действовавшему в России юлианскому календарю (6 сентября по используемому Споттисвудом григорианскому летоисчислению).

Грант Александр Александрович (годы жизни неизвестны) – выходец из Англии, один из организаторов волжского судоходства, пароходовладелец и предприниматель. Позже жил в Петербурге, являлся одним из директоров правления Тамбово-Саратовской железной дороги.

Имеется в виду судоходная компания «Общество пароходства по Волге» (1843–1918 гг.).

Уфа была административным центром Оренбургской губернии в 1802–1865 гг., а Оренбург являлся тогда уездным городом. В тот период в Уфе находились резиденция гражданского губернатора Оренбургской губернии (который как раз и выдавал проездные документы) и губернские учреждения. При этом Оренбург сохранял свое значение военно-политического и стратегического центра Оренбургской губернии, в нем по-прежнему было сосредоточено высшее управление краем в лице оренбургского военного губернатора, а в 1850–1881 гг. – генерал-губернатора, которому подчинялись оренбургские гражданские губернаторы.

Одно из крупнейших парководств на Волге в 1853–1918 гг.

Тауэр – крепость, стоящая на северном берегу Темзы.

Ныне с. Мараса в Алексеевском р-не Респ. Татарстан.

Так в тексте.

Ныне пос. Макарьево в Лысковском р-не Нижегородской области России.

Имеется в виду мужской Свято-Троице-Макарьев-Желтоводский монастырь, был закрыт в 1868 г. и восстановлен в 1883 г. уже как женская обитель.

Василий III (1479–1533) – великий князь владимирский и московский, государь всея Руси. Отец Ивана IV Грозного.

Тертуллиан Квинт Септимий Флорент (155/165-после 220) – христианский богослов. Выступал против бритья бороды, что, по его мнению, есть ложь на наружность человека и нечестивая попытка улучшить произведение Создателя.

На самом деле в 1830-е гг. было закрыто несколько старообрядческих училищ, но их воспитанники в Сибирь не ссылались.

Ежедневная (кроме воскресенья) либеральная газета «Galignani's Messenger» («Вестник Галиньяни»), издававшаяся с 1814 г. в Париже на английском языке.

Имена Аллаха, упоминаемые в Коране – Аль-Ахад (Единый), Аль-Хайй (Живой), Аль-Хакк (Истинный).

Имеется в виду башня Сююмбике – сторожевая башня Казанского кремля. О дате ее постройки существует широкий разброс мнений – от дорусских времен до XVIII в.

Находилась на месте здания по нынешней ул. Петербургская, 1.

«Решающий опыт» (букв. «проба крестом») – эксперимент, исход которого однозначно определяет, является ли конкретная гипотеза верной.

Вероятно, имеются в виду улицы Большая Проломная (ныне Баумана) и Предтеченская (ныне Профсоюзная).

Василий I Дмитриевич (1371–1425) – великий князь московский и владимирский с 1389 г., старший сын Дмитрия Донского.

В 1438 г. болгарская крепость Казань (Иске-Казань) была захвачена свергнутым золотоордынским ханом Улу-Мухамеддом (1405–1445).

Царь Иван IV Грозный.

Ныне с. Татарская Каргала в Сакмарском р-не Оренбургской области России.

Казань наряду с Екатеринбургом была известна своими дорожными тарантасами, которые эти два города поставляли по всей стране.

В русской литературе существует множество стандартных описаний тарантаса. См., например: «Вообразите два длинные шеста, две параллельные дубины, неизмеримые и бесконечные; посреди них как будто брошена нечаянно огромная корзина, округленная по бокам, как исполинский кубок, как чаша преждепотопных обедов; на концах дубин приделаны колеса, и все это странное создание кажется издали каким-то диким порождением фантастического мира, чем-то средним между стрекозой и кибиткой. Но что сказать об искусстве, благодаря коему тарантас в несколько минут вдруг исчез под сундучками, чемоданчиками, ящичками, коробами, коробочками, корзинками, бочонками и всякой всячиной всех родов и видов? Во-первых, в выдолбленном сосуде не было сиденья: огромная перина ввалилась в пропасть и сравняла свои верхние затрапезные полосы с краями отвислых боков. Потом семь пуховых подушек в ситцевых наволочках, нарочно темного цвета для дорожной грязи, возвысились пирамидой на мягком своем основании. В ногах поставлен в рогожном куле дорожный пирог, фляжка с анисовой водкой, разные жареные птицы, завернутые в серой бумаге, ватрушки, ветчина, белые хлебы, калачи и так называемый погребец, неизбежный спутник всякого степного помещика. Этот погребец, обитый снаружи тюленьей шкурой щетиной вверх, перетянутый

жестяными обручами, заключает в себе целый чайный прибор – изобретение, без сомнения, полезное, но вовсе не замысловатой отделки. Откройте его: под крышкой поднос, а на подносе перед вами красуется спящая под деревом невинная пастушка, борзо очерченная в трех розовых пятнах решительным взмахом кисти базарного живописца. В ларце, внутри обклеенном обойной бумагой, чинно стоит чайник грязно-белого цвета с золотым ободочком; к нему соседятся стеклянный графин с чаем, другой, подобный ему, с ромом, два стакана, молочник и мелкие принадлежности чайного удовольствия» (*Соллогуб В. А. Тарантас: путевые впечатления. СПб., 1845. С. 17–18*); «теперь вы, без всякого сомнения, имеете понятие об этом замысловатом инструменте, посредством которого русский барин-сибарит переносится из одного места в другое в средней и южной России. Но

вы получили понятие только о наружной форме тарантаса. Внутренность его – о, это чудо из чудес! это зев Молоха, поглощающий всё, что вы в него ни кинете! Это море подушек, перин и тюфяков, в котором может потонуть самая благословенная помещичья семья! Это бездна, которая поглощает пол-Кузнецкого моста, уложенного в коробки, ящики и картонки услужливыми московскими парижанами и парижанками! Это запасная каюта, которая вмещает съедобье на целое путешествие вокруг света. Передок и запятки тарантаса – полная девицья и лакейская и могут вместить довольно укомплектованную дворню. Вот вам весь тарантас как экипаж» (*Некрасов Н. А.* [Сочинения]. Т. 12, кн. 1. СПб., 1995. С. 236–237).

В зарубежной литературе устройство тарантаса достаточно подробно описано, в частности, Ф. Нансеном: «Тарантас – это четырехколесный экипаж, который больше всего используется в Сибири, потому что специально приспособлен для длительных переездов, в которых приходится ехать днем и ночью, а спать – в повозке, если хочешь добраться до пункта назначения, не тратя слишком много времени. Тарантас никак не назовешь элегантным, но он крепкий, надежный и единственно возможный экипаж в здешних условиях, где наши изящные европейские кареты немедленно развалились бы на кусочки. Стальных рессор у тарантаса нет, да они бы долго и не прослужили. Кузов крепится прямо на длинных дрогах (прямоугольной раме). Дроги, как и колеса и оси, должны быть прочными и сделаны на совесть. Спереди у тарантаса козлы, на которых сидит ямщик и постоянно погоняет лошадей, а к задку кузова прикреплен парусиновый или кожаный верх, который поднимается или опускается в зависимости от погодных условий. К нему спереди пристегивается фартук, который другим концом крепится к козлам. Таким образом он защищает пассажиров, закрывая ту часть повозки, где они сидят. Сидений в такой повозке нет. Пассажир лежат на дне, куда кладут сено, подушки и даже матрасы, чтобы по возможности смягчить тряску и сделать ложе более или менее мягким. В каждом тарантасе есть место для двоих путешественников. Они накрываются шерстяными одеялами, меховыми полостями или чем-то другим. Если бы не ужасная тряска, я бы сказал, что тарантас – идеальное средство передвижения по Сибири. Когда немножко привыкаешь, то можно даже спать. Я вспомнил, как ездил в норвежской повозке, пребывая в

состоянии полудремы, и никак не мог уснуть, потому что не мог найти удобного положения. В тарантасе же можно спать все время, лишь изредка просыпаясь от резких толчков. В повозку запрягают тройку лошадей – это в обычных случаях, но для таких важных персон, как мы, везде запрягали четверик. Лошади запрягаются в ряд, средняя идет в оглоблях, соединенных дугой, характерным отличием русской запряжки. Дугу крепят к концам оглобель специально для того, чтобы держать их подальше от лошади. Дуга очень большая и тяжелая. Как я понимаю, на ее изготовление затрачивается много времени и сил: она часто украшена затейливой резьбой или красиво расписана. Под дугой обязательно висит колокольчик или бубенчик. Остальные лошади запрягаются по обе стороны коренной и должны скакать галопом, а коренник идет рысью. Пристяжные не должны приближаться к коренной, чтобы не толкать ее, а потому они во время движения отворачивают морды в стороны, что со стороны выглядит довольно забавно» (Нансен Ф. Через Сибирь / пер. Н. Будур. М., 2012. С. 197–198).

Автор купил экипаж среднего качества: в те годы цена на них в Казани составляла 150–200 р. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 8]: Казанская губерния / сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 450).

Имеется в виду Старая Татарская (Старо-Татарская) слобода – историческая часть Казани в южной части Вахитовского р-на города.

Фритредер – сторонник свободы торговли и невмешательства государства в дела бизнеса.

Ныне административный центр Малмыжского р-на Кировской области России.

Легкий галоп.

Путешествие по экипажу (фр.).

Аверн – древнее латинское название вулканического кратера к западу от Неаполя, ширина его окружности составляет приблизительно 3,2 км, и в нем находится оз. Аверно.

Имеется в виду Нерчинская каторга – часть пенитенциарной системы Российской империи.

Семипалатинская область — административная единица в Российской империи, существовавшая в 1854—1920 гг.

Автор ошибается: Сибирской Италией в XIX в. называли Минусинскую котловину.

Ныне с. Култаево в Пермском р-не Пермского края.

Въезд в Пермь находился на западном конце нынешней ул. Мира.

Некоторые исследователи (см.: *Ананьева М. С., Вилесова А. Ю.* По пермским следам английского математика Уильяма Споттисвуда (1825–1883) // Актуальные проблемы внедрения ФГОС при обучении математике в начальной и основной школе: материалы регион. науч. – практ. конф. (11–12 ноября 2016 г., г. Пермь) / И. Н. Власова (отв. за вып.). Пермь, 2016. С. 13) предполагают, что это был так называемый «Дом Вердеревского» (др. название – «Дом Протопопова»; современный адрес: ул. Сибирская, 2. Сейчас в этом здании размещается Пермский филиал «Транскапиталбанка»). Правда, в период пребывания Споттисвуда в Перми этот особняк принадлежал владельцу губахинских и кизеловских шахт Б. А. Протопопову (1836–1877), что не согласуется со сведениями автора о владельце «отеля». Дополнительную путаницу вносит наличие рядом в то время почтовой конторы (ныне административное здание на ул. 25-го Октября, 1) – Споттисвуд упоминает о том, что «отель» находился при почтовой станции. Учитывая то, что путешественник указывает на речную пристань (которая обозначена на картах того времени), его гостиница могла находиться в районе нынешней Площади Европы.

Имеется в виду довольно известная в то время в Москве гостиница (постоялый двор), принадлежавшая английской семье Говардов, в частности, в середине XIX в. – московскому купцу 2-й гильдии, уроженцу г. Дартфорд Вильяму (в православии – Василий Осипович) Говарду (1808-после 1871).

Она находилась в доме Бартоломеуса (на месте современного здания по адресу: ул. Большая Дмитровка, 26). В ней было не более трех номеров, т. е. она скорее напоминала квартиру (*И. Г*** Москва на временных квартирах // Москвитянин. 1856. № 10. С. 159*).

Дорога выходила из Перми по нынешним улицам Сибирской и Героев Хасана (*Рыженко Л. И.* Великий Сибирский тракт: справочник. Омск; Тюкалинск, 2020. С. 117). Путь Споттисвуда на восток проходил по современной трассе Р-242.

– Не видать Уральских гор на горизонте? (нем.)

– Вижу поднимающееся из тумана солнце, как на родине.
Позвольте мне еще помечтать. (нем.)

– Но, сударь, проехав через всю Россию ради того, чтобы увидеть Урал, не хотите ли взглянуть на него? (фр.)

– Да куда же он денется? (фр.)

– Ну что ж, сэр, тогда, я, быть может, просто поприветствую его из всех трех имеющихся у меня стволов? (англ.)

Ныне поселок городского типа Ачит в Свердловской области России.

Ныне поселок городского типа Бисерть в Свердловской области России.

Ныне с. Клёновское в Нижнесергинском р-не Свердловской области России.

Гумёшевский медный рудник расположен в г. Полевской Свердловской области России.

Ныне поселок городского типа Билимбай, входящий в городской округ Первоуральск Свердловской области России.

Имеется в виду р. Талица, длина ее русла 12 км.

169

Ее координаты $56^{\circ}52'28''$ с. ш., $60^{\circ}3'6''$ в. д.

Ныне с. Киргишаны в Бисертском городском округе Свердловской области России.

171

Ее координаты $56^{\circ}49'40''$ с. ш., $60^{\circ}00'08''$ в. д.

Ныне д. Старые Решёты в восточной части городского округа
Первоуральск Свердловской области России.

Ныне г. Ялуторовск в Тюменской области России.

Ныне посёлок городского типа Берёзово в Ханты-Мансийском автономном округе России.

Имеется в виду территория современного северо-восточного Казахстана.

Впервые идею постройки канала, соединяющего Чусовую и Исеть, высказал академик Паллас в 1770 г. во время путешествия по этим местам. В 1815 г. по инициативе главного управителя Верх-Исетского завода Г. Ф. Зотова на территории современного городского округа Первоуральск был прорыт двухкилометровый канал между речками Топкая (притоком Чусовой) и Решетка (притоком Исети), получивший название «Зотовская канава», однако из-за опасения обмеления Чусовой (позднейшие исследования показали, что канал не нанес бы ущерб судоходству) его вскоре закопали.

В то время качественный кофе в России был редкостью, обычно он представлял собой плохой напиток, в который, как правило, добавляли порошок цикория.

Вероятно, имеется в виду английский путешественник, писатель, живописец и архитектор Аткинсон Томас Уитлам (1799–1861), который в 1847–1853 гг. путешествовал по Уралу, Западной и Восточной Сибири, востоку нынешнего Казахстана, а также по территории современной Монголии (подробнее о его пребывании на Урале см.: *Мароши В. В.* Урал романтический и готический в травелоге Т. У. Аткинсона // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 2. С. 102–110). Рассказ Аткинсона об Екатеринбурге преимущественно см.: *Atkinson T. W.* Oriental and Western Siberia: a Narrative of seven Years' Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia the Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia. London, 1858. P. 100–108.

Имеется в виду Екатеринбургская гранильная фабрика, существовавшая с 1751 г. Располагалась на месте нынешней площади Труда, где сейчас установлен памятник В. Н. Татищеву и В. де Геннину.

В старину на Руси сибирским алмазом называли топаз.

Существовал в 1726–1876 гг., являлся основным производителем медных денег в стране.

Имеется в виду Екатеринбургская казенная механическая фабрика, которая существовала в 1808–1874 гг.

Имеется в виду британский механик Вильям Ли, перебравшийся на Урал с семейством из 13 человек. Он оставался на службе в России в течение всего периода Крымской войны и лишь в марте 1857 г. был уволен с указанного предприятия по инициативе горной администрации (*Ермакова О. Противники или союзники? С. 74*).

Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг.

Возможно, имеется в виду главный механик уральских заводов Евстафий Вигзель, уроженец Гринвича, который после начала войны с Россией действительно уехал в Англию (*Ермакова О. Противники или союзники? С. 74*).

В Западной Европе Урал длительное время считался частью Сибири.

«The Daily News» – британская ежедневная газета, основанная в 1846 г. писателем Чарльзом Диккенсом.

В обращении к начальнику уральских заводов В. А. Глинке Вильям Ли сообщал, что в течение трех лет он доплачивал за занимаемый им дом по 100 руб. в год сверх ассигнованных ему 500 руб. от казны, хотя, согласно контракту, не должен был этого делать. Ввиду того что В. Ли проживал вместе со своим семейством, состоящим из 13 человек, он не мог иметь в квартире менее 7 комнат. В связи с этим, по его просьбе и учитывая «усердие в службе Ли», ему прибавили от казны еще 100 руб. ассигнациями в год на квартиру, а так как он не мог найти дом дешевле 650 руб., то 50 руб. он все же продолжал доплачивать сам (Диффузия технологий... С. 252–253).

Как отмечают исследователи, в то время на Урале «доходы англичан в несколько раз превышали заработную плату русских инженеров и были соразмерны жалованью горных администраторов и чиновников, а иногда и превосходили их. Условия работы специалистов более низкой квалификации были, безусловно, скромнее, но все же оставались на высоком уровне. Всем иностранцам предоставлялись казенные квартиры и прислуга. Европейские специалисты освобождались от каких-либо податей, пошлин и повинностей» (Ермакова О. Противники или союзники? С. 71, 72).

Имеется в виду Эдуард Эдуардович Тет (даты жизни неизвестны) – английский инженер.

Идентифицировать не удалось.

Строльман Алексей Петрович (1811–1898) – уральский берг-инспектор с 1854 г.

Вероятно, имеется в виду Вейценбрейер Яков Иванович (1837–1878) – в 1856 г. смотритель золотых промыслов Екатеринбургских заводов.

Тиме Август Иванович (Карл-Август) (1794–1869) – врач. Из саксонских подданных. С 1829 г. на уральских заводах, с 1830 г. – штаб-лекарь Златоустовских заводов, в 1837 г. защитил в Казанском университете докторскую диссертацию и назначен служить в Новгород. С 1842 г. – в Санкт-Петербурге, с 1847 г. – инспектор госпиталей Златоустовских заводов, с 1849 г. – инспектор госпиталей казенных и частных Уральских заводов.

В настоящее время это территория Нижне-Исетского жилого р-на в составе Чкаловского административного р-на Екатеринбурга.

В настоящее время г. Каменск-Уральский в Свердловской области России.

В настоящее время г. Карпинск в Свердловской области России.

Murchison R. I. The Geology of Russia in Europe and the Ural mountains. Vol. 1. London: J. Murray, 1845. P. 640–645.

Бирмингем – город в Великобритании, крупный промышленный центр. В данном случае автор подразумевает под ним Екатеринбург.

Силач – озеро на севере Челябинской области России; Иртяш – озеро-водохранилище в Челябинской области России, находящееся рядом с городами Касли и Озёр; Увильды – озеро в Аргаяшском р-не, Карабашском и Кыштымском городских округах Челябинской области России; Аргази – в настоящее время на его месте в Аргаяшском р-не Челябинской области России находится искусственное Аргазинское водохранилище.

На самом деле эти водоемы являются частью так называемой Каслинско-Иртяшской системы озер, представляющей собой единую водную систему (около 20 озер).

На самом деле это два озера на границе Чебаркульского и Аргаяшского р-нов Челябинской области России – Большое и Малое Миассовы.

На территории Миасского городского округа Челябинской области России.

Город на северо-западе Афганистана.

Живописность и неповторимость горных пейзажей Златоуста отмечали многочисленные ученые, путешественники, художники и писатели – А. Гумбольдт, Р. Мурчисон, П. Паллас, А. Я. Купфер, Э. К. Гофман, Г. П. Гельмерсен и др. За свою красоту эти места часто сравнивали со знаменитыми альпийскими ландшафтами, называя их «Русской Швейцарией» и «Уральским Тиролем».

Иремель – вторая по величине (1582 м) вершина Южного Урала, расположена на северо-востоке Белорецкого р-на Респ. Башкортостан.

Ямантау – высшая точка Южного Урала (1656 м), находится в Белорецком р-не Респ. Башкортостан.

Группа хребтов в Челябинской области России.

Имеется в виду Уралтау – один из самых длинных горных хребтов Южного Урала на территории юго-востока Респ. Башкортостан и в Челябинской области России.

Горный хребет в Челябинской области России.

Ныне пос. Соймоновск (Соймоновское, Сак-Элгинский выселок) в составе г. Карабаш в Челябинской области России. Соймоновский медеплавильный завод функционировал в 1837–1853 гг. В 1802 г. в его округе было открыто богатое месторождение россыпного золота, была организована добыча этого металла. В XIX в. это был крупный центр золотодобывающей промышленности в России. Всего в 1824–1900 гг. месторождение принесло его владельцам 8 тыс. пудов (13 т) золота.

Здание, где хранилось выпущенное оружие, – памятник промышленной архитектуры истории и культуры, построенный в стиле позднего русского классицизма (современный адрес: пл. 3-го Интернационала, 2, корп. 1). В настоящее время Златоустовский Арсенал является памятником истории и культуры Челябинской области России.

В 1849 г., за несколько лет до приезда Споттисвуда, на Златоустовском заводе трудились 102 немецких оружейника (*Ляпин В. А.* Немецкие оружейники на Урале // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): материалы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия. XVI–XX вв.», Екатеринбург, 3–9 сентября 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 141).

Имеется в виду Крымская война.

Британская золотая (с небольшой примесью меди) монета в один фунт стерлингов (но без обозначения номинала).

Ныне г. Сатка в Челябинской области России.

Темников Никанор Григорьевич (1815-ок. 1868) – в 1851–1863 гг. управитель Саткинского казенного чугуноплавильного завода.

Имеется в виду Саткинский пруд.

Современный адрес: ул. 1 Мая, 4. В настоящее время в этом здании располагается Саткинский городской военный комиссариат.

Имеется в виду Темникова Анна Августовна (1828–1920), дочь А. И. Тиме (см. с. 62, прим. 94 наст. книги).

221

Имеется в виду Сибирский почтовый тракт.

Имеется в виду участок Сибирского этапного тракта на территории нынешних Салаватского и Иглинского районов Респ. Башкортостан и отчасти Ашинского р-на Челябинской области России. До Симского завода он шел через дд. Терменева (ныне с. Терменево Салаватского р-на), Урманча (ныне д. Урманчино того же р-на), Насибашева (ныне с. Насибаш того же р-на), Каратавлы (ныне с. Новые Каратавлы того же р-на), Шиганаева (ныне д. Юлаево того же р-на) и Ерал (ныне село в Ашинском р-не).

На этом месте в Саткинском р-не Челябинской области России сейчас находится поселок городского типа Межевой.

Имеется в виду указанное выше с. Терменево, в котором имелась почтовая станция.

В 1859 г., через три года после того, как в этой деревне побывал Споттисвуд, численность ее жителей составляла 310 чел. в 50 дворах.

Коран (1:5–7).

От Симского завода до Нижних Лемезов эта дорога проходила через казармы Тимкина (находились на территории нынешнего Иглинского р-на Респ. Башкортостан), Нижний Казаяк (ныне д. Казаяк-Кутуш того же р-на), казармы Жукова (находились на территории того же р-на).

Имеется в виду р. Ук. В местах, по которым проезжал автор, ее русло изобилует порогами и перекатами.

Деревня Денби в английском графстве Дербишир.

Ныне село в Иглинском р-не Респ. Башкортостан.

От Нижних Лемезов до Уфы дорога проходила через деревни Текеево (ныне д. Тикеево Иглинского р-на Респ. Башкортостан), Кубов (ныне д. Старокубово того же р-на) и с. Архангельское (ныне с. Иглино того же р-на).

Ныне пос. Касимово в микрорайоне Шакша г. Уфы.

Упомянутый автором старик-поляк, не пожелавший общаться с губернатором и полицией, вероятно, являлся сосланным сюда участником Польского восстания 1830–1831 гг., о чем Споттисвуду могли сообщить, но, верный своему обязательству не касаться политических проблем, он предпочел об этом умолчать.

В действительности в Уфе не существовало никакого польского полка, а солдат, «который не имел ничего против властей», скорее всего, был польским военным служащим Отдельного Оренбургского корпуса, частично расквартированного в Уфе.

Имеется в виду Троицкий холм в районе нынешнего Монумента Дружбы.

В старой части города имелись Троицкая (ныне Первомайская) и Нижнеторговая (находилась в районе нынешней остановки общественного транспорта «Монумент Дружбы») площади.

Имеется в виду Усольская гора, которая находится в юго-восточной части города у изгиба р. Белая после устья впадающей в нее р. Сутолока (ныне микрорайон Алмалык-2, бывш. Золотухинская слобода).

Имеется в виду Уфимский Благовещенский женский монастырь, существовавший с 1833 г. до революции, потом он был закрыт, часть его зданий сломана, а остальные (ул. Сочинская, 8, 10/1 и 12) заняты под различные учреждения (по состоянию на 2021 г. большинство из них коммерческие).

Имеется в виду нынешняя Верхнеторговая площадь.

На тот момент исполняющим дела оренбургского гражданского губернатора (резиденция которого находилась в Уфе) являлся Ипполит Михайлович Потулов (1825-после 1879).

Согласно тогдашним правилам, «проезжающие непременно должны иметь подорожные по установленной форме; без оных же отнюдь никому лошадей не давать» (Почтовый дорожник Российской империи, по высочайшему повелению изданный Почтовым департаментом. СПб., 1852. С. С. 507).

Национальное английское блюдо, представляющее собой запеченный большой кусок говядины.

Обычно англичане готовят это блюдо на Рождество.

Перед подачей на праздничный стол пудинг подогревают, пропитывают бренди или другим алкогольным напитком и фламбируют (поджигают) за столом.

В 1856 г., когда Споттисвуд побывал в Уфе, в городе гастролировала труппа известного уральского антрепренера П. А. Соколова (? – ок. 1856), репертуар которой состоял из водевилей. Как отмечали современники, артисты играли естественно, хорошо изучили роли, прекрасно передавали суть пьес зрителям. Споттисвуд побывал на спектакле, который, вероятно, был дан в здании только что построенного Дворянского собрания (сейчас в нем по адресу ул. Ленина, 14 находится Уфимский государственный институт искусств им. З. Исмагилова), так как до 1861 г. отдельного помещения для театра в Уфе не было.

Споттисвуд и его спутники выехали из города по Оренбургскому тракту (начинался на нынешней ул. З. Космодемьянской).

Споттисвуд бросил прощальный взгляд на Уфу с Оренбургского яра – сейчас это территория Малой Школьной улицы.

Имеется в виду упомянутая выше Усольская гора.

Вероятно, имеется в виду Шувалин овраг в нынешнем микрорайоне Дружба-2 и местность в микрорайоне Алмалык-2.

Автор имеет в виду район нынешней ул. Прибельской в Кузнецовском Затоне.

Город в Респ. Башкортостан.

Ныне с. Сакмара в Оренбургской области России.

Ныне г. Орск в Оренбургской области России.

Ныне с. Красногор в Саракташском р-не Оренбургской области России.

Имеется в виду Зауральная роща (ныне одноименный парк культуры и отдыха), которая в летнее время была местом народных гуляний.

В бывшей резиденции оренбургского военного губернатора (современный адрес: ул. Советская, 2) в настоящее время размещается Оренбургский государственный педагогический университет.

В этом месте в 1982 г. был построен пешеходный мост «Европа-Азия» через р. Урал.

Оренбургская крепость была упразднена в 1861 г., после чего вал и ров вокруг нее убрали, и в настоящее время от этих сооружений остались небольшие фрагменты.

К западу от Зауральной рощи.

Плашкоутный мост через р. Урал находился в районе современного моста по ул. Донгузской.

Не путать с историко-архитектурным комплексом середины XIX в. «Караван-Сарай» (современный адрес: Парковый просп., 6/1)! Термином «караван-сарай» Споттисвуд обозначает Меновой двор – ныне не существующий рынок для торговли России со Средней Азией и Индией, который находился за р. Урал в 4 км южнее Оренбурга.

До наших дней частично сохранился фундамент этой каменной стены.

Имеется в виду надвратная церковь во имя святых и праведных Захария и Елизаветы, построенная в 1816 г. Была уничтожена в советское время вместе с Меновым двором.

Имеется в виду Оренбургская меновнинская мечеть, построенная в 1785 г. Была закрыта в 1930 г., а впоследствии снесена вместе с Меновым двором.

«Русские ворота» Менового двора были обращены в сторону города, «Азиатские ворота» – в направлении казахских степей.

Имеется в виду Большая Николаевская (ныне Советская) улица. Возможно, речь идет о гостинице купца Антона Каретникова (на ее фасаде значилось – «Hotel d'Orenbourg»).

Русский литератор М. Л. Михайлов описывал эту гостиницу следующим образом: «За комнату в два окна, от которой отделены досчатыми перегородками крошечная спальня и передняя, с меня брали по 1 р. 50 коп. в сутки – и хотя в этот расчет включались стеариновая свеча и самовары, подаваемые утром и вечером, но для Оренбурга это очень дорого, тем более, что номер грязный, мебель сильно потертая, кроватное белье по особой плате и прислуга плоховатая. Номер несколько обширнее стоит 2 рубля, что уже просто из рук вон, при тех грязных и выгоревших от солнца стеклах, сквозь которые едва можно различить идущих по улице. Гостиница помещается в обоих этажах: в нижнем – общие комнаты, биллиард и буфет; в верхнем – номера» (*Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, фортом Александровским и дорогою через Киргизскую степь до форта № 1. СПб., 1866. С. 25*).

Мещанин из Санкт-Петербурга Юлиан Юлианович Курвоазье (1817–1870) с 1844 г. являлся учителем французского языка в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе.

Здесь и далее под киргизцами подразумеваются современные казахи.

Ныне город на севере Казахстана.

Ныне город в Челябинской области России.

Архипелаг на северо-востоке Шотландии. Раньше его население изготавливало тончайшее вязаное кружево – ажурные шали.

Сорт шерстяной ткани.

Ныне г. Соль-Илецк в Оренбургской области России.

Ныне микрорайон Пригородный г. Степногорска Акмолинской области Казахстана.

«Укрепление Уральское» – ныне с. Иргиз в Иргизском р-не
Актюбинской области Казахстана.

«Укрепление Оренбургское» – ныне с. Тургай в Джангельдинском р-не Костанайской области Казахстана.

«Укрепление Аральское» – ныне с. Раим в Аральском р-не Кызылординской области Казахстана.

Ныне г. Кызылорда – областной центр в Казахстане.

Согласно современным научным представлениям, 1–1,7 млн лет назад существовало Апшеронское море, включавшее Черноморье, Каспий и Арал.

Ииуй (Иегу) – израильский царь. Славился скоростью езды на колеснице: он мчался на ней «стремительно» (4 Цар. 9:20).

Ныне с. Татищево в Переволоцком р-не Оренбургской области России.

Ныне пос. Новосергиевка в Оренбургской области России.

Вероятно, имеется в виду с. Барабановка в Новосергиевском р-не Оренбургской области России.

Ныне город в Оренбургской области России.

Ныне с. Борское в Самарской области России.

Ныне село в Кинельском р-не Самарской области России.

Ныне посёлок городского типа в городском округе Кинель Самарской области России.

Автор, видимо, неверно услышал название этой должности. На самом деле он имеет в виду ямского (почтового) старосту, который руководил приемкой и отправкой почты, разверстывал между ямщиками работы («наряды») и т. д.

Ныне г. Балаково в Саратовской области России.

Ныне г. Вольск в Саратовской области России.

Ныне с. Воскресенка в Волжском р-не Самарской области России.

Если точнее, то на тот момент селом владел племянник Екатерины Владимировны Новосильцевой (1870–1849) Виктор Никитич Панин (1801–1874).

Ныне в Красноармейском р-не Самарской области России.

Гакстгаузен Август фон (1792–1866) – прусский чиновник, экономист-аграрник, исследователь России и Кавказа.

Николаевск – ныне г. Пугачев в Саратовской области России.
Основан в 1764 г. как слобода Мечетная.

Ныне с. Берёзово в Пугачевском р-не Саратовской области России.

Ныне с. Кормёжка в Балаковском р-не Саратовской области России.

Автор имеет в виду расположенные к юго-востоку земли уральских казаков и казахские степи, население которых оказывало влияние на историю соседних стран.

Ныне небольшой город в графстве Беркшир, к юго-западу от Лондона.

До 1809 г. эта часть Финляндии находилась в составе Швеции.

Сарепта ныне входит в состав Волгограда.

См.: *Muller M.* The Languages of the Seat of War in the East: With a Survey of the Three Families of Language, Semitic, Arian and Turanian. London, 1855. P. 70–71.

Имеются в виду современные саамы.

Название удмуртов в дореволюционной русской и зарубежной литературе.

Устаревшее название марийцев.

Ныне рабочий пос. Васильсурск в Нижегородской области России.

Имеется в виду р. Черемшан, протекающая по территории Татарстана и Чувашии.

Muller M. The Languages. P. 115–118.

В западной литературе слово «абориген» обозначает не только коренное население Австралии, а вообще коренные народы любой местности.

Историческая группа западномонгольских племен. В старых русских источниках западные монголы назывались калмыками.

Историческая группа западномонгольских племен.

Река Западный Маныч в Калмыкии, Ставропольском крае и Ростовской области России, левый приток Дона.

Историческая группа западномонгольских племен.

Miiller M. The Languages. P. 96–100.

Шёгрэн Андрей Михайлович (1794–1855) – российский языковед, историк, этнограф, путешественник, основатель финно-угроведения; Лённрот Элиас (1802–1884) – финский лингвист, фольклорист, собиратель и составитель карело-финского эпоса «Калевала»; Кастрен Матиас Александр (1813–1852) – российский филолог, исследователь финно-угорских и самодийских языков, финского и саамского фольклора; Келлгрэн Херманн (1822–1856) – финский востоковед и финно-угровед.

«Илиада» – поэма Гомера.

Вяйнямёйнен — главный герой карело-финского поэтического эпоса «Калевала».

Ионийские поэмы – имеется в виду творчество Гомера; «Махабхарата» – древнеиндийский эпос; «Шахнаме» – национальный эпос иранских народов; «Песнь о Нибелунгах» – средневековая германская эпическая поэма.

Императорский Александровский (Гельсингфорсский) университет был основан в 1827 г. С 1917 г. это Хельсинкский университет в Финляндии.

Muller M. The Languages. P. 116.

В свете современных научных данных это утверждение не соответствует действительности.

На самом деле помощники марийского жреца называются учо. Асбар – это обозначение небольших населенных пунктов у горных марийцев.

Сегодня считается, что финно-угорский термин «керемет» заимствован из болгарского (ср. чуваш. «кирамат» – «дух»), а болгары, в свою очередь, заимствовали его у арабов (араб. «кэрамат» – «духовная щедрость»), см., в частности: *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. С. 31–32.

Гарем (точнее, харам) – от араб. «харам» («запретное, священное место»).

Кугу-Юмо – высшее божество в марийской мифологии.

Юмала – высшее божество в карело-финской мифологии.

Верховный бог в чувашской мифологии.

Пятикнижие Моисеево, первые пять книг Библии (как еврейского Танаха, так и христианского Ветхого Завета).

В скандинавской мифологии Тор – бог грома и бури.

Ашвамедха — «жертвоприношение коня», самый важный ведийский ритуал.

В данном случае под брахманами автор имеет в виду последователей индуизма.

Менкв – в ханты-мансийской мифологии антропоморфный великан-людоед и оборотень; Куль-Отыр – в ханты-мансийской мифологии бог подземного мира; Нуми-Торум – в ханты-мансийской мифологии небесный бог.

Минарет Калян (Бухарский минарет) был построен в 1127 г.

Медресе Мири Араб – исламское образовательное, духовно-просветительское и мемориально-культовое сооружение XVI в. в Бухаре (Узбекистан).

Построено в Бухаре в 1794–1795 гг.

Шихабуддин Абу Абдуллах Якут ибн Абдуллах аль-Хамави (между 1178 и 1180–1229) – мусульманский ученый и писатель, филолог, путешественник, историк и географ, автор географического словаря «Му’джам ал-булдан» («Словарь стран», ок. 16 тыс. статей), обобщившего арабские географические знания домонгольского периода. Информация, содержащаяся в этом сочинении, охватывает широкий круг тем, включая археологию, этнографию, историю, антропологию, естественные науки, географию и координаты местностей. В нем приведены названия городов и поселений, описаны их достопримечательности и благосостояние, история, численность населения и главные лица.

Ахмад ибн Фадлан ибн аль-Аббас ибн Рашид аль-Багдади – арабский путешественник и писатель первой половины X в.

Абуль-Фадль Джафар ибн Абдуллах аль-Муктадир Биллах (895–932) – багдадский халиф.

Июнь 921 г.

Алеппо (Халеб) – ныне крупнейший город Сирийской Арабской Респ.

Абу Ханифа (699–767) – исламский богослов.

В данном случае под франками подразумевается население Западной Европы.

Имеются в виду современные казахи.

345

Имеются в виду булуты – один из хакасских родов.

Историческая область, ныне в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

Имеются в виду современные казахи.

Расположено на территории современной Киргизии.

Ныне с. Звериноголовское в Курганской области России.

Автор опирается на географические знания того времени. Сегодня Кабанкулак – это собирательное название озерных котлованов Созакского р-на Туркестанской области Казахстана. Согласно современным данным, р. Чу, пересыхая, течет дальше и лишь во время паводка впадает в бессточное соленое оз. Акжайкын.

Время возникновения орд или жузов у казахов не установлено.

Аббот Джеймс (1807–1896) – английский путешественник. Речь идет о его двухтомном сочинении «Описание поездки из Герата в Хиву, Москву и Санкт-Петербург во время последнего русского вторжения в Хиву с присовокуплением кратких сведений о хивинском Дворе и Хорезмском царстве» («Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow, and St Petersburg During the Late Russian Invasion of Khiva: with Some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism», London, 1843).

Abbott J. Narrative of a Journey. Vol. 1. London, 1843. P. 252.

«Из одного познается все» (*лат.*).

Имеется в виду пустыня Сахара.

Область в английском графстве Девон.

Ныне с. Терса в Вольском районе Саратовской области России.

Сапожников Александр Александрович (1827–1887) – астраханский рыбопромышленник-миллионер, купец первой гильдии, городской голова Астрахани (1867–1868).

Ныне с. Ключи Вольского р-на Саратовской области России.

На самом деле в 1850–1860 гг. в России был запрещен импорт зажигательных химических спичек на основе белого фосфора: они загорались при соприкосновении с твердой поверхностью, а также при взаимном трении, к тому же были ядовиты. Так называемые «шведские спички», основанные на применении красного фосфора, являлись более безопасными.

Ныне с. Усть-Золиха в Красноармейском р-не Саратовской области России.

Ныне с. Усть-Грязнуха в Камышинском р-не Волгоградской области России.

Отсылка к названию двухтомного сочинения британского путешественника, писателя, поэта, переводчика, этнографа, лингвиста, гипнотизера, фехтовальщика и дипломата Ричарда Фрэнсиса Бёртона (1821–1890) «Синд, или Долина несчастий» (1851), в которой описана долина Инда.

Ныне с. Караваинка в Дубовском р-не Волгоградской области России.

Ныне с. Горный Балыклей в Дубовском р-не Волгоградской области России.

Ныне с. Горная Пролейка в Дубовском р-не Волгоградской области России.

367

Место не сохранилось.

Ныне г. Дубовка – административный центр Дубовского р-на Волгоградской области России.

Большая горная система на северо-западе Африки.

Имеется в виду Нижняя Пичуга – ныне поселок городского типа Ерзовка в Городищенском р-не Волгоградской области России.

Имеется в виду р. Царица, правый приток Волги.

31 июля 1856 г. в Царицыне случился сильный пожар, в результате которого из 25 существовавших на тот момент кварталов полностью выгорело двенадцать огнем было уничтожено 93 дома, в том числе 13 каменных.

Ныне г. Новохопёрск – административный центр Новохопёрского р-на Воронежской области России.

В то время за 200 р. в Царицынском уезде Саратовской губ. (где в тот момент находился Споттисвуд) можно было купить 20 десятин (примерно 20 га) пахотной или столько же сенокосной земли (см.: Сведения о ценах на пустопорожние земли в вольной продаже в 1856–1858 гг. СПб., 1860. С. 282), а, например, в Рязанской губ. – в среднем 4 десятины (примерно 4 га) (Там же. С. 250).

Путешествие автора по России совпало с Третьей холерной пандемией 1846–1860 гг., которая считается крупнейшей по смертности среди эпидемий и пандемий XIX в. Первоначальный очаг ее находился в Индии. В России, по официальным данным, заболело 1 772 439 чел., умерло 690 150 чел. Особенно болезнь свирепствовала в Крыму во время Крымской войны.

Черкесы (адыги) – общее название народа, разделенного в советское время на адыгейцев, кабардинцев, черкесов (жителей Карачаево-Черкесии) и шапсугов.

«Все неизвестное кажется необыкновенным» (*лат.*).

Азиатская холера – острое инфекционное заболевание, протекающее с тяжелой общей интоксикацией, поражением тонкого кишечника и нарушением водно-солевого обмена. Относится к группе особо опасных инфекций. При этом заболевании черты лица заостряются, глаза западают, склеры тускнеют, кожа становится цианотичной и холодной на ощупь.

В XIX в. в Англии холеру лечили кровопусканием, приемом каломели (хлорид ртути), лаудана (опийно-шафранная настойка) и опия (*Клименков С. И.* О холере и ее лечении: извлечение из памятных записок о холере. М., 1855. С. 14–16). Вероятно, какие-то из этих средств Споттисвуд оставил для больной. Несоблюдение им мер предосторожности объясняется тем, что тогда холеру обычно не считали заразной (см., например: *Грим Х.* Гомеопатический домашний лечебник с наставлением о совокупном пользовании болезней холодною водою: пер. с нем. М., 1857. С. 80–81). На Первой международной санитарной конференции (Париж, 1851 г.) по причине отсутствия знаний об этиологии или способе передачи этого заболевания никаких решений относительно него принято не было, часто звучали высказывания о его неконтагиозном характере (подробнее см.: *Говард – Джонс Н.* Международные санитарные конференции, 1851–1938 гг.: научные и исторические аспекты. [М.], 1976. С. 13–18).

Родоначальником сарептской общины было евангелическое братство «Богемские братья». Первоначальной целью этих выходцев из Чехии (Богемии) и Моравии была миссионерская деятельность среди местных язычников.

Имеются в виду события 1773–1775 гг.

Это произошло 30 июня (12 июля) 1812 г.

Имеется в виду пожар Москвы 2–6 (14–18) сентября 1812 г. во время оккупации города французскими войсками.

Сарептская, или русская, горчица, готовившаяся из однолетнего травянистого растения *Brassica juncea* (горчица сарептская, горчица русская, горчица сизая, капуста сарептская), высоко ценилась в Европе. Даремская горчица – популярный сорт английской горчицы. В начале XVIII в. миссис Клементс из г. Дарем стала изготавливать горчичный порошок, и сама развозила его по городам, рекламируя его как даремскую горчицу.

Имеются в виду станции Татьянинская и Поповинская (на их месте в Светлоярском р-не Волгоградской области России сейчас расположены, соответственно, поселок городского типа Светлый Яр и с. Райгородок).

Ныне село в Черноярском р-не Астраханской области России.

Ныне с. Старица в Черноярском р-не Астраханской области России.

Ныне село в Астраханской области России.

Пантган (уточница) – крупнокалиберный дробовик для промысловой охоты на гусей и уток.

Лимингтон – город в Великобритании.

Ныне с. Енотаевка в Астраханской области России.

Ныне село в Астраханской области России.

В 1848–1850 гг. город сильно пострадал от пожаров и поэтому развивался медленно.

Согласно действовавшим правилам, «не записав подорожной, проезжающий не должен съехать с почтового двора. Подорожные записывать непременно в книги.» (Почтовый дорожник. С. 506, 508).

Ныне с. Замьяны в Енотаевском р-не Астраханской области России.

Имеется в виду Волжский остров (ныне безымянный), на котором расположена центральная часть города. В настоящее время Астрахань раскинулась на 11 островах.

397

Имеется в виду Казахстан.

Реки Большой и Малый Узени в Саратовской области России и Западно-Казахстанской области Казахстана.

Имеются в виду Сарпинские озера в Светлоярском р-не Волгоградской области России, большая часть которых расположена в границах Респ. Калмыкия; пресным является оз. Цаца в Светлоярском р-не.

В настоящее время это урочище Гайдук ($45^{\circ}05'$ с. ш., $46^{\circ}16'$ в. д.), расположенное по пересыхающему руслу р. Светлый Ерик северовосточнее пос. Чанта в Черноземельском р-не Респ. Калмыкия.

Ныне г. Атырау в Казахстане.

Ныне поселок городского типа Тарки в Дагестане.

Имеется в виду бугор Самай.

Имеется в виду с. Солянка в Наримановском р-не Астраханской области России, западный пригород Астрахани.

Имеется в виду бугор Узунь-Тубе.

Имеется в виду ерик (речная старица) Солянка.

Имеется в виду станица Городофорпостинская – ныне центральная часть Трусовского р-на Астрахани.

В то время Россия вела войну с населением Чечни и Дагестана.

Имеется в виду территория Кавказа.

Имеется в виду о. Городской.

Имеется в виду собор Успения Пресвятой Богородицы, находящийся на территории Астраханского кремля.

Имеются в виду дощатые заборы.

Другие авторы тоже отмечали, что большинство зданий в городе «двух— и одноэтажные. Из числа двухэтажных зданий редкие выстроены из дерева, так как все прочие, возведены из кирпича (*Ольдекоп [Ф. М.]*. Медико-топография города Астрахани и его ближайшей окружности: старшего врача Астраханской городской больницы, доктора медицины Ольдекопа // Медико-топографический сб.: с картами, планами, географ. табл. и рис. в тексте. [Ч. 1]. СПб., 1870. С. 409).

Имеется в виду весьма посредственного, по отзывам современников, качества гостиница «Россия» (современный адрес: ул. Урицкого, 7).

Городская усадьба Сапожниковых после революции дважды горела, а потом была разобрана. В 1960-е гг. на ее месте был возведен четырехэтажный жилой дом (современный адрес: ул. Коммунистическая, 24) и разбит сквер «Нефтяник».

Вероятно, имеется в виду мост, который находился на месте современного Сапожниковского моста.

Имеется в виду р. Кутум.

Автор описывает исторический район Астрахани, так называемый Белый город, который прилегает к Астраханскому кремлю с восточной стороны.

Лилипутия и Бробдингнейг – соответственно, страны маленьких человечков и великанов в сатирико-фантастическом романе Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» (1726).

Спасо-Преображенский монастырь был закрыт в 1877 г., в 1930 г. постройки снесены, сохранилась только восьмигранная шатровая башня ограды (современный адрес: ул. Экспланадная, 24/11).

421

Ныне жилой дом (ул. Кирова, 21а).

422

Ныне Братский сад.

Васильев Николай Александрович (1807–1877) – русский вице-адмирал, в то время Астраханский военный губернатор и главный командир Астраханского порта.

Имеются в виду Пречистенские ворота Астраханского кремля.

Риджент-стрит – улица в лондонском Вест-Энде, известная в первую очередь своими магазинами.

426

Имеется в виду Екатерининская улица (ныне ул. Советская).

Имеются в виду пограничники.

Имеется в виду башлык (капюшон).

Относительно астраханцев врач Ф. М. Ольдекоп замечал, что «все они объясняются между собою на своих языках, наречиях, между которыми преобладает русский язык. Случай и необходимость заставляют туземного жителя научиться, по возможности, нескольким языкам: армянин говорит обыкновенно по-русски, по-татарски и по-калмыцки, часто же и по-персидски, точно также русский и персиянин; калмык обыкновенно выучивается говорить только по-русски, татарин же кроме русского языка знает персидский и калмыцкий. Эта смесь языков продолжается с тех пор, как существует город, почему ни один язык, ни одно наречие не сохранились в первоначальной своей чистоте; все они испорчены взаимным влиянием одного на другое» (*Ольдекоп [Ф. М.]*. Медико-топография. С. 387–388).

430

Имеется в виду Паробичев бугор.

431

Имеется в виду Табачный ряд – часть Паробичебугорной улицы (сейчас ул. Кирова) от р. Кутум до современного Братского сада.

Имеется в виду Варвациевская колокольня. Разобрана в конце XIX в.

Не признав в англичанах армян, их отправили к «немцам». Лютеранская кирха («маленькая часовенка» у Споттисвуда) в то время была деревянной, в 1888–1892 гг. на ее месте возвели каменное здание. В 1940–1941 гг. оно было разобрано, а на его фундаменте возведен жилой дом (ныне ул. Казанская, 100).

Разрушенная в 1936 г. армянская церковь святых апостолов Петра и Павла находилась по нынешнему адресу ул. Мечникова, 19.

На самом деле это была «старинная копия с картины Рафаэля „Снятие со креста“. За эту копию какие-то приезжие англичане давали 10 тыс. руб.; картину не уступили, но и не сумели сохранить. Какой-то из ктиторов, при перемене рамы, без церемоний обрезал края картины, оказавшейся больше рамы... Картина эта, по отзывам многих, представляет очень большой интерес в разных отношениях» (*Штылко А. Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896. С. 74*). Оригинал этой картины кисти итальянского художника Рафаэля Санти (1483–1520) находится в римской галерее Боргезе.

Имеется в виду посещение в 1834 г. К. Гёбелем армянской церкви в Астрахани, во время которого он по ошибке зашел на женскую половину, что привело к конфузу (см.: *Goebels F. Reise in die Steppen des sudlichen Russlands*. Т. 1. Dorpat, 1837. S. 167).

Евангелист Лука (ум. ок. 84) – христианский апостол. На самом деле Феодоровская икона Божьей Матери, автором которой иногда считали евангелиста Луку, хранилась в храме Святой Живоначальной Троицы в с. Иванчуг нынешнего Камызякского р-на Астраханской области России и была утрачена в 1930-е гг.

Имеется в виду церковь Казанской Божьей Матери, которая сгорела в 1858 г. и в том же году была восстановлена. В настоящее время это церковь Казанской иконы Божией Матери (современный адрес: ул. Чехова, 10а).

439

Имеется в виду современная ул. Ахматовская.

Имеется в виду Индийское торговое подворье (современный адрес: ул. Володарского, 14) – памятник архитектуры XVII в. В настоящее время это жилой дом с многочисленными пристройками, полностью деформировавшими первоначальный облик здания.

Имеется в виду существовавший на территории Индийского торгового подворья индуистский храм. Купцы-индусы Астрахани и члены их семей поклонялись Кришне и Раме и следовали традициям вайшнавизма (одно из основных направлений индуизма).

Хотя текст приводится в кавычках, на само деле он представляет собой пересказ выдержек из сочинений К. Гёбеля и А. Оммер де Гелль.

Автор ошибается: у А. А. Сапожникова этих трудов не было.

Павильон для приема императора Всероссийского с 1801 г. Александра I Павловича (1777–1825) был построен в 1825 г. Не сохранился.

Рыболовецкое и рыбообрабатывающее предприятие (завод) на берегу водоема в те годы называлось «рыболовной ватагой».

Имеется в виду Чаганский учуг (ныне с. Чаган в Камызякском р-не Астраханской области России. В двух километрах от него в настоящее время находятся рыболовно-охотничья база «Астра» и рыболовная база отдыха «Бережок»).

Имеется в виду проток Чаган.

До середины XIX в. прародиной индоевропейцев считались Гималаи или Индия, но в 1851 г., о чем Споттисвуд, видимо, не знал, английский ученый Р. Латэм предложил искать истоки этой общности в Европе.

Конфедерация ойратских кочевых этнополитических объединений.

Оз. Кукунор в провинции Цинхай на западе КНР.

Имеется в виду проникновение русских землепроходцев на территорию современной Бурятии.

Западномонгольские племенные союзы.

Аюка (1642–1724) – первый калмыцкий хан с 1690 г.

В ходе этого похода калмыки подвергались нападениям со стороны казахов и потеряли в силу разных причин более 100 тыс. человек, лишились почти всего скота и имущества. Только 15–20 тыс. калмыков достигли цинской границы.

Имеется в виду так называемый «Торгутский побег» – массовое переселение в 1771 г. волжских калмыков, среди которых преобладали торгуты, из пределов Российской империи в Цинскую империю.

Де Квинси Томас (1785–1859) – английский писатель, автор книги «Восстание татар» (1837) об уходе калмыков из России.

Цяньлун (Айсиньгёро Хунли) (1711–1799) – император Китая в 1735–1796 гг.

Канси (1654–1722) – китайский император.

Цэван-Рабдан (1663–1727) – джунгарский хан.

Имеется в виду Итил – р. Волга, т. е. Поволжье.

Хун Тайчжи (Абахай; посмертное храмовое имя – Шэнь Цзу) (1592–1643) – маньчжурский правитель, основатель династии императоров Китая Цин.

Тулишэнь (1667–1741) – маньчжур, мандарин (чиновник), китайский дипломат.

Убаши (1744–1774) – последний (пятый) калмыцкий хан (1761–1771).

Фо – китайское название Будды.

465

Китайское название казахов.

Оз. Балхаш на юго-востоке Казахстана.

Вероятно, в районе современного г. Капшагай в Алматинской области Казахстана.

Имеется в виду сохранившаяся до наших дней летняя резиденция китайских императоров Бишушаньчжуан, находящаяся в городском округе Чэндэ в провинции Хэбэй (КНР).

Hommaire de Hell X. Travels in the Steppes of the Caspian Sea, the Crimea, the Caucasus, etc. London, 1847. P. 229–233.

Павел I Петрович (1754–1801) – император Всероссийский с 1796 г.

Автор сильно упрощает и неточно излагает историю административного управления калмыками. 14 октября 1800 г. царской грамотой была восстановлена автономия калмыков во главе с наместником Чучеем Тундутовым

Споттисвуд пересказывает фрагмент этиологической калмыцкой сказки «Почему у совы нет ноздрей», которую он мог знать из этой публикации: *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmucken in den Jahren 1802 und 1803. Т. 2. Riga, 1804. S. 245–246 (рус. пер.: Калмыцкие сказки. Элиста, 1982. С. 122–123).

Будда Шакьямуни (563 до н. Э. – 483 до н. э.) – духовный учитель, легендарный основатель буддизма, одной из трёх мировых религий.

Калмыцкие обозначения Англии и территории обитания калмыков.

«Четыре благородные истины» (приводятся в самой первой проповеди Будды – «Сутре запуска Колеса Дхармы») – одно из базовых учений всех школ буддизма: существует страдание; существует причина страдания – желание; существует прекращение страдания – нирвана; существует путь, ведущий к прекращению страдания.

«Сутра Белого лотоса Благого закона» («Саддхармапундарика-сутра») считается одной из самых важных и основных сутр, или священных писаний буддизма. Она очень значима в буддизме Махаяны (одно из направлений буддизма), который распространился по всей Восточной Азии. Ее главное послание состоит в том, что состояние будды (т. е. просветления) – состояние абсолютного счастья, свободы от страха и от всех иллюзий – внутренне присуще самой жизни. Развитие этого внутреннего состояния позволяет каждому человеку преодолеть свои проблемы и жить наполненной и активной жизнью, в полной мере взаимодействуя с другими людьми и обществом.

«Подробное описание игр [Будды]» («Лалитавистара») – написанный на санскрите буддийский литературный текст, содержащий биографию Будды Шакьямуни.

Имеется в виду Будда Шакьямуни.

Буддийский храм (монастырь, обитель) в калмыцком (монголо-ойратском) ламаизме.

Буддой является любой, открывший дхарму (истину) и достигший просветления. В буддийской космологии говорится о неисчислимом количестве подобных существ.

Меру (Сумеру) – священная гора в космологии индуизма и буддизма.

480

1771 г.

Лхаса – историческая столица Тибета, ныне район Чэнгуань городского округа Лхаса в Тибетском автономном районе КНР. В нем находилась резиденция главы буддистов далай-ламы. На самом деле попытки российских властей ограничить связи российских буддистов с центрами буддизма предпринимались ранее. С подписанием в 1727 г. Кяхтинского договора, который провел демаркацию российско-китайской границы, российские власти принимают меры к недопущению монгольских лам на территорию России, однако данный запрет не соблюдался строго, постоянные связи бурятского буддизма с духовными центрами Монголии и Тибета сохранялись.

Высшая степень монашеского посвящения.

Вторая монашеская степень в ламаизме.

Послушник.

Одна из самых известных мантр в буддизме Махаяны, особенно характерная для тибетского буддизма.

Отрицания.

«Прочь он, безмолвный, пошел многошумного моря побережьем»
(Гомер, «Илиада», I, 30; пер. Н. М. Минского).

Ныне с. Верхнелебязье в Наримановском р-не Астраханской области

На самом деле вверх по Волге от Астрахани сначала была Форпостинская (Городофорпостинская), затем Дурновская и только потом Лебяжинская станция.

Ныне хутор Грачи в Городищенском р-не Волгоградской области России.

Рассел Уильям Говард (1820–1907) – британский корреспондент газеты «Таймс», вел репортажи с фронта Крымской войны.

Имеется в виду указ Павла I от 12 декабря 1796 г.

Имеется в виду его указ от 22 сентября 1798 г.

Имеется в виду Сенная площадь – ныне Центральный рынок (современный адрес: ул. Коммунальная, 21а).

495

Имеется в виду ул. Дворянская (ныне ул. Интернациональная).

На самом деле в 1856 г. в Тамбове насчитывалось 21 950 жителей (Статистические таблицы Российской Империи за 1856 год, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел стат. отд. Центрального стат. ком. СПб., 1858. С. 132).

Породы, разводимые в Эриваньской губернии (ныне территория Армении).

Ряжск – ныне город в Рязанской области России.

«Приятно при взволнованном море» (Лукреций, «О природе вещей»).

На самом деле в 1856 г. в Рязани насчитывалось 21 449 чел. населения (Статистические таблицы Российской Империи за 1856 год. С. 110).

Имеется в виду собор Успения Пресвятой Богородицы, построенный в 1693–1699 гг. (современный адрес: Кремль, 13).

Не имеющим аналогов шедевром является резьба по белому камню порталов и наличников окон этого собора.

Иконостас был сооружен в 1701 г. Высотой 27 м (самый высокий в России), он состоит из 155 икон, расположенных на семи ярусах, и завершающего пояса картушей.

Имеется в виду Архиерейский дом Рязанского Кремля
(современный адрес: Кремль, 15).

На самом деле окончательный вариант Царь-колокола был отлит в 1735 г.

Царь-колокол никогда не использовался по назначению и получил повреждение в 1737 г. от пожара.

Ныне г. Брест на юго-западе Белоруссии. В описываемое время находился на границе Гродненской губернии России и входившим в состав Российской империи Царством Польским.

Споттисвуд возвращался из России по шоссе Москва – Брест-Литовск, т. е. в направлении с северо-запада на юго-восток, а основная часть армии Наполеона в 1812 г. наступала по России севернее этой трассы: из района Ковно через нынешний Вильнюс, затем через Минск, Могилев, Смоленск и далее на северо-восток до Москвы.

При приближении к почтовой станции ямщикам надлежало использовать медный европейский рожок, но в России он не прижился, так как зимой прилипал к губам, поэтому применялся только в районах с теплым климатом.

Имеется в виду гвардии полковник Пашков Василий Александрович (1831–1902) – с 1868 г. совладелец Богоявленского, а с 1869 г. владелец Богоявленского (закрыт в 1887 г.) и Верхоторского заводов. С 1884 г. в эмиграции.

511

Имеются в виду Невский и Вознесенский проспекты, а также Гороховая улица.

В настоящее время – Октябрьская железная дорога.

Николай I Павлович (1796–1855) – император Всероссийский с 1825 г.

Кристи Джеймс (1837-?) – английский путешественник.

Здесь и далее имеется в виду английская тонна (1016 кг).

Ди – герой английского фольклора, веселый мельник.

Имеется в виду сооруженный в противопожарных целях Обводной (позднее назывался Бетанкуровский) канал шириной 100 м и протяженностью 1,5 км окружал территорию ярмарки с восточной, западной и северной сторон. Находился в нынешнем микрорайоне «Ярмарка» и проходил по современным улицам Керченская, Бетанкура и бульвару Мира. Частично был засыпан к концу 1930-х гг., окончательно в 1950-е гг., в 1970-е гг. на его месте возведены многоэтажные жилые дома.

Синим – вероятно, название Китая в Библии. В данном случае автор, видимо, имеет в виду египтянина (еще одна возможная локализация Синима).

Рикард Томас (Фома Яковлевич) – управитель британской «Компании российских медных заводов» («Компания российской меди»), владевшей рядом предприятий в Оренбургской губернии.

Christie J. Men and Things Russian: Or, Holiday Travels in the Lands of the Czar. Edinburgh, 1879. P. 112–119.

Имеется в виду существовавшее с 1867 г. Российское общество Красного Креста.

522

Имеются в виду маринованные огурцы небольшого размера.

Christie J. Men and Things Russian. P. 125–130.

На самом деле Волга – крупнейшая по водности, площади бассейна и длине река Европы.

Автор ошибается: по состоянию на 19 апреля 1886 г. в Уфе насчитывалось 26 976 жителей (*Гурвич Н. А.* Город Уфа к трехсотлетию его юбилею: по произведенной Уфимским губернским статистическим комитетом однодневной переписи, 19-го апреля 1886 года. Уфа, 1887. С. 8).

Приводимая автором дата 1573 г. использовалась в работах отдельных русских авторов XVIII – начала XIX в. (*Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 59*). Согласно современным исследованиям, Уфа была основана в 1586 г. (*Буканова Р. Г. Города-крепости. С. 80; Солодкин Я. Г. Начало Уфы: к истории основания города и становления воеводского управления // Река времени. 2020 / сост. и отв. ред. М. И. Роднов. Уфа, 2020. С. 6*).

Имеются в виду казахи.

Ныне это, соответственно, села Красноусольское Гафурийского и Верхотор Ишимбайского р-нов Респ. Башкортостан. В описываемое время на этих заводах работали английские инженеры.

Ныне поселок городского типа Камское Устье, административный центр одноименного р-на Респ. Татарстан.

Ныне с. Красный Бор в Агрызском р-не Респ. Татарстан.

Ливен Андрей Александрович (1839–1913) – в 1879–1881 гг. министр государственных имуществ Российской империи.

В апреле 1878 г. тайный советник князь Ливен, в ту пору товарищ (заместитель) министра государственных имуществ, ходатайствовал о предоставлении ему права приобрести участок земли в Уфимской губернии в увеличенном размере. Александр II «высочайше соизволил на пожалование» казенные лесные участки в Мензелинском уезде в количестве 3,5 тыс. десятин за 12 тыс. руб. При обследовании выяснилось, что эти участки состояли из лесов, которые никогда не предназначались для льготной продажи. Сумма оценки (12 тыс. руб.) являлась смехотворной, так как реальная стоимость этих лесных участков составляла 300–400 тыс. руб.

В отличие от России, в Британии качество провизии на пароходах было низким, поэтому питаться в судовых буфетах не стремились, к тому же это было весьма дорого (*Чернов С.* Бейкер-стрит и окрестности. Эпоха Шерлока Холмса. М., 2013. С. 262, 309).

В 2,5 км выше с. Красноусольское на берегу бьет так называемый Усольский горький родник.

Возможно, имеется в виду гора Крутая вблизи с. Верхотор.

Возможно, имеются в виду речки Торгаска, Березовая и Картышла.

Автор ошибается. Оренбург в то время был административным центром одноименной губернии.

Имеется в виду д. Старая Уралка (ныне в составе г. Кумертау Респ. Башкортостан).

Имеется в виду р. Большой Юшатырь.

Имеется в виду Каргалинские медные рудники (в настоящее время территория Александровского и Октябрьского р-нов Оренбургской области России) – в XVIII–XIX вв. один из важнейших горнорудных центров России.

Диксон Хепуэрт Уильям (1821–1879) – английский историк и путешественник.

Река в горной местности в штате Вайоминг, США.

Dixon W. H. Free Russia. New York, 1870. P. 191.

Ланзделл Генри (1841–1919) – английский путешественник.

545

Железная щетка для чистки лошадей.

546

Около 183 м.

Имеется в виду Меднорудянский рудник, разрабатывавшийся в 1814–1916 гг. шахтным способом, глубина шахт достигала в то время 200 м. Карьер находится в центре Нижнего Тагила, спуск в него начинается от ул. Рудянской.

Имеется в виду генерал-губернатор Восточно-Сибирского генерал-губернаторства – крупной военно-административной единицы Российской империи в 1822–1884 гг.

Lansdell H. Through Siberia. 5th ed. London, 1883. P. 136–142.

Барри Герберт – английский металлург и путешественник XIX в.

«Peninsular and Oriental Steam Navigation Company» – британская судоходная компания, основана в 1837 г. и существует до сих пор. Во времена Брауна ее пароходы отличались большими размерами и роскошными интерьерами.

В Западной Европе Урал длительное время считался частью Сибири (см.: *Кориунков В. А.* Путь сквозь века и земли. С. 522–530).

Barry H. Russia in 1870. London, 1870. P. 317–321.

Ibid. P. 312–313.

Ibid. P. 342.

Мф. 6:28.

Подробнее см.: *Устьянцев С. В., Логунов Е. В.* Английский технологический опыт и уральские горные заводы XIX века. Екатеринбург, 1992; *Бондаренко Ф. В., Микитюк В. П. Шкерин В. А.* Британские механики и предприниматели на Урале в XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2009.

Имеются в виду известные екатеринбургские купцы и меценаты Рязановы.

Эта усадьба находилась на территории аэропорта «Кольцово».

Чатсуорт-хаус в графстве Дербишир – один из самых красивых дворцов Великобритании. На территории его парка находятся многочисленные водопады и разнообразные сооружения.

Находился по нынешнему адресу ул. Реактивная, 19. Снесен после Великой Отечественной войны, на его месте построено здание Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних Октябрьского р-на Екатеринбурга.

Подробнее см.: *Корепанов Н.* Заимка Меджера // Уральский следопыт. 2003. № 8. С. 24–25.

Александр I побывал на Урале осенью 1824 г., в Екатеринбурге он был 24–25 сентября.

Меджер Джозеф (Иосиф) Яковлевич (1762–1831) – видный уральский механик.

Меджер был награжден орденом св. Владимира 4-й степени ранее,
в 1818 г.

Это случилось в ночь с 19 на 20 апреля 1831 г.

Согласно показаниям одного из свидетелей по этому уголовному делу, Меджер, открыв убийцам дверь, успел у них спросить: «Что вам надо?», а согласно протоколу допроса одного из убийц, все произошло, как описывает Браун, т. е. молча (подробнее об этом преступлении см.: *Бондаренко Ф. В.* Расследование ограбления и убийства механика Осипа Меджера // *Зыряновские чтения: материалы Всерос. науч. – практической конф. «VIII Зыряновские чтения»* (Курган, 9-10 дек. 2010 г.). Курган, 2010. С. 41–46).

Из материалов уголовного расследования: «Рана первая на голове Меджера в один вершок с рассечением кости острым орудием. Второе ранение поперек левого виска разрублено тоже с раздроблением кости до мозгов. Третье на поверхности лба к самой середине, рана в диаметре один вершок и ниже левого глаза рана такой же величины, причиненная тупым орудием» (здесь и далее материалы уголовного дела цитируются по: *Бондаренко Ф. В.* Расследование.).

Организатором убийства был купец Петр Дмитриевский (в других источниках – Дмитриев) по прозвищу Марянич, который был сослан в Сибирь. Непосредственными убийцами были екатеринбургский мещанин, старообрядец Нестор Пикулин, неременный работник Василий Жуков, а также жители Верхне-Исетского завода Астафий Дружинин и Андрей Рыков. Об их судьбе сведения отсутствуют, поэтому свидетельства друга Брауна имеют важное значение.

Вес этого золота был около двух пудов. Об обстоятельствах убийства английского механика на допросе рассказал упомянутый выше Андрей Рыков: «.по вечеру сказавшись родителям и жене своей, что я пойду в монастырь ко всенощной, прошел к Пикулину, где Жуков был уже до меня, тогда запрягши Пикулин пару лошадей в телегу, проехали к заимке Меджера, где за поскотиною лошадей оставили, пошли осматривать положение комнат и Пикулин против данного ему Дмитриевским Марянычем наставления, указывал с которой стороны дому зайти в комнаты Меджера, также и караульщика стоявшего тогда у палатки видели, и хотя намеривались приступить к действию, но я восчувствовал в себе какую то робость, сказывал о том Жукову и Пикулину, почему пришлось оставить до другого дни и возвратясь в город Жуков, близ оного вылезши, ушел, а я проследовал с Пикулиным в его квартиру, где переночевал, и поутру на самом свету прошел к монастырю, где отстоявши заутреннюю прошел домой <.>. После я сходил к Дружинину и спрашивал его, что согласен ли будет поехать за похищением золота, на что он дал свое обещание, почему я около вечера сходил к Пикулину сказал ему, что мы будем, а когда легли домашние спать, а жена моя осталась спать по своему нездоровью на полатах, тогда я вышел спать в сени, после того немного спустя, вышел я тихим образом из сеней во двор, а из двора в огород и из него в улицу, там по берегу прошел в город в дом к Нестору Пикулину, где Жуков уже дожидался, по приходу моему Пикулин запрягши в телегу сероногую лошадь, съездил в Верхисетский завод привезя оттуда Дружинина, приказал тогда жене своей подать для нас закуску, после чего на той же лошади вчетвером проехали к заимке Меджера, там близ поскотины лошадь оставили, я взял себе лом, Дружинин пешню, Пикулин пешню и пистолет и Жуков пистолет, да третий пистолет больше против оных остался порожним, но у кого припомнить не могу, на мне был синий чекмень, на Пикулине <.> шуба, а на Дружинине яга у Пикулина взятая; и дойдя до палатки я с Дружининым с правой стороны, а Жуков и Пикулин с левой стороны, тогда из оной караульщик, выскочив скричав, что за люди? Дружинин, подтолкнув меня сказал возьми, а караульщик намеревался на меня замахнуться

палкой, но я не оробев ударил его ломом по голове, и с одного разу его сшиб, а Пикулин и Дружинин его добили, Дружинин же перевернул его к земле лицом еще по затылку ударил, и наконец он обыскав в палатке, нет ли кого? Пошли к дому, я, Жуков и Дружинин осматривая около строений слушали происходящий тогда в селении шум и крик, и когда оный умолк, то мы подошли к окошку, которое Пикулин уже успел выставить, где еще долго перепирались, тому и другому в перед идти не хотелось, напоследок Дружинин сказал мне полезай. Тогда я влезши туда ощупывался, между тем товарищи достали у окошка огня и мне одного на спичке подали, при посредстве которого я нашедши тут в комнате напитки, по приглашению товарищей сам одного попил и подал им. Тогда Дружинин и Пикулин тоже за мною влезли, а Жукову приказали быть на карауле, и если кто будет наступать палить нещадно, между тем стали отворять двери комнаты в которой господин Меджер спал, что он услышавши встал на ноги и лишь только подошедши к дверям стал оные отворять, тогда я ломом ударил по голове, от чего он падши вместе с свечкой в руках имеющейся, не успел сказать ни единого слова, и когда пап, то я его еще один раз ударил. Дружинин и Пикулин его уже добили, после сего я по настоянию Дружинина, обошедши по прочим комнатам, нет ли еще кого. И принялись искать деньги или золото, и, хотя все комоды и ящики перерыли, но ничего найти не могли, а только я взявши карманные часы, намеревались совсем выходить, наконец я увидел против постели у другой стены стоящую железную банку, поднял ее, и когда услышал, что в ней тяжеломерно, то скричал товарищам своим, ребята здесь. А потом отыскиали и другую банку золота, которое взявши обще с небольшим бочонком с напитками и также взял я медные деньги с небольшим рубль, проехали через Уктуский завод в дом брата Пикулина к Маврикию Пикулину, по приезду куда Нестор постучавши, вышел к нам Маврикий, отворил двери, по въезде в ограду принес он огня и жестяную белую чашку, впустил в погреб, где пол против порогу несколько поднялся, там же привезенное нами золото измеряли чашкою, мне, Дружинину, Жукову досталось по чашке, которого по весу тут же безменом попробовав сказалося у нас троих по 19 фунтов, а Нестору дано полторы чашки из коих вышло то ли 27 то ли 28 фунтов, каковое золото Нестором было завернуто в платки от Меджера взятые, коих каждому досталось по два, по одному синенькому, а другому, не

упомню какого цвета. При чем Маврикию оставили с вином бочонок и бумажник. Я, Дружинин и Жуков вышли вместе, а Нестор остался там, я лом оный, которым положил две невинные жертвы, взял для предосторожности с собою и часы взял тоже себе, а когда вышли на верхисетскую дорогу, то лом оный спрятали под чашу, откуда его и после время я не вынимал. По приходе домой золото я спрятал, пришел в сени и лег спать, тогда было не позднее чем 3-й час».

Имеется в виду Шульц Иван Иванович (1777–1862) – с 1829 г. главный лесничий Екатеринбургских заводов.

Это произошло 16 июля 1831 г.

Речь идет о караульном Иване Стенине.

Об ее убийстве в опубликованных материалах уголовного дела не упоминается, говорится только о самом Меджере и его караульном.

Подробнее о нем см.: *Ченокал В. Л.* Иосиф Меджер – талантливый механик конца XVIII – первой трети XIX века // Из истории естествознания и техники Прибалтики. Т. 5. Рига, 1976. С. 37–51; *Тараканова Е. С., Рябов Б. Г.* «Ныне славящийся художник Осип Меджер» // Проблема культурного наследия в области инженерной деятельности: сб. ст. Вып. 5. М., 2007. С. 321–322; *Бондаренко Ф. В.* Осип Меджер – создатель уральской школы механиков // Грибушинские чтения – 2009: музей в пространстве и времени: [тез. докл. и сообщений VII межрегиональной науч. – практич. конф. (г. Кунгур, 23–25 апреля 2009 г.)]. Кунгур, 2009. С. 166–181; *Бондаренко Ф. В., Микитюк В. П., Шкерин В. А.* Британские механики. С. 5–22.

Имеется в виду Тет Петр (Питер) Эдуардович (1809–1881) – английский инженер, в 1836–1852 гг. главный механик Уральского горного правления.

Сэр Джон Фальстаф – комический персонаж ряда произведений Шекспира, толстый, добродушный, трусливый пьяница.

Первометодисты – приверженцы возникшей в 1810 г. разновидности методистской церкви, которая допускала мирян к управлению церковными делами и разрешала женщинам читать проповеди. Торжественная лига и Ковенант – религиозно-политический договор, заключенный между Шотландией и английским парламентом в период Английской революции XVII в., оформивший союз двух британских государств и заложивший основу для объединения церквей Англии и Шотландии на базе пресвитерианства. В данном случае автор пытается подобрать понятные своему респонденту европейские реалии для характеристики различных направлений старообрядчества на Урале – часовенного согласия, приверженцев Белокриницкой иерархии («австрийцы», «австрийская вера») и единоверцев.

Имеются в виду «Философские письма» Вольтера, написанные им по итогам пребывания в Англии в 1726–1729 гг. и идеализировавшие англичан.

Аллюзия на первую строчку стихотворения Дж. Байрона «Англия»: «England! With all thy faults, I love thee still» («Англия! Люблю тебя, какой бы не была»).

Уральское горное правление, переименованное в 1886 г. в Управление горной частью на Урале, – региональный орган горного ведомства, независимая от губернской администрации система территориально-хозяйственного управления, – находилось в Екатеринбурге.

Имеется в виду существовавшее в XIX в. британское картографическое издательство «Archibald Fullarton and Co».

Страбон (64/63 г. до н. э. – 23/24 г. н. э.) – греческий историк и географ.

Аримаспы — мифический народ на крайнем северо-востоке древнего мира.

Имеется в виду упоминаемый Геродотом (V в. до н. э.) путь, по которому, согласно мнению ряда ученых, золото, добываемое в районе Миасса и верховьях р. Урал, доставлялось к устью Дона.

A Gazetteer of the World, Or Dictionary of Geographical Knowledge, Compiled from the Most Recent Authorities, and Forming a Complete Body of Modern Geography, Physical, Political, Statistical, Historical, and Ethnographical. Vol. 7. Edinburgh etc., 1856. P. 294.

Паллас Петр-Симон (1741–1811) – немецкий учёный-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник на русской службе. В 1770–1774 гг. совершил научную экспедицию по России, в том числе побывал на Урале.

Органической.

Корпус горных инженеров – учебное заведение закрытого типа в России в 1804–1834 гг., на смену которому пришли Институт Корпуса горных инженеров (1834–1866 гг.) и Горный институт (с 1866 г.).

Murchison R. I. The Geology of Russia.. P. 337–338 (рус. пер.: Мурчисон Р. Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского. Ч. 2. СПб., 1849. С. 2–3).

Антуфьев Никита Демидович (Антюфеев), более известный как Никита Демидов (1656–1725) – русский промышленник, основатель династии Демидовых; Баташёв Иван Тимофеевич (ок. 1669–1734) – устроитель заводов в Туле, Липецке и Олонце.

Barry H. Russia in 1870. P. 251–256.

Barry H. Russia in 1870. P. 263–264.

На самом деле это был памятник заводчику Николаю Никитичу Демидову (1773–1828) работы французского скульптора Ф.-Ж. Бозио. Установлен в 1837 г., после 1917 г. уничтожен.

Лоумур – один из тогдашних центров британской металлургии.

Лох-Ломонд – озеро в Шотландии, площадь зеркала 71 кв. км.

Йоркшир – историческое графство на севере Англии, площадь – 15 712 кв. км.

Уральские заводчики того времени.

599

Площадь этого графства составляет 382 кв. км, 90 тыс. кв. акров — чуть больше 364 кв. км.

Даннемора – известный железный рудник в Швеции.

Вольстедт Иван Иванович – горный инженер, уроженец шведского г. Гётеборг, директор Нижне-Тагильского механического заведения в 50-е гг. XIX в.

После 1885 г. в связи с финансовым кризисом Демидовы резко сократили расходы на здравоохранение.

Имеется в виду Рудановский Петр Васильевич (1829–1888) – врач-гистолог, с 1859 г. главный медик демидовских заводов в Нижнем Тагиле. Известен своими исследованиями строения нервной системы и введением в гистологию метода замораживания препаратов.

*Lansdell*H. Through Siberia. P. 22–24.

Притч. 20:14.

Джереми Диддлер – герой фарса Д. Кении «Чужой карман» (1803), обманщик, занимающий у всех небольшие суммы денег и не отдающий эти долги.

Трагедия У. Шекспира, герой которой всей душой любил людей, стремился бескорыстно им помогать, и в итоге разорился.

Имеются в виду жители Урала.

Имеется в виду И. И. Шульц (см. с. 202, прим. 62 наст. книги).

Имеется в виду построенная в 1878 г. Уральская горнозаводская железная дорога – первая на Урале. В настоящее время – Свердловская железная дорога.

До 1885 (по другим сведениям, до 1887) г. Уральская горнозаводская железная дорога управлялась частными владельцами с ежегодным убытком 3 млн руб., а затем была передана государству с долгом 45 млн руб.

Имеются в виду Ивановские стеариновый и мыловаренный заводы, находившиеся в пос. Малый Исток.

Лк. 23:34.

Автор пересказывает исторический анекдот, согласно которому во время Крымской войны Николай I, возмущенный вскрывшимися массовыми хищениями, заявил наследнику, будущему императору Александру II (1818–1881): «Мне кажется, что во всей России только ты да я не ворует» (*Бутковская А. Я. Рассказы бабушки // Исторический вестник. 1884. Т. 18, № 12. С. 623*).

Возможно, имеется в виду Струве Бернгард Васильевич (1827–1889) – пермский губернатор в 1865–1870 гг., уличенный в злоупотреблениях.

«Умный понимает с полуслова» (лат.).

Суд присяжных был введен в Российской империи в 1864 г.

Имеется в виду волостной суд, разбиравший мелкие иски и проступки. Он выбирался крестьянами, состоял из крестьян и чаще всего руководствовался обычным правом. От судей не требовалась даже грамотность. До 1903 г. этот суд мог назначать наказание розгами не свыше 20 ударов для крестьян до 60 лет, мужского пола, не имевших образовательного ценза, не занимавших должностей, не служивших в военной службе, не страдавших предусмотренными в законе болезнями. В местностях, где были введены земские начальники, волостной суд состоял из четырех судей и их четырех заместителей.

Мф. 7:1–5.

Целью этого указа стало возобновление лесопосадок на всей территории Франции для обеспечения сырьем судостроения. Были замерены площади лесных участков и определен их состав, что затем позволило выбрать способ сохранения и распоряжения ими, был установлен объем рубки и продаж и обязательное количество сохраняемого строевого леса.

Речь идет об Александро-Невском Ново-Тихвинском монастыре (действовал в 1809–1922 гг., возрожден в 1994 г.).

Имеется в виду Магдалина (до пострижения – Неустроева Мария Анатольевна, 1813–1893), настоятельница этого монастыря с 1858 г.

Бонёр Роза (1822–1899) – французская художница-анималист;
Кауфман Ангелика (1741–1807) – немецкая художница.

Марена красильная (*Rubia tinctorum*) – многолетнее травянистое растение. Используется в качестве красителя, а также в медицине.

Ныне г. Троицк в Челябинской области России.

В 1886 г. в городе проживало 7500 последователей ислама, что составляло 41,2 % его населения (Ислам на Урале: энциклопедический словарь / сост. и отв. редактор Д. З. Хайретдинов. М., 2009. С. 239).

На самом деле в Троицке к началу 1880-х гг. существовало пять каменных соборных мечетей, и лишь одна из них была деревянной (Там же. С. 15–18).

В частности, в 1868 г. из 139 троицких купцов 58 (41,7 %) были мусульманами (Там же. С. 239).

Исх. 3:5.

Пс. 94:6.

631

Имеется в виду Коран.

Имеется ввиду ул. Большая набережная (народное название – Береговая; ныне ул. Красногвардейская).

Лоусон Уилфрид (1829–1906) – британский политик, активно выступавший за запрет торговли опиумом, вред от употребления которого сравнивал с алкоголизмом.

Персонаж древнегреческой мифологии, славился своей красотой.

635

Примерно минус 19–31 °С.

636

Примерно минус 44–51 °С.

Ныне г. Александров-Куявский в Польше.

Автор, как отмечалось выше, прибыл в Россию в качестве делегата Международного геологического конгресса.

Имеется в виду Петербургский вокзал в Варшаве, ныне вокзал Варшава-Виленьска.

640

+37,7 °C.

Имеются в виду лапти.

Речь идет об онучах.

В 1897 г. в Москве проживали 1039 тыс. человек.

Речь идет не о башне, а о колокольне Ивана Великого – церкви-колокольни, расположенной на Соборной площади Московского Кремля.

645

Имеется в виду Успенский колокол. Его вес 65 320 кг.

На самом деле это произошло в 1836 г.

Вес Царь-колокола – 202 т.

Автор неточно излагает историю создания Царь-колокола. В действительности он изготовлен из остатков отлитого в 1654 г. колокола весом восемь тысяч пудов, который во время пожара 1701 г. треснул, в 1730 г. был разбит на куски, и к ним была добавлена еще тысяча пудов металла.

Высота Царь-колокола – 6,24 м, диаметр – 6,6 м.

Федор Иванович (1557–1598) – русский царь с 1584 г.

На самом деле вес Царь-пушки – 39,31 т.

Краснокирпичный, пятиглавый храм в русском стиле. Заложен в 1889 г., освящен в 1894 г. (современный адрес: ул. Новослободская, д. 58, стр. 5)

См. некоторые публикации такого рода: *Beck R.* Die Excursion des VII inter-nationalen Geologencongresses nach dem Ural // *Zeitschrift fur praktische Geologie*. Berlin, 1898. S. 16–26; *Bauerman H.* The Iron Ore Deposits of the Ural // *Iron and Steel Institute Journal*. Vol. 53. London, 1898. P. 134–144; *Bather F. A.* Some Russian Museums. London, 1899.

На самом деле в сентябре 1812 г. Наполеон смотрел на город со «старой» Поклонной горы, которая располагалась там, где сейчас находится дальний от центра угол дома № 16 по Кутузовскому проспекту.

655

Имеется в виду Водоотводный канал.

Ныне железнодорожная станция Белинская Пензенского региона Куйбышевской железной дороги. Находится в г. Каменка Пензенской области России.

Ныне г. Октябрьск Самарской области России.

658

+25,6C.

Имеется в виду Александровский (в советское время – Сызранский) мост, на момент открытия самый длинный в Европе.

Оолитовый известняк представляет собой мелкие, размером с икринки рыбы, сцементированные меж собой углекислым кальцием шарики.

В Уральской геологической экскурсии приняли участие 154 человека (*Колбанцев Л. Р.* К истории. С. 7).

В литературе (см., например: *Колбанцев Л. Р.* К истории. С. 7) и во Всемирной сети указывается, что в Уральской экскурсии были задействованы один или два поезда.

В Британии в то время вагоны освещались газом или электричеством (*Чернов С.* Бейкер-стрит и окрестности. С. 235).

664

Карточная игра.

Петербургское время как единое для регулирования железнодорожного сообщения стало постепенно вводиться в России с 1874 г.

Имеются в виду Жигулевские Ворота – самое узкое место на Средней Волге, образуемое двумя горными вершинами – Серной и Тип-Тяв.

В 1872 г. в урочище «Барбашина Поляна» (ныне местность Барбошина Поляна в черте города), что в 15 верстах от Самары, было устроено помещение (так называемый «Военный кумыс») для нижних чинов и офицеров, присылаемых для лечения за счет правительства из различных частей войск Казанского военного округа.

На самом деле эта кумысолечебница принадлежала казне. Автор, видимо, неверно понял сказанное ему, перепутав с другим заведением: в 1889 г. шотландский врач Джордж Каррик (1840–1908) основал в 40 км от Оренбурга кумысолечебницу Джанетовка (в честь своей племянницы Джанет) – ныне летнее детское оздоровительное отделение «Джанетовка» Оренбургского областного детского санатория им. Н. К. Крупской (Сакмарский р-н Оренбургской области).

Скорее всего, автор наблюдал черного коршуна, поскольку численность скоп в этих местах и тогда была крайне невелика.

670

+28,9 °C.

Исходя из текста, участники геологической экскурсии сошли с поезда в районе современной железнодорожной платформы Правая Белая и въехали в город по нынешней ул. Тракторной – единственному в Уфе месту, где до сих пор сохраняется булыжная мостовая, вымощенная в 1824 г.

672

Ныне историко-мемориальное Мусульманское кладбище
(современный адрес: ул. Алтайская, 19).

На самом деле это не так: к концу XIX в. наука уже располагала общими сведениями об истории башкир. Скорее всего, информаторами автора были недостаточно компетентные в этом вопросе люди.

Уфимский губернский музей располагался в здании по нынешнему адресу ул. Пушкина, 85/1.

Имеется в виду Маллеев Александр Александрович (1848–1906) – городской голова Уфы в 1893–1905 гг.

Первые кости мамонта поступили в фонды губернского музея от стерлитамакского исправника Я. Б. Панфилова.

Имеется в виду двухэтажный Видинеевский летний театр, построенный в 1894 г. уфимским купцом В. И. Видинеевым и долгие годы являвшийся центром культурной жизни города. Состоял из многоярусного зала на 794 места и обладал прекрасной акустикой, находился в нынешнем Саду культуры и отдыха им. С. Т. Аксакова (современный адрес: ул. Пушкина, 110) и был снесен в 1991 г.

Вероятно, имеется в виду историческая драма Н. А. Островского «Василиса Мелентьева». В феврале 1897 г., за несколько месяцев до приезда Ридли, главную роль в этом спектакле исполняла гастролеровавшая в Уфе известная русская актриса Г. Н. Федотова (1846–1925).

Имеется в виду Видинеевский сад – ныне упомянутый Сад культуры и отдыха им. С. Т. Аксакова.

Имеется в виду отмечавшееся 22 июля (4 августа н. ст.) тезоименитство жены императора Александра III и матери императора Николая II вдовствующей императрицы (а не великой княгини, как пишет Ридли) Марии Федоровны (1847–1928).

681

Ныне город, районный центр одноименного р-на Челябинской области России.

Ныне город в Ашинском р-не Челябинской области России.

683

Горы на севере Германии.

Ныне Миньярский метизно-металлический завод.

«Печами Сименса» назывались регенеративные печи, конструкция которых была предложена в 1856 г. немецким и британским инженером и промышленником К. В. Сименсом (1823–1883), однако под ними Ридли в данном случае подразумевает более современные модификации этих механизмов – газопудлинговые печи. В частности, на Миньярском заводе в начале 1890-х гг. их было десять.

Имеется в виду действовавший до 1917 г. Симский завод – в настоящее время (2021 г.) публичное акционерное общество «Агрегат» в г. Сим Ашинского р-на Челябинской области России.

Балашовы Николай (1840–1931) и Иван (1842–1924) Петровичи – уральские заводовладельцы.

Путь, соединявший станцию и завод, так и назывался – Конка (ныне ул. Революции).

Ее здание существовало в 1864–1968 гг.

По своему облику почти все уральские заводские поселки являлись городами, хотя официально таковыми в то время не считались.

В настоящее время железнодорожная станция Златоустовского региона Южно-Уральской железной дороги, расположенная в г. Усть-Катав Челябинской области России.

В настоящее время – железнодорожная станция Златоустовского региона Южно-Уральской железной дороги, находящаяся в пос. Вязовая Усть-Катав-ского городского округа Челябинской области России.

693

+4,4 °C.

Карьер на территории нынешнего Саткинского р-на Челябинской области России ($54^{\circ}54'50''$ с.ш., $58^{\circ}52'37''$ в.д.), его эксплуатация была прекращена в 1960-е гг.

Александровский карьер существовал на территории нынешнего Саткинского р-на Челябинской области. России ($54^{\circ}54,36''$ с.ш., $58^{\circ}51'14''$ в.д.), разрабатывался с 1826 по 1917 г.

Бакальские железные рудники – карьеры вблизи г. Бакал на территории нынешнего Саткинского р-на Челябинской области России ($54^{\circ}55,33''$ с.ш., $58^{\circ}47'60''$ в.д.), эксплуатируются до сих пор.

Отличавшиеся большой производительностью и обеспечивавшие низкую себестоимость чугуна доменные печи конструкции русского горного инженера Владимира Карловича Рашета (1812–1880) имелись на Юговском, Верхнетурунском, Богословском, Саткинском, Нижнетагильском и других заводах Урала, где проработали около ста лет.

Казенное предприятие по изготовлению холодного оружия при Златоустовском казенном чугуноплавильном и железоделательном заводе являлось самостоятельным производственным заведением, директор которого подчинялся непосредственно горному начальнику Златоустовских заводов.

Английский город, получивший в XIX в. международную известность своим сталелитейным производством.

Аносов Павел Петрович (1796–1851) – русский горный инженер, ученый-металлург, крупный организатор горнозаводской промышленности.

Речь идет о размещавшемся с 1833 г. в залах верхнего этажа здания Арсенала музея Златоустовского горного округа, экспозиция которого состояла из коллекции минералов и горных пород.

Ныне Куса – город, административный центр Кусинского р-на Челябинской области России. Художественное литье завода отмечалось наградами на всемирных выставках.

29-30 июля участники поездки посетили Ахматовскую, Шишимскую и Николае-Максимилиановскую копи (на территории нынешнего Гусинского р-на Челябинской области России).

Большой Таганай – основной хребет Таганайского горного узла, расположен на территории национального парка «Таганай» в Челябинской области России.

С 1870 г. все железнодорожные компании были обязаны поддерживать парк стандартизированных товарных вагонов, которые в случае нужды можно было переделать в вагоны для перевозки солдат.

706

+8,9°C.

Ныне г. Миасс в Челябинской области России.

В Великобритании он начинается 12 августа.

Обелиск, обозначающий границу Европы и Азии, был установлен в 1892 г. недалеко от железнодорожной станции Уржумка.

710

Имеется в виду станция Уржумка.

711

Расположена в 8 км восточнее центра Златоуста, в 3 км к северо-востоку от железнодорожной станции Уржумка. Высота 843 м.

В Англии название дня начала сезона охоты на шотландских куропаток.

713

+28,9°C.

Имеются в виду мясные пирожки, с которыми ели супы.

715

Имеются в виду пирожки с рыбой.

Жардиньер – овощной гарнир.

Голландский соус делается на основе яиц и масла, один из основных соусов французской кухни; польский соус готовят на основе сливочного масла и яиц, чаще всего он употребляется с горячими салатами и рыбными блюдами.

718

Холодный десерт, известный с 1894 г.

Насыщенный бульон из мяса или дичи.

720

Имеются в виду пирожки.

Майонез.

722

Фаршированное трюфелями мясное филе.

Автор уделяет огурцам такое внимание, потому что они не получили распространения в британской кухне и обычно используются англичанами в сэндвичах.

Город на южном побережье Англии.

Видимо, это представление имеет в виду спутник Ридли – упомянутый выше американский химик и геолог Талмедж. Только он почему-то связывает его с пребыванием в Кыштыме: «В Кыштыме нас ждал сюрприз. Прибыв туда вечером, часть из нас отправилась в город, который находился в трех-четыре верстах от станции, – в России железная дорога проходит несколько в стороне от ближайшего населенного пункта. Мы подошли к большому круглому зданию с конической крышей, на вершине которой развевался флаг, а у входа толпилось множество людей. Оказалось, что это зал для аттракционов и с минуты на минуту в нем начнется представление. У нас был шанс узнать, как развлекаются жители Сибири, – по крайней мере, так нам показалось. Купив билеты, мы расположились на нижнем ярусе амфитеатра. Пришедшая на представление публика была ничем не примечательна – скорее, необычно выглядели мы, поэтому весь вечер зрители с интересом, если не с восхищением, смотрели то на актеров, то на нас. Музыка была для нас знакомой – она преимущественно была той, которую исполняют в американских и английских театрах, но наибольшее разочарование мы испытали от актеров: в них не было ничего сугубо сибирского или даже русского – акробатическими номерами этой труппы я восхищался в Берлине три года назад, а один из моих спутников (вероятно, имеется в виду Ридли. – *Прим. пер.*) заявил, что видел их в своем английском городе» (*Talmage J. E. In the Land of the Czar // The Juvenile Instructor. 1898. Vol. 23, No. 12. P. 427*).

Вонлярлярский Владимир Михайлович (1852–1946) – крупный новгородский землевладелец и промышленник, владелец золотых приисков на Урале.

В настоящее время железнодорожная станция Кыштым находится в черте г. Кыштым в Челябинской области России.

Имеется в виду Верхне-Кыштымский завод (в настоящее время Кыштымский медеелектролитный завод), в 1908 г. он перешел на выпуск меди.

729

+28,9°C.

730

+6,7 °C.

Кыштымские краеведы полагают, что это была так называемая «Ближняя дача», в ее здании сейчас располагается отделение Челябинской областной туберкулезной больницы № 1.

732

Имеется в виду Кыштымский городской пруд.

Имеется в виду собор Рождества Христова (ул. Ленина, 22).

734

Чуть больше 9 км.

735

Сугомак – гора, расположенная вблизи г. Кыштым.

Имеются в виду, в частности, озера Большая и Малая Нанога, Кызылташ, Травакуль, Иртяш и более мелкие.

Подробнее о пребывании экскурсантов в Кыштыме см.: *Кузнецова Е. В., Огурцова Л. К.* Разумом и молотком, или Как иностранные геологи посетили Кыштымский музей // Историческая азбука Кыштыма. Ч. 3. Музейное дело. Кыштым, 2018. С. 67–69.

Фон Миквиц Рудольф Гергардович (1850–1912) – горный инженер, с марта 1897 г. старший маркшейдер и управитель чертежной Уральского горного управления, один из руководителей Уральской экскурсии (участок от Кушвы до Перми) VII Международного геологического конгресса.

739

Ныне ул. Розы Люксембург, 62.

Имеется в виду музей Уральского общества любителей естествознания (ныне Свердловский областной краеведческий музей им. О. Е. Клера), его здание, которое посетили Ридли и его спутники, не сохранилось.

На самом деле великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) являлся покровителем Уральского общества любителей естествознания.

742

Скелет большерогого (широкорогого) оленя, найденный в 1886 г. у д. Галкино Камышловского уезда, в настоящее время экспонируется в Музее природы Урала в Екатеринбурге.

Имеется в виду здание Общественного собрания (городской клуб «для приятного препровождения времени в дозволенных играх, чтении газет и журналов», современный адрес: ул. Карла Либкнехта, 38).

744

Имеется в виду оз. Шарташ.

Гранитные скалы-останцы в Екатеринбурге вблизи оз. Шарташ. Участники экскурсии осмотрели находящиеся в этих местах валы из крупных валунов гранита и гравиевых отложений, перемешанных с растительным слоем, и пришли к выводу, что эти сооружения искусственного происхождения и относятся к доисторическим временам (*Рыжников Н. А.* Археологические памятники окрестностей Екатеринбурга. Екатеринбург, 2012. С. 39, 58).

Находились в районе нынешнего г. Берёзовского – города-спутника Екатеринбурга.

См. с. 210, прим. 82 наст. книги. На самом деле Петр I на Урале не бывал и, по мнению современных историков, мог познакомиться с Н. Д. Антуфьевым (Никитой Демидовым) в конце XVII в. во время посещения Тулы.

Это предание неоднократно фиксировалось на Урале фольклористами. Существуют и другие версии возвышения Н. Демидова.

Имеется в виду гора Высокая (Магнитная) в центральной части Нижнего Тагила. Достигала 380 м в высоту. Вследствие активной добычи руды в настоящее время большая часть ее превращена в карьер.

750

1 англ. хандредвейт = 50,8 кг.

Пашот – блюдо из разбитых яиц, помещенных в горячую воду без скорлупы. При этом получается мягкий кремообразный желток, окутанный лепестками белка. Яйца должны быть самыми свежими, а вода не должна кипеть.

752

Имеется в виду Базарная площадь (ныне территория Пионерского и Комсомольского скверов).

753

Имеется в виду станция Гороблагодатская на территории г. Кушва Свердловской области России.

Ныне поселок городского типа Баранчинский в Кушвинском городском округе Свердловской области России.

755

Имеется в виду Синяя гора, которая находится возле пос. Баранчинский, ее высота – 552 м над уровнем моря.

Ныне Баранчинский электромеханический завод «Вольта».

На самом деле первые заводские строения этого завода были заложены 28 мая (а не в августе) 1747 г.

Ныне в черте г. Кушва. До начала XX в. – крупнейшее в мире месторождение магнитного железняка.

759

Имеется в виду часовня во имя Преображения Господня. Снесена в 1920-е гг.

Народ манси.

Степан Чумпин – первооткрыватель залежей магнитного железняка на горе Благодать, по национальности манси. Предание о его сожжении не подтверждено историческими источниками.

Месторождение разрабатывалось с 1730-х гг. в до 2003 г.

763

Имеется в виду станция Гороблагодатская.

Чернышёв Феодосий Николаевич (1856–1914) – русский геолог, академик.

Российские и иностранные участники экскурсии исполняли русские народные песни.

На самом деле на 276-м километре Свердловской железной дороги между станциями Хребет Уральский и Европейская были установлены два одинаковых обелиска по обе стороны железнодорожного полотна.

Ныне г. Чусовой, административный центр Чусовского р-на Пермского края.

В настоящее время – Чусовской металлургический завод.

Имеется в виду р. Чусовая.

770

Пермский период начался $298,9 \pm 0,15$ млн лет назад и завершился $251,902 \pm 0,024$ млн лет назад.

Имеется в виду Пермский научный музей (ныне Пермский краеведческий музей), который в январе 1897 г., т. е. за несколько месяцев до приезда Ридли, получил в свое распоряжение здание по ул. Петропавловская, 38 (в настоящее время здесь расположен краевой клинический кожно-венерологический диспансер).

Этот колесный пароход был построен в 1896 г., принадлежал пароходной компании «И. Любимов и К°», имел грузоподъемность 30 тыс. пудов и скорость около пяти узлов. В 1897 г. совершал рейсы между Пермью и Нижним Новгородом. Затоплен в 1919 г. в ходе Гражданской войны.

773

137 м.

Пиратство на Волге и Каме существовало до середины XIX в. и исчезло после появления пароходов.

775

Ныне город, административный центр одноименного р-на Респ. Татарстан.

В 1897 г. почти для 5 тыс. жителей города родным языком был татарский (в то время в анкетах переписей населения не было вопроса о национальности), общая численность горожан составляла около 21 тыс. чел.

777

Ныне поселок городского типа Камское Устье, административный центр одноименного р-на Респ. Татарстан.

Имеется в виду Устьянская (Усть-Казанская) волжская пристань. В 1957 г. затоплена Куйбышевским водохранилищем.

Городским головой Казани в 1889–1899 гг. являлся Дьяченко Сергей Викторович (1856–1907).

С. В. Дьяченко владел французским, немецким и английским языками.

Имеется в виду Никитин Сергей Николаевич (1851–1909) – русский геолог, академик.

Ридли и его спутники ехали по Волжской линии казанской конки, проложенной от Устьинской пристани до Толчка (рынок около Гостиного двора, ныне – начало ул. Чернышевского).

Имеется в виду Адмиралтейская (ныне Кировская) дамба протяженностью ок. 1,3 км, которая проходит с северо-запад на юго-восток и соединяет Кировский и Вахитовский р-ны города.

Имеется в виду Новая Татарская (Ново-Татарская) слобода, ныне в юго-западной части современной территории Вахитовского р-на Казани.

785

Современный адрес: ул. Пригородная, 1.

Вероятно, имеется в виду Низенькая мечеть, находившаяся на месте построенной в 1906 г. и существующей поныне Розовой мечети (современный адрес: ул. М. Гафури, 67).

Имеется в виду минбар – кафедра.

Имеются в виду ичиги – национальная татарская обувь.

Имеется в виду башня Сююмбике – сторожевая башня Казанского кремля.

Имеется в виду собор Казанского Богородицкого монастыря, разрушенный в советское время.

В Казани эта икона явилась в 1579 г., но Иван Грозный ее не увозил. В 1721 г. из Москвы в Казанский кафедральный собор был перенесен один из ее списков. Сам же подлинник был похищен в 1904 г. в Казани и бесследно исчез. Икона, которая, по словам Ридли, находится в соборе Казанской иконы Божией Матери в Санкт-Петербурге, – это копия иконы, хранившейся до 1904 г. в Казанском кафедральном соборе.

Имеется в виду Казанский городской научно-промышленный музей (ныне Национальный музей Респ. Татарстан), который располагался по нынешнему адресу: Кремлевская ул., 2.

Имеется в виду экспонировавшееся в Казанском городском научно-промышленном музее собрание известного казанского коллекционера А. Ф. Лихачева.

794

Ныне здание Казанской ратуши (современный адрес: ул. Карла Маркса, 33/62).

Вероятно, имеется в виду председатель Казанского городского съезда мировых судей, почетный мировой судья, а впоследствии казанский градоначальник Рудольф (Рудольф-Лоренц) Федорович (Фридрихович) Николаи (1842-после 1922).

Имеется в виду Театральная площадь (ныне площадь Свободы).

Речь идет об официальном визите в Россию президента Франции Феликса-Франсуа Фора (1841–1899), состоявшемся 11(23)-14(26) августа 1897 г.

Во время пребывания геологов в Казани среди ее жителей прошел слух, будто прибыл «французский король со свитой». Зеваки побежали навстречу, чтобы выразить французам горячие симпатии. Завидев иностранцев, толпа пришла в восторг, раздались крики: «Да здравствует Франция», «Ура французскому королю!», «Vive la France!» Газеты писали: «Почтенные ученые были введены в заблуждение этими криками, принимая их всецело на свой счет, и в глубине души, вероятно, немало удивились, что русский народ проникнут таким уважением к науке и ее представителям. Едва ли господа геологи удостоятся еще где-нибудь таких своеобразных приветствий, о которых, наверное, будут долго помнить». См.: Геологический праздник 1897 [Электронный ресурс] // The Batrachospermum Magazine. 17.02.2020. – Режим доступа: [http:// batrachospermum.ru/2°2o/o2/geology-fest-1897/](http://batrachospermum.ru/2°2o/o2/geology-fest-1897/) (дата обращения: 25.06.2020).

Казанский университет (ныне Казанский (Приволжский) федеральный университет) был основан в 1804 г. (открыт в 1805 г.).

800

+27,8 %!

Находилась на правом берегу Волги в современном Сормовском районе Нижнего Новгорода.

Имеется в виду Георгиевская гора. Ридли поднимался к Кремлю по Георгиевскому съезду.

Имеется в виду построенный в 1817 г. и опиравшийся на плоскодонные суда (плашкоуты) ярмарочный плашкоутный мост через р. Ока и Гребневский канал. Он разводился примерно в 2 часа ночи для пропуска судов и сводился между 5 и 6 часами утра, длина его составляла 383 сажени, ширина 7–8 саженей. За проход и проезд была установлена плата: по две копейки с пешехода, 25 коп. – с порожней одноконной повозки, по одной копейке – с пуда груза. В 1933 г. на его месте был возведен постоянный Канавинский мост.

Нижняя станция фуникулера располагалась в здании электрической подстанции на нынешней Благовещенской площади у начала плашкоутного моста через Оку.

Имеется в виду Похвалинский фуникулер, который был построен к открытию XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. и закрыт в 1927 г. Его маршрут проходил по нынешней ул. Рождественской от съезда с плашкоутного моста до Скобы (квартал на пересечении ул. Рождественской и Зеленского съезда) и вдоль нынешнего Похвалинского съезда к Смирновскому саду (сегодня на этом месте находится отель «Азимут», адрес: ул. Заломова, 2). Длина трассы фуникулера составляла 160,6 м, время поездки – 2 мин.

806

Старинные здания в районе нынешней ул. Заломова не сохранились.

Вероятно, речь идет о Верхне-Базарной трамвайной линии протяженностью 3,7 км. Она была открыта в 1896 г. фирмой «Р. К. фон Гартман и К°» и шла из Кремля по Большой и Малой Покровским улицам, по Похвалинскому съезду к Смирновскому саду.

808

+31,7°C.

809

Имеется в виду нынешний Лиговский корпус «Большой Северной» (ныне «Октябрьской») гостиницы (современный адрес: Лиговский проспект, 41/83).

Более известен как Шустер-клуб – собрание этнических немцев в Санкт-Петербурге, существовал в 1772–1914 гг.

811

Собор может вмещать до 12 тыс. человек.

Витраж (его площадь составляет 28,5 кв. м, высота 9,5 м) главного алтаря собора изображает Воскресшего Спасителя.

Авторы того времени отмечали недостаточную освещенность здания, по причине которой было невозможно рассмотреть живопись верхних ярусов.

В соответствии с 69 – м правилом Трулльского собора (691–692 гг.) в алтарь могут входить только священнослужители, но не мужчины и женщины. В соответствии с 44 – м правилом Лаодикийского собора (IV в.) «не подобает женщине в алтарь входить», поскольку у нее независимо от ее воли бывает «течение месячных кровей», а в христианском храме кровь проливать нельзя.

Общая стоимость сооружения здания, начиная с 1818 до 1864 г., когда здание собора было передано в ведение Министерства путей сообщения и публичных зданий, составила 23,26 млн руб. серебром.

Строительство собора было в основном завершено в 1858 г.

Ныне это Зоологический музей Зоологического института Российской академии наук (Университетская набережная, 1).

Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, поэт, переводчик и драматург, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

Елизавета Маврикиевна (1865–1927) – немецкая принцесса, русская великая княгиня.

«Аквариум» — увеселительный театр-сад, существовавший в Санкт-Петербурге в 1886–1923 гг. на месте нынешних домов №№ 10–12 Каменноостровского проспекта. На садовой эстраде, имевшей вид раковины, каждый вечер играл симфонический оркестр. На территории сада был построен большой стеклянный зал с местами для любителей музыки, а по бокам и сзади него стояли ресторанные столики.

Устроитель этого сада Г. А. Александров первоначально хотел построить в нем большой аквариум (отсюда и происходит его название), намереваясь организовать здесь чтение лекций о жизни рыб и водных растений с их демонстрацией, однако этот замысел не был осуществлен.

На самом деле Монетный двор (ныне Санкт-Петербургский монетный двор Гознака, современный адрес: Петропавловская крепость, 6, литер А) был основан в 1724 г.

Имеется в виду денежная реформа второй половины 1890-х гг., в ходе которой во внутреннее денежное обращение России были введены золотые монеты достоинством 5, 7.5, 10 и 15 руб. Однако бумажные кредитные билеты не были отменены и имели свободное хождение наравне с золотыми монетами.

824

Имеется в виду Петропавловская крепость.

Имеется в виду реформы, осуществленные в России при Александре II.

В соборе на протяжении двух веков хранились трофейные знамена и ключи от захваченных русскими войсками городов и крепостей. В начале XX в. они были переданы в Эрмитаж. В наши дни в храме представлены копии шведских и турецких знамен.

827

Современный адрес: ул. Миллионная, 5/1.

Большой Петергофский дворец строился в 1714–1755 гг.

По нынешнему адресу: Невский проспект, 33 и Думская улица, 1–3.

На самом деле станки из придворной токарной мастерской Петра Великого (три боковых токарно-копировальных, два медальерных и один для нарезания зубчатых колес), которые экспонируются в Зимнем дворце Петра I (Дворцовая набережная, 32), были созданы в 1712–1729 гг. Ф. Зингером, А.К. Нартовым и другими мастерами.

Уатт Джеймс (1736–1819) – шотландский инженер, изобретатель-механик. В конце жизни изобрел машину для копирования скульптурных произведений, которую назвал эйдографом. Этот механизм позволял с высокой точностью копировать барельефы, медальоны, статуи, бюсты, сосуды и прочие вещи самой сложной формы.

Ныне Горный музей Санкт-Петербургского горного университета
(Набережная лейтенанта Шмидта, 4).

Тройский фунт – английская весовая единица, употребляемая при взвешивании драгоценных металлов и монет, равняется 373,241705 г. Речь идет о самородке «Большой треугольник», в настоящее время хранящемся в Государственном Алмазном фонде.

Балларат – город на юге Австралии.

В 1872 г. на одном из рудников Балларата (австралийский штат Виктория) немецкий старатель Бернард Холтерман нашел плиту, в составе которой оказалось 83,2 кг золота, которое затем было переплавлено и пущено на изготовление ювелирных украшений.

836

Редкий минерал красного цвета.

В настоящее время г. Павловск – внутригородское муниципальное образование в составе Пушкинского р-на Санкт-Петербурга.

Имеется в виду Тронный зал Павловского дворца, в котором проходили наиболее торжественные императорские приемы. Его стены украшает орнаментальная и рельефная лепка.

839

Имеются в виду парковые павильоны.

Деревянный дворец, располагавшийся в Павловском парке за Парадным полем, на берегу одного из Розовопавильонных прудов. Был полностью уничтожен в годы Великой Отечественной войны.

Павловский «Музыкальный вокзал» (находился чуть западнее нынешнего Вокзального пруда в Павловском парке) включал в себя железнодорожную станцию и концертный зал с рестораном, рядом находился летний Павловский театр. Эти здания были полностью уничтожены в годы Великой Отечественной войны.

Имеется в виду найденный в 1799 г. в дельте Лены так называемый «Ленский мамонт» («Мамонт Адамса») – скелет шерстистого мамонта, ныне находящийся в экспозиции Зоологического музея Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге. Находка представляла собой скелет с остатками кожи и мяса. Это был первый полный скелет мамонта, оказавшийся в руках ученых.

Абсолютный возраст «Ленского мамонта» по данным радиоуглеродного анализа составляет примерно 36 тыс. лет.

844

Город на юге Швеции.

Имеется в виду замок Кронборг, который является главной достопримечательностью Хельсингёра – города на северо-восточном побережье датского о. Зеландия, места действия трагедии У. Шекспира «Трагическая история о Гамлете, принце датском».

Карпинский Александр Петрович (1847–1936) – русский геолог, академик.